

О. А. Корнилов

**Языковые
картины мира
как производные
национальных
менталитетов**

Издание 2-е, исправленное и дополненное

МОСКВА
ЧеР
О
2003

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук,
профессор Караулов Ю. Н.,
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук,
профессор Лейчик В. М.,
доктор филологических наук, профессор Прохорова В. Н.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета факультета иностранных языков
МГУ им. М. В. Ломоносова
При участии книжной галереи «Нина» (Б. Якиманка, д. 6)

Корнилов О. А.

Языковые картины мира как производные национальных
мен-талитетов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003, 349 с.

ISBN 5-88711-181-X

В монографии предпринята попытка перевести понятие «языковая картина мира» из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку. Предлагаются способы сопоставления национальных «точек зрения на мир» с инвариантом научного знания; подробно описывается характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания; предлагаются пути лексикографического оформления лексики национального языка, понимаемой как «языковая картина мира».

В качестве иллюстративного материала использованы: русская энтомологическая терминология, лексика и фразеология русского, испанского, китайского и других языков. Междисциплинарный подход к описанию объекта исследования предопределил использование данных многих областей знания: от лингвистики и этнографии до нейрофизиологии.

Монография рассчитана на филологов, культурологов, этнопсихологов, преподавателей языка и всех, кто интересуется проблемой отражения в языке национальной ментальности^{TM}.

При оформлении обложки использован фрагмент картины художника Шэнь-Чжоу (династия Мин) «Поэт на горе».

ISBN 5-88711-181-X

©Корнилов О. А., 2003
© «ЧеРо», 2003

Язык есть исповедь народа: В
нем слышится его природа, Его
душа и быт родной.

Петр Вяземский

En este mundo traidor nada es la verdad y nada es la mentira. Todo depende del segundo lado del cristal por donde se mira.

(В этом предательском мире ничто не является ни правдой, ни ложью, все зависит от грани стекла, через которое мы на это смотрим).

Gustavo Zubieta

Глава 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА И НАУЧНЫЕ КАРТИНЫ МИРА

§ 1. О соотношении понятий «научная картина мира», «национальная научная картина мира» и «языковая картина мира» национального языка

Понятие «Картина мира» используется весьма активно представителями самых разных наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики. Конкретизируясь дополнительными определениями — «научная», «общенаучная», «частнонаучная», «естественнонаучная», «историческая», «физическая», «биологическая»..., «языковая», понятие «картина мира» входит в обиход еще большего числа областей научного знания. Тем не менее, прочно войдя в разряд «рабочих» понятий многих наук, оно, до известной степени, по-прежнему остается метафорой, не всегда получает достаточно четкое и однозначное толкование даже в среде специалистов одного профиля. В настоящей работе мы хотим предпринять попытку детализировать понятие «картина мира» применительно к лингвистике. В дальнейшем это выражение мы будем использовать без кавычек (лишая его тем самым образности, метафоричности, переводя в категорию научных определений) или заменять аббревиатурой ЯКМ.

Любое толкование понятия ЯКМ, на наш взгляд, не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалья, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач. Это — своего рода орудие. Но цели у исследователей могут быть различными, поэтому они вправе и выбирать наиболее подходящие для их достижения средства, среди которых могут быть и всевозможные создаваемые ими абстрактные категории, критерии, способы систематизации анализируемого материала и т. д. По этой причине мы допускаем, что разные исследователи, исходя из своих научных интересов и целей, могут наполнять понятие ЯКМ различным содержанием, подразумевать под ним нечто отличное от других толкований, тем не менее каждый исследователь должен эксплицировать смысл, вкладываемый им в столь образное и часто используемое определение.

Применительно к лингвистике КМ (картина мира) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию ФИКСАЦИИ И ХРАНЕНИЯ ВСЕГО КОМПЛЕКСА ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДАННОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА О МИРЕ. Такое универсальное, глобальное знание — результат работы коллективного сознания — зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. РЕЗУЛЬТАТ ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА КАЖДЫМ ИЗ ВИДОВ СОЗНАНИЯ ФИКСИРУЕТСЯ В МАТРИЦАХ ЯЗЫКА, ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ДАННЫЙ ВИД СОЗНАНИЯ. Таким образом, следует говорить о МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека.

В этой главе мы подробно остановимся на статусе различных типов картин мира, представим существующие точки зрения на эту проблему, постараемся аргументировать и проиллюстрировать примерами из разных языков наше собственное видение ответов на весь круг вопросов, связанных с данной проблематикой.

В лингвистической литературе статус понятия «научная картина мира» (в дальнейшем — НКМ), как правило, не дискутируется. Рас-

суждения о том, что следует понимать под термином «картина мира», относятся целиком к ЯКМ национального языка. Относительно статуса НКМ спорить вроде бы не о чем. Это — очевидная, объективная константа в традиционной бинарной оппозиции: НКМ — ЯКМ (отраженные соответственно в языке науки и в литературном национальном языке), где лингвисты целиком поглощены именно второй составляющей. Язык же науки обычно анализируется не в плане выяснения его концептуального статуса, а в плане прикладного описания отдельных терминологий. Это вполне понятно и объяснимо. Однако для полноты представления о статусе анализируемого нами понятия представляется не лишним обратиться к тому, как НКМ интерпретируют в смежных науках. Наибольшее внимание статусу НКМ уделяют в философии. Поскольку в дальнейшем термин НКМ будет нами использоваться в качестве наименования одного из основных понятий, которыми мы будем оперировать, то, по нашему глубокому убеждению, обойти молчанием существующие точки зрения нельзя, даже если они высказываются специалистами, не имеющими прямого отношения к лингвистике.

Интерес к пониманию статуса научного знания, к оформлению этого знания в некую всеобъемлющую структуру проявляли многие выдающиеся ученые: А. Эйнштейн, В. И. Вернадский, М. Планк и др. В их высказываниях объем понятия НКМ, да и просто «картина мира», очерчивается еще очень неточно, приблизительно. Например, А. Эйнштейн отмечал, что человеку свойственно стремление «каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность...» (Эйнштейн, 1967, с. 136).

В этом определении нет даже попытки отделить научную картину мира от представления мира ненаучным сознанием. Сказано лишь, что человек пытается ЗАМЕНИТЬ РЕАЛЬНЫЙ МИР КАРТИНОЙ, созданной в себе (т. е. в своем сознании) и тем или иным образом оформленной, материализованной в научной теории, классификации, в произведении искусства. Подобные толкования находятся на одном из полюсов широчайшего спектра интерпретаций НКМ, а именно: КМ (более общее по отношению к НКМ понятие) трактуется предельно недифференцированно, отмечаются лишь самые общие черты этого понятия. Из определений такого рода следует лишь то, что КМ — это

порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира.

У М. Планка мы находим уже большую конкретность в определении КМ и НКМ. Формирование КМ, по его мнению, проходит два этапа: первый этап — чувственное, субъективное, многообразное восприятие мира; второй этап — замена «пестрого субъективного многообразия» объективным законом, порядком, универсальным знанием о мире. Он пишет: «Чувственные ощущения, которые вызываются предметами у разных людей, могут не совпадать, картина мира, мира вещей, для всех людей одинакова, и можно сказать, что переход от чувственного мира к созданию его научной картины наступает тогда, когда вместо пестрого субъективного разнообразия выступает устойчивый объективный порядок, вместо случая — закон..!» (Планк, 1958, с. 106) «Будущий образ мира окажется более бледным, сухим и лишенным непосредственной наглядности по сравнению с пестрым красочным великолепием первоначальной картины...» (Планк, 1966, с. 44).

Из этих высказываний следует, что для Планка первоначальная КМ (донаучная) — это непосредственное, чувственное, не для всех народов одинаковое восприятие действительности, а НКМ — это мир точной науки. При таком понимании данных понятий за пределами КМ и НКМ остается все, что связано с человеком и обществом, поскольку социальная сфера не является объектом точных наук. Включение в НКМ всего, что касается общества и человека, позволяет сделать ее универсальной. Именно поэтому, по представлениям философов, в НКМ должна реализовываться мысль В. И. Вернадского о соединении в процессе развития науки отдельных частных явлений в целое: и движение небесных тел, и возникновение и развитие мельчайших организмов, и эволюция человеческих сообществ, и исторические явления и т. д. — все это дает единую картину Вселенной. (См.: Вернадский, 1978, с. 14). М. Хайдеггер (Хайдеггер, 1985 г.) излагает следующее понимание отношения человека и КМ:

- человек изображает мир как картину;
- человек понимает мир как картину;
- мир превращается в картину;
- человек покоряет мир как картину.

Хайдеггер делает очень важный вывод: человек изображает, составляет для себя картину мира, и с этого момента начинается его деятельность как субъекта исторического процесса. Для него понятие КМ неразрывно связано с человеком как субъектом познания и изменения мира. Хайдеггер пишет: «Чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем объективнее становится

объект, тем субъективнее, т. е. выпуклее, выдвигает себя субъект, тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращается в науку о человеке, в антропологию» (Хайдеггер. Указ, соч., с. 227—228).

С тем, что наука о мире равна науке о человеке, согласиться трудно, но в рассуждениях Хайдеггера можно принять идею не только о «включенности» человека в понятие «мир», но и о его особой роли как субъекта познающего, описывающего и изменяющего этот самый мир.

Для Хайдеггера проблема формирования КМ теснейшим образом связана с мировоззрением, ведь если «мир становится картиной, позиция человека понимается как мировоззрение» (Хайдеггер, 1985, с. 228). По Хайдеггеру КМ — это изображение «сущего», а мировоззрение — это отношение человека к «сущему».

Хайдеггеровская трактовка интересна тем, что он не признает отдельных КМ для мира природы и истории, для него это одна картина. Мир природы и общества объединены в рамках единой КМ. Подход Хайдеггера не противоречит точке зрения М.Планка, а дополняет ее, объявляя КМ не сугубо естественнонаучным образованием, эволюционирующим вместе с развитием науки, а категорией, сильно зависящей от человека, познающего и изменяющего мир.

От максимально обобщенных, «нестрогих» определений НКМ, которые использовали известные ученые-естествоиспытатели и философы в прошлом, логично обратиться к другому полюсу толкований НКМ, отличающихся стремлением к максимально точным дефинициям. Максимальное внимание самому широкому кругу вопросов, связанных со статусом, типологией, функциями НКМ, уделяется в философии. По этой тематике существует обширная литература, проводятся специальные семинары и конференции. Мы остановимся лишь на некоторых точках зрения, которые наиболее репрезентативны.

«Современное состояние вопроса о статусе научной картины мира характеризуется достаточно большими сложностями. Выделяется несколько направлений в определении научной картины мира. Она представляется, во-первых, как раздел философского знания; во-вторых, как специфическая составная часть, компонента научного мировоззрения; в-третьих, как форма систематизации научного знания; в-четвертых, научная картина мира может рассматриваться как исследовательская программа» (Шмаков, 1990, с. 150).

Для целей настоящей работы наиболее подходящим представляется третье из перечисленных направлений: НКМ как форма систематизации научного знания, как совокупность всех конкретных наук (включая и гуманитарные науки).

В качестве первого, основного, статуса НКМ совокупность всех областей научного знания называет и А. С. Кравец, обобщая имеющиеся точки зрения по проблеме статуса НКМ. (См.: Кравец, 1983, с. 5). Далее он приводит следующие значения понятия НКМ:

— НКМ — «онтологическая часть философии»;

— НКМ — «интегративные элементы современной науки (общие теории, понятия, представления)»;

— НКМ — «совокупность стереотипов научного мышления, парадигмы, исследовательские программы, методологические регулятивы и т. п.»

Если синтезировать все имеющиеся понимания НКМ, то получится предельно широкая трактовка. При такой трактовке в НКМ включается не только вся система научного знания, но и собственно весь познавательный процесс в системе того или иного миропонимания, мировоззрения.

Нам больше импонирует не столь широкое понимание. Представляется возможным вообще говорить не об объеме этого понятия, а о его многозначности. В этом случае исследователь с полным правом может пользоваться термином НКМ в любом из его значений (естественно, предварительно эксплицировав это значение).

Некоторые исследователи понятие НКМ разделяют на два более частных понятия: «общенаучная картина мира» (ОНКМ) и «частнонаучная картина мира» (ЧНКМ). По этому поводу Л. В. Яценко пишет, что ОНКМ и ЧНКМ — это «различные, хотя и родственные кое в чем, структуры, выполняющие различные нормативные миссии. Первая структура — это компонент мировоззрения... Структуры второго типа — это системы главных принципов и фундаментальных понятий каждой отрасли знания или их разделов, занимающие промежуточное положение между КМ эпохи и специальной дисциплиной на определенном уровне ее развития» (Яценко, 1983, с. 38—39).

При такой дифференциации ОНКМ отводится роль выражения мировоззренческой позиции субъекта, она в меньшей степени связана с проблемой знания, а ЧНКМ — это именно то, что относится к системе знания. Понятия разграничиваются по их функциям. (Яценко использует несколько иную терминологию, предлагая называть «общенаучную картину мира» просто «картиной мира», т. е. КМ, а «частнонаучную картину мира» обозначает аббревиатурой ЧМ). Яценко предлагает отказаться от постулата о наличии единой НКМ, а рассматривать только видовые по отношению к ней образования — ОНКМ и ЧНКМ (по терминологии автора, КМ и ЧМ). Фактически предлагается закрепить за термином КМ функцию мировоззрения (т. е. одного из четы-

рех основных значений), а термин НКМ вообще ликвидировать, заменив его выражением ЧМ (частнонаучная картина мира).

НКМ — это способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе. Специалистами в этой области выдвинут тезис о наличии особого концептуального аппарата НКМ, который не сводится к логическому языку отдельных научных дисциплин и теорий.

П. С. Дышлевый и Л. В. Яценко отмечают, анализируя существующие подходы к НКМ, что преобладают две точки зрения на НКМ — «сциентистская» и «натурфилософская» (См.: Дышлевый, Яценко, 1983, с. 5—37). Первая из них предполагает, что НКМ вырабатывается частными науками и представляет собой научный слой знания о мире, вторая же предполагает наличие у НКМ особого характера целостности, тяготение к панорамному охвату реальности, что, естественно, приближает ее к мировоззрению.

Нам ближе именно «сциентистское» понимание термина НКМ. В дальнейшем Научной Картиной Мира (НКМ) мы будем именовать именно **ВСЮ СОВОКУПНОСТЬ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О МИРЕ, ВЫРАБОТАННУЮ ВСЕМИ ЧАСТНЫМИ НАУКАМИ НА ДАННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.**

Однако даже такое «сужение» понятия НКМ до формы систематизации научных знаний требует дальнейших уточнений: понимать ли под научным знанием лишь данные точных и естественных наук или же включать в это понятие еще знания об обществе и человеке как существе общественном, т. е. данные общественных наук? Если включать, то нужно ли каким-то образом эти знания обособлять от знаний естественнонаучных. Например, В. С. Степин предлагает различать общенаучную картину мира и естественнонаучную картину мира. Первая, по его мнению, возникает в результате синтеза достижений как естественных, так и социальных наук и включает в себе знания не только о природе, но и об обществе и человеке (как члене общества, а не элементе живой природы). Второе же понятие уже и «включает систему представлений о природе, которая возникает в результате синтеза знаний, полученных в различных естественных науках» (Степин, 1983, с. 81).

Конечно же, данные социологических наук более субъективны по сравнению с естественнонаучными знаниями, они более подвержены влиянию различных идеологий, мировоззрений. Но и в точных, и в естественных науках существуют различные точки зрения на многие

явления, существуют и параллельно развиваются разные научные школы, и это только стимулирует процесс познания и достижения истины. Поэтому известный субъективизм общественных наук, на наш взгляд, не должен служить основанием для обособления накопленных этими науками знаний.

В нашем понимании НКМ — это отражение коллективного знания о мире, который включает и природу, и общество, и человека как общественное существо.

Такое расширенное понимание НКМ, выходящее за рамки естествознания, соответствует понятию «общая научная картина мира» (ОНКМ). Это понятие имеет иной смысл, нежели упомянутая выше «общенаучная картина мира». ОНКМ выстраивается на основе идеи **единства эволюции Вселенной и человека** как существа биологического и социального. В отношении включения по отношению к ОНКМ находится естественнонаучная картина мира (ЕНКМ), состоящая, в свою очередь, из ряда частнонаучных картин мира (ЧНКМ), важнейшими из которых являются четыре: физическая (ФКМ), химическая (ХКМ), биологическая (БКМ), астрономическая (АКМ). Самой главной из четырех ЧНКМ является, безусловно, ФКМ, поскольку именно физика является фундаментом современного естествознания. «ФКМ является высшим уровнем систематизации знаний, она объединяет огромный эмпирический и теоретический материал физики вокруг стержневых идей. Будучи одним из наиболее широких и многоплановых понятий, она объединяет философские и физические знания в единую систему» (Дягилев, 1998, с. 11).

Фактически, используемый нами термин НКМ заменяет собой целую систему понятий:

НКМ =	ОНКМ			
	Общественные науки (знание о человеке и обществе)	ЕНКМ (знание о материальном мире, т. е. о Вселенной)		
		ФКМ	АКМ	ХКМ

НКМ постоянно эволюционирует. Первоначально возникнув в результате стремления людей создать в своем сознании и воображении определенную модель природы, она различна на каждом этапе развития человечества, изменяется по мере накопления новых знаний и изменения представления об окружающем мире, т. е. НКМ эволюционирует по мере познания мира. НКМ можно считать **парадигмой**

миропонимания. Смена парадигм означает коренное изменение представлений о мире, т. е. научную революцию. Современная НКМ всего лишь определенная ступень в познании человеком мира и его закономерностей. Постоянное развитие одних картин мира другими, более адекватными Универсуму, — это и есть эволюция НКМ. Наиболее наглядно эволюцию НКМ можно проследить на примере ФКМ, занимающей доминирующее положение в ЕНКМ.

Первый опыт построения картины мира в целом принадлежит Анаксимандру, ученику родоначальника греческой науки Фалеса из Милета (624—547 гг. до н. э.). Именно представители ионийской философской школы (философия и наука о природе в тот период не разделялись) Фалес, Анаксимандр, Анаксимен построили первую (пусть и примитивную) модель Вселенной. В дальнейшем их идеи развивали Гераклид, Пифагор и его ученики (Филолай и Аристарх Самосский). Во время второго периода развития древнегреческой науки, именуемого классическим, или афинским, в формирование КМ того периода внесли большой вклад Эмпедокл, Анаксагор, родоначальники идеи атомистического строения материи Левкипп, Демокрит, Эпикур. Задачу систематизации накопленных знаний о мире выполнил величайший мыслитель древности Аристотель (384—322 гг. до н. э.). Евклид, Архимед и Клавдий Птолемей, заимствовавший у древнегреческих астрономов и развивший идею геоцентрической системы мира, завершили формирование представления о мире, которое сейчас у сциентистов принято называть картиной мира древних (КМД).

Дальнейшая эволюция ФКМ может быть представлена так: КМ древних —» механистическая КМ —» электромагнитная КМ —» кванто-во-полевая КМ —> ... ??? Эволюция продолжается.

Научные знания о мире закреплены в языке науки, а точнее — в языках каждой из наук. Ядро же языка любой науки составляет используемая данной наукой терминология, т. е. совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука. С определенными допущениями можно утверждать, что **НКМ зафиксирована в терминологиях частных наук, изучающих мир или отдельные его составляющие под разными углами зрения.** Терминологии, в свою очередь, тоже структурируются путем разбиения на отдельные терминосистемы. Это — прерогатива лингвистов-терминологов. Они должны эксплицировать положение понятий данной области знаний в сравнении с другими равноправными понятиями и с понятиями более узкими и широкими, находящимися в различной степени подчиненности друг другу. План содержания отдельной науки должен быть отражен в плане выражения, а именно — в четкой

структурированности всей номенклатуры понятий, используемых в данной науке. Такая структурированность предполагает выделение отдельных терминосистем данной науки и ОТНЕСЕНИЕ их к определенной КАТЕГОРИИ ПОНЯТИЙ, которые представляют собой предельно широкие семантические группы, организующие всю специальную, терминологическую лексику.

Терминологи предлагают разные категории понятий, в соответствии с которыми могут строиться терминосистемы. Например, Д. С. Лотте выделял четыре категории понятий: предметы, процессы (явления), свойства, величины (Лотте, 1968, с. 17). Т.Л.Канделаки выделяет в профессиональной лексике девять категорий понятий: предметы, процессы, состояния, режимы, свойства, величины, единицы измерений, категория наук и отраслей, категория профессий и занятий (Канделаки, 1977, с. 9). В каждой науке набор таких базовых категорий понятий свой.

Существенные признаки (отличительные черты) НКМ, на наш взгляд, могут быть сформулированы в следующих положениях:

1. НКМ постоянно изменяется. Это обусловлено непрерывным развитием науки. Коллективное научное знание о мире постоянно увеличивается, какие-то постулаты пересматриваются, отвергаются, дополняются, корректируются, появляется новое знание. Эти постоянные-изменения ведут к появлению новых понятий и к корректировке уже имеющихся. Соответственно, появляются новые термины, традиционные термины наполняются новым содержанием.

НКМ находится в постоянной динамике, она все время стремится ко все большей адекватности отражения объективного мира. Прекращение изменения НКМ означало бы конец научного прогресса, достижение коллективным научным сознанием предела познаваемости мира.

2. НКМ всегда останется «меньше» объективного мира в том смысле, что никогда не сможет стать ему тождественной, поскольку это означало бы окончательное познание всего сущего, всего пространственно-временного континуума.

Оба эти положения вытекают из общефилософских аксиом о том, что, во-первых, пределов познания не существует, нет ничего непознаваемого, во-вторых, мир никогда не может быть познан до конца, познание бесконечно.

3. НКМ универсальна (едина) для всех языковых сообществ, так как научные знания объективны, они свободны от «языкового субъективизма», не зависят от специфики языка того или иного народа, его менталитета, традиций, нравственных приоритетов, национальной культуры в целом.

4. Имея единый для всех народов содержательный инвариант, **НКМ получает в каждом национальном языке национальную форму выражения** посредством формирования национальных терминологий на родном языке носителей данного языка. Национальное языковое оформление НКМ ни в коей мере не затрагивает содержательную сторону НКМ, а лишь адаптирует универсальное знание к нуждам конкретного языкового сообщества.

5. НКМ существует в «национальной языковой оболочке» только тех народов, которые имеют традицию разработки, получения научного знания, традицию оперирования этим знанием (формы хранения и передачи), т. е. там, **где есть соответствующая научная традиция.** Если такой традиции нет, то содержательный инвариант НКМ оформляется:

а) в языковую оболочку того языка, на котором осуществляются приоритетные разработки в той или иной области знания;

б) в языковую оболочку того национального языка, который является посредником при передаче научных знаний данному языковому коллективу, данному народу, не имеющему собственной научной школы в какой-либо области знания и испытывающему сильное культурное (и, соответственно, языковое) влияние другого народа.

6. Национально-языковое оформление НКМ может быть полным, фрагментарным и может отсутствовать вообще. Это зависит от нескольких факторов. Во-первых, **когда и на каком языке осуществлялось первичное накопление знаний в данной области, на каком языке изначально формулировались базовые понятия.** Например, прочно вошедший в научный обиход термин *лазер* позаимствован без изменения всеми национальными терминологиями. Этимология этого термина точно указывает на то, носителями какого языка велись разработки этого научного направления: LASER — это аббревиатура английского выражения light amplification by stimulated emission of radiation (усиление света при помощи вынужденного излучения). Если бы первопроходцы в данной области научного знания были бы носителями другого национального языка, то новое понятие было бы сформулировано именно на этом языке и в научный обиход вошла бы совершенно иная аббревиатура. Во-вторых, это зависит от того, насколько интенсивно данная область знания в последующем разрабатывалась учеными, представляющими тот или иной языковой социум, **сложилась ли на этом языке собственная научная школа, собственная научная традиция.** Полная НКМ, оформленная на национальном языке, существует только в том случае, если носители этого языка ведут научные исследования по всему спектру научного знания.

Почему мы сочли необходимым включить в сферу рассмотрения проблем, связанных с национальным восприятием мира, менталитетом и т. п., вопрос о НКМ. Причины две. **Первая причина:** на наш взгляд, есть необходимость акцентировать внимание на принципиальной нетождественности НКМ и ЯКМ национальных языков. **Вторая причина:** НКМ в языковой оболочке любого национального языка так же как и ЯКМ этого языка (в меньшей, разумеется, степени), дает пищу для размышления о национальном образе мышления, отражает менталитет нации.

Остановимся подробнее на каждой из названных причин. Отнюдь не все исследователи согласны с идеей множественности ЯКМ, множественности «точек зрения» на мир, да и самим определением «языковая картина мира». Примером другой точки зрения может служить монография Г.В.Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке» (Колшанский, 1990). Относясь с большим уважением к автору и аргументам, изложенным в книге, мы не можем согласиться с основной идеей, проходящей красной нитью через все главы монографии: «Язык ... не создает какой-либо картины мира» (Колшанский, 1990, с. 33). Автор утверждает: «Так называемая национальная специфика языковой картины мира может интерпретироваться как специфика субстанции материального знака..., но не как специфика той концептуальной картины мира, которая создается не отдельным человеком и не отдельным народом — носителем того или иного языка, а человечеством как родом» (там же, с. 76). И далее: «Единый мир должен... означать и единое его «воспроизведение», — национальная же картина мира разрушает, по существу, этот единый мир, так как каждый народ может видеть этот мир только через призму своего языка (разные миры). Но этот феномен не зарегистрирован в истории человечества, доказательством чему является логическое взаимопонимание народов и единая человеческая практика освоения единого мира (там же, с. 76).

По поводу первой цитаты хочется возразить следующее: все «разоблачения» ЯКМ строятся на том, что она не может отражать общую для всего человеческого рода концептуальную картину мира, в связи с чем возникает вопрос: разве ЯКМ должна это делать? По нашему мнению, методологическая неточность подобного подхода к проблеме заключена уже в названии книги «Объективная картина мира в познании и языке». Во-первых, следовало бы дифференцировать познание научное и познание первичное, языковое, донаучное. Эти два процесса различаются как по характеру субъекта деятельности (в первом случае это коллективный разум всех поколений людей, занима-

ющихся профессионально познавательной, т. е. научной деятельностью, а во втором — это коллективное сознание отдельного этноса — носителя языка), так и по времени осуществления (научное познание непрерывно, его скорость все увеличивается, новое знание заменяет старое, процесс динамичен; языковое познание мира произошло давно, на этапе становления этноса и его языка, это слепок с сознания представителей этноса в эпоху его становления).

В силу вышесказанного, мы считаем, что в языке нет и не может быть (и не должно быть) объективной картины мира в том понимании, которое в это определение вкладывает автор монографии. Роль объективной картины мира выполняет **НКМ**, которая действительно объективна, но она не имеет отношения к какому-либо языку. НКМ — плод познавательной деятельности человечества, отражающей СЕГОДНЯШНЕЕ знание общества о мире. ЯКМ — напротив, всегда субъективна, а во-вторых, — фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира. Из поколения в поколение дети, принадлежащие разным языковым сообществам, сначала познают мир специфическим языковым сознанием своего этноса (т. е. наивно, ненаучно, с «точки зрения» своего языка), а лишь затем в процессе жизни в той или иной мере познают фрагменты научного знания о мире, именно фрагменты, ибо целиком НКМ в своем сознании не может хранить ни один человек. НКМ — это глобальная информационная кладовая научных знаний, а вовсе не эталон, к которому должны стремиться ЯКМ всех языков. Язык, его лексика, конечно же, постоянно изменяются, но это изменение несколько иного рода: это естественная реакция на изменяющийся мир, на появление огромного числа новых реалий, но никак не попытка соответствовать объективному, научному знанию, т. е. **изменения, происходящие в ЯКМ, — это не стремление к идентичности с НКМ, а отражение изменяющегося мира, появления новых реалий.** В противном случае, каждый раз, когда какое-либо научное открытие в корне изменяло существующее научное представление о мире или его каких-то частях, должно было бы в корне меняться и отражение этого вновь понятого мира в обиходном языке, т. е. кардинальное изменение НКМ влекло бы аналогичное изменение ЯКМ. На самом же деле ЯКМ много инертнее НКМ. Например, во всех языках одним из старейших слов является обозначение СОЛНЦА. На уровне бытового сознания, на уровне прототипической семантики значение этого слова, очевидно, мало изменяется с течением времени и применительно к разным языкам. Для обычных людей

СОЛНЦЕ — это то, что утром появляется на небе, дает свет и тепло, а вечером постепенно исчезает. Научное же сознание постоянно стремилось объяснить, что это такое. Жители Афин полагали, что Солнце — это бог Гелиос, проезжающий в огненной колеснице по небосводу. Философ Анаксагор предположил, что это раскаленный железный диск диаметром в 50 километров, за что и был изгнан из города, так как, по мнению афинян, тем самым он оскорбил богов. Не так давно, еще в прошлом веке, высказывалось предположение о том, что Солнце представляет собой гигантский шар из пылающего каменного угля. И только вчера (по меркам истории) ученые пришли к выводу, что наше светило состоит из газа, а источником тепла и света является слияние атомов водорода. Но даже сейчас, по словам крупнейшего специалиста в этой области — астронома из германского института имени Макса Планка Клауса Вильгельма, «мы многое упрощаем и не совсем правильно представляем себе происходящее на солнце» (Наука и жизнь № 3, 1997, с. 11). Сильно ли повлияет на судьбу слова СОЛНЦЕ в разных национальных языках какое-нибудь существенное с точки зрения науки открытие? Например, если ученые установят, что на Солнце помимо реакции термоядерного синтеза происходят и реакции другого типа? Думается, что языковое сознание такое новое и научно значимое открытие просто проигнорирует, поскольку оно для ЭТОГО ТИПА СОЗНАНИЯ не существенно.

Другой пример. В настоящее время в физике существует гипотеза, что элементарная частица нейтрино обладает некоторой массой, так вот «это предположение **разрушает принятую стандартную модель строения** материи, которая исходит из отсутствия массы у нейтрино» (Наука и жизнь №3, 1997, с. 14). Подумать только, под угрозой переосмысления самое фундаментальное знание — знание о строении материи. Один из исследователей по этому поводу говорит: «Мы очень опасаемся, что **существующая ныне КАРТИНА МИРА будет разрушена...**» (там же). Безусловно, подобное разрушение, т. е. коренное переосмысление, грозит картине мира, но ТОЛЬКО НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА. Переоценка нейтрино потянет за собой переоценку очень многих явлений: был бы сделан шаг к давно разыскиваемой формуле «универсального взаимодействия», была бы наконец обнаружена так называемая «темная материя», которая своим притяжением содержит в определенном порядке весь космос. Фактически, подтверждение этой гипотезы повлечет за собой конец старой и построение новой НКМ. Как, например, это уже было в недавнем прошлом, когда к концу XIX-го века ученым стало казаться, что они достигли почти полного понимания Вселенной с помощью уравнений, которые теперь

I

известны как классические законы Ньютона и Максвелла. Однако наступивший XX-й век принес новое знание о существовании дискретных порций энергии, названных квантами, что свидетельствовало о том, что структура природы является не гладкой, а зернистой. Новая теория была сформулирована в первые годы XX-го века и получила название квантовой механики. По сути дела, квантовая теория создала совершенно новую картину реальности. Может ли научная общность сегодня утверждать, что существующая НКМ лишена противоречий и удовлетворительно объясняет законы, по которым существует пространственно-временной континуум? Отнюдь нет. А «виновата» в этом другая великая научная революция первой половины XX-го века — общая теория относительности Эйнштейна, из которой следовало, что пространство и время искривлены и под воздействием вещества и энергии могут искажаться. До сих пор **отсутствует единая теория фундаментальных законов во Вселенной**, которую можно было бы построить, объединив квантовую теорию с общей теорией относительности Эйнштейна. Применительно к теме наших рассуждений это означает фактическое признание отсутствия на данный момент НКМ, которую бы научное сообщество считало (пусть даже ошибочно) вполне объективно объясняющей устройство Вселенной. В семидесятые годы XX-го века было теоретически доказано, что в основе всего Мироздания лежат двенадцать частиц. До недавнего времени были обнаружены одиннадцать из них. Последнюю, двенадцатую частицу, названную тау-нейтрино, сотрудникам лаборатории имени Ферми удалось засечь только в 2000-ом году. Был открыт последний элемент так называемой Стандартной модели, объясняющей с помощью немногих уравнений все известные феномены физики элементарных частиц. Но почему статья в журнале, рассказывающая об этом открытии, имеет подзаголовок «Стала ли яснее схема строения материи, составляющей мироздание?» (См.: Наука и жизнь №11, 2000 г., с. 48)? Что рождает сомнение? Именно осознание того, что и эта теория не отвечает на многие вопросы. Возможно, физика подошла к той границе, за которой и эта модель не действует. «Физики убеждены, что когда-нибудь они наткнутся на границы нынешней теории и тогда окажутся перед новой, более глубокой правдой. Но все же не окончательной» (там же, с. 49—50). Рано или поздно единая общая теория фундаментальных законов во Вселенной будет создана. Известный американский физик Стивен Хокинг из Кембриджского университета в одной из лекций, посвященной научным прогнозам на следующее тысячелетие, весьма оптимистично оценивает перспективы создания такой теории, он уверен, что успеха удастся добиться

до конца XXI-го века, а с вероятностью 50 на 50 — в течение ближайших двадцати лет. Будет ли та, будущая, НКМ последней? Вряд ли.

А что же ЯКМ? Смеем предположить, что никаких разрушений ЯКМ не последует, она останется неизменной, вернее, продолжит свою обычную эволюцию. Изменения в ЯКМ происходят не под сиюминутным влиянием нового научного знания, а под воздействием многих факторов, среди которых, естественно, есть и научные знания. На изменение ЯКМ влияют не столько новые знания о мире, сколько **изменяющиеся условия** повседневной жизни, появление **новых реалий**, требующих своей вербализации и тем самым включения в ЯКМ.

Иногда новое знание не вносит корректив не только в ЯКМ, но даже в НКМ, что было бы естественно. Вот лишь один пример: «Несколько лет назад зоолог Чарлз Эллингтон из Кембриджского университета (Англия), изучающий шмелей, писал в одной из своих работ, что по законам аэродинамики шмели летать не должны. Но они летают! Крылья шмелей и других крупных насекомых создают подъемную силу гораздо большую, чем позволяет теория... При изучении полета крупных флоридских бабочек-бражников ... оказалось, что воздух, вместо того чтобы плавно обтекать крылья от передней их кромки к задней, как полагается по законам аэродинамики, вихрями закручивается от тела к концам крыльев» (Наука и жизнь № 4, 1997, с. 125). Открывшееся противоречие тем не менее, насколько нам известно, не повлекло за собой революции в аэродинамике, пересмотра ее законов.

В повседневной жизни люди сознательно пользуются наивными понятиями. Объективные научные знания как бы «лежат под спудом», они имеются в виду, но не разрушают наивного миропостроения, сложившегося в период «оязыковления» донаучно познаваемого мира. Если бы это было не так, то люди должны были бы начать говорить на языке науки, который пытается отражать мир действительно объективно. Не отражает, а именно ПЫТАЕТСЯ это делать, поскольку «...знание человеческое навсегда обречено оставаться только несовершенною выборкою из бесконечной сложности мира...» (Лосский, 1995, с. 159), а линия развития науки, согласно известной теории научных революций Т. Куна, периодически ломается, в результате чего возникает новая НКМ, во многом отличная от существовавшей до этого. Тем самым отрицается объективность всех прежних НКМ. Научные термины должны были бы вытеснить «наивные» слова-понятия. К счастью, никому не приходит в голову делать ЯКМ более научной и более объективной. ЯКМ меняется, но меняется несравненно медленнее, чем НКМ,

ядро же ЯКМ остается практически неизменным. Подобно тому, как для разных жизненных ситуаций люди используют различные типы одежды (выходной костюм, спортивная одежда, домашняя, для отдыха на природе, рабочая одежда и т. д.), для разных целей выбирается и соответствующее выражение, соответствующий тип мышления. Поэтому пользоваться в ситуациях повседневной жизни терминами и категориями, относящимися к НКМ, столь же нелепо и абсурдно, как и обратное явление — использование в сфере науки не научных, а языковых значений.

НКМ и ЯКМ существуют параллельно, влияя друг на друга, но сохраняя свое принципиальное отличие, — они суть **КОНСТРУКТЫ РАЗНЫХ ВИДОВ СОЗНАНИЯ РАЗНЫХ СОЦИУМОВ НА РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ, ИМЕЮЩИЕ РАЗЛИЧНЫЕ ФУНКЦИИ**.

НКМ создается, формируется и используется узким кругом людей — учеными; в нее по крупицам вносятся новые и новые элементы знания, она постоянно расширяется, совершенствуется, видоизменяется вместе с постижением научным сознанием миропорядка. ЯКМ, хотя и претерпевает определенные изменения, касающиеся ее периферийных областей, в целом же стабильна, и в этом ее суть и предназначение — сохранять и из поколения в поколение воспроизводить упрощенное, обиходное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционно сложившимися категориями.

Когда мы говорим о познавательной роли языка, то следует четко представлять, что имеется в виду познание не научное, а языковое, т. е. первичное, наивное. Овладевая языком, ребенок не познает мир концептуально, научно, а познает его на языковом уровне, т. е. на том уровне, на котором в донаучный период происходило формирование первичного, наивного представления о -мире. Освоив ЯКМ, ребенок получил целостное наивное представление о мире, которое присуще всем носителям именно этого языка. Осмысление же мира научным сознанием (т. е. построение НКМ) не зачеркивает, не опровергает и не отрицает ЯКМ, а существует автономно и для других целей.

«...Несмотря на ограниченный объем информации, составляющей семантику языка, она играет исключительно важную роль в овладении всем информационным богатством человечества... Все эти неточные и неглубокие «обывательские», как о них писал Л. В. Щерба, представления о «клеточках» действительности запечатлели первый и поэтому во многом жизненно важный опыт освоения человеком окружающей действительности. Эти исходные представления в целом не противоречат позже добытому знанию; напротив, они образуют

тот фундамент, на котором постепенно воздвигаются стены более полного, глубокого и точного знания о мире.

В своем основном объеме информация, составляющая семантику языка, известна всем говорящим на этом языке, без различия возраста, образования, социального положения. До школы, «только» в процессе овладения языком, в сознании ребенка формируются (не названные и до обучения не осознанные!) представления о времени и пространстве, о действии, о субъекте и объекте действия, о количестве, признаке, причине, цели, следствии реальности и нереальности и многих других закономерностях окружающего мира» (Мечковская, 1996, с. 16).

Научное знание в отличие от языковой семантики известно разным членам языкового коллектива в разной степени. Владение им в полной мере — удел лишь специалистов, причем имеет смысл говорить о владении лишь очень ограниченным спектром знаний, лишь о знании небольшого фрагмента НКМ, если мы имеем в виду не отвлеченное понятие «мировое научное сообщество», а конкретных людей или даже коллективы ученых.

Открытия в науке часто полностью меняют уже существующие концепции, НКМ постоянно в динамике, а «обиходное сознание меняется медленно, его устраивают... нестрогие, бытовые представления... Стабильность информации, заключенной в языке, связана с ее внутренним, опорным характером по отношению к знанию...» (Мечковская, 1996, с. 17).

Ценность ЯКМ в том, что она отражает спонтанное, по выражению академика Б. В. Раушенбаха, целостное восприятие мира человеком, а не только его логическое знание о нем, как это делает НКМ. В одном из интервью профессор Московского физико-технического института (!) Б. В. Раушенбах, представитель самой что ни на есть «научной части человечества», сказал следующее: «Внелогическое знание старше логического. Его невозможно постичь, основываясь на рациональной логике. Механизма его действия мы не знаем. Оно приобретает как бы помимо науки... Логическое знание занимается частностями, оно ограниченное, хотя и является мощным инструментом. А мир в целом воспринимает внелогическая часть человеческого духа. Поэтому следует развивать в себе тот и другой способ познания. Восприятие мира должно быть целостным» (Раушенбах, 1997, с.23).

Если НКМ отражает точное, логическое знание о мире, то ЯКМ отражает именно то самое целостное представление о мире, включающее и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и

знания, не поддающиеся логическому объяснению, и явные заблуждения.

Человечество давно узнало, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, но никто не перестал говорить: «Солнце встает, Солнце садится». Знание того, что Земля — шар, не привело к исчезновению выражения «на краю Земли». Никто не предлагает заменить сочетание «светила Луна» на более корректное, с точки зрения научного знания, выражение «солнечный свет отражался от поверхности Луны». Ни один из языков не исключил из своего словарного состава словосочетание «черный цвет после того, как физики установили, что это не цвет, а отсутствие какого-либо цвета».

По-прежнему во всех языках продолжают использовать слово сердце как символ средоточия наших чувств и переживаний, а не только как название органа, обеспечивающего кровоток в организме, хотя требование соответствия НКМ предполагало бы именно такое ограничение словоупотребления.

Примеры подобной «некорректности» можно приводить бесконечно. А о «концептуальной неграмотности» бесчисленных образных выражений, составляющих важнейшую часть любого языка, типа *любить всем сердцем, душа ушла в пятки, тронут до глубины души, в печенках сидит* и т. п., и говорить не приходится. Как говорится: «Богу — богово, а Кесарю — кесарево», НКМ и ЯКМ — принципиально отличные друг от друга построения. Общее у них лишь одно — объект отражения, т. е. реальный материальный мир. Но даже это утверждение требует уточнения: реальный материальный мир целиком покрывает весь план содержания НКМ, а в ЯКМ он составляет лишь часть плана содержания, поскольку языковое сознание порождает огромное количество мифических объектов и субъективных характеристик, не существующих в реальном мире. Подробно об этом будет сказано в главе, посвященной анализу структуры ЯКМ. Сейчас же для нас важно установить и в дальнейшем исходить из того, что НКМ и ЯКМ — отличные друг от друга конструкции и их взаимоотношения не предполагают стремления ЯКМ максимально соответствовать НКМ и развиваться по тем же законам. Данное утверждение мы принимаем за истинное и в дальнейшем изложении попытаемся на конкретном языковом материале выяснить следующее:

1. Нужно ли (а если нужно, то как?) использовать НКМ для изучения ЯКМ национальных языков?
2. Существует ли национальная специфика НКМ, оформленной на национальном языке?
3. Как (по каким направлениям) НКМ и ЯКМ влияют друг на друга?

§ 2. Установление корреляций между фрагментами научной картины мира и языковой картины мира как способ выявления национальной специфики общелитературного языка на фоне инварианта научного знания.

На первый из поставленных вопросов мы отвечаем положительно. Специфика ЯКМ любого языка раскрывается не только на фоне ЯКМ других языков, но и на фоне общего для всех ИНВАРИАНТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ. В первую очередь могут сопоставляться ПЛАНЫ СОДЕРЖАНИЯ ЯКМ и НКМ, а точнее — их фрагменты. Почему фрагменты? Потому что НКМ в целом столь огромна и разнородна, что практически невозможно представить, в каком виде, в виде чего она может быть репрезентирована. Для подобного анализа можно выбирать фрагмент НКМ — терминосистему и ее логическую организацию сопоставлять с логической организацией одноименного фрагмента ЯКМ. Чаще всего таким фрагментом ЯКМ является ЛСГ (лексико-семантическая группа). Возможно сравнение планов содержания одноименных ЛСГ разных языков и их последующее сопоставление с «общим знаменателем» — соответствующим фрагментом НКМ, т. е. определенной терминосистемой. При этом следует заметить, что тер-МИНОСИСТЕМА — ЭТО уже ИНФОРМАТИВНЫЙ ИНВАРИАНТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБОЛОЧКЕ, поэтому «общим знаменателем», строго говоря, является лишь план содержания, т. е. логическая организация терминосистемы и сумма значений всех членов термино-системы. Схематично такое сопоставление можно изобразить следующим образом:

Фрагмент НКМ	
Терминосистема языка № 1	Терминосистема языка № 2
/ч	/ч
Одноименная ЛСГ языка № 1	Одноименная ЛСГ языка № 2

Обобщения относительно характера взаимовлияния НКМ и ЯКМ, сделанные на основе сравнительного описания только одной терминосистемы и одной ЛСГ (или даже нескольких терминосистем и нескольких ЛСГ), могут быть, конечно же, подвергнуты сомнению на том основании, что это лишь части описываемых систем, а в других фрагментах этих систем возможны другие закономерности. Тем не

менее другого пути все равно нет, любые гипотезы и умозрительные заключения должны основываться на конкретном материале, на конкретных языковых описаниях. Результаты таких частных описаний могут обобщаться и с известными допущениями приниматься за истинные относительно всех участков соответствующих систем (НКМ и ЯКМ). В любом случае, оспорены и опровергнуты они могут быть лишь с помощью таких же частных описаний других конкретных терминосистем и ЛСГ.

Сопоставительные описания лексических групп разных национальных языков достаточно традиционный тип исследования, поскольку контрастивная лингвистика (компаративистика) хотя и считается одним из молодых направлений в современной лингвистике, но «само сопоставление языков, лежащее в основе контрастивных штудий, столь же древне, сколь и само изучение языка... Сравнение языков появилось сразу же после их «вавилонского смешения», когда, согласно легенде, на смену единому языку пришло языковое многообразие» (Гак 1989, с. 5). Что же касается сопоставления ономастологически однородных групп лексики, относящихся к разным функциональным стилям одного национального языка (к языку науки и литературному языку), то подобных исследований значительно меньше. Лингвисты, занимающиеся проблемами научной терминологии, редко выходят за рамки своей отрасли, концентрируясь, как правило, на прикладных проблемах упорядочения конкретных терминологий, их унификации. В свете этого контрастивные описания по линии ТЕРМИНОСИСТЕМА о ЛСГ весьма нетрадиционны и перспективны с точки зрения установления корреляций между НКМ и ЯКМ посредством анализа конкретных их одноименных фрагментов и последующих обобщений.

Настоятельная потребность соотносить так или иначе НКМ и ЯКМ осознается многими учеными, выступающими за развитие исследований в этом направлении. «Противоречие между расширяющимся миром трудовой и профессиональной деятельности и личной жизнью человека, так же как противоречие между все дробящимися и постоянно расширяющимися профессиональными языками и общенародным языком, все чаще воспринимается как угрожающее и неразрешимое» (Ментруп, 1983, с. 301). Однако явно недостаточно одной лишь констатации того факта, что «единая лексическая система языка в современных условиях фактически существует в виде двух связанных друг с другом систем: обыденной (языковой «картины мира») и научной (научной «картины мира.»» (Денисов, 1980, с. 121). Гиппер утверждает, что «чем больше профессиональные языки отдалены от общенародного, тем более настоятельной становится необходимость обратной связи профессиональных языков с горизонтом понимания естественных

языков, на базе которых они сформированы» (цит. по: Ментруп, 1983, с. 332). «Вайнрих (Weinrich) предложил план создания систематического междисциплинарного словаря, в котором на основе единой лексикографической концепции должны быть описаны как общенародный, так и профессиональные языки с учетом внутренней структуры каждого из них и взаимосвязей между ними» (там же, с. 332).

Наиболее категоричен в рассуждениях такого плана австрийский физик-теоретик и философ Эрвин Шредингер, подчеркивающий, что вне общекультурного контекста любая наука обречена на гибель и вне этого контекста теряет всякий смысл. Язык же человека (обыденный, а не научный) является как раз необходимым условием социальной наследуемости общечеловеческой культуры, одним из компонентов которой является и совокупность научных знаний о мире. В этом смысле отрыв (окончательный) языка науки от обыденного языка равносителен в конечном итоге разрыву с непрерывным контекстом общечеловеческой культуры. В частности, Шредингер пишет: «Та теоретическая наука, которая не признает, что ее построения, актуальнейшие и важнейшие, служат в итоге для включения в концепции, предназначенные для надежного усвоения организованной прослойкой общества и превращения в органическую часть общей картины мира; теоретическая наука, повторяю, представители которой внушают друг другу идеи на языке, в лучшем случае понятном лишь малой группе близких попутчиков,— такая наука непременно отторгнется от остальной человеческой культуры; в перспективе она обречена на бессилие и паралич, сколько бы ни продолжался и как бы упорно ни поддерживался этот стиль для избранных, в пределах этих изолированных групп, специалистов» (Шредингер, 1976, с. 261).

Признание связи между этими двумя системами предполагает установление и описание реальных корреляций, как в области плана содержания, так и в области плана выражения. Характер несовпадения с содержательным инвариантом терминосистемы и чисто языковое, формальное взаимодействие слов ЛСГ и слов-терминов будут отражать национальную специфику ЯКМ того или иного национального языка.

Наиболее интересны и показательны, с нашей точки зрения, старейшие, ядерные участки НКМ и ЯКМ, те области реального мира, которые в первую очередь становились объектами номинации со стороны языкового сознания и объектами научной систематизации со стороны научного сознания. Таковыми, безусловно, являются номинации материального мира и прежде всего — мира природы: климатические и погодные явления, виды рельефов, водоемы, растительный мир (названия цветов, деревьев), животный мир (названия птиц, 24

рыб, диких и домашних животных, насекомых). Со всем этим человек ежедневно сталкивался в повседневной жизни, и все это впоследствии в первую очередь стало осмысливаться постепенно формирующимся научным сознанием. Именно классификации и терминосистемы естественных наук являются старейшей частью НКМ, ее ядром, фундаментом и отправной точкой всего последующего научного знания о мире.

В качестве иллюстративного материала мы решили использовать одну из таксономии животного мира — названия насекомых (энтомо-семизмы). Этот лексический материал, насколько нам известно, не использовался широко для подобного рода исследований, а с другой стороны, автором накоплен обширный фактический материал именно в этой области специальной и общелитературной лексики, часть из которого вполне уместно использовать при анализе корреляций между НКМ и ЯКМ (см.: Корнилов, 1993).

О ценности лингвистического анализа терминосистем естественных наук, а именно номенклатур, замечательно сказал П. А. Флоренский: «Номенклатура, под каковою, по В. Уэвеллю, надо в классификационных науках разуметь «совокупность названий видов», дает нам прочеканенные и пройденные резцом слова повседневного языка; непосвященному в классификаторную систему той или иной области бытия такая совокупность названий представляется легким сочинительством несносного педантизма, тогда как на самом деле, каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего взглядывания, на познание тесно сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка. Такое название есть **сжатая в одно слово**, простое или сложное, формула изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине. Систематика... есть сгущенный опыт многосотлетней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное» (Флоренский, 1989, с. 128).

Для того, чтобы сравнить логическую организацию любого фрагмента НКМ и ЯКМ, требуется сделать две вещи: первое — ознакомиться с научной систематикой выбранной области знания и постараться изобразить ее компактно, по возможности графически, чтобы получить именно «картину» этого сегмента глобальной НКМ; второе — самостоятельно «построить» наивную, языковую систематику этого же сегмента, но уже в рамках ЯКМ. Вторая задача более трудоемка, поскольку не существует готовых языковых систематик. **Логическая организация ЛСГ выстраивается только путем анализа толкований всех ее членов, фиксируемых толковыми словарями, а также**

путем определения места этой ЛСГ в синопсисе идеографической классификации словаря национального языка.

Анализ выбранных нами для иллюстрации терминосистемы и ЛСГ русских энтомосемизмов подтвердил общеизвестный факт, что логическая организация НКМ намного сложнее логической организации ЯКМ, причем их отличие имеет не просто количественный характер (как бы «в принципе, то же самое, только подробнее»), а качественный. Воспроизводимое в ЯКМ построение участков вербализуемого мира не просто упрощает этот мир, а искажает, давая ту систематику, которая сформировалась вместе с возникновением самих названий в донаучный исторический период.

Проиллюстрируем сказанное, воспроизведя в самых общих чертах энтомологическую систематику, а затем посмотрим, как она будет соотноситься с аналогичной систематикой, выстроенной нами на основании данных идеографического словаря и толкования значений ненаучных наименований в 4-х томном академическом Словаре русского языка (1981—1984гг. Под ред. А. П. Евгеньевой).

Наука энтомология оперирует следующими систематическими категориями:

ЦАРСТВО — *Regnum* (например, *животное* — *Zoa, Animalia*)
 ПОДЦАРСТВО — *Subregnum* (например, *многоклеточные* — *Metazoa*)
 ТИП — *Phylum* (например, *членистоногие* — *Arthropoda*) КЛАСС — *Classis* (например, *насекомое* — *Insecta*) ПОДКЛАСС — *Subclassis* (например, *крылатые насекомые* — *Pterygota*) ОТДЕЛ — (например, *новокрылые* — *Neoptera*) ПОДОТДЕЛ — (например, *Poeyneoptera*) ОТРЯД — *Ordo* (например, *двукрылые* — *Diptera*) ПОДОТРЯД — *Subordo* (например, *короткоусые двукрылые* — *Brachycera*) СЕМЕЙСТВО — *Familia* (например, *журчалки* — *Sirphidae*) РОД — *Genus* (например, *шмелевидки* — *Tristalis*) ВИД — *Species* (например, *шмелевидка обыкновенная* — *Tenax Linne*).

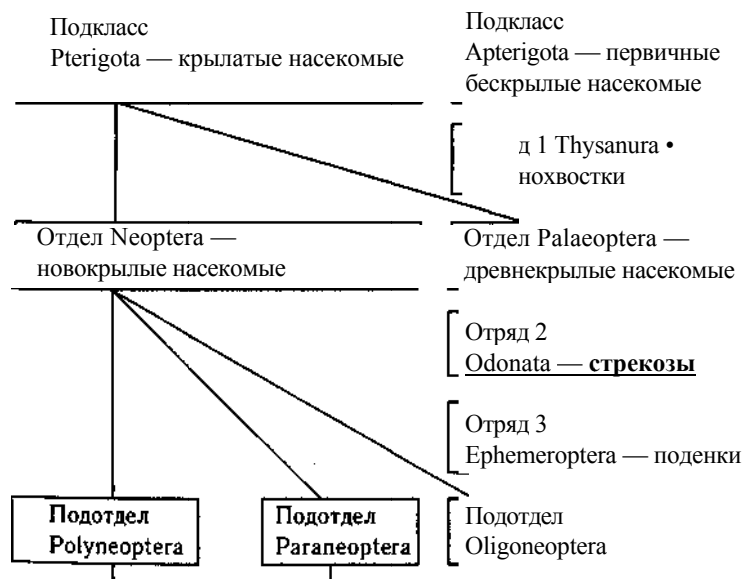
Первые три категории дают нам представление о примерной систематизации живых существ на наиболее высоком уровне абстракции. Восемь последних категорий систематизируют понятия уже внутри интересующего нас класса насекомых. Существуют и промежуточные категории, такие, как: надкласс, надсемейство, подсемейство, триба, подрод, подвид; они используются чаще для систематизации в крупных группах животных.

Приведенные категории отражают существующую в научном сознании классификацию видов. Эта классификация построена на родовидовых отношениях. Самая низшая таксономическая категория энтомологической классификации отделена от названия класса «НАСЕКО-26

МОЕ», как правило, восемь (а иногда, с учетом промежуточных категорий, четырнадцать) «шагами»: вид $\Rightarrow$ семейство $\Rightarrow$ надсемейство $\Rightarrow$ подотряд $\Rightarrow$ отряд $\Rightarrow$ подотдел $\Rightarrow$ отдел $\Rightarrow$ подкласс $\Rightarrow$ класс.

Логическая организация всего научного знания о насекомых отражена в ТАКСОНОМИИ энтомологии. В настоящей работе мы ограничимся лишь верхней частью энтомологической таксономии, пятью наиболее крупными категориями, поскольку для целей нашей работы, с одной стороны, этого вполне достаточно и предлагаемый фрагмент классификации вполне репрезентативен, а с другой стороны, более подробную классификацию (до уровня вида) привести практически невозможно, так как каждый из 28 отрядов содержит слишком большое число наименований более мелких категорий (например, отряд жуков включает в себя более трехсот тысяч видов, распределенных по соответствующим подотрядам, семействам и родам), а общее число энтомосемизмов (наименований насекомых) достигает трех миллионов. Очевидно, что на нижних ступенях классификации реально лишь воспроизведение отдельных фрагментов, мы же хотим дать представление о системной организации насекомых в целом, а наименования верхних «этажей» классификации имеют наиболее обобщенное значение, являются ядром всей терминосистемы энтомосемизмов.

Класс Insecta — насекомое

Подотдел	Подотдел	Подотдел
Polynoptera	Paraneoptera	Oligoneoptera
Отряды:	Отряды:	Отряды:
4 тараканы	12 трипсы	18 жуки =
5 богомолы	13 сеноеды	жесткокрылые
6 термиты	14 пухоеды	19 веерокрылые
7 прямокрылые	15 вши	20 блохи
8 палочники	16 равнокрылые	21 вислокрылые
9 веснянки	хоботные	22 верблюдки
10 эмбии	17 клопы =	23 сетчатокрылые
11 кожистокрылые =	настоящие	24 перепончатокрылые
уховертки	полужесткокрылые	25 скорпионницы =
		скорпионные мухи
		26 мухи = двукрылые
		27 ручейники =
		волосистокрылые
		28 бабочки =
		чешуекрылые

На схеме выделены разделы, использующие для номинации слова литературного языка, т. е. входящие в ЛСГ энтомосемизмов. При функционировании в специальной литературе эти слова являются терминами с соответствующими им научными дефинициями. Интересно, что все 9 слов, входящих и в ЛСГ, и в терминосистему, называют в терминосистеме категории одного уровня — отряды.

Теперь постараемся сделать нечто подобное применительно уже не к научным обозначениям, а к аналогичным наименованиям литературного языка, т. е. попробуем воспроизвести «наивную», языковую таксономию насекомых. Таковая отражена в логической организации ЛСГ русских названий насекомых. Однако если научная таксономия создана давно и кодифицирована (например, приведенная выше классификация разработана ученым-энтомологом А. В. Мартыновым /с поправками Д. А. Захватанна/) различными справочниками и словарями (См.: Словарь-справочник энтомолога. 2-изд.— М., 1958), то относительно литературных наименований следует признать, что не существует не только кодифицированной структуры ЛСГ, но и самой четко очерченной ЛСГ. Эта задача ложится на плечи исследователя, задавшегося целью лингвистически описать данную группу слов.

Прежде всего следует определить границы ЛСГ и число слов, входящих в нее. Членами ЛСГ энтомосемизмов мы предлагаем

считать наименования, которые вошли в четырехтомный Словарь русского языка (АН СССР, 2-е изд. Под ред. А. П. Евгеньевой, 1981—1984), содержащий 90000 слов современного русского литературного языка. Если наименование попало в словарь, значит, оно отнесено к литературному языку, а не к категории специальной, т. е. терминологической лексики.

Четырехтомный академический Словарь русского языка содержит 79 названий насекомых, следовательно — ЛСГ энтомосемизмов состоит из 79 слов.

Структура ЛСГ энтомосемизмов, как в целом парадигматическая структура большинства ЛСГ, «... имеет так называемый «полевой» характер. Центр «поля» представлен наиболее употребительными, наиболее многозначными, наиболее общими по своим значениям словами. Эти слова окружены более конкретными и менее употребительными словами. Чем более специализированным является значение слова, тем реже оно используется, тем более тяготеет к периферии» (Кузнецова, 1982, с. 80).

Полевую структуру ЛСГ энтомосемизмов, по нашему мнению, можно представить в виде ядра, группы наименований, примыкающих к ядру, и периферии.

Ядро ЛСГ составили девять наименований: *муха, пчела, оса, стрекоза, кузнечик, жук, бабочка, комар, муравей*. Именно эти наименования (и в таком порядке) включены в «Лексическую основу русского языка» под редакцией В.В.Морковкина (Морковкин, 1984, с. 351). Не входя в исходный алфавитный список «основы», включающей 2500 самых употребительных русских слов, все девять наименований включены в идеографическую группу «Виды животных» при так называемом смысловом выравнивании. «Источником, из которого извлекались слова, включенные в идеографическую часть по соображениям учебно-методической целесообразности, служили... проверенные практикой лексические минимумы, вокабулярии к лучшим учебникам русского языка для иностранцев, а также языковой опыт составителей. Насыщение идеографических групп производилось до тех пор, пока они не признавались симметричными в смысловом отношении» (Морковкин, 1984, с. 19).

В таком же виде основные наименования насекомых воспроизведены в книге «Лексические минимумы современного русского языка» (Под ред. В. В. Морковкина — М., 1985). Раздел этой книги, называющийся «Сравнительная и обобщающая статистическая ценность наиболее употребительных слов русского языка», дает возможность воспользоваться данными восьми частотных словарей. Приведенные выше энтомосемизмы имеют следующую статистическую ценность

по данным всех частотных словарей: *муха* по этим данным входит в число первых 3300 слов; *пчела, жук, бабочка, комар, муравей* располагаются в интервале от 3600 до 6000 самых частотных слов русского языка; *кузнечик, стрекоза, оса* не попали в число относительно частотных слов и включены в рассматриваемую группу лексического минимума благодаря субъективному фактору: языковому опыту составителей.

Несколько слов относительно места ЛСГ энтомосемизмов в общей ЯКМ, роль каковой в данном случае для нас выполнила идеографическая классификация словаря (Морковкин, 1984). Эта классификация имеет шесть уровней абстракции (обобщения). Рубрика «Животный мир» находится на третьем уровне. Наименования насекомых не отражены в синопсисе, но в самом словаре рубрика «Животный мир» разделена на девять нумерованных групп, внутри одной из которых («ВИДЫ ЖИВОТНЫХ») энтомосемизмы представлены отдельной группой. Воспроизведем вертикальный срез синопсиса идеографической классификации выбранного нами словаря, продолжив ее до более низкого, пятого уровня обобщения. Такой срез будет выглядеть следующим образом:

Отраженная в этой схеме логическая родо-видовая цепочка дает представление о месте интересующей нас ЛСГ в общей ЯКМ. В чистом виде эта цепочка выглядит так: материальный мир $\rightarrow$ органический мир $\rightarrow$ животный мир $\rightarrow$ виды животных $\rightarrow$ названия насекомых.

Таким образом, мы определили место ЛСГ в общей ЯКМ. Если бы мы рассмотрели идеографические классификации, предлагаемые другими словарями, то энтомосемизмы в любой из них занимали бы примерно ту же позицию на самых низких уровнях обобщения. Данные частотных словарей и лексических минимумов помогли нам определить ядро ЛСГ. Для определения же полного состава всей ЛСГ, ее внешних границ и всей полевой структуры нам пришлось воспользоваться данными нескольких словарей. Все наименования насекомых, зафиксированные в академическом 4-х томном Словаре русского языка, мы проверили по Частотному словарю под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977), а затем воспользовались данными опроса респондентов из числа филологов и просто носителей языка. На основании этих данных была выявлена группа из 17 наименований, которые образуют непосредственное окружение ядра ЛСГ и которые в первую очередь, при необходимости, могут использоваться при расширении лексических минимумов.

Все остальные наименования насекомых, которые фиксируются Словарем русского языка, но не фиксируются Частотным словарем, а также не попадают в примыкающую к ядру группу при смысловом выравнивании, мы отнесли к периферии ЛСГ энтомосемизмов. Наименования, имеющие помету «зоол.», мы вынесли за рамки ЛСГ литературного языка, поскольку в этом случае «...слово применяется только (или преимущественно) в ...области науки» (Словарь русского языка в 4-х томах. АН СССР, издание 2-е, М., 1981, Т. 1, с. 10). На периферии ЛСГ энтомосемизмов в результате такой выборки оказалось 53 наименования.

Графически полевая структура и количественный состав ЛСГ энтомосемизмов выглядит так:

где цифрой 9 обозначено ядро ЛСГ, состоящее из 9 наименований, 17 — группа примыкающих к ядру наименований в количестве 17 слов, 53 — периферия ЛСГ, включающая 53 наименования.

Следует заметить, что внешние границы ЛСГ, на наш взгляд, достаточно условны и диффузны, так как многие наименования имеют одинаковую нулевую частотность по данным большинства частотных словарей, одинаковую словообразовательную модель, одинаково редко и непоследовательно встречаются в ответах респондентов, и только наличие или отсутствие пометы «зоол.» (употребляемой, по нашему мнению, достаточно ПРОИЗВОЛЬНО) относит их к литературному языку или к лексике специальной. Признав нерелевантным подобную диффузность внешних границ ЛСГ, мы воспользовались формальным критерием наличия-отсутствия пометы «зоол.» для определения принадлежности слова к общелитературной или специальной сфере употребления.

Перечня лексических единиц и сведений об их частотности употребления в языке, безусловно, недостаточно для полноценного построения фрагмента ЯКМ. **НУЖНО УСТАНОВИТЬ ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ МЕЖДУ ЭЛЕМЕНТАМИ ЭТОГО ФРАГМЕНТА.** Единственным источником подобной информации могут служить толкования слов рассматриваемой группы в словаре. Проанализировав толкования всех названий насекомых, содержащихся в 4-х томном академическом Словаре русского языка, мы можем констатировать, что доминирующим видом отношений между членами ЛСГ энтомосемизмов являются отношения родо-видовой зависимости. Любое наименование определяется через слово более высокой степени абстракции, которое можно назвать «идентификатором ближайшего ранга» (Бережан, 1988, с. 12). Непосредственно через суперординату ЛСГ («насекомое») определяются 35 наименований, пять из которых являются родовыми по отношению к другому 41 наименованию.

В целом же языковую («наивную») таксономию названий насекомых в русском языке можно изобразить в виде схемы, подобной той, которую мы привели выше, когда говорили о фрагменте НКМ «Виды насекомых». Эта схема отражает логическую организацию плана содержания ЛСГ русского литературного языка «Названия насекомых» и может рассматриваться в качестве идеографического синопсиса отдельной рубрики идеографического словаря, развернутого до уровня отдельного слова. Выглядит эта схема так:

Сплошными линиями обозначены связи родо-видовой зависимости, пунктирными — отношения синонимии.

Как видно из схемы, родо-видовые цепочки наименований состоят не более чем из трех членов. Они придают внутренней структуре ЛСГ вид трехступенчатой иерархической системы.

Не находят в этой системе четко определенного места слова *букашка, козявка, гнус, мошка*. Они выпадают из трехчленных логических цепочек и используются для недифференцированного обозначения практически любого денотата, называемого словами как верхнего, так и нижнего уровня схемы. Междууровневое, не поддающееся точному определению расположение этих наименований в логической схеме ЛСГ — это ОТРАЖЕНИЕ ЗАЩИТНОЙ РЕАКЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НА МНОГООБРАЗИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, заключающееся иногда в расплывчатой, приблизительной вербализации реалий. Подобную неточность следует воспринимать как данность, как факт языка. Попытки привести в объект (т. е. слово) большую точность, чем он содержит в действительности, приведут лишь к его субъективному искажению.

Если мы сравним схемы, отражающие научную и языковую энтомологические таксономии, то увидим, что одни и те же слова, функционирующие в обоих функциональных стилях, асимметричны с точки зрения занимаемого в каждой из классификаций положения. На верхних этажах научной таксономии все десять общелитературных по происхождению слов называют категории одного уровня — отряды. В ЛСГ эти же самые слова занимают неравнозначное положение:

— *муха, жук, бабочка* — центр ядра ЛСГ;

— *стрекоза* — ядро ЛСГ;

— *таракан, вошь, клоп, блоха* — группа наименований, примыкающих к ядру ЛСГ;

— *пухоед, ручейник* — периферия ЛСГ.

В то же время наименования, входящие в ядро ЛСГ (*пчела, оса, кузнечик, комар, муравей*), в научной классификации используются для обозначения более мелких групп насекомых — *семейств* и *видов*.

Различия научного и языкового сознания отражены не только в структуре самих таксономии и используемых для их вербализации терминосистемы и ЛСГ, но и в ОБЪЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ каждого из членов обеих лексических микросистем.

Означаемое термина намного конкретнее и объемнее, чем означаемое общелитературного слова — члена ЛСГ. А. А. Потебня применительно к этой ситуации предлагал различать ближайшее и дальнейшее значения слов. Словам литературного языка соответствуют ближайшие (общие, неконкретные, не всегда точные, приблизительные)

значения. С терминами же всегда соотносятся значения дальнейшие (т.е. точные и конкретные). Это явление обычно характеризуется как «реализация разных типов информации в зависимости от соотношения слова с обиходным и научным понятием» (Степанова 1968, с. 72).

Указание на приблизительность значения слов обиходного языка и точность, конкретность и однозначность значения слов-терминов давно является общим местом любого исследования, так или иначе затрагивающего вопросы взаимодействия литературной и научной лексики. Анализ конкретных лексических микросистем, принадлежащих этим двум функциональным стилям, позволяет конкретизировать и проиллюстрировать это бесспорно верное утверждение.

«Значение слова — есть известное отображение предмета... в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны...» (Смирницкий, 1956, с. 152). Одни и те же предметы (в нашем примере — это насекомые) научным и языковым сознанием отображаются по-разному, что и фиксируется «внутренней стороной слова», т. е. планом содержания термина и общелитературного слова.

Архисема «относящийся к классу насекомых», равно как и любая другая архисема любой другой ЛСГ литературного языка, предполагает, «задает» отнюдь не любые, а достаточно определенные аспекты своей конкретизации, своего уточнения. «В рамках этих аспектов уточнения и формируются **типичные дифференциальные семы**. В связи с этим в каждой отдельной лексико-семантической группе набор дифференциальных сем оказывается специфическим» (Кузнецова, 1982, с. 75.). Мы считаем, что такой набор типовых дифференциальных сем, характеризующих ту или иную ЛСГ, предопределен неким полным, максимально возможным набором аспектов уточнения архисемы, который сформирован научным сознанием и должен быть зафиксирован в научных дефинициях каждого термина, относящегося к одноименной терминосистеме. По нашему мнению, лексическое значение литературного наименования — это **ВЫБОРКА СЕМ ИЗ ЧИСЛА ПОТЕНЦИАЛЬНО ВОЗМОЖНОГО РЕГИСТРА АСПЕКТОВ УТОЧНЕНИЯ АРХИСЕМЫ**, который должен быть **ЭКСПЛИЦИРОВАН В ДЕФИНИЦИЯХ НАУЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ОДНОИМЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ**.

Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое предположение, нужно сопоставить планы содержания ЛСГ и терминосистемы. Для определения аспектов уточнения архисемы «насекомое» в ЛСГ мы обратились к словарным статьям толкового словаря, где отражены типовые дифференциальные семы, так как «толкование каждого слова в принципе должно вскрыть все компоненты значения...» (Котелова,

1975, с. 27). Научные дефиниции терминов должны содержаться в специальных справочниках по той или иной дисциплине. Сферой фиксации энтомологической науки можно считать два издания Словаря-справочника энтомолога (М., Сельхозгиз, 1955 г., 1-е издание; М., Сельхозгиз, 1958 г., 2-е издание исправленное и дополненное). Дефиниции, соответствующие научным наименованиям насекомых, должны содержать тот регистр аспектов, по которым характеризуется в данной науке именуемое понятие.

Анализ и сопоставление данных толкового словаря русского языка и специального словаря-справочника могут подтвердить или опровергнуть сформулированное выше предположение.

В толкованиях всех 79 литературных названий насекомых мы попытались вычленивать минимальные смыслы (дифференциальные семы), каждый из которых «...представляет собой отражение в сознании носителей данного языка различных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему» (Гак, 1971, ч. 1, с. 95). Последняя часть цитаты очень важна, поскольку подчеркивает возможность «необъективности» некоторых элементов значения, что, в свою очередь, ведет к тому, что обиходные значения отличаются от научных понятий не просто объемом, но и «качеством», так как языковое сознание может приписывать слову элементы значения, не соответствующие научному знанию о называемом объекте. Теоретически можно было ожидать, что толкования окажутся однотипными, так как вполне могли бы опираться на существующую научную таксономию. По этому поводу С. Г. Бережан пишет: «...Вопрос об идентификаторе в виде гиперонима ближайшего ранга может быть решен сравнительно легко только в случаях существования соответствующей таксономии... Решив данный вопрос, потом уже остается только выявлять дифференциальные семы каждого гипонима в сопоставлении с другими и по однажды выработанному образцу толковать всю группу однотипных слов...» (Бережан, 1988, с. 12). Именно так и должно было бы быть, если бы составители толковых словарей ставили своей задачей приведение языковой таксономии в минимальное соответствие таксономии научной, во-первых, а во-вторых, если бы существовал этот «однажды выработанный образец» выявления дифференциальных сем и толкования в соответствии с ним всей группы однотипных слов.

На практике толкования литературных названий насекомых хотя и достаточно унифицированы, но никак не могут претендовать на соответствие научной таксономии, равно как и на однотипность и последовательность эксплицированное™ типовых дифференциальных сем.

Реально в ЛСГ названий насекомых в качестве идентификаторов для других наименований используются только четыре слова: название всего класса *насекомое* и три (из 28) названия отрядов — жук, муха, бабочка.

Суммировав данные всех 79 толкований, можно констатировать, что архисема ЛСГ названий насекомых в русском языке может конкретизироваться в следующих аспектах:

1. Отнесенность к определенному разряду насекомых.
2. Размеры.
3. Окраска.
4. Форма тела и особенности морфологии.
5. Среда обитания.
6. Характер пищи.
7. Вредность/невредность для человека и с/х культур.
8. Время активности.
9. Характерные производимые действия.
10. Способ передвижения.

Естественно, что языковое сознание не фиксирует все возможные семы в значении каждого наименования, оно действует в высшей мере избирательно. Например, в лексическом значении слова СВЕТ-ЛЯК присутствуют три дифференциальные семы:

- «насекомое, относящееся к разряду жуков» (классифицирующая сема);
- «небольшое» (аспект уточнения «размер»);
- «светящийся в темноте» (аспект уточнения «характерные производимые действия»).

Именно эти признаки из всех объективно присущих данному денотату нашли отражение в сознании носителей языка и, как следствие этого, были зафиксированы в словарной статье, став тем самым объективной реальностью для каждого говорящего на этом языке (см.: Гак, 1971, с. 95). Языковое сознание фиксирует наиболее заметные, ярко выраженные или особо значимые в силу тех или иных причин признаки. У разных денотатов таковыми могут являться самые разные признаки: одни насекомые имеют очень яркую окраску, другие доставляют человеку неприятности своими укусами, третьи портят вещи или уничтожают сельскохозяйственные посевы, четвертые издают характерные звуки и т. д. Именно по таким «ярким» признакам, как правило, и происходит уточнение архисемы семами дифференциальными. Все выделенные нами десять типов дифференциальных сем можно разделить на три типа:

- уточняющие **классификационную характеристику** денотата;
- уточняющие **внешнюю характеристику** денотата;
- характеризующие денотат через **производимые им действия**.

Совокупность архисемы и специфического для данного слова набора дифференциальных сем Э. Г. Бендикс называет «минимальной дефиницией» слова, поскольку, по его мнению, «минимальная дефиниция значения какой-либо единицы — это перечень семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значения всех других единиц языка» (Бендикс, 1983, с. 76). Этот принцип «минимальной дефиниции» (или «минимального толкования») Бендикса, является «ключевым понятием в теории лексической семантики» (Филлмор, 1983, с. 27).

Рассмотрение «минимальных толкований» членов ЛСГ энтомосе-мизмов позволяет сделать некоторые выводы относительно частотности эксплицитности определенных сем. В частности, классифицирующая сема присутствует в значении 51 наименования. В 41 случае — это отраженные в структуре ЛСГ родо-видовые отношения между ее членами: *цветоед* — это *жук...*; *совка* — это *бабочка...*; *прусак* — это *таракан...* и т. д. Однако в десяти случаях для уточнения классификационной характеристики денотата словарная статья содержит ссылки на научную классификацию, что нам представляется не совсем удачным по двум причинам: во-первых, это непоследовательно с точки зрения унифицированности толкований, так как слова литературного языка объясняются средствами другого метаязыка, языка науки; во-вторых, такие «объяснения» мало что объясняют обычному носителю языка, чье знакомство с научной таксономией нельзя считать очевидным или даже предполагаемым. На наш взгляд, избыточными и лишеными информативной ценности являются «привнесения научности» в словарную статью, например: *плодожорка* — *бабочка семейства листовёрток*, *хрущак* — *жук семейства чернотелок*; *медведка* — *насекомое отряда прямокрылых...* и т. п. Подобные ссылки на научную классификацию делаются произвольно, непоследовательно, а сами элементы научной дефиниции, выпадая из обыденной таксономии, остаются для пользователя словарем пустым звуком. Гораздо предпочтительнее ссылки либо на архисему, либо на гипероним ближайшего ранга из числа литературных (а не научных) наименований.

53 раза в толкованиях встретились семы, характеризующие насекомое по внешнему виду: 22 — по размеру, 15 — по окраске, 25 — по форме и особенностям строения тела. Чаще других встречается сема, характеризующая насекомое по действию (способ передвижения, чем питаются, какие издают звуки и т. п.), — 82 раза.

Иногда аспект уточнения определить достаточно трудно. В таких случаях, думается, можно говорить об имплицитно выраженных семах. Например: *жужелица* — *хищный ночной жук*. Определение *хищный*

можно интерпретировать как классифицирующую сему («относящийся к разряду хищных насекомых»), а можно считать имплицитной семой, уточняющей аспект «чем питается?», так как *хищный* = «поедающий других животных». В толкованиях типа *зерновка — жук-вредитель бобовых растений*, где содержится сема «вредность для сельского хозяйства и человека», имплицитно присутствует и сема «чем питается?». Следует признать, что границы между такими семами, как «среда обитания», «характер пищи», «вредность» и некоторыми другими, достаточно диффузны и условны. Каждая из этих сем, представленная эксплицитно, может подразумевать и наличие других. Эти элементы значения взаимосвязаны, и эксплицирование одной из них в толковании до некоторой степени произвольно. Например, словарь определяет колорадского жука как **вредителя** картофеля, хотя мог бы, не погрешив против истины, назвать его насекомым, **живущим** на картофельной ботве или **питающимся** ею. Такую потенциальную свободу в трактовке характера дифференциальных сем мы предлагаем иметь в виду и считать не релевантной.

Потенциально возможный регистр элементов значения литературных названий насекомых (своего рода **гипотетическую «максимальную дефиницию», в рамках которой реализуются конкретные «минимальные дефиниции»**) с указанием **частотности эксплицированности семы** в толковании словарной статьи Словаря русского языка можно представить в виде небольшой таблицы:

Другое наблюдение касается ОБЪЕМА ЗНАЧЕНИЙ наименований. Глубина значения обиходных энтомосемизмов варьируется от одной до шести дифференциальных сем (архисему мы учитываем). Наиболее же типичный объем значения — это 2—3 дифференциальные семы. Таков объем значения у 61 наименования из 79. Самой типичной (и логически корректной) оказалась «минимальная дефиниция», охватывающая все три раздела «максимальной дефиниции», т. е. содержащая одну классифицирующую сему, одну сему, уточняющую аспект «внешний вид», и одну сему, уточняющую аспект «действия, производимые насекомым». Пример такой типичной дефиниции: «*стеклянница — 1) бабочка, 2) с прозрачными стекловидными крыльями, 3) вредитель деревьев и кустарников*».

Именно такой набор сем в лексическом значении ненаучного наименования представляется нам оптимальным. Обычно отсутствие одной из трех характеристик наблюдается тогда, когда общее число сем меньше трех. В толкованиях пяти наименований присутствует нетипичная (и неудачная) диспропорция, когда одна из характеристик представлена двумя или даже тремя семами, а две другие не представлены вообще.

Слова, составляющие центр ядра ЛСГ, имеют 1—2 дифференциальные семы, слова, составляющие ядро, — 1—3 семы, а наименования периферии имеют в своем значении до 5 дифференциальных сем. Это подтверждает «полевой» характер ЛСГ энтомосемизмов, где ядро образуют слова с наиболее общим лексическим значением, а к периферии тяготеют слова с более конкретными, «специализированными» значениями.

В сфере научных наименований лексическому значению обиходного слова соответствует научная дефиниция. Лексическое значение и научная дефиниция осуществляют «реализацию разных типов информации в зависимости от соотношения слова с обиходным и научным понятием» (Степанова, 1968, с. 72). Принципиальное отличие научной дефиниции от лексического значения заключается в отсутствии «степени свободы»: лексические значения, как мы видели на примере литературных энтомосемизмов, «свободны» в смысле объема значения (число дифференциальных сем колеблется от 2 до 6) и самого характера смыслоразличительных признаков (эксплицируются различные аспекты уточнения архисемы). Ограничителем этой «свободы» толкования служит лишь максимальная дефиниция, охватывающая весь спектр возможных признаков денотатов этого фрагмента ЯКМ, и императивы обычной логики, касающиеся симметричности определений в словаре, т. е. представленности всех трех типов дифференциальных сем (классифицирующих, дающих внешнюю характеристику и характеристику по действию).

Если лексическое значение — это минимально необходимая и достаточная дефиниция для идентификации слова и обозначаемого объекта всеми носителями языка, то научное понятие — максимально возможная дефиниция, содержащая ВСЕ характеристики называемого объекта, которые признаются релевантными в данной области научного знания. В таком случае очевидно, что дефиниции научных названий должны быть в высшей степени унифицированными и всегда максимальными, содержать семы, уточняющие все принятые в данной науке характеристики.

Мы проанализировали более тысячи научных названий насекомых и считаем возможным сделать вывод о том, что в целом типовая научная дефиниция энтомосемизмов СОВПАДАЕТ с гипотетическим максимальным толкованием ненаучных наименований, т. е. содержит все те аспекты уточнения, которые встречаются в толкованиях обиходных названий. Разница лишь в том, что гипотетическое максимальное толкование — это нечто собирательное, обобщающее, проявляющееся в каждом слове лишь своей частью, а научная дефиниция — вещь реальная, ее каркас, общая для всех денотатов матрица воспроизводится в каждом члене терминосистемы (если дефиниция построена корректно).

В толкованиях значений литературных названий отсутствуют, пожалуй, только две существенные для научного знания характеристики:

- указание на ареал распространения;
- информация о численности видов, входящих в называемое таксономическое объединение (в том случае, если речь идет не о самой нижней классификационной единице — виде насекомого).

Проиллюстрируем сказанное, сравнив толкование одного и того же слова в Словаре русского языка С. И. Ожегова и в специальном Словаре-справочнике энтомолога (М., 1958):

Словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова: «БАБОЧКА — насекомое с двумя парами покрытых пылью крыльев разнообразной окраски».

Словарь-справочник энтомолога: «БАБОЧКИ (чешуекрылые) — отряд насекомых. Крылья покрыты мельчайшими чешуйками, различно окрашенными. Ротовые части сосущие, для сосания служит спирально свернутый хоботок; голова покрыта волосками; глаза сложные фасеточные; на темечной стороне головы часто расположена пара простых глазков. Органом обоняния служат усики. Питаются бабочки нектаром цветов, соками плодов и деревьев, гниющими веществами. Всего около 90000 видов. Распространены по всему земному шару,

главным образом в тропиках. В СССР — 11—12 тысяч видов. Многие бабочки приносят пользу, способствуя опылению растений. Личинки многих бабочек приносят вред сельскому хозяйству».

В данном параграфе мы попытались обосновать положительный ответ на вопрос: нужно ли использовать НКМ для изучения ЯКМ национального языка? На примере двух лексических микросистем, представляющих вербализацию одинаковых фрагментов НКМ и ЯКМ, мы показали, каким образом можно проводить такого рода сопоставления. Выводы из наших рассуждений в § 2 таковы:

1. «...Необходимость обратной связи профессиональных языков с горизонтом понимания естественных языков, на базе которых они сформированы» (Ментруп, 1983, с. 332), существует, ибо «единая лексическая система языка в современных условиях... существует в виде двух связанных друг с другом систем: ...языковой «картины мира» и ... научной «картины мира» (Денисов, 1980, с. 121).

2. Корреляции между фрагментами НКМ и ЯКМ устанавливаются прежде всего на уровне планов содержания, сравниваются:

а) логическая организация каждой из лексических микросистем, характер отношений между составляющими их членами;

б) структура и объем лексического значения обиходных наименований и структура и объем научных дефиниций наименований-терминов.

3. Таксономия фрагмента НКМ берется в готовом виде из соответствующей области научного знания, а таксономия фрагмента ЯКМ выстраивается исследователем-лингвистом самостоятельно на основе анализа данных толкового словаря национального языка. Структура и объем значения научных и обиходных наименований устанавливаются путем изучения сфер фиксации языка науки и литературного языка, т. е. на основе анализа и обобщения научных дефиниций, содержащихся в специальных словарях-справочниках, и толкований слов, содержащихся в толковых словарях литературного языка.

4. Языковая (наивная) таксономия не стремится к соответствию научной таксономии, она консервативна и изменяется гораздо медленнее того, как изменяется объективное научное знание о называемом фрагменте действительности. Она как бы «игнорирует» все более полное научное знание и выбирает из него лишь то, что ей нужно для выполнения своей функции: воспроизведение в коллективном сознании языкового социума обиходного, приблизительного представления о той или иной части окружающего мира. Как и по каким направлениям происходит взаимовлияние НКМ и ЯКМ, мы расскажем в § 4 этой главы.

§ 3. О национальной специфике научной картины мира, оформленной средствами национального языка.

В этой части работы мы постараемся ответить на второй из поставленных в конце первого параграфа вопросов, а именно: можно ли говорить о **национальной специфике** применительно к НКМ, оформленной на национальном языке? В чем эта специфика может проявляться?

На первый взгляд может показаться, что говорить о национальной специфике там, где все подчинено точному знанию, объективным универсальным законам, строгой логике, вряд ли уместно. И это будет совершенно справедливо до тех пор, пока мы под НКМ понимаем исключительно ее содержательную сторону, то есть сами знания о мире. Однако универсальная НКМ — это абстракция, под которой обычно подразумевается именно то, что мы называем планом содержания НКМ. Реально же этот **информативный ИНВАРИАНТ** всегда «одет» в какую-либо языковую оболочку.

Следует оговориться, что предлагаемое нами разделение содержательного инварианта знания и его «языковой одежды» в некоторой степени условно и используется нами лишь как умозрительный методологический прием для более удобного изложения своих мыслей. В связи с этим уместно сделать небольшое отступление о роли языка в научном процессе. Любое знание формируется и накапливается исключительно в процессе речемыслительной познавательной деятельности человека, именно мысль и слово являются основным средством научного творчества, именно с их помощью осуществляется главная работа по получению, оформлению и закреплению в коллективном сознании крупниц нового знания о мире. Многие ученые склонны рассматривать язык не просто как средство оформления знаний, но как фактор, играющий едва ли не ключевую роль в самом процессе познания: «Прогресс науки связан не только с накоплением чисто объективных научных данных..., но с развитием самого видения природы, с эволюцией логики научного мышления, а значит, и языка науки» (Ильина, 1994, с. 4). Сама логика движения науки вперед всегда неразрывно связана с поиском наиболее удачного вербального выражения идеи, с последующим его закреплением в языке науки. Без этого языкотворческого процесса новое знание не может стать социально наследуемым. Вербальный инструментальный исследователь помогает «уточнить, доопределить научные закономерности и законы. Когда ученые начинают ощущать недостаточность собственного языка, то это является признаком зарождения, формирования нового понятия, и языковое творчество, «примеривание» новых слов, становится повивальной бабкой новых научных идей» (там же, с. 57).

Лингвистические аспекты оформления научных знаний проявляются порой весьма неожиданно, например, критерием удовлетворительности в процессе поиска наиболее подходящих терминов может являться не только соответствие формы слова и вкладываемого в него научного значения, но и коннотативные, эмоционально-оценочные аспекты. «По мере формирования новых моральных установок становится нежелательным и невозможным употребление ряда терминов. Так, определение ресурсов живой и неживой природы как «запасов» явно генерировано теологическим мировоззрением (подразумевает кого-то, кто сделал эти «запасы» для человека), природа рассматривается при этом как созданная для человека... С позиции экологической морали аморально использование и терминологии «вредитель», «сорняк»: таких видов нет, а есть виды, отдельные популяции которых в определенное время и в определенном месте могут приносить ущерб хозяйству» (Яблоков, 1989, с. 211). Но если так называемая экологическая мораль, насколько нам известно, пока еще не успела повлиять на реальную терминологическую практику, то мораль человеческая в эту практику кое-где уже начинает вмешиваться, так, например, в Японии, где некоторым традиционным названиям представителей фауны стали искать замену, поскольку они (по мнению японских зоологов) могут быть не совсем корректны по отношению к некоторым категориям людей. По этой причине «...японское энтомологическое общество решило переименовать *клопов-слепняков*, чье название сочтено обидным для плохо видящих, в «*туманных клопов*». Японское ихтиологическое общество подыскивает безобидное название для *слепых угрей*. А зоопарк, находящийся вблизи Осаки, сменил табличку у вольера с *карликовыми пингвинами*. Ведь это название может обижать людей маленького роста. Так что отныне на табличке написано «пингвины-феи». (Наука и жизнь, №11, 2001, с. 39.)

Наука, как феномен и как составная часть общечеловеческой культуры, не могла возникнуть и развиваться без развитого языка или вне зависимости от него. «Находя правильности и законности в окружающем его мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему *СЛОВУ* (курсив О. К.) и к своему разуму» (Вернадский, 1927, с. 221). Знание, не сведенное к слову, не может стать социально наследуемым компонентом всеобщего знания, оно останется на уровне эмпирических данных, полученных индивидом или группой индивидов, и исчезнет вместе с ними. Как говорил Карл Линней: «Если не знаешь названий, то теряется и познание вещей» — «*Nomina si nescis, perit et cognitio rerum*» (Линней, 1989, с. 399).

Итак, повторим то, с чего мы начали это небольшое отступление, специально сопровождаемое нами достаточным количеством цитат

весьма уважаемых ученых, работавших в разное время и в разных областях науки, а именно: разделение содержательного инварианта научного знания и языковой формы его выражения в определенной степени условно, поскольку добывался и первоначально оформлялся этот инвариант не иначе как с помощью того или иного национального языка. Знание и первоначальная форма его фиксации нераздельны до того момента, когда возникают попытки выразить это знание с помощью других национальных языков. Только когда возникает множественность выражения добытого и сформулированного знания, только тогда имеет смысл говорить о некой **абстрактной информационной КОНСТАНТЕ, которая может быть отделена от любой формы его выражения, но остаться ВНЕ КАКОЙ-ЛИБО ФОРМЫ не может.**

Формирование НКМ предполагает триединство: постоянно изменяющийся Универсум — познающий его человеческий разум — общекультурный контекст, порождающий этот разум. «Ученый не просто открывает уже кем-то и где-то приготовленные законы природы, а, напротив, творит вместе с природной эволюцией и развивающейся культурой некую *ЗНАКОВУЮ МОДЕЛЬ ПРИРОДЫ* (курсив О. К.), проект ее дальнейшего движения. В этом случае в научном творчестве находится самостоятельное место... и для языка. Последнее особенно важно, ибо качество знаковой системы, языкового произведения (оно не обязательно должно быть в узком смысле вербальным...) оказывает большое, а порой и решающее воздействие на весь характер научного творчества» (Ильина, 1994, с. 53). Те, кто недооценивает роль общекультурного контекста, в рамках которого добываются и оформляются научные знания, формирующие НКМ, очевидно, заблуждаются, поскольку «...новейшая социология знания убеждает в противоположном: работники науки — «тоже люди» и как таковые разделяют, в той или иной степени, убеждения, чувства, свойственные обществу в целом, что не может не сказываться на их профессиональной деятельности. Культура, таким образом, оказывает определенное давление на научные исследования. Значительную роль при этом играют досознательные предпосылки. К примеру, «венский кружок» (логические позитивисты) показал «организующую» силу языка: в научных исследованиях не столько важны факты сами по себе, сколько связи между ними, которые позволяют установить язык, или система знаков» (Каграманов, 1998, с. 134).

Мы уже говорили о том, что если в том или ином языковом социуме существует научная традиция, то ее язык науки обязательно имеет национальное языковое оформление. Чаще всего язык науки представляет собой смесь двух национальных языков: национального языка, на котором формировалась первоначальная база этой науки или на котором осуществлены приоритетные разработки в данной области

(что обычно совпадает), и собственного национального языка той или иной нации. К примеру, базовые, фундаментальные знания в области медицины, зоологии, ботаники и т. д. исторически сформировались на латинском языке. В таком виде они и были восприняты нациями, говорящими на других языках. Со временем каждая нация восприняла иноязычный вариант научного знания стремится «перенести на национальную почву», т. е. интернациональные слова получают свои национальные эквиваленты. Чем сильнее научная традиция в данном языковом сообществе, тем больше процент научных понятий, имеющих национальное языковое оформление. В этом смысле можно говорить о **НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (ННКМ)**, представляющей собой НКМ в форме национального языка. **ННКМ — национальная форма представления единого содержательного инварианта.**

Утверждения о том, что НКМ не имеет отношения к менталитету, национальному характеру, особенностям национального мировосприятия и т. п., можно признать абсолютно верными, если оговориться, что имеется в виду лишь содержательная сторона НКМ, т. е. ее информативный инвариант. Что же касается плана выражения, **языковых воплощений** этого информативного инварианта, то, по нашему мнению, вполне уместно говорить о **национальной специфике языка науки.**

Чтобы доказать, что язык науки, ННКМ имеют национальную специфику, нужно проверить, дают ли возможность национальные терминологии, составляющие ядро языка науки, судить об **особенностях национальной образности, что является одним из проявлений национального менталитета.**

Мы отнюдь не хотим искать особенности национального менталитета в самих научных системах, поскольку их содержательная сторона универсальна, не отрицаем, что «ментальность — не... научные... системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» (Гуревич, 1993, с. 59), «ментальность, способ **видения мира...** во многом... остается непрорефлексируемой и логически не выявленной» (там же). Гораздо удобнее искать национальную специфику в языке обиходном, нежели в национальном языке науки. Тем не менее мы попытаемся показать на том же лексическом материале, что применительно к **ПЛАНУ ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКА НАУКИ** допустимо говорить о **НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ.**

Для этой цели из всего спектра возможных лингвистических характеристик научной лексики (лексико-грамматической, лексико-семантической, генетической и т. п.) представляется целесообразным выб-

рвать лишь **деривационную характеристику**, поскольку, как нам представляется, **именно в этой сфере, сфере терминотворчества, могут проявиться особенности национального языкового сознания, особенности национальной образности.** Мы воспользуемся лексическим материалом той же терминосистемы, что и при сопоставлении планов содержания фрагментов НКМ и ЯКМ, научными названиями насекомых в русском языке, чтобы сохранить «чистоту эксперимента», оставив неизменным иллюстративный материал для подтверждения разных теоретических посылок. В противном случае возможны сомнения относительно того, что для иллюстрации различных положений использовался «удобный» именно для этого случая лексический материал.

Терминологическое словообразование основано всегда на системе словообразования национального языка. Однако, взяв за основу существующие в литературном языке способы и модели словопроизводства, язык науки вырабатывает свою словообразовательную подсистему, подчинив ее своим требованиям и функциям. При этом терминотворчество — это всегда сознательный процесс. «Термины не появляются, а придумываются, творятся по мере осознания их необходимости» (Винокур, 1939, с. 24). «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга. Форма языка оказывается отнюдь не безразличной к содержанию самой науки» (Будагов, 1972, с. 43). Из всего круга вопросов, связанных со словообразованием терминов (в нашем случае — с образованием научных названий насекомых в русском языке), нас будет интересовать только то, что вписывается в логическую цепочку: **МОТИВИРОВАННОСТЬ НАУЧНОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ ->-> ТИП МОТИВИРОВАННОСТИ НАУЧНОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ ->-> ТЕРМИНЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА, ->-> ТИПОЛОГИЯ РЕГУЛЯРНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ.** Именно последнее звено этой цепочки «**ТИПОЛОГИЯ РЕГУЛЯРНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ**» при образовании научных терминов может рассматриваться как национальная специфика, поскольку является прямым отражением характера метафоричности именно данного национального языкового сознания. В других ННКМ эти же самые реалии получают, естественно, свои «национальные одежды», т. е. языковые формы, которые, во-первых, могут образовываться отнюдь не лексико-семантическим способом, а любым другим (морфологическим, синтаксическим, калькированием), а во-вторых, если и образуются тоже в результате семантического переноса, то механизм этого переноса, признак, лежащий в основе переноса, будет, скорее всего, строго инди-

видуальным, характерным именно для конкретного национального языка науки (а точнее—для данной терминосистемы в рамках ННКМ).

Многие лингвисты-терминологи считают, что для научных наименований весьма существенно, насколько прозрачна их ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА. «Почему данный термин назван так, а не иначе... для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос» (Винокур, 1939, с. 8). Проблема, однако, заключается в том, что в основу мотивированной номинации может быть положен признак, не являющийся самым существенным, или даже искажающий, затемняющий терминируемое понятие. Мотивированность номинации не всегда бывает надежным ориентиром для правильного понимания значения термина, поэтому многие терминологи считают, что нет достаточных оснований выдвигать «прозрачность» термина в число требований, предъявляемых научным наименованиям. Д. С. Лотте подразделял все термины на правильно ориентирующие, нейтральные и неправильно ориентирующие (Лотте, 1961). Мы считаем, что не следует смешивать два понятия: желательность в принципе семантической прозрачности термина и реально существующие неудачные термины с неверно ориентирующей внутренней формой. Наличие последних не должно отрицать, дискредитировать саму идею, сам принцип создания термина с ориентацией на его семантическую прозрачность. Отрицать следует не принцип мотивированности термина, а лишь недоброкачественность такой мотивации. В основу номинации может быть положен даже не самый существенный признак, а признак чисто внешний или вызывающий только смысловую ассоциацию. Внутренняя форма не может, да и не должна отражать все стороны терминируемого понятия (для этого существует дефиниция).

Главное, чтобы заключенная в самой форме наименования информация не противоречила фактической, научной информации, которая закреплена за этой языковой единицей в конкретной системе научных знаний. Если это требование соблюдается, то любая наглядность, семантическая прозрачность, объяснимость номинации всегда, по нашему глубокому убеждению, предпочтительнее номинации чисто знаковой.

В терминосистеме русских научных названий насекомых тенденция к использованию терминов с прозрачной внутренней формой проявляется весьма отчетливо. Применительно к терминологии чаще всего выделяют три типа мотивированности: словообразовательно-морфологический, синтаксический и семантический, которые соответствуют трем основным способам терминообразования в русском языке. Мы приведем примеры морфологически мотивированных энтомосе-

мизмов, которые составляют конкуренцию исконной латинской терминологии, а затем уделим основное внимание наименованиям, образованным в результате метафоризации, ибо сам характер метафор фиксирует особенности национального мировосприятия.

Любое терминотворчество на почве национального языка, будь то традиционное морфологическое словообразование или словообразование в результате семантических переносов значения,—интереснейшее явление, суть которого в СИНТЕЗЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ И ФОРМАЛЬНЫХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА ТОГО ИЛИ ИНОГО ЭТНОСА. Именно эта часть терминологии любой науки выполняет роль связующего звена между горизонтами языка науки и литературных языков, о желательности и необходимости которого говорили Ментруп, Гиппер, Вайнрих (Ментруп, 1983, Gipper 1969, Weinrich 1976) и другие исследователи, обеспокоенные углублением пропасти между профессиональными языками и их единой основой — языком общенародным. Нас, учитывая цели нашей работы, в первую очередь привлекает пласт сравнительно молодых по происхождению терминов, противостоящих, с одной стороны, древнейшим исконным названиям общенародного языка, ставшим впоследствии элементами терминосистем и давно потерявшим свою внутреннюю форму (восстановить ее можно лишь путем этимологических разысканий), а с другой стороны — заимствованным терминам, которые могут быть чисто знаковыми, т. е. лишенными для пользователя семантической прозрачности, либо иметь таковую, но отражать внутреннюю форму, заложенную в заимствованный термин и воспроизведенную при калькировании.

Именно этот пласт относительно молодых научных обозначений, созданных на базе лексики и словообразовательных моделей обиходного языка, составляет «лицо» ННКМ, определяет национальную специфику языка науки разных языковых социумов. По мотивированным наименованиям, типа *плавунец, короед, усач, корнежил, коконопряд, кровососка, зеленушка, долгоносик, ночница, рогач* и т. п., можно составить себе представление о внешнем виде насекомого, среде его обитания, характере пищи или образе жизни. Те же самые объекты в других национальных терминологиях тоже могут иметь прозрачную внутреннюю форму, но за основу их номинации могут выбираться совершенно иные признаки. Эксплицированность в каждом конкретном термине одной из всех возможных характеристик научного понятия — это проявление национального способа видения мира.

По степени связанности с планом содержания терминосистемы, по степени зависимости «прозрачности» обозначения от специальных

знаний мы предлагаем выделять три группы словообразовательно-морфологически мотивированных терминов.

К первой группе мы относим научные обозначения, чья внутренняя форма характеризует объект таким образом, что любому носителю данного национального языка понятно, какая характеристика и почему лежит в основе номинации. Приведем несколько примеров русских научных названий насекомых этого типа:

большоголовки — мухи с большой, почти шаровидной головой;
водолюбы — семейство жуков, живущих в стоячей воде водоемов;
шаровки — мелкие мухи с шарообразным коротким телом и почти сферической головой;
мертвоеды — семейство жуков, большинство видов которого живет и развивается на трупах животных;
вилохвост — бабочка семейства хохлаток, гусеницы которой имеют задние ноги, не служащие для передвижения, а образующие хвост-вилку;
скрытники — семейство жуков, встречаются в темных, сырых местах;
мокрецы — семейство насекомых, личинки развиваются в водоемах, лужах, колодцах, канавах, в лесной подстилке и других сырых местах.

Приведенные примеры мы сопроводили фрагментами дефиниций из словаря-справочника, которые отражают тот же признак терминируемого понятия, что и сама форма наименования.

Другая группа терминов представляет собой наименования с формально очевидной мотивацией, но не позволяющей обычному носителю языка определить, почему выбрана именно такая мотивация и с какой стороны она характеризует называемый объект. Смысл такой мотивации открывается только при анализе соответствующей дефиниции. Например, очевидно, что термин *мешочница* мотивирован одним из слов: *мешок*, *мешочек* или *мешочный*. Однако не ясно, с какой стороны терминируемое насекомое характеризуется: то ли мотивирующее слово указывает на среду обитания, то ли на какие-то морфологические особенности, то ли на характер пищи. Приведем примеры энтомосемизмов, у которых внутренняя форма формально очевидна, но смысл и причины именно такой мотивации становятся понятны только при более детальном знакомстве со всем комплексом характеристик, присущих называемому насекомому и зафиксированных в соответствующей ему дефиниции словаря-справочника. Сами термины мы будем сопровождать фрагментами дефиниций, поясняющими мотивацию:

мешочницы — гусеницы этих бабочек живут в переносных чехольчиках из шелковых нитей и покрытых сверху частичками почвы, песка (в своеобразных мешочках);

нарывники — семейство жуков, в крови которых содержится вещество кантаридин, использующееся в медицине для изготовления нарывного пластыря; *пенницы* — семейство насекомых, личинки которых выделяют секрет

в виде пены, окружающей тело насекомых; *орехотворки* — семейство насекомых, образующих галлы (наросты, похожие на орехи) на листьях деревьев и растениях; *пяденица* — семейство бабочек. Гусеницы пяденицы своеобразно передвигаются, изгибая тело дугой, как бы меряя пядями, откуда и произошло название семейства.

листобертка двулетняя —... насекомое, развивающееся в двух поколениях.

Третья группа мотивированных терминов объединяет наименования, имеющие в качестве мотивирующего слова другие термины, так или иначе относящиеся к области данной науки или смежных наук, в силу чего их внутренняя форма проясняется только тогда, когда понятно значение мотивирующего слова-термина. В качестве примеров можно назвать следующие наименования:

минер луковый — насекомое, личинки которого питаются мякотью листа, выедая **мины** (особый вид повреждения листа или стебля); *заболонник березовый* — (мотивирующим словом для опорного компонента дескрипции является существительное **заболонь** — молодой слой древесины, лежащий непосредственно под корой); *галлица малинная* — (мотивирующим словом для опорного компонента дескрипции является существительное **галл** — специфический нарост, образуемый некоторыми насекомыми на листьях деревьев и растений).

Возможно, что в других фрагментах НКМ, т. е. в других терминосистемах, представлены не все три типа морфологически мотивированных научных обозначений. Мы уже говорили, что НКМ и ее проекции на национальные языки (ННКМ) столь необозримы по объему и разнообразны по качеству, что любые наблюдения над языком науки следует всегда сопровождать ссылками на конкретный фрагмент НКМ. Обобщение же этих наблюдений и распространение выводов относительно их справедливости на все другие участки НКМ должно опираться на здравый смысл, логику и носить характер предположительности. Мы предполагаем, что сказанное выше о ценности прозрачности внутренней формы научных наименований и возможных типах морфологически мотивированных терминов справедливо для большинства участков ННКМ разных языков.

Наибольший интерес для нас представляют научные обозначения, чья внутренняя форма является результатом не мотивации каким-либо

СЛОВОМ, а результатом СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Явление семантической деривации достаточно сложно и требует, как нам кажется, некоей формализации. В противном случае можно утонуть в море очень интересных (иногда забавных), но разных по своей сути примеров. Сначала следует разграничить два типа явлений:

А. Регулярные метафорические переносы, наблюдаемые между словами — членами фрагмента ЯКМ и другими разрядами слов в рамках литературного языка, т. е. между другими фрагментами ЯКМ (**без выхода за пределы ЯКМ**).

Б. Регулярные метафорические переносы, наблюдаемые между терминами, составляющими фрагмент ННКМ, и определенными разрядами слов ЯКМ, т. е. **отношения семантической деривации между членами разных лексических систем: ННКМ и ЯКМ**.

Когда говорят о языковой метафоре применительно к названиям представителей животного мира, то чаще всего имеют в виду схему переноса ЖИВОТНОЕ ->-» ЧЕЛОВЕК (см.: Складская, 1988, с. 55). Проанализированный нами лексический материал позволяет говорить о более сложных видах семантической производности. Схематично отношения семантической производности обиходных и научных названий насекомых выглядят так (стрелка указывает направление метафорического переноса):

На схеме «А» видно, что в рамках ЯКМ названия насекомых могут быть как исходной единицей семантической деривации, когда энтомосе-мизм метафорически переосмысливается и приобретает новое значение, так и результатом семантической деривации, когда энтомосемиз-мом становится слово, до этого используемое как название человека, животного или предмета. Стрелками 1 и 5 обозначены семантические переносы, где названия насекомых — исходные единицы метафоризации. Перечислим примеры вторичной номинации этого типа. Перенос по направлению НАСЕКОМОЕ ->—> ЧЕЛОВЕК (стрелка 1):

Жук (1) (насекомое) —>—> *жук* (2) (ловкий человек, плут). В основе вторичной номинации метафорический перенос по сходству скрытой «манеры поведения», «замкнутости» данного вида насекомых и аналогичными качествами ловкого, скрытного человека, человека «себе на уме», плута.

Стрекоза (1) (насекомое) ↗→ *стрекоза* (2) (живая, подвижная девушка, девочка). В основе вторичной номинации метафорический перенос по сходству быстроты перемещения, подвижности, стремительности движений, их некоторой хаотичности.

Божья коровка (1) (насекомое) ↗→ *божья коровка* (2) (безобидный, тихий человек, не умеющий за себя постоять). Интересно отметить, что энтомосемизм божья коровка сам является результатом семантической деривации, так как данное словосочетание было использовано для образного выражения идеи медлительности и безобидности, присущих этому насекомому. Позднее же это наименование уже само выступило в качестве источника семантической деривации. Сходство по тем же качествам медлительности и безобидности явилось основой еще одной вторичной номинации, на этот раз — человека — носителя вышеназванных качеств; фактически, в данном примере можно говорить о двух ступенях деривации, двух деривационных шагах.

Клоп (1) (мелкое паразитическое насекомое) ⇒→ *клоп* (2) (маленький ребенок, малыш). В основе вторичной номинации метафорический перенос по сходству небольших размеров. Оба ЛСВ содержат сему «маленький, мелкий».

Тля (1) (мелкое паразитическое насекомое) —>—> *тля* (2) (ничтожный, никчемный человек). В основе вторичной номинации лежит сформировавшееся в языковом сознании представление о данном насекомом, как о бесполезном, мелком, ничтожном. Такое представление метафорически и переносится на человека, когда хотят подчеркнуть его незначительность, ничтожность.

Козявка (1) (всякое мелкое насекомое) —>—> *козявка* (2) (мелкий, незначительный человек). Механизм возникновения вторичной номинации примерно такой же, как и в предыдущем примере. Доминирующая

в лексическом значении энтомосемизма сема «мелкий» в языковом сознании начинает восприниматься нерасчлененно с семой «незначительный, ничтожный», что и является основанием для вторичной номинации, при которой доминирующей семой уже является возникшая по ассоциации сема «ничтожность».

Все дериваты в приведенных выше примерах в Словаре русского языка всегда сопровождаются пометами «просторечное», «разговорное», «шутливое», «пренебрежительное», «ироничное». Это говорит о том, что все образованные таким образом лексико-семантические варианты слова являются ресурсом образной речи, выполняют характеризующую функцию, а не номинативно-классифицирующую, когда дериват становится полноценной языковой номинацией некоторого класса объектов. Другими словами, существительные *жук*, *стрекоза*, *клоп*, *тля*, *божья коровка*, *козявка* и в своем втором значении не перестают быть наименованиями насекомых, а только используются в характеризующей функции для номинации другой группы денотатов (людей) с целью образного выделения тех или иных свойств, качеств человека, с целью внесения оценочного компонента в номинацию (см.: Прищепчик, 1988, с. 210—212).

Перенос по направлению НАСЕКОМОЕ -*->» ПРЕДМЕТ (стрелка 5):

Бабочка (1) (насекомое) $\rightarrow$ *бабочка* (2) (галстук в виде банта). В основе вторичной номинации лежит метафорический перенос по сходству формы.

Мурашка (1) (= муравей, чаще мелкий) $\rightarrow$ *мурашки* (2) мн. ч. (пупырышки, появляющиеся на коже от холода, озноба, страха). В основе вторичной номинации, скорее всего, метафорический перенос по сходству ощущений, возникающих при ознобе и при перемещении по коже муравья. Не случайно, слово *мурашки* употребляется обычно вместе с глаголом «побежали», «забегали», «бегают»..

Шпанская муха (1) (небольшой жучок) $\rightarrow$ *шпанская муха* (2) (пластырь из высушенного и измельченного жучка). В основе вторичной номинации лежит метонимический перенос названия материала на изделие из него (так же как *медь* (1) (металл) $\rightarrow$ *медь* (2) (медные деньги). Это единственный пример, когда в основе семантической деривации находится не метафорический, а метонимический перенос.

Все три деривата выполняют в языке номинативную (идентифицирующую, классифицирующую) функцию, став регулярной языковой номинацией денотатов, принадлежащих другим классам предметов (не насекомое). При этом первоначально существовавшая образность исчезает и со временем может совсем перестать ощущаться. Если это произойдет, то эти пары лексико-семантических вариантов слов

перейдут в разряд омонимов, пока же отношения семантической производности существуют и ощущаются носителями языка.

Вторая группа обиходных названий насекомых — это названия, которые сами были образованы в результате семантического переноса значений слов, называющих людей, животных, предметы. На схеме «А» переносы этого типа обозначены цифрами 2, 3, 4.

Перенос по направлению ЧЕЛОВЕК $\rightarrow$ НАСЕКОМОЕ (стрелка 2):

Наездник (1) (всадник, тот, кто едет верхом); *наездник* (2) (человек, владеющий искусством верховой езды); *наездник* (3) (специалист, ведущий тренировку рысистых лошадей на ипподромах, конных заводах $\rightarrow$ *наездник* (4) (мелкое насекомое, личинки которого паразитируют на теле других насекомых).

Дровосек (1) (тот, кто занимается рубкой леса) $\rightarrow$ *дровосек* (2) (жук, личинки которого питаются древесиной).

Основой семантического переноса в обоих случаях послужило сходство действий, производимых людьми и насекомыми, в сочетании с образным восприятием действий последних, их метафоризации: паразитировать = «ездить верхом на других насекомых», питаться древесиной = «подтачивать деревья, валить их».

Следующие четыре примера требуют комментария. Дело в том, что отношения между этими парами слов могут трактоваться по-разному: либо как отношения семантической производности одного слова от другого, либо как отношения сопроизводности (параллельной производности) от общей мотивирующей основы путем аффиксации, либо как наличие изначально семантической производности и ее последующая утрата в сознании носителей языка. Имеются в виду следующие корреляты:

Щелкун (1) (тот, кто щелкает), *щелкун* (2) (щипцы для шелканья орехов), *щелкун* (3) (пустой светский человек) $\rightarrow$ *щелкун* (4) (жук, издающий характерный щелкающий звук при переворачивании его со спины на брюшко).

Точильщик (1) (рабочий, занимающийся точкой режущих предметов) $\rightarrow$ *точильщик* (2) (жук, вредитель древесины).

Могильщик (1) (рабочий, занимающийся рытьем могил), *могильщик* (2) (тот, кто несет кому-, чему-либо смерть, уничтожает кого-, что-либо) $\rightarrow$ *могильщик* (3) (жук, питающийся падалью).

Усач (1) (человек с усами) $\rightarrow$ *усач* (2) (речная рыба семейства карповых), *усач* (3) (жук, имеющий длинные усы).

Возможная трактовка данных слов не только как находящихся в отношении семантической производности, но и как омонимов или как слов, параллельно образованных от общей производящей основы, т. е. как содериватов.

Перенос по направлению ЖИВОТНОЕ-» НАСЕКОМОЕ (стрелка 3 на схеме «А») (все семантические переносы этого типа сопровождаются суффиксацией, используется уменьшительный суффикс -к):

Черепаха → *черепашка* (насекомое). Основой для метафорического переноса послужило то, что насекомое по форме тела и вследствие сильной хитинизации покровов имеет отдаленное сходство с черепахи. На это обращается внимание даже в специальном Словаре-справочнике энтомолога.

Сова → *совка* (насекомое). В основе метафорического переноса лежит ночной образ жизни названной так бабочки.

Медведь → *медведка* (насекомое). В основе переноса, очевидно, то, что тело насекомого покрыто короткими бархатистыми волосками, что вызывает ассоциации с медведем.

Кобыла → *кобылка* (насекомое). Основа переноса, очевидно, — характерный способ передвижения, вызывающий соответствующие ассоциации.

Перенос по направлению ПРЕДМЕТ -*» НАСЕКОМОЕ (стрелка 4 на схеме «А») представлен лишь одним примером:

Мертвая голова (черепа) → *мертвая голова* (ночная бабочка со своеобразным рисунком на спине, напоминающим черепа). Основа вторичной номинации — метафорический перенос по внешнему сходству.

Обратимся теперь к схеме «Б», на которой схематично изображены отношения семантической производности между названиями-терминами (элементами НКМ) и рядами слов литературного языка (элементами ЯКМ). На схеме видно, что семантическая деривация в этом случае осуществляется в одном направлении: слова обиходного языка путем метафорического переосмысления превращаются в термины.

Чаще всего, метафоризации подвергаются названия животных и стилистически и эмоционально окрашенные обозначения людей. Становясь терминами, такие слова, естественно, утрачивают эмоциональную и стилистическую окрашенность. Обычно перенос осуществляется по сходству размеров, характерных действий или общего внешнего вида. Мы отметили три модели семантического переноса; приведем примеры каждого из них.

Метафорический перенос по направлению ЧЕЛОВЕК —» НАСЕКОМОЕ (стрелка 1 на схеме Б):

Притворяшки — семейство жуков. Потревоженные жуки подгибают ноги и падают, оставаясь некоторое время неподвижными.

Притворяшка-вор —... название дано в связи с ночным образом жизни и способностью впадать в неподвижное состояние.

Бродяжки — личинки червецов, щитовок и др. Благодаря малому весу они легко переносятся ветром, иногда на далекие расстояния, ведут подвижный образ жизни, что способствует расселению вида.

Бабочка-адмирал —... имеет очень красивую, «адмиральскую» окраску.

Названия *жук-дровосек*, *могильщик*, *точильщик*, *шелкун*, *наездник* используются не только в качестве общелитературных слов, но и как термины-энтосемизмы. О характере метафорического переноса, лежащего в основе их образования, мы уже говорили, комментируя схему А.

Пчела-плотник (основу переноса выяснить не удалось).

Крошка свекловичная — очень мелкий жук, длина тела 1,2—1,8 мм.

Моль-малютка — семейство молей, мельчайшие представители соответствующего отряда.

Карапузики — семейство мелких жуков.

Во всех трех последних примерах имеет место метафорическое переосмысление уменьшительно-ласкательных обозначений людей (чаще детей) на основе сходства маленьких размеров, но есть один пример, где в основе сходство больших размеров: *сколия-гигант*.

Метафорический перенос по направлению ЖИВОТНОЕ —» НАСЕКОМОЕ (стрелка 2 на схеме Б):

Волк пчелиный —... уничтожает медоносных пчел (т. е. является по отношению к ним хищником, а волк — тоже хищник).

Лев муравьиный — семейство насекомых, личинки которых хищничают, поедают муравьев и других насекомых (лев — тоже хищник).

Шмель-кукушка — развивается в гнездах обычных шмелей как паразит (в основе номинации аналогия с кукушкой, подбрасывающей свои яйца в гнезда других птиц).

Кобылки (основа переноса — способ передвижения).

Совки — часы их наибольшей активности приходятся на вечерне-ночное время, как и у сов.

В основе номинации приведенных выше наименований сходство тех или иных видов насекомых с определенными животными по каким-либо характерным действиям или образу жизни. Метафорическому переносу названия животных могут подвергаться и на основании другого признака, а именно — на основании сходства с именуемым насекомым по внешнему виду (окраске, форме тела или его частей). По этой модели образованы следующие наименования:

пяденица-пантера (имеет бархатно-черную окраску);
медведица пестрая (гусеницы имеют густоволосистый покров);
жук-олень и *жук-носорог* (морфологические особенности этих жуков с сильно развитой ротоголовной частью тела вызывают ассоциации с данными животными);

черепашка (наличие хитинового покрова и форма тела представителей этого семейства клопов вызывают ассоциации именно с черепахами);

слоник-зеленушка (жуки семейства слоников имеют сильно вытянутый нос в виде хоботка, напоминающего хобот слона).

Одно наименование можно назвать «смешанным», оно состоит из двух слов, одно из которых называет животное, а другое — человека: *медведица-девочка*. Что легло в основу этой явно метафорической по происхождению номинации, нам выяснить не удалось.

Метафорический перенос по направлению ПРЕДМЕТ →•→ НАСЕКОМОЕ (стрелка 3 на схеме Б):

- стрекоза-коромысло* (сходство формы);
- парусники* (сходство формы);
- бразжник мертвая голова* (сходство рисунка на крыльях с черепом);
- павлиний глаз дневной* (сходство по яркости окраски);
- красная орденская лента* (сходство по цвету и окраске);
- червонец огненный* (сходство по цвету).

В основе семантического переноса в этих примерах, как мы видим, лежит сходство того или иного предмета в широком смысле слова с называемым насекомым по одной из внешних характеристик (форма, цвет, рисунок на крыльях, расцветка).

Регулярно реализуемые модели семантических переносов значения литературных слов для создания слов-терминов индивидуальны. Для каждой терминосистемы, т. е. для каждого фрагмента НКМ, поэтому каждый раз нужно анализировать конкретный фрагмент НКМ (отдельную терминосистему) и указывать, что выявленная типология метафоризации общеупотребительных слов характерна именно для данного круга специальной лексики, что в других терминосистемах могут действовать другие закономерности, в качестве исходных единиц семантических переносов могут использоваться совершенно иные группы слов литературного языка. Это, тем не менее, не исключает возможности того, что в близких друг другу областях науки могут быть обнаружены сходные типы образования научных обозначений на основе общеупотребительной лексики.

Обратимся, к примеру, к ихтиологической терминологии (энтомологию и ихтиологию можно считать смежными областями знания

в том смысле, что обе науки включают в себя научные таксономии одного из разделов фауны).

Ихтиологические словари-справочники помимо латинских обозначений дают русские эквиваленты, многие из которых являются результатом семантического переноса значения какого-либо слова обиходного языка. Анализ первых же двух десятков ихтиологических терминов-метафор дает основание полагать, что механизмы лек-сико-семантического образования ихтиологических терминов и тер-минов-энтомосемизмов практически одинаковы, поскольку с точки зрения типологии моделей семантического переноса значения слов общеупотребительных для образования слов-терминов такие энтомологические обозначения, как *шмель-кукушка*, *пяденица-пантера*, *жук-олень*, *жук-носорог*, *слоник* и т. п., и названия рыб, типа *рыба-еж*, *рыба-кабан*, *рыба-зебра*, *рыба-кролик*, абсолютно идентичны. Поэтому, если мы захотим сделать схему, отражающую характер и направления метафорических переносов при образовании названий рыб, то она, видимо, окажется такой же, как и для терминов-энтомосемизмов (см. схемуБ), а именно:

Русское научное название рыбы (ихтиологический термин) План языка науки, фрагмент НКМ

Обозначение человека Обозначение предмета Обозначение животного План литературного языка, фрагмент НКМ.

рыба-клоун	меч-рыба	рыба-бабочка
рыба-рыцарь	сабля-рыба	рыба-еж
рыба-мичман	игла-рыба	рыба-кабан
капитан	рыба-молот	рыба-зебра
хирург	рыба-солнце	рыба-кролик
ворчун	луна-рыба	рыба-попугай
удильщик	рыба-зеркало	лягушка-рыба
	рыба-бритва	рыба-жаба
	рыба-пила	рыба-змейка
	рыба-свеча	морской конек
		бычок

Основания для метафорического переноса те же, что и у названий насекомых,— сходство называемого объекта с каким-либо животным, предметом или даже человеком по внешнему виду (форма тела, головы, плавников; окраска), особенностям морфологии, каким-либо характерным действиям. Часто признак, положенный в основу номинации, очевиден, достаточно взглянуть на фотографию или рисунок той или иной рыбы (*морской конек, игла-рыба, меч-рыба, рыба-еж, рыба-пила, рыба-молот*), в других случаях причины именно такой, а не иной номинации могут быть прояснены только с помощью комментариев специалистов: либо это лингвисты-терминологи, анализирующие термины с точки зрения способа их образования и объяснения внутренней формы (например, см.: Прохорова, 1983), либо специалисты соответствующей области знания, которые по каким-либо причинам решают «открыть глаза» непосвященным на истоки возникновения «говорящего» термина (например, см.: Цепкий, 1998). Приведем несколько примеров:

НАЗВАНИЕ РЫБЫ:	ПРИЗНАКИ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВУ НАЗВАНИЯ-МЕТАФОРЫ:
Рыба-кролик	небольшой рот, зубы в виде резцов;
Рыба-попугай	яркая окраска, сросшиеся на обеих челюстях воедино зубы, что сделало их похожими на клюв попугая;
Лягушка-рыба	отсутствие чешуи на толстой коже, короткое вздутое спереди тело;
Рыба-жаба	способность издавать с помощью плавательного пузыря громкие звуки;
Рыба-свеча	длинное тело, высокое содержание жира делает возможным использовать высушенное тело рыбы в качестве свечи;
Рыба-клоун	очень пестрая окраска;
Рыба-мичман	светящиеся пятнышки на теле, напоминающие начищенные пуговицы на кителе моряка;
Рыба-рыцарь	очень прочная, крупная чешуя с шипами образует сплошной панцирь, покрывающий все тело рыбы;

Удильщик

длинный изогнутый вырост на голове со светящимся наконечником, напоминающий удочку, который служит для того, чтобы приманивать добычу.

Выбранный для метафорического переосмысления признак играет роль МАРКЕРА. Этот маркер должен воплотиться в номинации, которая именно этот признак и именно в данном конкретном национальном языковом сознании олицетворяет в наибольшей степени. Например, «полосатость» можно соотнести с зеброй, а можно и с тигром; яркость и пестроту окраски можно соотносить и с павлином, и с клоуном. Что именно выбрать для символизации наиболее характерного признака, какое слово положить в основу термина-метафоры? Это зависит от вкусов работающих в данной научной области специалистов, которые занимаются (или занимались в соответствующий исторический период) терминотворчеством на основе своего родного языка. Совершенно очевидно, что эти вкусы не могут не быть детерминированы коллективным национальным языковым сознанием, включающим в себя в качестве составных частей и особенности национальной образности мышления, и национальную эстетику, и всю коннотативную зону языка.

Общность национального языкового сознания проявляется не только в терминах, образованных лексико-семантическим путем, но и в терминах, образованных морфологическим способом и сохранивших «прозрачность внутренней формы», т. е. в тех терминах, которые имеют семантически очевидную связь с мотивирующим общеупотребительным словом. Общность национального языкового сознания приводит к тому, что при номинации реалий разных областей научного знания в основу номинации кладутся одни и те же признаки, что приводит к появлению омонимов. Так, например, используемые нами в качестве иллюстративного материала энтомосемизмы имеют немало «двойников» среди других зоосемизмов (названий представителей фауны). Мы считаем, что такие слова логичнее считать именно омонимами, а не значениями одного многозначного слова, тем более, что многие зоосемизмы (как и названия насекомых) являются одновременно и словами обиходного языка, и специальными наименованиями, а многозначность терминам категорически противопоказана.

Приведем несколько примеров, когда имеет место не просто омонимия, а совпадение мотиваций, т. е. совпадение внутренних форм слов, которые используются и в качестве литературных слов, и в качестве специальных обозначений в соответствующих научных систематиках:

Древооточец (1) (ночная бабочка) — *древоточец* (2) (морское животное из числа моллюсков и ракообразных).

Ночница (1) (ночная бабочка) — *ночница* (2) (мелкая летучая мышь).

Огневка (1) (небольшая бабочка) — *огневка* (2) (лисица с яркой красноватой шерстью).

Медяница (1) (сосущее насекомое) — *медяница* (2) (безногая ящерица медно-серого цвета).

Совка (1) (ночная бабочка) — *совка* (2) (птица отряда сов).

Зеленушка (1) (мелкое насекомое) — *зеленушка* (2) (птица оливково-зеленой окраски) — *зеленушка* (3) (рыба ярко-зеленой окраски).

Усач (1) (жук)—*усач* (2) (речная рыба семейства карповых).

Мы не привели объемные научные дефиниции каждого из обозначений, поскольку даже небольших фрагментов из толкований этих слов в словаре вполне достаточно, чтобы убедиться в общности признака, положенного в основу номинации.

Совпадение внутренних форм можно, как нам представляется, интерпретировать как проявление общности языкового сознания носителей данного (в нашем примере — русского) языка. Носители языка всегда отмечают в называемых объектах те черты, которые ИМ представляются существенными или которые вызывают у НИХ наибольший эмоциональный отклик. Если выделенный таким образом признак не противоречит сущности называемого объекта, не искажает ее, то само такое наименование легко может быть заимствовано языком науки для использования уже в качестве термина. Именно таким образом национальная образность, национальное мировосприятие проникают в язык науки, формируют НАЦИОНАЛЬНУЮ научную картину мира (ННКМ). Метафоричность слов уникальна в каждом языке, она создает неповторимую национальную особенность языков, которая в значительной мере влияет на восприятие и понимание человеком мира. Сказанное в полной мере относится и к словам-терминам, имеющим прозрачную внутреннюю форму или образованным лексико-семантическим путем в результате семантического переноса значения.

Сопоставление аналогичных терминосистем разных языков, т. е. сравнение одноименных фрагментов разных ННКМ, неизбежно выявит расхождения в том, что касается внутренней формы наименований, признаков, которые кладутся в основу номинации, расхождения в характере метафоричности. «Сравните: по-русски — *снегирь*, от слова «снег»; по-немецки — *Gimpel*, от слова «прыгать»; по-французски — *pivoine*, от слова «пион»; а по-сербски — зимовка, от «зима». Каждый

язык сформировал название этой птицы, исходя из совершенно различных соображений: французский отмечает цвет, немецкий — манеру двигаться и т. д.» (Исаева, 1997, с. 77).

Или другой пример, но уже из области энтомологии. Гусеница бабочек семейства свингидов в момент опасности «принимает характерную позу — брюшными ножками-присосками она держится за стель растения, а передний конец тела поднят и изогнут в виде вопро-сительного знака. Эта поза напоминает об изогнутых шеях средневековых чудовищ или о движении кобры, приготовившейся к нападению. Кому-то из ученых показалось, что застывшая гусеница похожа на сфинкса» (Свиридов 1997, с. 158), что, очевидно, и послужило основанием для создания латинского термина «свингиды». Разные языки по-разному «увидели» эту бабочку и положили в основу номинации разные признаки, ей присущие: в английском языке эти бабочки получили название *hawks* (соколы), что, по всей вероятности, указывает на особенности полета и хищные повадки; в немецком языке — *die Schwärmer* (фейерверки) из-за яркой необычной окраски; французский язык заимствовал латинское «видение» *les sphinxes* (сфинксы). Русское название этих бабочек бражники указывает на уникальную способность добывать цветочный нектар, мед из узких и длинных венчиков цветков, мед же в старину ассоциировался с хмельным напитком, медовухой, брагой, отсюда и такое необычное название. Уникальную возможность «бражничать» этим бабочкам дает их особенно длинный хоботок (до 19см, а у одного из видов, обитающего на Мадагаскаре,—до 35см.), который они могут на лету запускать в узкие и длинные венчики цветов, чей нектар оказывается недоступным для видов с менее длинными хоботками.

Мы уже упоминали очень яркое метафорическое название одной из бабочек этого семейства бражник мертвая голова. О происхождении этого названия в несколько шутовском тоне рассуждает автор специальной статьи об этом виде бабочек: «... у бабочки мертвая голова из семейства бражников на спине пятно, напоминающее очертания человеческого черепа, а под ним угадываются скрещенные косточки. Просто плагиат с пиратского флага. Однако бражник мертвая голова, конечно, древнее любого из пиратов. Возможно, у нее позаимствовали изображение, которое украшало «веселый роджер». Тем более, что мертвая голова тоже отличается разбойничьим характером,— было замечено, что эта бабочка любит похищать мед из ульев пчел. При этом она издает громкий писк, дополняющий эффект грабительского нападения» (Свиридов, 1997, с. 158).

Приведем несколько примеров национальной логики образного мышления, проявившейся в ихтиологической терминологии русского

языка и китайского. Помимо совпадений типа МОРСКОЙ КОНЕК — HÁI-MÁ («морская лошадь»), РЫБА-ПИЛА — CHÜ-CHÍÁO («пила — глубоководная рыба»), МЕЧ-РЫБА — CHÍÉN-YÚ («меч-рыба»), МОРСКАЯ ЗВЕЗДА — HAI-XÍNG («морская звезда»), УЛИТКИ (БРЮХОНОГИЕ МОЛЛЮСКИ) — FU-ZÚ-LEI («класс брюхоногих»), ЗОЛОТАЯ РЫБКА — JIN-YÚ («золотая рыба»); ЯПОНСКИЙ СКАТ-БАБОЧКА — HÚDIÉ-YÚ («бабочка-рыба»); ЛАМАНТИН; МОРСКАЯ КОРОВА — HAI-NIU («морская корова»), мы обнаружили и весьма интересные расхождения:

РЫБА-МОЛОТ — HÚ-TÓU-SHÁ («акула — тигровая голова»);

РЫБА-БАБОЧКА — FEI-YÚ («летающая рыба»); ЛУНА-РЫБА — FÁN-CHE-YÚ («рыба — опрокинутая телега»); УДИЛЬЩИК — TÉNG-LÚNG-YÚ («рыба — фонарь дракона»); РЫБА-ЕЖ — HE-TÚN («речной поросенок»);

ДЕЛЬФИН — HAI-TUN («морской поросенок»); МОРСКАЯ

СВИНКА — TÚN-SHÚ («поросенок-мышь»); САБЛЯ-РЫБА;

ВИЛОХВОСТ — DÁI-YÚ («лента-рыба»); МИДИЯ —

DAN-CAI («пресное, безвкусное кушанье»);

МОРСКАЯ ИГЛА; ЯПОНСКАЯ ИГЛА-РЫБА — HAI-LÓNG («морской дракон»); ТРЕПАНГ; МОРСКОЙ ОГУРЕЦ — HÁI-SHEN («морской женьшень»);

АСЦИДИЯ — HAI-QIAO («морские ножны для меча»);

МЕДУЗА — SHUI-MU («вода; мать (самка.матка)») и HAI-ZHE («море; впадать в зимнюю спячку»); МОРСКОЙ ЕЖ —

HAI-DÁN («морской смельчак»);

ДАФНИЯ — SHÜI-ZÁO («водная блоха»); JIN-YÚ-CHÓNG («насекомое (червь) для золотой рыбы»);

МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ — FÚ-FÉN («скат — летучая мышь»);

ДВУСТВОРЧАТЫЕ МОЛЛЮСКИ — FU-ZÚ-LEI («класс топорногих»);

КАМБАЛА ОСТРОГОЛОВАЯ — GÁO-YÁN-DIÉ («камбала с высоко расположенными глазами»); ЩУКА — GÓU-YÚ

(«собака-рыба»); БРАХИОЗАВР — SÁI-LÓNG

(«жабры дракона»); 64

ИГЛА-РЫБА — YÁNG-ZHI-YÚ («рыба — прут /ветка/ тополя»);

СОБАКА-РЫБА — HÉ-TÚN («речной поросенок»); МЕЧЕХВОСТ — HOU (внутренняя форма отсутствует); ЗМЕЕГОЛОВ — HEI-YÚ («черная рыба»);

ЖЕЛТЫЙ ГОРБЫЛЬ — HUÁNG-YÚ («желтая рыба»), HUÁNG-HUÁ-YÚ («рыба — желтый цветок»);

РЕЧНОЙ ДЕЛЬФИН — JIANG-TUN («речной поросенок»). Такую же внутреннюю форму имеют и эквиваленты *рыбы-ежа* и *собаки-рыбы*, но в каждом из наименований используются разные иероглифы, поскольку для обозначения реки китайский язык располагает несколькими иероглифами.

ФЛЮТА; БЕЛОБРЮХИЙ ЛОЖНЫЙ УГОРЬ — HUÁNG-SHÁN («желтый угорь»);

МЕЧ-РЫБА — JIÁN-YÚ («стрела-рыба»);

СЕЛЬДЬ-ИЛИША; ИНДИЙСКИЙ ШЕД — KUÁI-YÚ («быстрая рыба»);

ТУНЕЦ ОБЫКНОВЕННЫЙ (ГОЛУБОЙ) — JÍN-QIÁNG-YÚ («рыба — золотое копьё»);

ТОЛСТОЛОБИК — LIAN (внутренняя форма отсутствует»);

ЛАНГУСТ; ОМАР — LÓNG-XIÁ («дракон-рак»);

КРЕВЕТКА — MÍNG-XIÁ («прозрачный рак»);

ПОПЕРЕЧНОПОЛОСАТАЯ МАКРЕЛЬ — MA-JIÁO («лошадь-акула»);

КАШАЛОТ — MO-XIANG-JING («покрытый благовониями /благоухающий/ кит»);

КАРАКАТИЦА; СЕПИЯ — MÓ-DÓU-YÚ («черная драчун-рыба»);

КАМБАЛА — PIÁN-KÓU-YÚ («рыба — кривой рот»);

ПАРУСНИК-РЫБА — QI-YÚ («флаг-рыба»);

ПРЕСНОВОДНАЯ КРЕВЕТКА — QÍNG-XIÁ («голубой /зеленый/ рак»);

ЧЕРНЫЙ АМУР; ТРУБОЧИСТ; КИТАЙСКАЯ ПЛОТВА — QÍNG-YÚ («черная /синяя, зеленая/ рыба»);

ТИХООКЕАНСКАЯ ТРЕСКА — DÁ-TÓU-YÚ («большеголовая рыба»);

АКУЛА — SHÁ-YÚ («песчаная рыба»); МОРСКОЙ ГРЕБЕШОК —

SHÁN-BEI («веер-моллюск»); КРАСНАЯ БАППАКУДА — SUÓ-ZI-YÚ («челнок-рыба»);

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЧЕРЕПАХА — TUÁN-YÚ («круглая рыба») (китайский язык использует слово *yú* (рыба) для обозначения не только рыб, но и других видов животных, обитающих под водой, но рыбами не являющихся, например *кальмаров, черепах, саламандр, каракатиц* и т. п.);

ИСПОЛИНСКАЯ САЛАМАНДРА — WA-WÁ-YÚ («ребенок-рыба»);

РЫБА-ЗЕРКАЛО; ПАМПУС — YÍNCHANG («серебряный чанг» /внутренней формы нет/);

ПОЛОСАТОЕ ПРИЛИПАЛО — YIN (внутренней формы нет);

ЧЕРНЫЙ ТОЛСТОЛОБ — YÓNG (внутренней формы нет);

ЯПОНСКИЙ ПОЛУРЫЛ — ZHEN (внутренней формы нет);

ЛАПША-РЫБА; САЛАНКС — YÍN-YÚ («серебряная рыба»);

МЯГКАЯ (ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ) ЧЕРЕПАХА; КИТАЙСКАЯ АМИДА — YUAN-YU («главная (первая) рыба»);

ОСЬМИНОГ — ZHANG-YU («печать-рыба») (видимо, из-за сходства формы присосок на щупальцах с традиционными китайскими печатями с фамильными иероглифами, которые используют вместо подписи);

МИДИЯ — YÍBÉI («дарить; моллюск»);

Подобные примеры можно продолжить, можно выбрать для сравнения любые терминосистемы, любые языки — результат будет один и тот же: неизбежно «наложение» друг на друга разноязычных терминосистем будет выявлять несовпадение мотиваций семантически прозрачных терминов, а следовательно — и неодинаковость образности мышления разных языковых сообществ.

Иногда в языке науки закрепляется не просто языковая метафора, свидетельствующая о специфике национальной образности, а просто факт национальной истории, культуры, или даже литературы. Именно о таком примере пишет О. В. Дунаевская: «Термин КВАРК... несет печать ассоциативности. Он пришел из романа Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», где герою снится, что он — король Марк из средневековой легенды, гонится на корабле за своей похищенной женой, а чайки кружатся над ним и человеческими голосами кричат: «Три кварка мистеру Марку!». И вот это слово, обозначающее в романе таинственное ничто, очень подошло для наименования частиц, о которых сначала лишь догадывались...» (Дунаевская, 1998, с. 65).

Самое интересное, что этот литературный курьез прочно внедрился во все НКМ, потеряв, правда, свою «литературную родословную», да и свою внутреннюю форму, заключавшуюся в утрированном указании на отсутствие таковой. Термин *кварк* — это своего рода шербовацкая *глокая куздра* с той лишь разницей, что о нем забыли, что это шутовское обозначение чего-то, что трудно представить и определить. Подобные национальные культурно-исторические «следы» наверняка можно обнаружить во многих национальных языках науки.

Постараемся сформулировать некоторые выводы относительно того, о чем говорилось в § 3:

1. Национальная специфика НКМ существует.
2. Эта специфика относится к плану выражения НКМ, т. е. к национальным терминосистемам.
3. В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе терминов с прозрачной внутренней формой и терминов, обретенных в результате метафорических переносов.
4. Термины с прозрачной мотивацией и термины-метафоры отражают образность мышления нации, которая является составной частью национального менталитета.
5. Как и любая другая специфика, специфика НКМ выявляется путем различного рода сопоставительных описаний, каждое из которых имеет собственные цели:
  - 1) сопоставление разных (но тематически близких) терминосистем одной НКМ способствует построению более полной и более репрезентативной типологии регулярно реализуемых в данной НКМ словообразовательных типов и моделей метафорических переносов;
  - 2) сопоставление одноименных терминосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинаций. Такие контрастные описания — суть демонстрации национально-индивидуального отображения единого содержательного инварианта;
  - 3) сопоставление одноименных терминосистем (фрагмента НКМ) и ЛСГ (фрагмента ЯКМ) объясняет причины «национального колорита» терминосистемы, устанавливает направления взаимного влияния фрагментов НКМ и ЯКМ в рамках одного национального языка.

6. НКМ в целом и НКМ отдельных языков могут описываться только фрагментарно (в силу своей необозримости). Наблюдения над отдельными фрагментами могут экстраполироваться на всю систему, но только при известных допущениях и оговорках о вероятностном характере подобных экстраполяции.

§ 4.0 характере взаимовлияния языковой картины мира национального языка и национальной научной картины мира

В двух предыдущих параграфах мы пытались доказать, что прямой связи между НКМ и ЯКМ нет, что интерпретировать развитие, изменение ЯКМ как стремление к соответствию объективному миру, а точнее — наиболее новому знанию о нем (т. е. к соответствию НКМ),— это значит не замечать очевидного принципиального различия между порождениями двух разных видов человеческого сознания: научного и языкового. Мы отрицаем не сам факт связи между НКМ и ЯКМ, а лишь ТАКУЮ ее интерпретацию. По нашему мнению, следует говорить не о стремлении ЯКМ к соответствию НКМ, а о взаимовлиянии, а еще точнее — о взаимовлиянии ЯКМ отдельного национального языка и ННКМ этого языка.

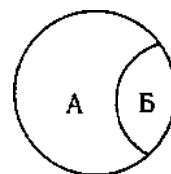
Лингвистический анализ двух конкретных лексических систем, представляющих собой фрагменты ННКМ и ЯКМ русского языка, позволил сделать некоторые наблюдения и обобщения, многие из которых, как нам кажется, можно распространить и на другие участки обеих картин мира. Основная закономерность может быть сформулирована следующим образом: взаимовлияние ЛСГ литературного языка и терминосистемы осуществляется по двум направлениям: с одной стороны, план выражения ЛСГ влияет на формирование плана выражения терминосистемы, поставляя последней как готовые лексические единицы, так и словообразовательные модели, в значительной мере направляя и корректируя процесс внешнего оформления терминологии на национальном языке. С другой стороны — план содержания терминосистемы оказывает подобное корректирующее влияние на содержательную сторону слов обиходного языка, на презентацию их значений в словарях.

Данная формулировка требует определенных уточнений. Во-первых, нужно иметь в виду, что языковое оформление любой терминологии опирается не только на соответствующие обиходные корреляты и даже не столько на них, сколько на весь строй языка, на всю его словообразовательную базу, на весь арсенал образности. Во-вторых, содержательная корректировка обиходных слов со стороны терминов отнюдь не означает попытки приблизить словарные дефиниции к научным по своему объему, а лишь предполагает ликвидацию, корректировку или уточнение заведомо неудачных определений, искажающих суть называемого объекта.

ННКМ		ЯКМ
план содержания	----- А	план содержания
план выражения	<---- Б	план выражения

Говорить об отраженной на приведенной выше схеме корреляции можно только применительно к одноименным фрагментам каждой из картин мира. При этом нужно иметь в виду, что очень большое число лексических единиц одной из картин мира просто не имеет коррелята в другой картине мира.

В научной картине мира таковыми являются терминосистемы, обслуживающие новейшие области знаний, объектами которых являются реалии и категории, для обывденного сознания просто не существующие. Терминосистемам, используемым в геной инженерии, микробиологии, физике молекулярных частиц и т. п., невозможно найти лексические соответствия в обиходном языке даже на уровне названия соответствующей ЛСГ. Обиходный язык «удостаивает» номинации только те реалии объективного мира, которые доступны непосредственному чувственному восприятию, либо реалии, хотя и не доступные такому восприятию, но уже прочно вошедшие в обиход в силу своей важности или по каким-то другим причинам. В целом же если говорить только об объективно существующем мире и его отражении научным и обывденным сознанием (и соответственно — его фиксации в виде НКМ и ЯКМ), то можно утверждать, что имеет место отношение ВКЛЮЧЕНИЯ:

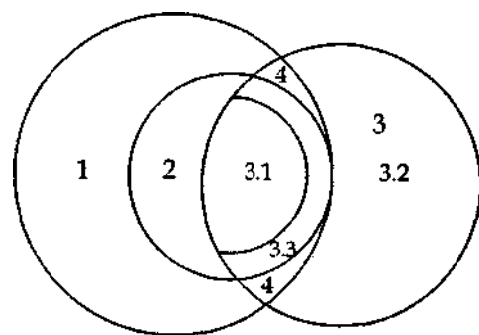

А — научная картина мира. Б — часть ЯКМ, отражающая и называющая объективно существующий мир.

Но принципиально важно, что НКМ не содержит в себе ничего, кроме отражения РЕАЛЬНОГО МИРА (НКМ стремится стать тождественной УНИВЕРСУМУ), ибо именно в этом и только в этом ее предназначение, а ЯКМ выходит далеко за рамки мира объективно существующих реалий. Не стремясь к тождеству с этим миром, она отражает огромный мир категорий, являющихся порождением человеческого сознания и существующих только в нем. Этот порожденный человеческим сознанием мир имеет сложную структуру, и мы подробно остановимся на ней в следующей главе. Сейчас же мы ограничимся условным делением ЯКМ на две части, первая из которых называет

ОБЪЕКТИВНЫЙ МИР, а вторая — МИР, ПОРОЖДЕННЫЙ коллективным человеческим сознанием. Этот мир включает в себя все то, что остается за рамками строгого научного знания: субъективные оценки, этику, эстетику, нравственно-ценностные категории, мифы в широком смысле слова и т. д. Этот порожденный мир «подвергается оязыков-лению» только породившим его обыденным сознанием и не является объектом точной науки и, как следствие этого, не отражается в НКМ. Единственным исключением следует признать ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ МИРА как элемент общей картины мира. Мифология (в самом широком смысле слова) породила огромное число материальных артефактов, ставших составной частью объективного мира и, соответственно, — объектом научного изучения со всеми вытекающими отсюда последствиями (формирование научных школ, соответствующих терминологий), в этом случае получается, что объектом научного изучения и фиксации в соответствующей части НКМ становятся реально существующие артефакты и мифологическое сознание, их породившее.

Схематично зоны возможных корреляций НКМ и ЯКМ, на наш взгляд, можно изобразить следующим образом:

1. Объективный мир;
2. НКМ;
3. ЯКМ;
- 3.1. Часть ЯКМ, называющая объективный мир;
- 3.2. Часть ЯКМ, называющая порожденный (субъективно-мифологический) мир;
- 3.3. «Объективировавшаяся мифология»;
4. имеющие только обиходные номинации и не фиксируемые НКМ.

На предлагаемой нами схеме видно, что существует обширная зона реалий объективного мира, не вербализованных, не получивших имени ни в НКМ, ни в ЯКМ. Это область того, что еще не познано ни одним из видов человеческого сознания (зона 1, не пересекающаяся с зонами 2 и 3). Эта зона постоянно уменьшается по мере того, как увеличивается коллективное научное знание, и, соответственно, расширяется и детализируется НКМ. Зона 2 стремится совпасть по объему с зоной 1, но этого никогда не произойдет, поскольку это означало бы конец познания. Непознанный мир до поры до времени остается безымянным.

Зоны 2 и 3 (т. е. НКМ и ЯКМ) находятся в отношениях пересечения. Зона 2, не пересекающаяся с зоной 3, — это отдельные термины или целые терминосистемы (фрагменты НКМ), не имеющие обычных обиходных языковых коррелятов, например: кварк, сингулярность, искривление пространства, валентность, ионизация и т. п. Зона 3, не пересекающаяся с зоной 2, — это слова литературного языка, не имеющие научных соответствий. Отсутствие таких соответствий объясняется тем, что «содержанием говоримого лишь в небольшой степени является то, что есть в «объективной» действительности» (Паду-чева, 1996, с. 21). Но даже то, что в действительности существует, не всегда получает научный коррелят. Это зона 4. Сюда можно отнести огромный пласт лексики, условно назвав ее сугубо бытовой: тряпка, веник, кастрюля, рубашка и т. п. Такие слова очень легко группируются в ЛСГ литературного языка и вполне успешно могут лингвистически описываться, составляя целые сегменты ЯКМ. Однако соответствий в НКМ эти весьма важные части ЯКМ просто не имеют.

Другая часть ЯКМ, не пересекающаяся с НКМ, — это то, что мы предлагаем называть субъективно-мифологическим миром, созданным исключительно человеческим сознанием и не имеющим в реальном мире никаких референтов. К этой категории мы относим все виды номинаций, несущих следы субъективной оценки, все, что лексически обслуживает столь важные сегменты ЯКМ, как МОРАЛЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ, ВКУС и т. п. Эта часть ЯКМ фиксирует знание социума о мире, но это знание, строго говоря, не научно, так как может меняться от одного социума к другому. Такое знание не абсолютно, оно субъективно, следовательно, не научно, в силу чего не может войти в качестве составной части универсальной, объективной НКМ. Тем не менее такое субъективное знание имеет для людей огромное значение. Академик Раушенбах говорил: «Когда-то я полагал, что только точные науки занимаются настоящим делом. Но они никогда не дадут объяснения феномену человека, неписаным законам, по которым он живет, и сопряженным с ними этическим понятиям — справедливости, совести, прощению... Внелогическое знание в большой мере формирует их. Человек просто знает, что хорошо, что плохо. Доказать это невозможно... В понимании общечеловеческих ценностей большую роль играет внелогическая составляющая человеческого сознания» (Раушенбах, 1997, с. 23). На схеме субъективно-оценочная часть ЯКМ входит в зону 3.2. В этой же зоне находится все, что связано с лексическим обеспечением мифологии в широком смысле слова (религия, мифология в узком понимании, сказки) — названия того, что ПРИДУМАНО человеком. Однако мифология породила огромное количество материальных объектов, обслуживающих ее. Эти объекты стали реалиями

объективного мира. Это то, что мы предлагаем называть «объективированной мифологией». Она составляет едва ли не важнейший элемент любой национальной культуры, своего рода визитную карточку любой нации. В этом качестве «объективированная мифология» составляет важнейший элемент ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (входящей наряду с другими частнонаучными картинами мира в единую НКМ). На схеме эта зона нами выделена отдельно и обозначена 3.3.

В зону пересечения НКМ и ЯКМ входят прежде всего такие тер-миносистемы и соответствующие им одноименные ЛСГ обиходного языка, которые покрывают (т. е. вербализуют) ИЗНАЧАЛЬНО ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА И ВОСПРИНИМАЕМЫЕ ЕГО ОРГАНАМИ ЧУВСТВ фрагменты окружающего его материального мира: ландшафт, растения, животные, явления природы и т. п. Как нам кажется, именно естественнонаучные дисциплины имеют наибольшее число соответствий на уровне лексических систем в обиходном языке. Терминосистемам, используемым в географии, ботанике, зоологии, медицине, можно привести в соответствие одноименные ЛСГ литературного языка и исследовать их взаимодействие на всех уровнях: лек-сико-грамматическом, лексико-семантическом, словообразовательном.

О взаимовлиянии НКМ и ЯКМ можно говорить даже там, где нет таких прямых соответствий на уровне одноименных лексических систем (терминосистем и ЛСГ), как в сопоставлениях типа «Научные и обиходные названия рыб (птиц, деревьев, насекомых, водоемов и т. п.) в том или ином национальном языке». Можно проследивать взаимодействие какой-либо терминосистемы со всем строем литературного языка, чтобы определить, какие лексические единицы, словообразовательные модели или языковые метафоры отбираются НКМ из ЯКМ в качестве строительного материала. Процесс этот происходит постоянно, четких правил здесь нет. Возможны даже так называемые вторичные заимствования, когда для создания термина используется в качестве «стройматериала» какая-либо языковая метафора из области обиходного языка, а затем это же выражение, но уже понимаемое и воспринимаемое обычными носителями языка как термин, еще раз метафоризируется и переносится обратно в обиходный язык, но уже как заимствование из языка науки. Нечто подобное, как нам кажется, произошло со словосочетанием *черная дыра*. То, что это калька с английского *black hole*, в данном случае не столь важно. Интересен сам процесс двойного семантического переноса: сначала для обозначения небесного тела, обладающего сверхплотностью материи, вследствие чего от него не отражаются даже какие-либо сигналы (они поглощаются сверхмощными силами гравитации), ученые подобрали образное сравнение с дырой (куда все в нее попадающее исче-

зает), и не просто с дырой, а с черной, так как она поглощает даже световые волны, а уже потом носители обиходного языка данное словосочетание, воспринимаемое уже как термин, стали вторично метафорически переосмысливать и использовать в подходящих ситуациях бытового общения (чаще всего для обозначения чего-либо, требующего больших и неоправданных финансовых затрат). Произошло весьма интересное явление: обиходный язык использует свои же лексические средства, но не непосредственно, а через язык науки: лексическая единица 1 ЯКМ → лексическая единица 1 НКМ → лексическая единица 2 ЯКМ.

Слова обиходного языка как бы «сходили» в язык науки, наполнились там неким новым содержанием, а затем вновь вернулись в обиходный язык, но уже в новом качестве, с новым значением, полученным в сфере языка науки, для обозначения других реалий, других фрагментов ЯКМ.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ:

1. Из всех существующих трактовок выражения «научная картина мира» (НКМ) наиболее предпочтительной нам кажется та, которая таковой именуется ВСЮ СОВОКУПНОСТЬ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О МИРЕ, ВЫРАБОТАННЫХ ВСЕМИ ЧАСТНЫМИ НАУКАМИ НА ДАННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

НКМ — результат отражения пространственно-временного континуума (объективного мира) коллективным НАУЧНЫМ сознанием. НКМ постоянно совершенствуется (изменяется, детализируется, расширяется), стремясь стать тождественной отражаемому миру, но никогда не сможет достичь этого тождества.

2. НКМ — это лишь содержательный инвариант знания. Свое материальное воплощение она находит в терминологиях частных наук, изучающих мир или его составляющие под разными углами зрения. Терминологии всегда оформляются языковыми средствами, т. е. содержательный инвариант эксплицируется посредством языка, «одевается» в те или иные «языковые одежды». Доминирующей языковой оболочкой каждой науки является тот национальный язык, чьим пред ставителям принадлежит приоритетная роль в развитии данной науки. Другие национально-языковые коллективы могут использовать эти чужие языковые формы, а могут на их базе выстраивать собственные национальные терминологии. Необходимым условием создания национальных терминологий является существование научной традиции на этом национальном языке именно в этой области знаний.

НКМ, эксплицированная средствами национального языка, — это НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА (ННКМ).

3. Отношения НКМ и ЯКМ национальных языков НЕ СЛЕДУЕТ рассматривать как стремление (или даже желательность) приведения ЯКМ в соответствие НКМ. Они суть порождения разных видов человеческого сознания: научного и обыденного. У них разные цели. ЯКМ более консервативна и не изменяется столь стремительно, как НКМ, а если и изменяется, то по совершенно иным причинам, нежели НКМ. План содержания НКМ ОГРАНИЧЕН объективным миром и за его рамки выйти не может. ЯКМ включает в себя не только мир объективный, но и все то, что существует только в человеческом сознании и нигде, кроме него (субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, мифы в широком понимании).

4. НКМ отражают ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА КАЖДОЙ НАЦИИ в той мере, в какой они ИСПОЛЬЗУЮТ ДЛЯ СВОЕГО ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ СОБСТВЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ. Практически любая терминосистема НКМ (особенно естественнонаучные таксономии) несет в себе неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется во ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ семантически прозрачных терминов и терминов, образованных лексико-семантическим способом, т. е. путем МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ слов обиходного языка. Характер метафоричности и семантической мотивированности терминов различен в каждой из НКМ.

5. НКМ и ЯКМ этого языка связаны между собой. При этом влияние ЯКМ представляется большим, чем влияние НКМ. Каждая терминосистема использует не только слова соответствующей ЛСГ литературного языка, но выборочно — весь лексический массив литературного языка, всю его словообразовательную систему, весь его арсенал образности, все модели семантических переносов. Обратное же воздействие плана содержания терминосистемы лишь потенциально может быть использовано лексикографами для уточнения и корректировки словарных дефиниций, для уточнения плана содержания некоторых обиходных коррелятов. Чаще же всего научная точность терминологических обозначений их общелитературными «двойниками» просто игнорируется, поскольку большей точности, чем уже заключено в обыденном значении слова, носителям языка просто не требуется.

6. Весьма полезны всякого рода контрастивные описания фрагментов НКМ и ЯКМ. С разными целями можно сопоставлять:

— одноименные терминосистемы разных национальных языков, т. е. фрагменты разных НКМ;

— одноименные ЛСГ разных национальных языков, т. е. фрагменты разных ЯКМ;

— одноименные терминосистемы и ЛСГ в рамках одного языка, т. е. фрагменты НКМ и ЯКМ одного национального языка.

Сопоставления первого и второго типа в качестве макроцели имеют выявление НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ВИДЕНИЯ МИРА представителями разных национальных языков, разных культур. Сопоставления третьего типа выявляют различия в интерпретации одних и тех же фрагментов внеязыковой действительности двумя видами человеческого сознания: научным (универсальным) и обыденным (национально-языковым); позволяют проследить направления их взаимодействия, решить узко практические задачи, основной из которых является упорядочение национальной терминологии (или ее формирование) на базе словообразовательных моделей и средств метафоризации того или иного национального литературного языка.

Глава 2

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНТАЛИТЕТЫ

§ 1.0 двух императивах введения в научный обиход понятия «языковая картина мира»

§ 1.1. Культурологический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира»

Появление самого понятия «языковая картина мира» обусловлено, как нам представляется, действием двух факторов, которые независимо друг от друга способствовали его появлению. Эти факторы мы будем называть ИМПЕРАТИВАМИ в том смысле, что они каузировали (по разным причинам) введение в обиход данного понятия. Пока мы избегаем называть выражение «языковая картина мира» термином по той простой причине, что термину по определению должна соответствовать строгая научная дефиниция, каковой, насколько нам известно, пока не существует. Родившись как красивая метафора, ЯКМ в дальнейшем получила множество трактовок, каждая из которых делала акцент на отдельных сторонах обозначаемого понятия, но ни одна из них не могла претендовать на роль общепринятой и исчерпывающей дефиниции, которая могла бы перевести понятие ЯКМ в разряд понятий научных, а само выражение — в разряд терминов.

Перевести словосочетание «языковая картина мира» из разряда образных выражений, из разряда, хотя и яркого, но достаточно аморфного обозначения, которое по воле пользователя может наполняться весьма произвольным содержанием, в категорию терминов — такова макроцель данной работы.

Для решения этой задачи нам предстоит поставить и решить целый ряд вопросов, первый из которых как раз и касается источников, причин появления этого абстрактного понятия. У кого и почему возникло желание (или необходимость) оперировать столь необычной абстрактной категорией? Уточним, что мы имеем в виду не просто понятие «картина мира» или «научная картина мира», о которых мы говорили в предыдущей главе, а именно «языковая картина мира». Это уточнение для нас носит принципиальный характер, поскольку во многих работах эти понятия не дифференцируются, смешиваются, часто

подменяют друг друга, что, по нашему мнению, совершенно недопустимо и является серьезной ошибкой. Мы предлагаем выделять два императива введения в научный обиход понятия ЯКМ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ и ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ. Представители именно этих двух наук испытывали потребность в создании и использовании мыслительного артефакта, получившего это весьма образное обозначение. Остановимся несколько подробнее на каждом из вышеназванных императивов.

Знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будут неполными и в некотором смысле даже поверхностными, если в поле зрения человека, обратившегося к этой культуре, не окажется такого основополагающего компонента, как СКЛАД МЫШЛЕНИЯ НАЦИИ, национальная логика мировосприятия и мирооценки. «...Какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, — и составляет национальный образ мира» (Гачев, 1988, с. 44).

В эмоциональных словах известного культуролога и филолога ясно выражена потребность в том, чтобы найти НЕЧТО, что позволяло бы человеку, принадлежащему к другой культуре, взглянуть на мир с другой «точки зрения». «...Люди ... наталкиваются на какой-то предел понимания. Произносятся те же слова, формулы, а мыслится под ними весьма разное — и главная беда в том, что об этом часто и не подозревают. Чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т. е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я. Но как? Что видит он в мире такого, чего я не вижу? И от чего это зависит? Вот в чем загвоздка. Если удалось бы как-то прояснить этот вопрос, в наше распоряжение поступил бы словно некоторый «коэффициент», который облегчал бы контакты между народами и культурами» (Гачев, 1988, с. 44—45).

Таковой «сеткой координат, улавливающей мир», своего рода «очками», через которые представители данной культуры смотрят на мир и благодаря которым видят в этом мире только ТО и только ТАК, как и другие носители таких же «очков», безусловно, является национальный склад мышления, который зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры. Является язык лишь отражением национального мышления или же сам его и детерминирует — это отдельная тема, к которой мы обратимся в соответствующем разделе. Пока же нам важно проследить цепочку: непохожесть культур ⇒ осознание этой

непохожести —> попытки найти «коэффициент понимания» другой культуры —> «коэффициент понимания» = особый склад национального мышления —> отражение и фиксация склада национального мышления в языке. Отсюда закономерный вывод, ставший практически общим местом в рассуждениях на эту тему, — о неразрывной связи культуры народа и его языка.

Язык — неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической, экономической и прочих детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения». Сделать это можно не иначе как узнав язык, на котором говорят представители данного культурного социума. При этом в выражение «узнать язык» мы вкладываем несколько отличное от традиционного значение: мы имеем в виду не способность решать с помощью этого языка определенные коммуникативные задачи, а глубокое проникновение в план означаемого этого языка, в его семантику. Казалось бы, первое без второго невозможно, и действительно, умение выражать свои мысли на чужом языке и умение понимать иностранную речь предполагают знание не только грамматического строя языка, но и его лексики. Однако такое знание лексики, как правило, вовсе не означает именно глубинного погружения в план содержания иностранного языка. Чаще всего это лишь поиск эквивалентов словам родного языка, своего рода формальная замена «ярлыков» на якобы неизменном значении. Это глубочайшее заблуждение; восприятие содержательной стороны чужого языка как совокупности эквивалентов словам родного языка лишь создает иллюзию знания того, что скрывается за, казалось бы, понятными словами. Что же нужно для адекватного восприятия такого важнейшего компонента любой культуры, как национальный язык?

Очень лаконично и точно о связи культуры и языка сказал Эдвард Сепир в работе «Язык. Введение в изучение речи»: «Культуру можно определить как то, ЧТО данное общество делает и думает. Язык же есть то, КАК думают» (Сепир, 1993, с. 193). Согласившись с таким определением, мы должны признать, что мы ПРОНИКАЕМ в ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ НАЦИИ, В ЕЕ СПОСОБ ВИДЕНИЯ МИРА, понимаем ОСОБЕННОСТИ менталитета носителей данной культуры и данного языка, только ПОЗНАВ ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ ЭТОГО ЯЗЫКА, а глубинное знакомство с семантикой чужого языка, в свою очередь, предполагает, по нашему убеждению, овладение языковой картиной мира (ЯКМ) именно этого национального языка как системой его видения мира.

ЯКМ в культурологии может использоваться двояко:

1. Как огромная «кладовая» **иллюстративного лингвистического материала** для подтверждения тех или иных черт национального характера. Эти черты могут а priori приписываться данному народу, считаться общепринятыми или уже доказанными — это неважно. Главное, что в этом случае ЯКМ не рассматривается в качестве самостоятельного источника знания о национальном характере и складе мышления. ЯКМ при таком подходе вторична по отношению к постулируемым особенностям национального менталитета и должна лишь их подтверждать.

2. **Как источник знания** о национальном характере и менталитете. При таком подходе ЯКМ — это база данных, на основании исследования которых только и можно делать заключения об особенностях национального мировидения. В этом случае ЯКМ приобретает гносеологическую ценность.

«Задача отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему национальному характеру, безнадёжна и не представляет большого интереса. Анна Вежбицкая в своей книге «Semantics, Culture and Cognition»... открывает такой подход к проблеме связи языка и национального характера, при котором... предлагается выявлять свойства национального характера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках. Тем самым сведения о национальном характере оказываются результатом лингвистического анализа, а не его исходной предпосылкой» (Падучева, 1996, с. 21).

Значит ли это, что принцип использования ЯКМ в качестве иллюстративного материала не имеет права на существование? Думается, что нет. Дело только в том, ЧТО иллюстрировать. Если в ЯКМ пытаются отыскать подтверждения тому, что лишь приписывается тому или иному народу, что является лишь СТЕРЕОТИПОМ восприятия одной нации другой, а не доказанным фактом, то такое использование ЯКМ малоэффективно. Если же какие-либо данные о национальном характере являются не просто мифом и стереотипом восприятия, а результатом объективного научного исследования, то такие факты вполне можно считать общепринятыми и искать им дополнительные подтверждения в ЯКМ.

Мы считаем приемлемыми оба подхода, выбор каждого из которых определяется конкретным объектом исследования и его целями, однако второй подход все же намного интереснее, поскольку дает возможность получения нового знания и гарантирует большую объективность, так как основан на принципе «от частного к общему» и отвергает априорное якобы знание предмета.

В этой связи очень интересным и продуктивным представляется так называемый принцип «презумпции непонимания», или, как еще можно было бы сказать, «презумпции незнания». Лучше предположить, что об исследуемом объекте вам ничего не известно, и добыть о нем новое объективное знание, чем под существующий стереотип (не всегда адекватно отражающий действительность) подгонять факты. Этот принцип весьма образно и эмоционально сформулировал и изложил Георгий Гачев: «...Если я, придя в другую страну или знакомясь с новым человеком или идеей, заранее полагаю, что здесь встречу то же самое, что я уже знаю, но с некоторыми нюансами,— я слишком самоуспокоен и, естественно, мозг мой ленив и самодоволен и подсунет мне привычную схему мира... Но если я войду с трепетным ожиданием встретить неведомое, парализую свои привычные схемы, попробую превратить свой ум в TABULA RASA, чтобы новый мир там беспрепятственно писал свои письма, ... тогда больше гарантии, что я постигну здешний образ жизни и мыслей. Сказав себе: «я не понимаю», ученый всегда в итоге работы добывает более глубокое знание, чем сказав себе: «я понимаю»... Презумпция непонимания принимается... как рабочая гипотеза, полезная для результативности исследования. И она не только не ставит преграды реальному пониманию..., но имеет целью расширить это понимание, чтобы оно было более сознательным» (Гачев, 1988, с. 45—46). Для культурологии такое абстрактное образование (конструкт), как ЯКМ, крайне необходимо, поскольку это не что иное, как ВЕРБАЛИЗОВАННАЯ СИСТЕМА «МАТРИЦ», в которых запечатлен национальный способ видения мира, **формирующий и предопределяющий национальный характер**. Без знания этой системы «матриц» национального сознания трудно понять многое из того, что и составляет национальную культуру, в частности: этические, нравственные и ценностные приоритеты, систему образности, систему ассоциативного мышления и т. д.

Знание ЯКМ другого языка — это необходимый фундамент, база для любых культурологических изысканий. Погружаться в исследование чужого культурного контекста без знания исходного набора «матриц» национального мировидения, вербализованного и систематизированного в ЯКМ соответствующего языка,— все равно, что пытаться прочитать слова и предложения на незнакомом языке, не удосужившись предварительно выучить алфавит этого языка.

Справедливости ради следует отметить, что в собственно культурологических исследованиях гораздо шире используется иное, более широкое и менее конкретное понятие — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА, понимаемое именно как национальное мировосприятие. Как соотносятся между собой эти два понятия: ЯКМ и НОМ? Думается, что

с этой точки зрения, т. е. применительно именно к этому противопоставлению, ЯКМ можно определить как ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ В СЛОВАХ, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) «слепок» этого национального образа мира, как самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры. Оговорка об ОТНОСИТЕЛЬНОЙ неизменности национального образа мира все-таки, думается, нужна, так как нельзя отрицать постоянного развития, постоянного дрейфа как национального сознания, так и национального языка, отражающего это сознание.

В соответствующей части этой главы мы остановимся более детально на проблеме соотношения языкового и образного представления внешнего мира. Сейчас же мы сочли необходимым упомянуть об этом, чтобы избежать терминологической неточности и неопределенности: национальный образ мира (НОМ) и национальная языковая картина мира (НЯКМ) не синонимы. Они, как нам представляется, соотносятся друг с другом примерно так же, как фотографический снимок, запечатлевший некий пейзаж, и словесное описание этого же пейзажа. Возможно и другое сравнение: художественный фильм и литературное произведение с одним и тем же сюжетом. Под фотографией или фильмом мы подразумеваем НОМ, а под словесным описанием или литературным произведением — ЯКМ, так как и то и другое представляют собой попытку с помощью слов передать непосредственное чувственное восприятие фрагментов материального мира.

Данное разграничение следует сделать для того, чтобы уточнить, что культурологический императив каузировал в первую очередь введение в научный оборот именно понятия НОМ как более широкого и более соответствующего целям именно культурологических изысканий. Потребность же в использовании понятия НЯКМ возникает как неизбежное и необходимое следствие оперирования категорией НОМ, служащее одним из способов отражения и фиксации НОМ наряду с другими (не вербальными) способами, такими, как национальная традиционная живопись, ремесла, символика и т. п.

ЯКМ — это один из двух планов двукодового, дупланового представления мира как отдельным человеком, так и целой нацией. Теория двукодового представления знаний о мире содержательно и полно описана в известной книге А. Пайвио «Ментальные репрезентации» (Paivio, 1986).

Долгое время в науке господствовало убеждение, что процессы в человеческом сознании имеют в основном языковой характер, Пайвио

же совершенно справедливо, на наш взгляд, «... полагает, что в уме человека ментальные процессы могут быть опосредованы не только языком, т. е. вербальными формами, но и воображением и, следовательно, образами. Представление, пишет он, нередко определяется в словарях как нечто, данное уму: портрет, образ, картина и даже произведение искусства...— все это может быть осмыслено как репрезентация чего-либо» (Кубрякова, 1992, с. 13).

Согласно этой теории репрезентации фрагментов мира могут быть картиноподобными (ОБРАЗЫ) и языкоподобными (слова естественных языков и некоторые другие формальные системы). ЯКМ — это система репрезентаций второго типа, которым могут соответствовать и образы. Наличие или отсутствие такого соответствия зависит от характера репрезентируемого объекта или идеи. Образами, соответствующими лексическим единицам, являются так называемые **ПРОТОТИПЫ** обозначаемых объектов (этот термин дал название целому новому семантическому направлению — прототипической семантике). Прототипы — это некие собирательные образы называемых объектов, обладающие всеми характерными и наиболее существенными (с точки зрения носителей этого языка) признаками и характеристиками, присущими всему классу этих объектов, большинству (или всем) его представителей. В этом смысле значение слова можно рассматривать как описание обобщенного зрительного образа объекта, т. е. • прототипа.

С некоторыми допущениями можно предложить такую формулировку:

НОМ — это совокупность прототипов, существующих в коллективном национальном сознании, а НЯКМ — это совокупность лексических эквивалентов этих прототипов.

Дифференцировав понятия НОМ и НЯКМ, мы обозначили весьма важную для культурологии и этнопсихологии область соответствия слов и вызываемых ими зрительных образов. В дальнейшем мы постараемся эту тему развить.

Для чего понадобилось акцентировать внимание на нетождественности НОМ и НЯКМ? Чтобы, повторяя на разные лады сквозную идею работы О ТОМ, ЧТО ЯЗЫК — ЭТО ОКНО В НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ И МИРОВИДЕНИЕ, мы реально представляли положение вещей и не закрывали глаза на очевидный факт: знакомство с ЯКМ нации — это **необходимое** условие знакомства с национальной культурой, с национальным менталитетом, но **НЕ достаточное**. Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая физическую географию страны. Это 82

неразрывный комплекс. Например, не зная климатических условий южного Китая, трудно понять и оценить некоторые направления и стили традиционной китайской живописи, где используются строго определенные и весьма ограниченные цветовые гаммы. Живопись, в свою очередь, лишь фиксирует (своими средствами) **ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ** ландшафтов, растительного мира, погодных условий, которые в языке тоже фиксируются, но уже с помощью других средств, с помощью даже не слов, а иероглифов. Узнать, что стоит за тем или иным иероглифом, открыв двуязычный словарь, практически невозможно: неизбежна невольная подмена истинного его значения. Чтобы адекватно воспринять такое значение, необходимо познакомиться с **ПРОТОТИПОМ**, что предполагает необходимость «погружения» в экстралингвистическую реальность. Вывод из вышесказанного: НЯКМ не может и не должна претендовать на роль носителя исчерпывающей информации о национальном мировидении, но она является важнейшим его элементом.

В рамках культурологического императива можно выделить два аспекта. О первом мы уже сказали, его можно условно назвать научно-культурологическим, поскольку в его основе лежат **научный интерес и духовная потребность** познания других народов, их культуры, национального характера и менталитета.

Второй аспект можно назвать **культурно-прагматическим**. В его основе лежит осознание необходимости глубокого знания других культур (и соответственно — языков как их неотъемлемых составляющих) из чисто прагматических соображений.

Следует отметить, что направление (вектор) культурно-прагматического императива может быть различным: он может быть направлен на чужую культуру, на получение знаний о ней, но может иметь и противоположную направленность, т. е. каузировать пропагандирование своей культуры, своего национального образа мира с целью донесения его до представителей других культур.

При любых интеркультурных контактах трудно переоценить значение национальной символики. Это относится к обоим векторам культурно-прагматического императива: в зависимости от ситуации на первый план могут выходить либо потребность познакомиться с чужой символикой, либо необходимость донести свою собственную символику до носителей другой культуры. Символика же самым тесным образом связана с **КОННОТАТИВНОЙ ЗОНОЙ ЯЗЫКА**, т. е. той частью НЯКМ, которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира. Если, к примеру, в какой-либо культуре какие-то виды животных

являются символами силы, трудолюбия, мудрости, покорности, трусости, подлости и т. п., то применительно к лингвистике это означает, что лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя эту информацию (уникальную для каждого языка). Этот элемент значения и называется коннотативным (ассоциативным) элементом значения слова. Коннотативная зона любого языка весьма трудна для усвоения представителями других культур. Человек, не занимающийся лингвистикой или этнографией, может просто не осознавать ее существования и ограничиваться знанием лишь основных («предметных») значений слов, либо же, что даже хуже, привносить в чужой язык привычные коннотации своего родного языка, считая их универсальными или само собой разумеющимися. Именно в неосознании колоссальной важности этой части ЯКМ и кроется причина многих культурно-коммуникативных сбоев. Например, нетрудно представить степень непонимания и неудовольствия русскоязычного человека, услышавшего в свой адрес от носителя немецкого языка сравнение с крысой. Недоразумение исчезнет только тогда, когда будет объяснена характерная для немецкого языка ассоциация названия этого животного с увлеченно работающим человеком. В русском языке эта же идея в качестве коннотативных элементов значения присутствует в названиях совсем других представителей фауны — *муравей*, *пчела* (точнее, диминутив этого слова — *пчелка*).

Достаточно курьезный эпизод из личного опыта: перед началом лекции один китайский студент заботливо поставил на кафедру перед лектором стакан холодного чая (погода была очень жаркая) и даже включил принесенный из дома вентилятор, чтобы лектор меньше страдал от жары. После этого его коллеги, тоже китайские студенты, по-русски назвали своего товарища (совершенно беззлобно)... собакой. Из контекста ситуации было совершенно очевидно, что русскому слову собака китайские студенты придают коннотации лексического эквивалента своего родного языка. Оказалось, что к такому сравнению студенты прибегли, чтобы указать (конечно же, не серьезно, а в шутку) на чрезмерную услужливость, подхалимство. Даже уже зная о коннотациях слова *собака* в китайском языке, я невольно вздрагивал каждый раз, когда мои китайские студенты, подшучивая друг над другом, по-русски говорили: «Ты — собака!» Наличие именно такой коннотации слова собака в китайском языке подтверждается и анализом внутренней формы таких слов, как *goutui zi* («собачьи ноги») — *прислужник, лакей, прихвостень*; *gbutu cat* («собака + раб») — *холуй*.

Национальная символика — это результат работы ассоциативного компонента национального сознания, запечатленный в ассоциативных значениях слов. Следовательно, изучение коннотативной зоны

НЯКМ — путь к пониманию многих феноменов национальной символики. Приведем несколько, как нам кажется, наглядных примеров действия культурно-прагматического императива. В первом примере вектор этого императива направлен на пропагандирование собственного мировидения.

Китай имеет богатейшие многовековые традиции ковроткачества, однако объемы экспорта китайских ковров оставляют, по мнению самих производителей, желать лучшего. Китайцы убеждены, что причиной тому незнание скрывающейся в вытканых изображениях символики. Специалисты считают, что если бы потенциальные потребители узнали, что скрывается за ковровыми узорами, экспорт ковров мог бы обернуться настоящим золотым дном. Китайцы не стали сидеть сложа руки и ждать, пока остальной мир проявит любознательность и попытается проникнуть в китайское видение мира. Они, в полном соответствии с объективным культурно-прагматическим императивом, выпустили специальную книгу на английском языке, своего рода путеводитель по дебрям ковровых узоров для потенциальных покупателей, а по сути — «маленькое окошко», позволяющее любому желающему взглянуть на причудливый орнамент глазами носителей древнейшей китайской культуры, в которой устрашающего вида дракон с пятью когтистыми лапами символизирует императорскую власть, летучая мышь — верный знак удачи, а торчащие из вазы копыя символизируют пожелание удачной карьеры. Разъясняя назначение книги, один из авторов Цзэн Бин поясняет, что цветы, звери, пейзажи да и сами китайские иероглифы несут определенную устойчивой традицией смысловую нагрузку и могут быть адекватно восприняты только тренированным глазом и подготовленным сознанием, усвоившим самые разнообразные сведения из национальной истории, фольклора, эстетики, языка.

Другие примеры относятся к области рекламы. В частности, если рекламные ролики изготавливаются в одной стране, а их потребителями (т. е. зрителями) становятся носители других культур, то скрытый смысл, основанный на тонких ассоциациях, легко улавливаемых носителями «родной» культуры, остается совершенно непонятым людьми из других национально-культурных сообществ.

Автор одной из статей на эту тему пишет: «Показываемый у нас клип... по поводу видеокамер «Сони», явно сделан не для российского рынка. «Посмотри, какие мы красивые...» Ладно, я-то читал, что в Японии медуза — это один из символов красоты и нежности, но для большинства россиян медузы вряд ли могут оказаться приманкой для приобретения новой камеры» (Алексеев, 1996, с. 17).

Если бы изготовители этого ролика знали, какие коннотации имеет в русском языке слово медуза, то они вряд ли предложили бы

русскому зрителю этот образ. В свою очередь, только незнание конно-тативной зоны японского языка, отражающей особенности национальной эстетики и национального символизма, может оправдать радостные «откровения» журналиста, повествующего своим читателям о наличии в продаже в японских зоомагазинах аквариумов с медузами по цене от 14 до 38 долларов США за штуку. Сообщив о том, что «...как выяснилось, японцы охотно клюют на медузу», автор дает этому феномену логичное, как ему представляется, объяснение: «Еще бы: они не лают, не мяукают, не оставляют следов когтей на мебели, за ними легко ухаживать, их не нужно тащить с собой, уезжая на неделю-другую из \ дома» (Известия № 52, 1998 г.).

Приведем еще несколько выдержек из упомянутой нами статьи с *f* удачными, на наш взгляд, примерами: «Зачастую, не проживая доста-*I* точно долгое время в... стране (речь идет о Франции), невозможно / понять, почему автомобиль может «продвигаться» при помощи изоб-*I* ражения зеленой груши, да еще с надписью «даже Луи-Филипп бы ее полюбил» либо «у моей милой даже две таких же». В этом случае дело в том, что король Луи-Филипп во французской традиции считается придурком, «груша» — идиома для «дурак» и одновременно «женская грудь»... Утонченность и изолированность японской культуры, смешанной с последними достижениями постиндустрии, часто дает плоды, совершенно загадочные для не японца. Почему, например, совершенно белый «биллборд» с едва различимой фотографией бело-снежного пера может иметь отношение к рекламе соевого соуса?

Однако он считается одним из самых удачных.

... Про Китай и Корею сказать что-то трудно... Юго-восточная культура — дело настолько мудреное, что в этих странах вполне понятная картинка, подозреваю, может значить что-то совсем другое. Да и слова понять невозможно» (Алексеев, 1996, с. 17).

Можно было бы привести множество других примеров (автор этой работы несколько лет проработал именно в Юго-Восточной Азии), но это были бы наблюдения человека, профессионально занимающегося проблемами языка и культуры. Нам же нужно было показать, что к этим проблемам вынуждены обращать свой взор именно люди, не имеющие прямого отношения ни к лингвистике, ни к культурологии, тем самым мы хотели показать реальное наличие именно ИМПЕРАТИВА (культурно-прагматического) создания такого логико-понятийного построения, как ЯКМ, которая с помощью слов пытается отразить и зафиксировать все бесконечно разнообразное и неповторимое видение мира определенным этносом — носителем национального языка. Трудно придумать что-либо более прагматичное, чем бизнес и профессиональное общение бизнесменов. Но и в этой сфере трудно

рассчитывать на успех, если не уделять должного внимания особенностям национальной ментальности. При этом очень многие аспекты проблемы межкультурных, межэтнических недоразумений при деловом общении могут выходить в область языка, поскольку именно в манере говорить, в речевом этикете, в самой стилистике речи проявляются многие особенности национального образа мысли. По этой причине успех делового контакта с представителем другой национальной культуры может в значительной степени предопределяться знанием языка этой культуры. Такое знание возможно на двух уровнях.

Первый уровень — это элементарное знание того фрагмента НЯКМ, где зафиксированы клишированные формы общения, определяемые конкретными ситуациями общения. Именно этот уровень знания пытаются обеспечить появившиеся в последнее время многочисленные пособия для изучающих русский язык бизнесменов. Основное содержание пособий этого типа — это перечни коммуникативных трафаретов, типовые тексты и диалоги, иллюстрирующие их практическое использование. Достижение этого уровня знания хотя и трудоемко, но вполне реально. Мы бы определили его как формальное, внешнее знание.

Второй уровень знания языка вообще и языка бизнеса в частности предполагает не только овладение формальными средствами выражения чего-либо, но и знание глубинных причин именно такой, а не иной формы выражения. Такое знание вряд ли может содержаться в конкретном учебнике, скорее оно может стать результатом знакомства с культурой в целом и с языком как органом самосознания и саморефлексии этой культуры. На этом уровне знания язык уже не просто знаковая система, но вербализованная система мировидения конкретного этноса. При таком, более глубоком, подходе устанавливаются корреляции между формой выражения и причинами, ее детерминирующими, а это уже подход к языку как национальной картине мира. Работы, выполненные в этом ключе, нам представляются наиболее интересными, так как иллюстрируют то, как чисто прагматические интересы каузируют в конечном итоге пристальное рассмотрение вещей с точки зрения этих интересов, казалось бы, весьма эфемерных, а именно — отражение в языке особенностей национального характера и национального склада мышления. Как правило, выстраивается логическая цепочка:

конкретная ситуация делового общения → языковой материал, используемый в данной ситуации (языковое поведение как часть поведения в целом участников ситуации) → анализ этого языкового материала с точки зрения выраженности в нем специфики национального характера и национального менталитета.

Последнее звено и есть не что иное, как рассмотрение языковых средств как элементов НЯКМ конкретного этноса.

Иногда элементы языка могут анализироваться в более широком контексте: применительно не к конкретной ситуации общения, а ко всей манере языкового поведения. Приведем один пример. Что собой представляют в русском языке обращения людей друг к другу на «Вы» и «ты» вне контекста ситуаций делового общения и вне подхода к элементам языка как составным частям НЯКМ? Не более чем две различные формы обращения, одна из которых используется при официальном обращении, при обращении к незнакомым или малознакомым людям и выражает уважительное отношение к адресату, а вторая — при обращении к знакомым людям, состоящим в дружеских отношениях с говорящим, в неофициальной обстановке. В реальной практике делового общения ситуация гораздо сложнее. Как, например, иностранец должен понимать многочисленные комбинации сочетаний «ты» и «Вы» с обращениями по имени, по имени и отчеству, по фамилии, по должности? И «ты», и «Вы» может быть использовано в сочетании с каждой из четырех форм обращения. Без этнопсихологических комментариев в этом случае явно не обойтись, и иностранец обречен на непонимание, почему можно сказать и *Сергей Петрович, ты мне позвони завтра*, и *Сергея, Вы мне позвоните завтра*, а главное — что стоит за этими формами обращения, какие нюансы отношений между говорящими, каково соотношение и взаимодействие официальных статусных ролей и межличностных отношений? Выход один — обращение к национальному характеру и менталитету и установление связей последних со средствами языка.

«Иностранца, вступающего в деловые контакты в России, поражает некая расшатанность статусных ролей и чувства субординации у русских. Всем известно их стремление как можно быстрее сократить дистанцию, перейти на «ты», на обращение по имени... У русских не приняты обращения к коллегам по званию, должности..., обязательные в других культурах... Русская ментальность со своим специфическим подходом к субординации и статусным отношениям ярко проявляется, в частности, в области менеджмента, где иностранные исследователи ввели даже понятие «русского стиля управления» (Гарвард бизнес-ревью, январь-февраль 1993 г.)» (Трушина, 1997, с. 100). Вместо безликого *you* (англ.) или *tu* (китайск.) и универсального *mister* (англ.), *señor* (испанок.), *xiánsheng* (китайск.) и т. п. — целый набор самых разнообразных комбинаций, в каждой из которых только ухо носителя русского мировидения способно уловить и выделить оттенки отношений между говорящими. Диапазон этих отношений даже в сфере официального общения оказывается весьма широким: 88

почтение, симпатия, доверительность, покровительское отношение, неформальность отношений, фамильярность, отстраненность, холодность, пренебрежение, заискивание, подхалимство. Все эти отношения, бесспорно, существуют между участниками ситуации общения в любой культуре, но, как правило, они завуалированы предельно стандартизированными языковыми формами, языковыми трафаретами, не допускающими такой широчайшей амплитуды эмоциональных «довесков», как в русских обращениях от *Сидорова, ты...* до *Лидочка Петровна, будьте добренькие ...*

Мы привели очень конкретный пример, но возможна и другая постановка вопроса, когда чисто прагматические интересы каузируют анализ очень обширного лингвистического материала, в котором эксплицируется какая-либо основополагающая черта национального характера. Не беремся утверждать, что всякая национальная черта непосредственно выходит в сферу языкового выражения, но некоторые из них без выхода в лингвистику понятыми быть просто не могут. К примеру, характерное для русских неприятие какой бы то ни было жесткой регламентации, строгой иерархии в отношениях, некий нигилизм проявляются не только в неопределенности лексического оформления статусных отношений между людьми, но и в пронизывающем все и вся духе иронии и самоиронии. Русские склонны к шутке, иронии, самоиронии и подначке по своей природе, и это может проявиться даже в серьезной обстановке переговоров. Почему, например, в 1998 году после двух «встреч без галстуков» руководителей России и Японии японская сторона вежливо заявила о том, что последующие встречи подобного уровня она намерена проводить только в форме официальных визитов? Не беремся утверждать, но возникает сильное подозрение, что причиной тому слишком высокая, с точки зрения японского менталитета, степень демократичности общения, когда главу государства могут и дружески приобнять, и экспромтом пошутить в его адрес. Думается, что японская приверженность иерархичности, церемониальности и формализованности отношений не «переварила» русской приверженности неформальности общения.

Как минимум, каждая основополагающая черта национального характера должна быть сформулирована, и на основе знаний этой черты могут быть даны чисто практические советы в реальной прагматической значимой ситуации. Как максимум, эта национальная черта может быть проиллюстрирована анализом соответствующей лексики, фразологии, анализом жанровых разновидностей текстов, типичных образцов национального фольклора. Приведем пример минимальной культурно-прагматической рекомендации: «Юмор, ироничность должны учитываться иностранцами в таком важном для бизнеса деле, как

реклама. Специалисты в этой области считают, что упоение красивыми вещами, красивыми телами, самолюбование, лишенное даже зачатков самоиронии, характерное для западной рекламы, совсем «не работает» на российском рынке. И если на Западе говорят, что «воздух, которым мы дышим, состоит из кислорода, азота и рекламы», то в России правильнее было бы сказать: «Воздух, которым мы дышим, состоит из кислорода, азота и иронии». Наша ироничная нация погружена в субкультуру анекдота, который отторгает субкультуру романтического вещизма, свойственного западной рекламе» (Трушина, 1997, с. 102).

Развитие этой идеи предполагает обращение к истокам, к той самой субкультуре анекдота, к пословицам и поговоркам, к фольклору, к народным сказкам, ибо «пока ребенок маленький и его душа выстраивается по определенному лекалу, именно через сказку формируются определенные качества» (Князева, 1997, с. 117), в том числе и отсутствие излишнего пиетета к власти и силе, насмешливо-ироничное отношение к трудностям, постоянная готовность слегка подначить ближнего и посмеяться над собой. Очевидно, ирония и юмор — защитная реакция, выработанная народом за всю его трудную историю, наполненную войнами и притеснениями со стороны своих же правителей.

Другой особенностью русского общения вообще и делового общения в частности является чрезвычайно важная роль контекста, когда смысл сказанного завуалирован и не вытекает из буквально сказанного, как это происходит обычно в языках с низким уровнем контекста (немецкая, американская культурно-лингвистическая традиция). Истинный смысл сказанного часто формируется из недоговоренностей, метафор, коннотаций, т. е. опирается на всю так называемую когнитивную базу человека, владеющего русской ЯКМ. Очень часто для адекватного восприятия русского текста надо быть «человеком с понятием». Но такое «понятие» многих русских выражений и целых текстов «с хитрым извятием слов» (Н. С. Лесков) практически невозможно без овладения всей системой русской образности, без изучения многозначности слов и без изучения коннотативного аспекта русской лексики, а все это и есть не что иное, как элементы НЯКМ.

§ 1.2. Лингвистический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира».

Помимо двух разновидностей культурологического императива введения в научный обиход понятия ЯКМ существовал, конечно же, и ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ. Появление в лингвистической науке понятия ЯКМ было связано с проблемой интерпретации результатов практической работы по внешнему структурированию семан-

тических полей, установлению и систематизации отношений между ними, с практикой составления идеографических словарей.

Рассуждения о том, что следует понимать под выражением «языковая картина мира», можно найти у Гумбольдта, Вайсгербера, Косе-риу, Марти, Уорфа, Трира, Дорнзайфа и многих других известнейших лингвистов мира. Не прибегая к детальному и исчерпывающему перечислению различных интерпретаций данного понятия, отметим, что в большинстве трактовок все-таки трудно найти достаточную точность и однозначность. Очень часто выражение «языковая картина мира» — лишь эффектная метафора, в которую разные авторы вкладывают разный смысл. Не случайно, раскрыть смысл понятий «языковая картина мира» и сходных с ним «языковая организация мира», «языковой промежуточный мир» и т. п. многие пытаются не столько с помощью логических построений и строгих дефиниций, сколько посредством ярких сравнений и образов. Например, Вайсгербер для пояснения понятия WELTBILD, рассматриваемое как нечто, репрезентирующее реальность и выполняющее функцию картины мира, прибегает к очень яркой и весьма удачной, на наш взгляд, метафоре: ЯКМ он сравнивает с образом звездного неба: «Объективно данный мгновенный срез с картины мира человека, — говорит автор, — состоит из столь громадного числа отдельных явлений, что он не в состоянии охватить каждое из них; лишь наиболее выдающиеся звезды получают наименование. Чтобы духовно овладеть всем остальным, человек должен некоторым образом упорядочить это множество. Так, с давних времен звезды на звездной картине неба объединяются в группы. Отдельные звезды на этой картине держатся друг за друга только благодаря некогда осуществленной и закрепленной в языке классификации, с помощью которой упорядочено ночное небо. С объективным положением и подлинными взаимоотношениями звезд на небе эта картина не имеет ничего общего. Само собой разумеется, что у разных народов эта классификация звездного неба осуществлялась различным образом» (Weisgerber 1950. Цит. по: Караулов, 1976, с. 244).

Метафора, повторимся, на наш взгляд, очень удачная. Тем не менее было бы неплохо привести в это понятие большую точность, превратить поэтическую метафору в научный термин, имеющий, как и положено термину, строгую дефиницию, ограничивающую объем терминируемого понятия. Любой претендующий на решение этой задачи исследователь не может обойтись без того, чтобы определиться по нескольким ключевым вопросам, которые лежат в основе различного смыслового наполнения выражения «языковая картина мира».

Чтобы не утонуть в море самых разных определений, толкований, нюансов понимания, которые часто либо в одни и те же слова вкладывают различное содержание, либо же, наоборот, один и тот же смысл вкладывают в разные слова, мы предлагаем выделить РЯД БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ, которые охватили бы все множество интерпретаций.

ПЕРВАЯ ОППОЗИЦИЯ

«... В литературе под «картиной мира» понимаются два разных аспекта рассмотрения семантики (или лексики, что в данном случае одно и то же): либо общая, интегральная ее картина, совокупность всего языкового содержания, относительно постоянная и медленно эволюционирующая во времени, либо специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков. Вопрос осложняется также тем, что ни интегральный, ни дифференциальный аспекты не получили достаточно ясного определения, во всяком случае, в лингвистической литературе» (Караулов, 1976, с. 245). С точки зрения этого противопоставления мы совершенно определенно относим себя к сторонникам интегрального подхода, т. е. считаем, что ЯКМ составляет ВСЕ языковое содержание того или иного языка, а не только специфические черты его семантики, особенности его внутренних форм. Само выражение «картина мира», по нашему убеждению, однозначно предполагает именно целостность и всеохватность того, что подпадает под это определение. Против дифференциального понимания ЯКМ представляется возможным привести следующие аргументы:

А. Специфические черты семантики, дифференцирующие язык от всех других языков, образуют не целостную КАРТИНУ, а некую мозаику и отнюдь не МИРА, а всего лишь отдельных его фрагментов. Поэтому ЯКМ в так называемом «дифференциальном» понимании логичнее было бы определять как совокупность национально-специфических отображений в данном языке отдельных фрагментов.

Б. Выделение в языке заведомо специфического с точки зрения семантики предполагает, соответственно, и наличие семантически неспецифического, общего для всех языков. Таковым можно считать, и то это требует определенных оговорок и допущений, совокупность неких логико-семантических универсалий, делающих возможным в принципе понимание друг друга носителями любых языков. Принципиальная взаимопереводимость языков обеспечивается как раз общим логико-понятийным базисом человеческого мышления вообще. Но это очень высокий уровень абстракции. Что же касается собственно языкового материала, то провести четкую грань между семантически специфическим и семантически неспецифическим в каждом конк-

ретном случае вряд ли возможно, такое деление практически обречено на субъективизм и исследовательский «произвол». По нашему глубокому убеждению, каждый язык имеет УНИКАЛЬНОЕ ЕДИНОЕ И НЕПРЕРЫВНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, а ПОНЯТЬ и оценить специфику фрагмента языка можно только на фоне и в контексте всего семантического пространства. Зачастую неспецифичность и одинаковость оказываются лишь кажущимися и исчезают, стоит только подойти к их анализу с позиций уже упоминавшейся нами «презумпции непонимания».

«...Такая двойственность в понимании того, что значит «картина мира», встречается уже у Гумбольдта, от положений которого и отправляется Вайсгербер. Анализируя понятие внутренней формы... у Гумбольдта, еще А. Марти приходил к выводу, что «картины мира»... можно было бы назвать как сумму всего языкового содержания, сумму значений..., так и репрезентацию этих значений посредством внутренних форм, Т; е. совокупность используемых в языке сравнений и образов. Последние составляют специфику каждого конкретного языка, то, чем языки отличаются друг от друга. Именно здесь при сравнении одного языка с другим выявляются несоответствия, обнаруживаются лакуны, отчасти связанные с культурно-историческими и этнографическими лакунами, отчасти объясняемые языковой спецификой внутренних форм» (Караулов, 1976, с. 244).

Внутренняя форма языка, его система образности, вне всякого сомнения, являются самыми яркими маркерами неповторимой «индивидуальности» любого языка, но не только они составляют целостное вербализованное представление мира носителями данного языка. В этой связи нам хотелось бы сделать такое сравнение: ЯКМ — это портрет. У каждого человека есть какие-то наиболее выразительные детали внешнего облика: у кого-то очень большой, необычной формы нос, у кого-то очень выразительные глаза или слишком тяжелый подбородок, а у кого-то и вовсе непримечательная внешность. Однако каждый человек неповторим, любое человеческое лицо мы воспринимаем целостно, а не только его «специфические» части, которые не похожи на аналогичные детали портрета других людей. Только целостное изображение лица мы будем считать портретом, но никак не изображение одних только глаз, носа или ушей, сколь бы необычными они ни были. Человек уникален как носитель ВСЕХ своих характеристик и признаков, а не как обладатель лишь тех черт, которые наиболее ярко у него выражены. Если на портрете художник не изобразит, к примеру, уши человека на том основании, что в них нет ничего примечательного, отличающего их от сотен других ушей, то, во-первых, такое произведение искусства мы не будем считать портретом, а во-вторых,

это будет неправдой, так как одинаковых ушей нет, равно как и одинаковых кожных узоров на ладони. Разница лишь в том, что уникальность отпечатков пальцев — это достояние коллективного сознания, а об уникальности формы уха каждого человека мы как-то не задумываемся. Вывод один: как в любой портрет нужно включать все детали человеческого лица независимо от их специфичности, так в ЯКМ следует включать все языковое содержание, поскольку не существует «неспецифического» в семантике языка, без чего язык не утратил бы своей целостности и уникальности. Подобно тому, как антрополог может открыть глаза дилетанту на множество признаков уникальности любой части человеческого тела, о которых обычный человек не только не знает, но и не подозревает, так и серьезный лингвистический анализ с позиции «презюмции непонимания» неизбежно открывает уникальность самого казалось бы «неспецифического» слова. Эта уникальность может проявиться и в объеме значения, и в характере деривационных отношений с другими словами, и в его со-четаемостных свойствах, и в его коннотациях, фразеологических потенциях и т. д. Выводы за рамки ЯКМ любой кажущийся нам «неспецифическим» фрагмент, мы неизбежно нарушаем огромное количество связей, которыми это слово связано с множеством других фрагментов единой языковой системы, нарушаем непрерывность языкового поля, обедняем и искажаем его.

Для того, чтобы адекватно представить и эксплицировать ЯКМ (в данном случае неважно, родного или любого иностранного языка), нужно, как нам кажется, не делить все языковое значение на интегральное и дифференциальное, а считать его моногенным строительным материалом для построения данной конкретной ЯКМ, не похожей ни на какую другую ЯКМ.

В сущности, речь должна идти об **ОСТРАНЕНИИ** исследователя, т. е. о таком рассмотрении языкового материала, которое бы осуществлялось **НИ С КАКОЙ** «точки зрения», как бы из неоткуда. При анализе ЯКМ иностранного языка нужно абстрагироваться от «точки зрения» родного языка как естественной и задающей всю систему координат. При анализе ЯКМ родного языка остранение должно означать умение взглянуть на родной язык со стороны и рассматривать привычную «языковую организацию мира» не как нечто само собой разумеющееся и естественное, а как на **ОДНУ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ** «точек зрения», один из возможных способов видения мира. Кстати, последнее качество необходимо всем преподавателям родного языка как иностранного: чтобы прогнозировать трудности понимания отдельных фрагментов языковой системы, преподаватель должен видеть преподаваемый материал глазами студентов, т. е. из их языковой системы

координат, через призму их языковой организации мира. В противном случае он не только не сможет предугадать трудности в обучении, но, даже столкнувшись с ними, не будет понимать их причин.

ВТОРАЯ ОППОЗИЦИЯ: «узкое» и «широкое» толкование семантически организованного лексического состава языка

«Узкое» толкование не выходит за рамки собственно лексикографии и всю логически организованную лексику языка называет не более чем структурой словаря данного языка. Оно не оставляет места для признания за лексической системой языка роли носителя философо-ко-мировоззренческого значения и не рассматривает лексику в качестве фактора, отражающего, определяющего и формирующего национальное мировидение.

«Широкое» толкование семантически организованной лексики языка предполагает выход за рамки чистой лексикографии и признает за ней роль запечатленной в языке картины мира.

Мы разделяем точку зрения исследователей — сторонников «широкого» (философско-мировоззренческого) подхода к интерпретации результатов семантической организации лексики. Нам ближе рассуждения Дорнзайфа, предлагающего рассматривать лексику как словесное покрытие для мысли (см.: Dornseiff, 1933—1934, с. 5), Халлига и Вартбурга, утверждавших, что картина мира обычного носителя языка составлена из зафиксированных в языке донаучных понятий, а сам носитель языка воспринимает весь окружающий мир с так называемым наивным реализмом (в том смысле, что такой взгляд не совпадает с научным знанием о мире) (см.: Hallig, Wartburg, 1963, с. 88).

Возражения оппонентов относительно того, что семантически организованная лексика вовсе не отражает таксономии реальности и, следовательно, не может отражать картины мира (см.: Coseriu, 1966, с. 183), проистекают из недифференцированного использования термина КМ (картина мира) (о чем уже подробно говорилось в первой главе) и игнорирования понятий научное сознание и обыденное сознание. Если же КМ разделить на НКМ и ЯКМ как порождения соответственно научного и обыденного (языкового) сознания, то таксономия реальности тоже потребует большей конкретизации и может быть представлена либо в виде научной таксономии, либо в виде наивной, донаучной, т. е. обыденной таксономии. В этом случае любой этнический язык можно считать отражением обыденной таксономии реальности, существующей в коллективном языковом сознании того или иного этноса, т. е. отражением ЯКМ конкретного национального языка.

«Картинообразующую» функцию, функцию концептуальной организации мира следует признать даже за самыми неразвитыми языками,

или языками, не имеющими собственного языка науки. В любом случае в коллективном сознании языкового сообщества выстраивается свой собственный мир (точнее, его модель), целиком отражаемый лексикой этого языка. Такая модель мира может быть проще, примитивнее миропорядка, существующего в сознании носителей других языков, но от этого она не перестает существовать, равно как и отражающая ее лексическая система, даже если она состоит всего из нескольких сотен слов.

Мы считаем, что Трир был абсолютно прав, утверждая, что «вся картина мира (*das ganze Weltbild*) в том виде, как она существует у отдельной личности и у всей языковой общности, органично и без лагун расчленяется сверху... А внутри полей семантические области отдельных слов тоже смыкаются одна с другой без зазоров» (Wartburg, 1962, p. 164—165. Цит. по: Караулов, 1976, с. 243). Прав потому, что лагуны возможно обнаружить, да и просто осознать их наличие, не иначе как с позиций другого языка, другого языкового сознания. Без подобного остранения любая самая примитивная и малодифференцированная модель мира всегда будет восприниматься собственным коллективным языковым сознанием как вполне органичная, естественная и единственно возможная.

Краткий вывод относительно предложенной нами второй оппозиции таков: семантически организованный лексический состав языка представляет собой не только (и не столько) словарь данного языка, но и СЛОВАРНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ МОДЕЛИ МИРА, существующее в коллективном языковом сознании данного народа. Несоответствие ЯКМ разных языков друг другу и каждой из них в отдельности универсальной НКМ ни в какой мере не может служить основанием для непризнания за лексическими системами всех без исключения языков их концептуально-мировоззренческих функций.

ТРЕТЬЯ ОППОЗИЦИЯ: «привязка» ЯКМ к объективному миру — принципиальный отказ от такой «привязки»

«Гносеология исходит из того положения, что существуют два мира, которые соотносятся друг с другом как первичный и вторичный, независимый и зависимый. Объективность двух миров — объективного и субъективного, человеческого и внечеловеческого — не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос — вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном — является принципиальным и существенным...» (Колшанский, 1990, с. 14). В основе предлагаемой нами оппозиции как раз и лежит отношение к ХАРАКТЕРУ ЗАВИСИМОСТИ вторичного, языко-мыслительного мира от мира первичного, т. е. объективного.

Первый возможный подход состоит в том, что вторичному, языко-мыслительному миру отдельного языкового сообщества «предписывается» неукоснительно (и, естественно, безуспешно) пытаться соответствовать некому единому для всего человечества логико-понятийному миру, который стремится максимально точно, адекватно отразить мир первичной объективной реальности.

Второй подход признает за ЯКМ принципиальную необязательность соответствовать чистому знанию о первичном мире. Такой подход можно назвать «принципиально субъективистским», подчеркнув тем самым, что он не просто субъективен изначально в силу того, что он порожден определенным субъектом (этносом — носителем языка), а субъективен «принципиально». «Принципиальная субъективность» ЯКМ в том, что весьма частые и разительные несоответствия ЯКМ логико-понятийной (или концептуальной) КМ признаются не недостатками, которые следует как можно скорее исправить, а вполне нормальным явлением.

Точка зрения и аргументы сторонников первого подхода весьма полно изложены в монографии Г. В. Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке». В первой главе мы уже говорили, что причиной скептического отношения к ЯКМ (перед этим выражением скептики всегда употребляют «так называемая») является неразделение таких важных понятий, как научное познание и обыденное знание, коллективное научное сознание и коллективное языковое сознание. Сторонники скептического отношения к ЯКМ оставляют за языком лишь роль инструмента для построения теоретико-познавательных систем, образующих вторичный идеальный мир. По их мнению, ЯКМ есть лишь отраженное, вторичное существование объективного мира: «Весь язык в целом есть собственно человеческая форма именованного объективного мира, ... суть референции состоит в том, что в основе этой соотнесенности лежит предпосылка конечной адекватности двух миров — мира вещей и мира понятий — объективного мира и его отражения в мышлении человека» (Колшанский, 1990, с. 41). С вышесказанным можно было бы согласиться, если бы все это было сказано применительно к научному познанию и языку науки. Реальный же обиходный язык, точнее вся совокупность национальных языков, почему-то никак не стремится к пресловутой адекватности: мало того, что он (имеется в виду любой из национальных языков) не спешит отражать массу новых знаний об объективном мире в своей КМ (т. е. в ЯКМ), он к тому же упорно сохраняет в себе практически все, что уже пришло в явное противоречие с объективной реальностью и должно было бы быть замененным чем-то более соответствующим современному знанию. Этого не происходит. Напротив, в языках

сохраняются огромные лексические пласты, именующие вещи (в широком смысле слова), к объективному миру отношения не имеющие. Прежде всего это относится к двум важнейшим областям любого языка: к области субъективных оценок и области номинаций мифологических объектов. А огромное количество синонимических средств выражения, а метафорические средства, поэтическая образительность?

Авторы «объективистского» подхода приходят к категорическому заключению, что «язык не познает мир, а следовательно, и не создает какой-либо картины мира» (Колшанский, 1990, с. 33). «Существование языка как материальной формы закрепления мышления человека, а следовательно, и той совокупности знаний, которыми располагает мышление человека на определенном этапе, создает... проблему... Эта проблема поворачивает вопрос о содержании этого выражения таким образом, что картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т. е. «языковой картиной мира» (там же, с. 22—33). Оказывается, существование языка создает проблему. На самом деле, на наш взгляд, проблемы никакой нет. ЯКМ не подменяет собой концептуальную КМ (или НКМ). Формой мышления, создающей концептуальную КМ, является не просто язык, а язык НАУКИ, который, естественно, формируется на базе национального языка, но никак не может с ним отождествляться.

Обыденный язык не подменяет концептуальную КМ, а творит свою собственную, т. е. ЯКМ, в которой отражаются и фиксируются не только ЗНАНИЯ о мире (и уж никак не глубокие, научные знания), но и ЗАБЛУЖДЕНИЯ относительно того же самого мира, ОЩУЩЕНИЯ мира, процесс и плоды СОЗЕРЦАНИЯ мира, его ОЦЕНКИ, ФАНТАЗИИ и МЕЧТЫ о мире, ВЫМЫСЛЫ.

Мы не считаем возможным и правильным предъявлять ЯКМ требование неукоснительно следовать объективному миру и стремиться к его адекватному отражению, поскольку это — задача принципиально иного конструкта — научной картины мира. Нельзя ставить знак равенства между ЯКМ и точным знанием о мире. Объективисты выстраивают следующую схему:

ЧЕЛОВЕК — РЕЧЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ — ПОЗНАНИЕ — ОБЪЕКТИВНЫЙ МИР

Она может быть прочитана так: человек познает объективный мир посредством мышления, запечатленного в формах языка. Другими словами, **язык выражает мышление, а мышление отображает путем познания объективный мир.**

Если же допустить (а мы это не только допускаем, но и утверждаем), что человек не только мыслит и познает, но еще и ОЩУЩАЕТ,

ОЦЕНИВАЕТ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ что-либо несуществующее в реальном мире, испытывает эмоции, т. е. ЧУВСТВУЕТ, то схему придется расширить:

ЧЕЛОВЕК — СОЗНАНИЕ — ПОЗНАНИЕ — ОБЪЕКТИВНЫЙ МИР — ЯКМ

I
ЯЗЫК   СОЗЕРЦАНИЕ
                 ЧУВСТВОВАНИЕ
                 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОЦЕНИВАНИЕ
                 ФАНТАЗИРОВАНИЕ
                 (мифологизированное мышление)

Эта схема прочитывается следующим образом: язык выражает человеческое сознание, имеющее несколько компонентов: логико-понятийный, сенсорно-рецептивный, эмоционально-оценочный, нравственно-ценностный, мифологический. В человеческом сознании объективный мир не отражается зеркально (и сознание не стремится к этому), а преломляется, превращаясь в форму особого мира. Именно этот отраженный в языке вторичный мир и представляет собой ЯКМ.

Разделяемое нами субъективистское понимание сущности ЯКМ не требует от нее объективности. Требование и стремление к объективности признаются правомерными лишь применительно к НКМ, отражающей научное сознание, познающее мир. «Между тем значение элементов естественного языка не может быть сведено к отношению между языком и миром... Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою» (Падучева, 1996, с. 5—6).

Решая по-разному оппозицию «объективность — субъективность» ЯКМ, сторонники каждой из точек зрения приходят к логическому итогу, каждый к своему: «объективисты», признавая различное представление в языках мира объективной реальности, считают, что «...все эти различия не являются выражением какого-то особого национального духа, ядсобы присущего каждому народу в отдельности. В этих явлениях нет никакой особой национальной идеологии» (Серебренников, 1983, с. 139). ЯКМ они противопоставляют концептуальной КМ (НКМ по нашей терминологии) и их несовпадения трактуют не как источник знания о специфическом национальном видении мира, о «точке зрения» на мир этого народа, а всего лишь как несовершенство ЯКМ как системы представления мира.

«Субъективисты» же, исходя из антропоцентричности и этноцентричности языка вообще и ЯКМ отдельного языка в частности, провозглашают множественность «семантических вселенных»: сколько языков — столько и ЯКМ и столько же уникальных мироотражений, которые не лучше и не хуже друг друга и которые НЕ ПРЕТЕНДУЮТ на тождественность с НКМ.

Цветовой принадлежат слова о том, что «иные вещи на ином языке и не мыслятся». Более того, «... не только мысли могут быть «продуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» (Падучева, 1996, с. 21). Если «объективисты» в различиях ЯКМ усматривают лишь несовершенство языков, безуспешно пытающихся якобы создать точную копию окружающего мира, но никак не выражение особенностей «народного духа», то «субъективисты» в этих различиях видят подтверждение слов Петра Вяземского:

«Язык есть исповедь народа: В нем слышится его природа, Его душа и быт родной».

Разве мы восхищаемся творениями великих художников за их фотографическую похожесть на сами изображенные на них объекты? Тогда любая фотография была бы много ценнее любого шедевра Ван Гога, Пикассо или любого другого мастера. Для точного и объективного познания, к примеру, ландшафта, конечно же, лучше подойдет аэрофотосъемка, но душу пейзажа и чувства, им вызываемые, сможет передать лишь талант живописца. Объективистский подход, как нам кажется, напоминает восхваление бездушной фотографии в сравнении с непохожими друг на друга картинами, запечатлевшими один и тот же объект по-разному, в своей уникальной манере. Абсолютная похожесть на изображенный предмет — не лучший комплимент любой картине, в том числе и языковой картине мира.

В современной лингвистике субъективистскую или антропоцентристскую (этноцентристскую) традицию, развивавшуюся Гумбольдтом, Бенвенистом, Боасом, Сепиром, Уорфом и другими лингвистами, наиболее ярко представляет А.Вежицкая, занимающаяся исследованиями на стыке лингвистики, когнитологии, этнопсихологии и культурологии. Именно ее работы показывают, как строго лингвистический анализ способен преодолеть рамки «чистой» лингвистики, преодолеть собственную замкнутость и изолированность с тем, чтобы найти выход в национальную психологию, национальную ментальность и, в конечном счете, в национальную культуру.

ЧЕТВЕРТАЯ ОППОЗИЦИЯ: ЯКМ = лексико-семантическая система языка или же ЯКМ = весь строй языка, включающий помимо лексики еще и морфологию с синтаксисом Традиционно в контексте рассуждений о ЯКМ обсуждаются, конечно же, прежде всего вопросы, связанные с лексической семантикой. Именно план содержания лексики служит материалом для отыскания и последующего обоснования специфических черт национального мировосприятия, национального образа мышления. Однако подобных же результатов можно достигать, анализируя и другие аспекты языка, в частности — синтаксические конструкции и морфологические категории.

Классическим примером анализа первого типа можно считать, как нам кажется, предложенное Анной Вежицкой лингвистическое подтверждение такой составляющей русского национального характера, как склонность к фатализму. Это качество она формулирует следующим образом: «Неагентивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» (Вежицкая, 1996, с. 34). Для иллюстрации этого этнопсихологического факта (или гипотезы) можно было бы, вероятно, использовать и результаты собственно лексико-семантических наблюдений, но наиболее красноречивым в данном случае оказался именно анализ СИНТАКСИЧЕСКИХ особенностей языка. «Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, что «что делаю я», т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пациентивной (пассивной, связанной с папиенсом) ориентации. Агентивный подход... означает акцентированное внимание к действию и к акту воли («я делаю», «я хочу»). При пациентивной ориентации... акцент делается на «бессилии» и пациентивности (... «разные вещи случаются со мной»...) При этом агентивность и пациентивность находятся в неравном положении: если факторы воли и деятельности играют важную роль во всех языках мира, то этого нельзя сказать о «беспомощности» и «бессилии»... Одни языки в той или иной степени им пренебрегают, принимая агентивный тип предложений как модель всех или большинства предложений, относящихся к людям. В других языках есть два основных типа предложений о людях — номинативный тип, опирающийся на агентивную

модель, и дативный, в соответствии с которым люди представлены как лица, не контролируемые события» (Вежицкая, 1996, с. 55—56). Имеются в виду вариативные способы выражения одного и того же смысла с акцентом на роль субъекта в данной ситуации:

АКТИВНАЯ РОЛЬ   ПАССИВНАЯ РОЛЬ (пациентивность)

(агентивность)

Я думаю Я

хочу

Мне думается Мне

хочется Мне (не) везет

Мне страшно Мне не

спится Мне не верится

Мне не работается Мне

помнится и т. п.

Я боюсь

Я не могу спать

Я не верю

Я не могу работать

Я помню

По мнению Вежицкой, русский язык тяготеет именно к пациен-тивным безличным конструкциям с логическим субъектом в форме дательного падежа, что позволяет делать выводы, выходящие за рамки чистой лингвистики и становящиеся достоянием этнопсихологии.

Данный пример, как нам кажется, может быть удачным аргументом в споре с теми, кто придерживается точки зрения, провозглашающей монополию лексики на выражение любой национальной специфики. Именно такой точки зрения придерживался Э. Сепир: «Тенденция рассматривать языковые категории как непосредственное выражение внешних культурных черт, ставшая модной среди некоторых социологов и антропологов, не подтверждается фактами. Не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой... Как свидетельствуют факты, очень редко удается установить, каким образом та или иная культурная черта оказала влияние на базовую структуру языка... Другое дело, если мы перейдем от общих форм к элементам содержания языка, лексика — очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых — все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние в свою очередь могут проводить различия, непонятные для нас» (Сепир, 1993, с. 242—243). Если под языковой структурой иметь в виду весь строй языка, то в этом случае, конечно же, трудно

согласиться с простым и очевидным соответствием формы языка и обслуживаемой им культуры, но если под языковой структурой подразумевать конкретные синтаксические или морфологические особенности конкретного языка, то вряд ли им стоит отказывать в 102

способности нести в себе информацию о специфике национальной ментальности и национального характера, которые в свою очередь являются важнейшими составляющими всей национальной культуры. В этом смысле уместнее говорить о корреляциях более конкретных, не о влиянии какой-либо культурной или национальной черты на базовую структуру языка (как это делает Э. Сепир), а о влиянии этой самой черты на ту или иную синтаксическую или морфологическую категорию, а если еще точнее, то не о влиянии на эту категорию, а о самовыражении определенной национальной черты с помощью определенной грамматической категории.

Приведем другой пример того, как специфика национального ми-ровидения отражается в фактах языка, находящихся вне рамок лексической семантики. Пример из области морфологии. Как известно, многие языки не имеют категории грамматического рода, в тех же языках, где эта морфологическая категория есть, произошла практически полная потеря какой бы то ни было семантической мотивированности отнесения слов к мужскому или женскому роду. Грамматический род в языках, имеющих эту категорию, на данном этапе их исторического развития практически полностью асемантичен. О его семантической мотивированности можно говорить лишь применительно к наименованиям лиц, и то, с многочисленными оговорками, поскольку проявляется она в разных языках в разной степени и весьма непоследовательно. Однако в эпоху формирования языков такая мотивированность, безусловно, была, и в ее основе лежала родо-половая дифференциация именуемых одушевленных объектов. Можно только догадываться, каким образом и на каких основаниях происходило распределение по родам (т. е. морфологическое оформление в соответствии с тем или иным грамматическим родом) объектов неодушевленных. Как бы то ни было, но такое распределение произошло, и, видимо, не последнюю роль в этом процессе сыграло национальное мировосприятие, национальная образность восприятия мира, которые «приписывали» мужское или женское начало тому или иному предмету, явлению, качеству или абстрактному понятию. Попытаться проследить результаты одушевления неживого мира наивным доисторическим языковым сознанием можно только гипотетически и только на материале древнейших слов языка, составивших его ядро, поскольку более поздние по происхождению слова получали свое морфологическое оформление по роду по инерции, по аналогиям и в соответствии с уже сформировавшимися параметрами. Ядерные же, древнейшие слова, видимо, ассоциировались с некими живыми прототипами, и теперешняя их родовая принадлежность — это своего рода **«окаменелые отпечатки»** древнего образного восприятия мира древнейшими представителями конкретного этнического языкового сознания.

Э. Хемингуэй долго жил на Кубе, был страстным рыбаком и в своей знаменитой повести «Старик и море» поделился интересным наблюдением психолингвистического характера, связанным именно с корреляциями, существующими между психологией мировосприятия и выбранной нами в качестве примера категорией грамматического рода. Он обратил внимание на то, что испанское слово *mag* (море), производимое молодыми и пожилыми моряками, получало разную родовую принадлежность в зависимости от того, кто его употребляет: пожилые моряки называли море *la mag*, используя артикль женского рода, а молодые рыбаки — *el mag*, используя артикль мужского рода. Хемингуэй объясняет это тем, что для первых море — это мать (*la madre* — слово женского рода), кормилица, источник жизни. Для них в образе моря ЭТО главное. Для молодежи море — это прежде всего достойный уважения сильный и опасный противник, в борьбе с которым они добывают свой хлеб. Поэтому рыбаки-ветераны привносят в слово море **женское** начало, дающее жизнь и обуславливающее к себе отношение, предполагающее любовь и нежность. Молодые же рыбаки говорят *el mag* вовсе не потому, что неукоснительно следуют академической норме испанского языка, а потому что хотят подчеркнуть **мужское** начало моря, делая акцент на его силе и таящихся в нем опасностях. Вот что пишет Э. Хемингуэй об отношении своего героя к морю: «Мысленно он всегда звал море *la mag*, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе... называют море *el mag*, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге (слова *пространство*, *соперник*, *враг* имеют в испанском языке мужской грамматический род — *O. K.*). Старик же постоянно думал о море, как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки,— что поделаешь, такова уж ее природа» (Э. Хемингуэй. Старик и море).

Многие ставшие фактом национального сознания устойчивые метафорические образы отражают именно эту обусловленность отнесенности слова к определенному роду наличием ассоциаций с женским или мужским началом: *Родина — мать*, *земля — матушка*, *береза — невеста* (В. Шукшин), *Россия — женщина* (Е. Евтушенко), *Родина — спящая красавица* (Ю. Шевчук).

Вполне вероятно, что не случайно и такое совпадение: в русском и испанском языках большинство базовых, ядерных слов, несущих идею жизни, красоты, добра, имеют женский грамматический род: *земля — la tierra*, *жизнь — la vida*, *родина — la patria*, *красота — la belleza*, *доброта — la bondad*, *дружба — la amistad*. В то же время, мужской грамматический род имеют корреляты типа: *враг — el enemigo*, *противник — el rival*, *бой — el combate*.

Справедливости ради следует отметить, что можно привести немало примеров и таких номинаций, которые не вписываются в эту схему, например: *смерть — la muerte*, *сила — la fuerza*, *болезнь — la enfermedad* (все слова имеют женский грамматический род); и в то же время: *любовь — el amor*, *хлеб — el pan*, *очаг — el hogar* («положительные» концепты имеют мужской грамматический род).

Как это соотносится с утверждением Э. Сепира о том, что «отсутствие или наличие в каком-либо языке, например, грамматического рода не имеет никакого отношения к пониманию социальной организации, религии или фольклора соответствующего народа» (Сепир, 1993, с. 242)? Думается, что приведенные нами примеры свидетельствуют как раз об обратном, что косвенным образом признает и сам Сепир, когда указывает на невозможность насильственного упразднения «излишних», по его мнению, категорий: «Логически необъяснимо, почему мужской, женский и средний роды в немецком и русском языках сохраняют свое существование в современном мире, но всякая намеренная попытка УНИЧТОЖИТЬ эти необязательные роды была бы бесплодной, так как обычный носитель языка фактически и не ощущает здесь каких-либо несуразностей, усматриваемых логиками» (там же, с. 242—243). Подобное мог написать только человек, в родном языке которого категория рода отсутствует, для которого род — нечто «необязательное», только затрудняющее и запутывающее изучение языка, содержащего эту категорию. Во-первых, вряд ли стоит пытаться мерить мерками логики любой живой национальный язык, ибо в этом случае все языки после «чистки» логической целесообразностью превратились бы в примитивные пиджины или могли бы быть успешно заменены квинтэссенцией целесообразности — эсперанто. Род для носителя языка, в котором эта категория присутствует,— не логически необъяснимая «несуразность», а ценнейшее духовное наследие, запечатлевшее неповторимую образность мышления далеких предков, обязательная и неотъемлемая часть всего образного строя языка, источник национально-специфических олицетворений и метафор, которые естественны и понятны для одного коллективного языкового сознания, а у носителей другого языкового сознания могут вызывать только недоумение. Носителю русского языка нет нужды объяснять, почему *матушка зима*, *дедушка мороз*, *мороз красный нос*. Во многом эти образы основаны на родовой симметрии и при ее нарушении теряют свою естественность и органичность, попробуйте перевести эти выражения, к примеру, на испанский язык: *la madre* (ж. р.) *el invierno* (м. р.), *el frió* (м. р.) *la nariz roja* (ж. р.). От естественности и гармонии не осталось и следа, она ушла вместе с рифмой и родовой симметрией, на которой и держатся столь близкие и понятные русскому человеку с самого раннего детства образные выражения.

Есть логика, применимая к математике (скажем так, «чистая»), а есть логика, применимая к языку как выражению души народа, логика художественного осмысления всего сущего. От проявлений такой художественной логики народного сознания следует не отмахиваться, как от «несуразностей», и тем более не пытаться их уничтожить, что, впрочем, по собственному признанию Сепира, было бы абсолютно бесплодно, а находить в них отражение культурных, психологических, нравственных и т. п. особенностей народа.

Для нас важен сам принцип: в какой мере синтаксис и морфология могут отражать национальное мировидение, это во-первых, а во-вторых, следует ли относить эти разделы языка к ЯКМ? В зависимости от ответов на эти вопросы и определяется позиция исследователя по отношению к оппозиции: ЯКМ = весь строй языка — ЯКМ = лексико-семантическая система языка. Собственную позицию в данном случае мы можем охарактеризовать как компромиссную: с одной стороны, мы безоговорочно признаем роль всех разделов языка (синтаксиса, морфологии и даже фонетики) как источников информации о национальном складе мышления и национальном характере, любой из разделов языка может дать материал для соответствующих наблюдений; с другой стороны — под ЯКМ мы все-таки понимаем лексическую, а точнее — лексико-фразеологическую систему языка, сознательно выводя за ее пределы все остальные разделы. ЯКМ выполняет прежде всего функцию ФИКСАЦИИ национального видения мира, синтаксис же — это способ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ лексических средств. Сам по себе этот способ функционирования может служить источником наблюдений над особенностями национального менталитета, но он все-таки не есть сама картина мира. Что же касается морфологии, то она оказывается включенной в ЯКМ, поскольку слова, ее составляющие, входят в ЯКМ не только своей содержательной стороной, но и формальной, т.е. вместе со своей материальной оболочкой, а значит — со всем набором морфологических категорий. Не только морфология, но в некоторой степени и синтаксис отражен в лексике. Например, само наличие в ЯКМ слов типа «думается», «пришлось», «жалко», «страшно», «хочется» имплицитно содержит информацию об их функционировании (в данном случае — в пациентивных конструкциях с дательным падежом логического субъекта). Эта информация о способе функционирования лексики находится как бы в «свернутом виде»

Компромиссность нашей позиции, повторимся, состоит в признании за «НЕЛЕКСИКОЙ» возможности нести информацию о специфике национального мировидения, но сознательном ее выведении за рамки ЯКМ. Если бы мы согласились с тем, что ЯКМ — это весь строй языка, то ЯКМ как самостоятельная категория потеряла бы смысл, ее функции полностью совпали бы с функциями языка, а у ЯКМ, по нашему

убеждению, лишь одна функция: фиксировать в национальном языковом сознании национальный способ видения мира и передавать его от поколения к поколению.

ПЯТАЯ ОППОЗИЦИЯ имеет наиболее обобщающий характер и, по сути дела, определяет онтологический статус самого понятия ЯКМ. В основу оппозиции положено отношение к степени детерминированности человеческого сознания языком. Полярные точки зрения на эту проблему и составляют оппозицию:

«ЯЗЫК ПОЛНОСТЬЮ ОПРЕДЕЛЯЕТ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ»	«* «МИРОВОЗЗРЕНИЕ (восприятие и осмысление мира) НЕ ЗАВИСИТ ОТ ЯЗЫКА, НА КОТОРОМ ГОВОРЯТ ЛЮДИ
--	--

Первая точка зрения демонстрирует **абсолютизацию языковых форм отражения мира человеческим созданием**, вторая — **абсолютизацию внеязыкового логического базиса**, мышления вне языковых форм.

«Современная наука отвергает оба экстремальных решения — и то, что язык целиком детерминирует мировоззрение, и то, что мировоззрение людей не зависит от их языка» (Комлев 1992, с. 108). Истина, как это часто бывает, посередине. Однако, как нам кажется, ограничиться только констатацией такого компромисса явно недостаточно, это по сути лишь уход от проблемы. Занимаясь проблемой ЯКМ, любой исследователь все-таки должен отвечать на этот вопрос более точно: где именно «посередине», какие именно области человеческого сознания определяются спецификой языка (а значит и ЯКМ), а какие с языком не связаны и т. п. Роль ЯКМ в формировании национального мировосприятия должна быть не просто сформулирована в категориях типа «да — нет», «полностью детерминирует — никак не влияет», а **детально** описана.

Вполне очевидно, что для понимания и тем более детального описания роли ЯКМ в формировании мировоззрения человека рамки собственно лингвистики, имеющей объектом изучения язык как систему и не более, оказываются тесны. Для решения этой проблемы необходимо преодолеть известный традиционализм лингвистики и обратиться к другим областям знания, к наукам как смежным с традиционной лингвистикой (психолингвистика, социолингвистика), так и весьма далеким от нее (философия, психология, когнитология, этнография, физиология, культурология). Без такого выхода за рамки чистой лингвистики свою точку зрения на данную проблему доказать практически невозможно: любые утверждения в силу недостаточной аргументированности в лучшем случае будут иметь статус аксиом или

гипотез, а не доказанных научных фактов (даже если они и верны), а в худшем — будут противоречить данным, добытым специалистами в других (перечисленных нами) областях знания. «Лингвистические работы не вправе начинаться с апелляции к какому-либо известному, принятому всеми, строгому правилу, закону, понятию, аксиоме: ведь таковых просто не существует» (Перцов, 1996, с. 47—48).

Многие лингвисты сами осознают проблему лингвистического изоляционизма и, относясь к нему весьма критически, пытаются объяснить его причины: «К сожалению, приходится констатировать у некоторых ученых своеобразный лингвистический снобизм, преувеличенное представление о роли лингвистики среди наук о человеке... Из того, что лингвистам пока все же явно недостаточно помогают как науки о человеке, так и «компьютерология» и математика, делается надменный вывод, что они вообще не слишком ей нужны. А причина малой эффективности этих дисциплин для лингвистических исследований коренится скорее не в них, а в нежелании (и, увы, в неумении) лингвистов овладеть необходимыми сведениями и навыками, существенно выходящими за рамки современной науки о языке» (там же, с. 47). Профессор МГУ А. Е. Кибрик, иронизируя над нежеланием лингвистов обращаться к данным других наук, замечал, что любимым аргументом в споре с оппонентом, апеллирующим к смежным областям знания, является заявление: «Это не лингвистика». На самом же деле «именно на стыке разных наук лингвистам следует искать по-настоящему точные методы проверки и обоснования лингвистических утверждений» (там же, с. 47).

Спектр дисциплин, к которым нам придется обращаться в дальнейшем изложении, весьма широк: от нейрофизиологии до культурологии и философии. Именно по этой причине мы сочли необходимым сделать небольшое отступление о вреде «лингвистического снобизма» и «лингвистического изоляционизма», сопроводив его высказываниями сторонников комплексного междисциплинарного подхода к проблемам, такого подхода требующим. Проблема же взаимоотношений языка и сложнейших категорий сознания, мышления, мировоззрения, менталитета вне всякого сомнения должна быть отнесена к ряду именно таких комплексно решаемых проблем.

Теоретической основой первой концепции рассматриваемой нами оппозиции, концепции, согласно которой язык полностью определяет мировоззрение этноса, является теория ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ, связываемая с именами крупнейших лингвистов: Вильгельма фон Гумбольдта, Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа. Их объединяла убежденность в том, что люди видят мир по-разному, а именно — сквозь призму своего родного языка.

Основываясь на данных изучения языков, резко отличающихся от языков индоевропейской семьи (язык басков, племенные языки ин-

дейцев Южной и Северной Америки, языки Индонезии и Полинезии), эти ученые в разное время пришли к одинаковому заключению о том, что языки — это не просто разные материальные оболочки единого общечеловеческого сознания, а различные ВИДЕНИЯ мира.

В теоретическом введении к своему последнему исследованию «О языке кави на острове Ява», которое называлось «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом' выступает между человеком и природой, воздействующей на него... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же' вступает в круг другого языка» (Гумбольдт, 1984, с. 80). И далее: «Языкам, достигшим высоких степеней совершенства, свойственны собственные мировоззрения» (там же, с. 322).

Говоря о теории «лингвистической относительности», представляется целесообразным дифференцировать три составляющие этой концепции:

1. Сами результаты лингвистических наблюдений, конкретные факты, установленные в ходе описания не изучавшихся, ранее языков.
2. Интерпретация этих чисто лингвистических фактов самими исследователями, попытки философски их осмыслить и сделать обобщения самого высокого уровня абстракции.
3. Спекулятивное «логическое развитие» идей теории «лингвистической относительности».

Что касается первой составляющей, то здесь не о чем спорить, это бесценный фактический материал для специалистов по общему, языкознанию, контрастивной лингвистике, этнографии. Результаты этих исследований поставили перед учеными очень непростой вопрос: есть ли в языках мира нечто их объединяющее? Что общего содержат в себе все национальные языки? Существует ли какие-либо универсалии или все относительно (отсюда и название теории)? Эти данные стали катализатором поисков всеобщих лексико-семантических универсалий.

Вторая составляющая концепции — философское осмысление сделанных наблюдений — вызвала и вызывает много споров и критики (разной степени убедительности). Чуть позже мы постараемся изложить причины, по которым, на наш взгляд, это произошло.

Более всего теория «лингвистической относительности» своей неприемлемостью для многих обязана третьей компоненте, которая не является частью собственно теории и не принадлежит самим лингвистам. Это своеобразное «доведение теории до логического завершения».

Некоторые авторитетные специалисты поспешили сделать из теории «лингвистической относительности» весьма сомнительный вывод о принципиальной невозможности взаимопонимания между народами: «Поскольку всякий язык есть средство мышления (в том смысле, что без материи языка невозможно мыслить), а эти средства оказываются разными для людей, говорящих (следовательно, и мыслящих) на разных языках, то и «картины мира» у представителей разных человеческих сообществ разные: чем больше разницы в языковых системах, тем больше разницы и в «картинах мира». Откуда политикам и идеологам уже нетрудно было сделать вывод: взаимопонимания внутри человеческого сообщества нет и не может быть (а откуда ему взяться, если мыслят люди «по-своему?»), стало быть... Что? Нечего удивляться, если в мире происходят непрерывные конфликты — договориться люди не могут друг с другом. И не смогут до тех пор, пока не заговорят на каком-нибудь одном (общем) языке» (Горелов, Седов, 1997, с. 8). Естественно, что такие выводы вызвали неприятие, отсюда и неприятие самой теории, не имевшей на самом деле к подобным выводам никакого отношения. Впрочем, спекулятивность этих «продолжений теории» вполне очевидна. Фактически, человечеству предлагалась тотальная унификация как выход из многочисленных межнациональных конфликтов. Язык тем самым превращался из величайшего и ценнейшего национального достояния, из определяющего фактора национальной самобытности в главного виновника межнациональных противоречий и взаимного непонимания. Думается, что именно это «додумывание» теории и вызвало в немалой степени ее неприятие и критику.

К сожалению, и сторонники абсолютизации роли языка, и сторонники абсолютизации роли внеязыковых форм мышления используют многие понятия, не уточняя их смысл, не конкретизируя используемую терминологию. Иногда дискуссия просто беспредметна, поскольку многие положения не доказываются, а предлагаются фактически в качестве аксиом. Например: «...Вся система языка настолько сбалансирована, что ее лексико-грамматический потенциал... в любом языке дает возможность отразить любой предмет, любое объективное отношение явлений адекватно их естественной природе. Как бы ни были своеобразны наименования тех или иных предметов и явлений в различных языках, они не создают какой-либо особой языковой картины мира» (Колшанский, 1990, с. 67). Или другой пример критики подобного рода, когда конкретные аргументы подменяются заклинаниями, предназначенными для принятия на веру: «Вся практика человеческого общения, обмена мыслями представителей самых разных национальностей доказывает общечеловеческий характер субстанциональных понятий, понятий времени, пространства и прочих логи-

ческих категорий. Если бы эти понятия, категории были обусловлены структурными особенностями языка и в этом смысле являлись относительными, как заявляют сторонники принципа лингвистической относительности, то невозможен был бы обмен мыслями, мыслительное общение между людьми, принадлежащими к разным языковым коллективам» (Брутян, 1979, с. 178). И ни слова о степени адекватности подобного обмена, о так называемом «выравнивании понятий», о котором очень верно, с нашей точки зрения, сказал Н. Г. Комлев: «Процесс выравнивания понятий в межиндивидуальном плане весьма трудный, а между говорящими на разных национальных языках практически невозможен... Упомянутый процесс выравнивания не действует через границы отдельных языковых сообществ» (Комлев, 1992, с. 46—47).

Позволим себе процитировать еще двух авторов, отрицающих зависимость мировоззрения народа от его национального языка: «Нельзя отрицать того, что рефлексивное мышление индивидуума может быть как-то обусловлено конкретным языком ... Однако, по существу, невозможно, чтобы мышление (включая мышление всего народа) детерминировалось бы соответствующим языком» (Coseriu, 1982, с. 279). Из чего это следует? Ни из чего. Невозможно, потому что невозможно. И последний пример. Э. Альбрехт озаглавил свою книгу «Определяет ли язык нашу картину мира?» и, отвечая на поставленный вопрос, пишет: «Картина мира определяется... не языком, ибо это означало бы, что существует столько мировоззрений, сколько языков или языковых семей. «Теория» языковой картины мира связана с отрицанием законов отражения мышлением объективной реальности посредством языка...» (Albrecht, 1974, с. 82. Цит. по: Ком-лев, 1992, с. 108—109).

В рассматриваемой нами оппозиции выражены крайние, полярные точки зрения, и приведенные выше высказывания сторонников каждой из них создают впечатление невозможности найти компромиссное решение проблемы. *Tertium non datur* (третьего не дано). Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, истина лежит именно между этими двумя крайностями. В какой-то мере правы сторонники обеих точек зрения, проблема лишь в том, чтобы определить эту меру, сформулировать, в чем именно права каждая из сторон и из чего это следует. По сути дела, компромиссная позиция в дилемме «язык определяет мировоззрение — мировоззрение не зависит от языка» означает не отрицание одного из полюсов, а УГЛУБЛЕНИЕ и КОНКРЕТИЗАЦИЮ каждого из них с тем, чтобы рациональное начало каждого из подходов обрело фактическое наполнение, научное подтверждение. Путь к компромиссу лежит через аргументированное обоснование

рационального ядра каждой из концепции. Для того чтобы это стало возможным, не обойтись без привлечения данных других областей знания, без расширения узколингвистических рамок, о чем мы уже писали. Нужно развивать «тенденции к стиранию границ между лингвистикой и смежными дисциплинами (психологией, социологией: и этнографией)...» (Арутюнова, Падучева, 1985, с. 3—4).

Попробуем коротко изложить суть компромиссной позиции относительно степени и характера зависимости мировоззрения от языка, используя категории дисциплин широкого спектра (от психологии и нейрофизиологии до философии и культурологии). Это представляется важным, поскольку в дальнейшем изложении именно эти рассуждения будут использоваться нами для изложения нашей концепции сущности, значения и внутренней организации ЯКМ.

Прежде всего хотелось бы отметить, что при обсуждении степени зависимости мировоззрения от языка все три основные понятия: КМ, мышление, мировоззрение — как правило, употребляются достаточно произвольно, без должной конкретизации каждого из них. В итоге получается, что недостаточная точность терминопотребления, недостаточная дифференцированность понятий ведет к излишней категоричности суждений. Попробуем провести эту конкретизацию.

Что касается первого из них — КАРТИНА МИРА, то вся первая глава настоящей работы как раз и посвящена определению статуса НКМ, ННКМ и ЯКМ национальных языков. Напомним лишь, что выражение «картина мира» без соответствующего уточнения, по нашему мнению, не может фигурировать в рассуждениях именно в силу своей неопределенности. Необходимо каждый раз использовать точный термин во избежание неадекватного его истолкования. Таковыми терминами мы предлагаем считать следующие:

1. НКМ (научная картина мира) = **инвариант научного знания** человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения ПВК (пространственно-временного континуума) коллективным научным сознанием.

2. ННКМ (национальная научная картина мира) = инвариант научного знания о мире в **языковой оболочке конкретного национального языка**, т. е. НКМ, запечатленная в терминсистемах (языке науки) того или иного национального языка.

3. ЯКМ (языковая картина мира) = результат отражения объективного мира **обыденным (языковым)** сознанием того или иного языкового сообщества.

4. НЯКМ (национальная языковая картина мира) = результат отражения объективного мира **обыденным (языковым)** сознанием конкретного языкового сообщества, **конкретного этноса**.

5. ИНЯКМ (индивидуальная национальная языковая картина мира) = результат отражения объективного мира **обыденным (языковым)** сознанием **отдельного человека** — носителя того или иного национального языка.

Просто ЯКМ — это абстракция, реально нигде не существующая. Реально существуют и могут анализироваться лишь ЯКМ конкретных национальных языков (НЯКМ). НЯКМ — это объективно существующие реальности, ибо таковыми могут быть названы идеографически структурированные лексические системы любого из национальных языков.

Принципиальное отличие НКМ и ЯКМ в том, что **просто** НКМ существует и, получая национальное языковое оформление, воплощается в одну из множества ННКМ тех языков, которые имеют собственные языки науки, а просто ЯКМ не существует, это **НЕ ИНВАРИАНТ НАИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА** неким коллективным **обыденным НАДЪЯЗЫКОВЫМ** сознанием человечества, который затем воплощается с небольшими нюансами во всех национальных языках, т. е. во всех НЯКМ. Каждая НЯКМ фиксирует **УНИКАЛЬНОЕ** мировосприятие именно данного языкового сообщества. Если ННКМ — это национальное оформление единой, общей для всех НКМ, то НЯКМ — это вовсе не национальный вариант некой общей ЯКМ, поскольку ЯКМ безотносительно к какому-либо конкретному языку не существует. Не существует **ВСЕОБЩЕГО** наивного (обыденного) знания о мире, которое бы с небольшими различиями фиксировалось во всех языках. Существует единая логико-понятийная база, но это совершенно другая категория, категория внеязыковая, и о ней будет сказано чуть позже, когда речь пойдет о разных видах мышления.

Рассмотрим, как соотносятся НЯКМ и ИНЯКМ (индивидуальная НЯКМ). НЯКМ — это категория, фиксирующая коллективный опыт всего языкового сообщества, в полной мере ею владеет именно народ — носитель языка. Каждый отдельный представитель этого народа владеет лишь частью этого коллективного опыта. «Язык обладает огромной, бесконечно превосходящей возможности индивида массой..., он соизмерим не с отдельным человеком, а с человеком «софийным», коего атрибутом он является. В связи с этим процесс овладения языком с необходимостью превращается в процесс поглощения человека, его растворения в языке. Язык, осуществляя свое предназначение служить средой, сцепляющей индивидов во времени (т. е. сейчас живущих с предками и потомками) и пространстве (т. е. здесь живущих с живущими в других точках этнического пространства), заполняет сознание человека, структурирует его этнически особым образом, подключает его к национальным родникам духовности» (Морковкин,

Морковкина, 1977, с. 51). Подключение это осуществляется по мере овладения языковой личностью словарным запасом родного языка, чем больше этот запас, тем в большей степени мышление индивида становится этнически ориентированным. Индивидуальный словарь членов одного языкового сообщества различается не только количественно, но и качественно: наблюдается известная асимметрия в овладении НЯКМ — у разных людей оказываются наиболее «освоенными» разные участки НЯКМ, равно как лакуны в индивидуальном идеографическом синопсисе оказываются индивидуально-специфическими. Словарные запасы отдельных носителей одного и того же языка существенно отличаются не только СОСТАВОМ слов, не только разной степенью освоенности тех или иных СМЫСЛОВЫХ ЗОН, но и индивидуальностью семантического наполнения одних и тех же слов, когда при межличностном общении возникает необходимость в упоминавшемся нами «выравнивании понятий», т. е. в дополнительном уточнении того, что каждый из участников коммуникации понимает под тем или иным словом, ИЯКМ каждого человека уникальна подобно его неповторимым отпечаткам пальцев или рисунку сетчатки глаза, она — отражение именно его жизненного опыта, его знания, понимания и оценки всего сущего. В этом смысле закономерен вывод: «Поскольку каждое слово несет какой-то кусочек человеческого опыта, то можно считать, что словарь индивида соответствует некоторой автономной картине мира его языковой личности» (Комлев 1992, с. 109), которую мы предложили называть ИНЯКМ (индивидуальная национальная языковая картина мира).

В чем, по сути дела, предназначение всех одноязычных словарей: толковых, идеографических, тематических, синонимов и т. д.? Все они призваны способствовать тому, чтобы каждый носитель языка всегда имел возможность максимально приблизить свою ИНЯКМ к НЯКМ данного языкового сообщества, сверяясь с ней и самокорректируясь.

Каждый отдельный человек может корректировать свое собственное знание о мире в двух направлениях: обращаясь к научным справочникам, он стремится свое научное сознание привести в соответствие с универсальной НКМ, а обращаясь к словарям родного языка, он верифицирует свое обыденное сознание с таким же обыденным инвариантом интерпретации мира коллективным языковым сознанием сообщества, к которому принадлежит.

Наднационального, надязыкового инварианта обыденного мироосмысления нет. Ведь не случайно в поисках научного знания можно обратиться к справочникам на любом языке — инвариант знания будет тем же, а наивное знание у каждого языка свое неповторимое, запечатленное именно в его НЯКМ, и только лексикография родного языка может помочь индивиду сверить свою индивидуальную ЯКМ с НЯКМ.

Сознательно сверять ИНЯКМ с НЯКМ человек может только уже будучи достаточно сформировавшейся языковой личностью, первоначальное же образование и постепенное расширение и усложнение ИНЯКМ происходит автоматически в процессе овладения в детстве родным языком. «...В семантике слов откладывается множество признаков, которые регистрируют **все добытое этносом знание** о соответствующих объектах. Передача этого знания каждому новому члену этноса производится в ходе... научения формирующейся языковой личности правильному пониманию и употреблению единиц и категорий родного языка... Иначе говоря, в процессе усвоения родного языка происходит как бы подключение языковой личности к МЛК (менталь-но-лингвальному комплексу — прим. О. К.) этноса» (Морковкин, Морковкина, 1997, с. 48—49). Вполне естественно, что все люди в разной степени владеют этим коллективным знанием и их ИНЯКМ отличаются друг от друга. Различие индивидуальных вокабуляриев, как чисто количественное, так и качественное (по тематике, глубине лексических значений, развитости... парадигматических связей внутри индивидуальных словарей и т. п.), практически гарантирует невозможность совпадения ИНЯКМ отдельных людей. Все ИНЯКМ — суть различные манифестации общей НЯКМ. Если согласиться с мнением И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «язык... национальный является... обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 71), то любую НЯКМ следует рассматривать как обобщение всех ИНЯКМ всех членов этноса, живших на протяжении всей его истории.

Справедливости ради следует отметить, что теоретически между НЯКМ и ИНЯКМ языковой личности можно поместить промежуточное звено — НЯКМ отдельной социальной группы. Известный русский писатель Вячеслав Пьецух (историк по образованию) по этому поводу заметил следующее: «Я думаю, есть много русских народов. Вот мы с вами (имеется в виду интеллигенция — прим. О. К.) — это один народ со всем тем, что всякому народу присуще, — от иерархии ценностей до языка. Как говорим мы, не говорят ни новые русские, ни крестьяне, ни промышленный пролетариат, ни уголовники. Все перечисленные мною категории — это отдельные нации, которые на суверенных правах входят в понятие «великорусский народ» (Пьецух, 1997). Мысль ясна, но, думается, полемически несколько заострена. Язык каждой социальной группы, безусловно, имеет свои особенности, содержит обширные пласты только ему свойственной лексики, но при всем этом все-таки не обладает, как нам кажется, способностью моделировать всю действительность, т. е. лишен «миропостроенческой» функции. Моделируя мир в своем сознании, каждый человек

черпает знания в раннем детстве из ментально-лингвального комплекса всего народа, а не отдельной социальной группы, усваивает прежде всего общенациональный язык, а лишь потом развивает или видоизменяет свою ИНЯКМ в соответствии с реалиями своего социального бытия, вследствие чего претерпевает изменения и его собственный обиходный язык. Говорить о «картинообразующей» способности языка отдельной социальной группы, по крайней мере в контексте настоящей работы, нам представляется нецелесообразным.

Итак, вместо крайне расплывчатого выражения «картина мира» мы предлагаем использовать более конкретные обозначения: НКМ, ННКМ, ИЯКМ, ИНЯКМ языковой личности.

Второе понятие, требующее конкретизации,— это МЫШЛЕНИЕ и, шире, СОЗНАНИЕ. «Наиболее распространена точка зрения, согласно которой мышление человека совершается только на базе языка и в какой-либо иной форме осуществляться не может, поскольку абстрактные понятия, лежащие в основе человеческого мышления, могут быть выражены только словами» (Русский язык. Энциклопедия, 1979, с. 412). Получается некий парадокс. С одной стороны, налицо абсолютизация роли языка в человеческом сознании, с другой стороны, невозможно отрицать высокой степени универсальности человеческого сознания вне зависимости от конкретных национальных языков. Следовательно, делается вывод о принципиальной «одинаковости» языков, ибо если бы это было не так, то не было бы и «одинаковости» мышления. Отсюда и заключения о том, что языки не создают никаких собственных картин мира.

Возможны и некие компромиссные подходы, которые, с одной стороны, мышление стопроцентно привязывают к языку, а с другой стороны, не отрицают реальности существования отличающихся друг от друга национальных вариантов моделирования мира. Каждый такой вариант — это ИЯКМ отдельного этноса. Примером именно такого рода концепции может служить следующее, заслуживающее пространного цитирования, толкование соотношения мышления, сознания и языка: «...Указанные сущности составляют единый ментально-лингвальный комплекс. Их объединение в рамках названного комплекса основывается на восходящей к неоплатоникам... ипостасной концепции триединого. Будучи ипостасями единого, мышление, сознание и язык единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны... Ментально-лингвальный комплекс (МЛК) определяется как функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система... В пределах МЛК мышление — прежде всего динамическая ипостась, сознание — накопительно-оценочная ипостась, а язык — инструментальная и коммуникативная ипостась. Главная функция языка по отношению к мышлению и сознанию заключается в дискретиза-

ции информационного континуума, с которым сталкивается человек, в его представлении в виде совокупности информационных сгущений разного объема и содержания» (Морковкин, Морковкина, 1997, с. 44). Но если мышление всегда «завязано на языке», а языки столь различны, то на чем основана общность человеческого мышления вне зависимости от национальных языков, на которых говорят люди в разных частях земли?

А что будет, если устранить эту постулируемую абсолютную «языко-вость» человеческого мышления? Если усомниться в единосущности и нераздельности мышления, сознания и языка? Тогда нарушается вся логическая цепочка, отрицающая правомерность использования самого понятия ЯКМ, и возникает теоретическая возможность объяснить универсальность человеческого мышления и сознания в целом не тождественностью языков, а другими, внеязыковыми факторами. При этом сами национальные языки «получают право» быть настолько различными, что говорить о самостоятельных ИЯКМ становится вполне уместным.

Если преодолеть «лингвистическую монополию» в вопросах, связанных с сущностью человеческого сознания, и обратиться к данным, полученным специалистами в области логики, психологии, физиологии и психолингвистики, то абсолютная «языковость» мышления становится мифом. Результаты научных наблюдений в перечисленных выше областях приводят к важнейшему выводу: мышление представляет собой МНОГОУРОВНЕВУЮ сущность, оно осуществляется на РАЗНЫХ уровнях, и исключительно в формах языка оно осуществляется только на высоких уровнях абстракции (но не самых высших, как, например, в теоретической физике, где очень часто научная идея сначала воплощается лишь в виде формул и лишь затем мучительно пытается обрести словесное выражение, которое может так никогда и не стать до конца адекватным самой идее).

В специальной литературе существование внеязыковых форм мышления и многоуровневость мышления, как правило, доказываются с помощью материалов наблюдений следующих явлений:

- практика воспитания и обучения глухонемых (и слепоглухонемых) детей;
- клинические наблюдения над больными частичной или тотальной афазией (поражение участков мозга, отвечающих за понимание речи и ее производство);
- обучение здоровых детей «доязыкового» возраста;
- изучение особенностей мышления людей заведомо «невербальных» профессий: художников, математиков, композиторов, шахматистов;
- изучение редуцированной внутренней речи здоровых взрослых людей.

«Чистая» лингвистика может игнорировать эти факты, но они красноречиво опровергают языковую монополию на человеческое мышление и сознание. А. И. Мещеряков, обобщив многолетний уникальный опыт воспитания слепоглухонемых детей в интернате города Сергиев Посад, убедительно, с помощью экспериментальных данных, опроверг идею о том, что человеческая психика рождается не иначе как вместе с усвоением языка (см.: Мещеряков, 1974). Больные афазией, будучи лишенными языка (он у них в мозгу как бы «стирается»), тем не менее сохраняют сознание, сохраняют способность решать разного рода тесты и задачи, т. е. они продолжают мыслить. Глухонемые от рождения дети еще до обучения языку ведут себя в обществе вполне адекватно, нет никаких оснований отрицать, что они разумны, что они мыслят. А если все это так, то вывод однозначен: они мыслят не словами, не на языке, а как-то иначе. «Результаты научных наблюдений врачей, психологов, физиологов, логиков и языковедов показывают, что мышление осуществляется не только в абстрактно-логической сфере, но и в ходе чувственного познания -материалом образов, памяти и воображения» (Русский язык. Энциклопедия, 1979, с. 412). Различные формы отражения действительности соответствуют разным уровням мышления. «В зависимости от этих уровней мы можем говорить, например, об элементарном, простейшем уровне (человекообразном, у шимпанзе), о детском, о мышлении подростка, о мышлении взрослого человека, о мышлении человека выдающихся способностей, о мышлении гениального человека... Особый уровень абстрактного мышления достигается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** с помощью овладения человеком языком его среды. Здесь-то и пролегает самая четкая граница между уровнями мышления, между возможностями развивать сам мыслительный уровень: есть язык — может быть (в принципе) достигнут высокий уровень абстрактного мышления, нет — нет такой возможности» (Горелов, Седов, 1997, с. 13).

Следует отметить, что дифференциация мышления не несет в себе оценочного компонента: образное мышление художника не хуже и не лучше логического (но не языкового) мышления шахматиста или математика, а мышление последнего не хуже и не лучше абстрактно-языкового мышления философа, оратора или писателя. Это суть разные формы (типы) человеческого мышления.

Тип мышления и уровень мышления — это тоже разные категории. Первая из них характеризует **ФОРМУ** отражения действительности (образ, силлогизм, пропозиция, эмоциональное состояние), вторая — степень сложности этого отражения. Одинаковые типы мышления могут находиться на разных уровнях: образное мышление маленького ребенка находится на элементарном уровне, на уровне

предметно-действенного мышления, то же самое образное мышление художника или композитора находится на высочайшем уровне художественного обобщения, зрительной абстракции; малограмотный человек, владеющий лишь примитивной разговорной речью, способен к логико-абстрактному мышлению равно как и философ-интеллектуал, но уровни их абстракций различны, сложность и глубина их абстрактно-логических построений несопоставимы.

Выделение в человеческом мышлении различных типов и уровней — операция необходимая для того, чтобы отказаться от упрощенной привязки мышления к языку, чтобы понять, что они не тождественны друг другу. «Расчленение» мышления на составляющие не отрицает в конечном счете целостности человеческого мышления, которое представляет собой совокупность различных типов мыслительной деятельности, протекающих на разных уровнях, постоянно сменяющихся и дополняющих друг друга в зависимости от ситуации, в которой находится человек, и в зависимости от имеющихся у него в данный момент интенций. Например, когда А. Вознесенский говорит: «Публика сегодня состоит наполовину из людей совсем молодых. Но это другие молодые. Они начитанны, у них **ВИЗУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ...**» (Известия №47, 1998), мы понимаем, что он не имеет в виду отсутствие у современной молодежи логического или абстрактно-вербального мышления, а лишь подчеркивает возросший **УРОВЕНЬ** определенного **ТИПА** мышления в сравнении с их сверстниками в прошлом, хочет сказать о развитии образного мышления до уровня художественного осмысления мира.

Снятие с языка «ответственности» за все человеческое сознание и оставление за ним статуса лишь одного из типов мышления (самого основного) отнюдь не умаляет его роли в формировании мировосприятия человека. Наоборот, в такой ситуации универсальность человеческого мышления обеспечивается единой логико-понятийной базой мышления, имеющей надязыковой характер, а языки получают «моральное право» быть настолько разными, что создаваемые ими интерпретации мира вполне заслуживают статуса целостных **НЯКМ**.

При таком подходе возможно смещение акцентов: язык не только форма мысли и орудие получения знания, но и средство **ОФОРМЛЕНИЯ** полученного знания, **КАТЕГОРИЗАТОР** **ВНЕВЕРБАЛЬНОГО ЗНАНИЯ**. «...Язык определенным образом **организует** знания человека об объективном мире, **расчленяет их и закрепляет** в человеческом сознании. В этом состоит вторая основная (после коммуникативной) функция языка — функция отражения действительности, т. е. формирование категорий мысли и, шире, сознания» (Русский язык. Энциклопедия, 1979, с. 413).

Очень важно отметить, что язык в качестве отражателя действительности стремится фиксировать и невербальные формы сознания. Не участвуя в самом процессе чувственного восприятия и в процессе эмоционально-образного закрепления почувствованного в сознании, язык потом уже своими средствами стремится передать полученную информацию. «Обращение к языку рассматривается сегодня как наиболее простой доступ к сознанию не потому, что все структуры сознания изначально вербализованы, но потому, что все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме вербального их описания» (Кубрякова, 1992, с. 11). В результате появляются словесные описания звуков, мелодий, тактильных ощущений, запахов, зрительных образов, эмоциональных состояний и т. п. Эта сфера внелогического восприятия действительности по-разному воспроизводится каждым из национальных языков, а будучи воспроизведенной и зафиксированной, она становится социально наследуемой всеми последующими поколениями людей, говорящих на этом языке. В итоге на человека всегда воздействует и непосредственно-чувственное восприятие мира, его рефлексия во внеязыковых формах, и языковая «сетка координат», матрицы языка, задающие априори определенную вербальную интерпретацию того же внешнего мира. Первый фактор способствует одинаковости восприятия мира, второй — особенностям этого восприятия.

На существование в сознании человека двух отличных друг от друга, но взаимодействующих языков — языка мысли и языка вербального — указывал выдающийся ученый Л. С. Выготский (Выготский, 1996). Развивая идеи Выготского об особом языке мысли, отечественный психолог Н. И. Жинкин предложил гипотезу существования в сознании любого здорового человека универсально-предметного кода (УПК), своего рода особого языка интеллекта, составляющего базу мышления. Этот гипотетический код невербален и представляет собой некую систему «знаков», в основе которых лежит чувственное отражение действительности в человеческом сознании. УПК — это набор образов, логических схем, двигательно-осознательных, обонятельных и т. п. ОТПЕЧАТКОВ реальности в сознании. Именно на этом мыслительном языке, по мнению автора гипотезы, происходит формирование личностного смысла, на нем же происходит так называемая внутренняя речь, и лишь потом происходит перекодирование на вербальный язык. В процессе перехода с мыслительного языка образов и схем на язык вербальный НЕИЗБЕЖНО ИСКАЖЕНИЕ личностного замысла. Мысль, отлитая в языковую форму, уже не стопроцентно адекватна самой себе до вербализации. Известный афоризм о том, что «мысль изреченная есть ложь», по сути своей лишь утрированная констатация именно этого факта. Вспомните, как часто в повседневной жизни

нам приходится говорить: «Как бы это сказать..., я не это имел в виду..., я не совсем точно выразился...» и т. п. Все эти «муки творчества» порождения речи — отражение «сопротивления» форм языка личностному замыслу. Когда мы не можем точно выразить какое-либо свое состояние или идею, то это совсем не обязательно говорит об изъяне нашей мысли («Кто ясно мыслит — тот ясно излагает»), это может быть лишь свидетельством отсутствия в языке необходимых средств для выражения того, что мы хотим сказать. Язык, кодируя ментальные состояния и процессы, не всегда оказывается в состоянии сделать это без искажения, поэтому «мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, в ходе ее вербализации способна трансформироваться, **обрастать значениями**, которые несут в себе единицы конкретного национального языка» (Горелов, Седов, 1997, с. 75); «способ, каким язык представляет мир, **является расширением** и реализацией способа, посредством которого сознание представляет мир» (Клике, 1983, с. 13). Подчеркнутое нами в обеих цитатах — это и есть подтверждение идеи о том, что оязыковленная мысль не равна той же мысли до ее вербализации. **Обрастание значениями языка, расширение или сужение первоначальной невербализованной идеи — вот та печать, которую язык накладывает на мышление.** Соответственно, различие языков обуславливает различие налагаемых ими печатей.

Цели настоящей работы не предполагают более глубокого погружения в проблему взаимоотношений языка, мышления, знания. Полное изложение всего спектра подходов к целому комплексу проблем, связанных с вышеизложенным, и библиографию по этому вопросу можно найти в сборнике научно-аналитических обзоров под общим названием «Язык и структуры представления знаний» (М., 1992). Для данной работы сделанного отступления в область психологии и когнитологии вполне достаточно, чтобы аргументировать собственную позицию по вопросу о степени влияния языка на мировоззрение.

Наша позиция, как уже было сказано, компромиссная и в обобщенном виде может быть сформулирована следующим образом: ядро содержательной структуры языка составляет единая логико-понятийная база, совокупность ментальных универсалий, универсально-предметный код (по терминологии Н. И. Жинкина). Эта совокупность ментальных универсалий является базовым компонентом мышления, этот компонент мышления интернационален и не зависит от национальных языков и культур. Именно наличие этого всеобщего мыслительного кода делает принципиально возможным понимание друг друга людьми, принадлежащими разным культурам и разным языковым коллективам, делает возможной принципиальную переводимость с любого языка на

любой другой язык. Но... одинакова лишь база, основа. Развитие же, детализация и конкретизация универсальной логико-понятийной основы каждым этносом осуществляется по-своему. Мышление носителей разных языков схоже лишь в своей основе, а все то, что выходит за рамки универсально-предметного кода, все то, что можно условно назвать периферией логико-понятийного каркаса миропорядка, все это национально обусловлено, специфично. Сказанное касается логического осмысления мира, область же внелогического отражения мира вообще, как нам представляется, не предполагает какого-либо единства. Например, позитивное/негативное отношение к каким-либо реалиям внешнего мира — это понятийная универсалия, поскольку в сознании носителя любого языка есть представление об оценке чего бы то ни было. А вот конкретная реализация этой понятийной универсалии применительно к конкретным фактам объективной действительности уже не имеет и следа той всеобщности, которая характеризует саму категорию оценки. Представители разных языкообразующих социумов ощущают, созерцают, оценивают и переживают по-разному. Справедливости ради нужно заметить, что эти различия вызваны не только неодинаковостью языкового сознания, но им — в первую очередь. Неповторимость мироосмысления, мироощущения и мирооценки конкретным этносом предопределена прежде всего сферой внелогического восприятия действительности: эмоции и оценки, их характер и глубина, факторы, их определяющие, — все это своеобразно, неповторимо, и все это отражено в языке.

Интересен вопрос о первичности и вторичности национального языка и особенностей национального менталитета и национального характера: то ли национальный характер обуславливает особенности языка, то ли наоборот — язык «навязывает» своим носителям те или иные черты ментальности и характера? В известном смысле такая постановка вопроса напоминает спор о первичности курицы или яйца. Тем не менее мы постараемся ответить на этот вопрос. В несколько схематизированном виде последовательность взаимного влияния, по нашему мнению, может быть представлена таким образом: сначала внешние условия существования языкообразующего сообщества (климат, природа), культурно-бытовые традиции и физиолого-антропологические особенности формируют специфические качества, которые образуют основу национального характера, темперамента и национальной ментальности. Затем специфические черты национального характера и менталитета проникают в национальный язык, точнее — находят в нем свое отражение, фиксируются им. В дальнейшем эти специфические черты передаются последующим поколениям носителей языка в уже готовом вербализованном виде, т. е. становятся соци-

ально наследуемыми. Язык на этапе своего становления — это «яйцо», порождаемое «курицей», т. е. особенностями национального характера, обусловленными, в свою очередь, конкретными материальными условиями существования этноса. На более поздних этапах исторического бытования этноса внешние условия могут измениться, могут исчезнуть многие из причин, породивших специфику национального характера, но сами черты национального характера и особенности национальной ментальности все равно продолжают воспроизводиться в каждом из последующих поколений. Почему? Видимо, потому, что «яйцо», каковым был язык на этапе своего становления, превращается в «курицу» и начинает порождать собственные «яйца», т. е. предлагать новым поколениям носителей языка уже сформированную и запечатленную в формах языка специфику национального мировосприятия и мирооценки в готовом виде. Язык начинает делать то, что на раннем этапе развития этноса делала сама внешняя среда его обитания и его генети-ко-антропологическая природа. Схематично это можно изобразить следующим образом:

К этой схеме и конкретным примерам, ее иллюстрирующим, мы еще вернемся в той части работы, где будем подробно говорить о структуре НЯКМ, об отражении в ней объективного мира и непосредственно

среды обитания этноса как одной из составляющих этого мира. В контексте же рассматриваемой нами проблемы характера и степени взаимозависимости МЫШЛЕНИЯ и ЯЗЫКА сделанное нами отступление нам понадобилось для того, чтобы показать, что дихотомия МЫШЛЕНИЕ— ЯЗЫК не должна рассматриваться в отрыве от третьего компонента — ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ обитания субъекта мышления и

языка, ибо мыслит, а затем и вербализует свои мысли этот субъект именно под воздействием этой самой среды, в условиях этой среды и относительно того, что в этой среде происходит. Если под субъектом мышления и языка подразумевать человечество в целом, а под средой бытования Землю (весь Земной шар), то утверждение о том, что «взаимодействие между человеком и Землей порождает то соотношение, которое составляет историю человеческого рода» (Реклю, 1914, с. 5), мы вряд ли сочтем за преувеличение. Один из виднейших представителей возникшей во второй половине XIX-го века науки антропологии французский ученый Э. Реклю весьма образно сказал о роли внешней среды: «Можно сказать, что развитие человечества было написано заранее величественными письменами на равнинах, долинах и берегах наших материков. Однако отношения между явлениями природы и истории народов выражаются в действительности не так резко и правильно, как, например, отражение какого-нибудь предмета в зеркале» (там же, с. 4). Почему не так резко и правильно? Потому что это влияние опосредовано отдельными народами и отдельными людьми, составляющими любой народ. Среда влияет на национальный образ мышления, склад характера, которые с помощью языка передаются от поколения к поколению. Национальный характер в сочетании с географическими условиями и порождаемыми ими геополитическими интересами определяет историческую судьбу народа.

Влияние среды на человека может рассматриваться на разных уровнях: на уровне физиологии, на уровне психологии и даже на уровне социологии (как это, например, сделал Л. И. Мечников в своей книге «Цивилизация и великие исторические реки», СПб., 1898), мы же применительно к целям нашей работы будем иметь в виду фактор среды бытования этноса с точки зрения его влияния на процессы мышления и на формирование национального языка. С учетом фактора среды сделанное нами ранее определение следует несколько расширить: мышление этноса определяется его базовым компонентом (совокупностью ментальных универсалий общих для всех народов) и национально-специфическим компонентом, включающим периферию логического осмысления мира (все выходящее за рамки УПК) и всю область внелогического отражения окружающего мира. Национально-специфический компонент сознания формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе своего существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми. Впоследствии при изменении или исчезновении тех

или иных внешних факторов национальное мышление не перестает ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, «помнящего» действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа.

Следует сделать весьма существенную оговорку: все сказанное справедливо (по крайней мере, по нашему мнению) применительно далеко не ко всем народам, а только лишь к тем, которые исторически жили в достаточной мере оседло, т. е. по сути дела, не меняли среды своего обитания, а следовательно — фактор внешней среды для них оставался практически неизменным. Это — во-первых. А во-вторых, как мы знаем, многие современные народы в силу разных исторических причин утратили или перестали использовать в качестве своего национального языка тот язык, который и был их собственным первоначальным этническим языком и в котором остались запечатленными неповторимые национальные черты характера и ментальности. Что происходит, когда тот или иной этнос в силу исторических обстоятельств оказывается вынужденным «поменять» свой национальный язык? А происходит следующее: национальному генотипу, сформировавшемуся под воздействием совершенно определенных факторов внешней среды, фактически навязывается национально-специфический компонент сознания другого этноса, другого национального генотипа, сформировавшегося в других условиях, под воздействием иных внешних факторов. В результате происходит нарушение гармонии между тремя факторами, определяющими национальное мировоззрение в широком смысле слова: генетико-антропологическими особенностями этноса, внешней средой его обитания на этапе становления его национального языка и национального самосознания и тем языком, который фактически используется в качестве национального языка. Более поздние поколения народа, «поменявшего» язык, испытывают определенное насилие над естественной природой собственного мировоззрения, поскольку вместе с новым языком коллективное сознание вынуждено воспринимать и запечатленные в нем ЧУЖИЕ ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ национально-специфического компонента сознания, т. е. периферию логического осмысления мира (за рамками УПК) и всю область внелогического отражения окружающего мира. Что получается в результате нарушения естественной эволюции национального мировоззрения этноса вследствие произвольной замены одного из трех определяющих факторов? Изменился ли национальный характер и менталитет, к примеру, североамериканских и южноамериканских

коренных жителей после вынужденного перехода на английский, французский, испанский и португальский языки? Если да, то как? Какой из факторов оказывается сильнее? Ответы на подобные вопросы могут быть получены только в результате конкретных комплексных совместных изысканий лингвистов, этнографов, этнопсихологов. Очевидны лишь два весьма общих вывода: переход на чужой язык не мог не внести коррективы в национальный менталитет (вопрос в степени этого влияния и его конкретных результатов); «матрицы» чужого языкового сознания не смогли коренным образом изменить ни характер, ни ментальность, ни темперамент этносов, вынужденно поменявших национальный язык.

Второй вывод более очевиден, поскольку не требует (в отличие от первого) диахронического анализа. Наглядным представляется сравнение говорящих (в современную эпоху) на одном и том же испанском языке кубинцев, являющихся потомками вывезенных испанцами из Африки рабов, и индейцев, исконно проживавших в Центральной и Южной Америке. Если Вяземский был прав (а он, конечно же, был прав), когда писал, что «Язык есть исповедь народа: В нем слышится его природа, Его душа и быт родной», то возникает естественный вопрос: чья природа и чья душа слышатся в испанском языке афро-кубинцев и испанском языке южноамериканских индейцев? Испанских конкистадоров или же племен, населявших Африку, и создателей великой культуры инков, кечуа и аймара? Возьмем на себя смелость утверждать, что второе утверждение ближе к истине. Дело в том, что ни испанский язык афро-кубинцев, ни испанский язык латиноамериканских индейцев уже не является тем классическим испанским castellano, который им был «привит», потому что национально-специфический компонент сознания каждого из этих народов постарался аккомодировать чужой, навязанный им историей язык под свои нужды и свои особенности. В результате все НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ, заключенное в генах народа и являющееся результатом всего его предшествующего развития в условиях конкретной внешней среды, ПО-СВОЕМУ деформировало предложенный каждому из народов историей испанский язык в его кубинский, колумбийский, перуанский и т. п. варианты. Такие деформации прослеживаются на всех уровнях языка: в фонетике, лексике, синтаксисе. Однако больше всего национальная специфика ощущается не в изолированных фактах отдельных языковых уровней, а на более высоких уровнях, на уровне речевых произведений, их стилистики и тональности, на уровне особенностей метафоричности мышления. Достаточно сравнить наиболее типичные и популярные песни кубинцев и индейцев, населяющих всю зону южноамериканских Анд (Эквадор,

Перу, Боливия). Первые объединяются жанром, называемым SALSA CUBANA, вторые — CANCIONES ANDINAS. И те и другие песни исполняются на испанском языке, но это совершенно разные миры, абсолютно не похожи как сами темы, так и средства их раскрытия. Души двух разных народов поют (и в прямом, и в переносном смысле) вроде бы на одном языке, но совершенно о разном и по-разному. Доминанты двух жанров не пересекаются и даже, как нам представляется, не имеют точек соприкосновения. Каковы эти доминанты?

- объект повествования сугубо бытовой, иногда нарочито заземленный;
  - ироничность, абсолютное отсутствие какого-либо пафоса;
  - веселье и динамичность;
  - сниженная стилистика, обилие «рискованных» слов, метафор;
  - сексуально-эротическая направленность.
- серьезный объект повествования (Родина, семья, природа, любовь и т. п.)
  - пафосность;
  - созерцательность (часто в сочетании с грустью);
  - высокий стиль;
  - отсутствие сексуально-эротической направленности, главный лейтмотив — природа.

Для наглядности приведем типичные примеры каждого из жанров в оригинале, сопроводив переводами на русский язык и комментариями, поскольку часто в русском языке нет даже примерных эквивалентов некоторым словам, как, впрочем, нет и самих этих слов в классическом испанском языке (castellano), хотя носитель испанского языка из любой страны в принципе поймет, о чем идет речь, поскольку кубинское словотворчество, подогреваемое и генерируемое генетически унаследованным африканским темпераментом, все-таки осуществляется на базе лексических и словообразовательных средств их родного испанского языка. Печатный текст, к сожалению, не имеет возможности передать особенности мелодии, ритма, тембра звучания национальных музыкальных инструментов и типичных интонаций исполнителей, но, возможно, и самого текста окажется достаточно, чтобы проиллюстрировать нашу мысль, что в двух этнических вариантах одного национального языка вполне могут слышаться и «природа», и «душа» совсем не похожих друг на друга народов, даже если истории было угодно попытаться «привести их к общему знаменателю», заставив говорить на общем, но не исконном для каждого из них, языке.

Вот текст типичной песни в стиле canciones andinas из репертуара боливийского ансамбля «K'jarkas», специализирующегося на исполнении

национальной музыки:

л

127

BENI

Beni, es la tierra mas bonita y la tierra mas hermosa,
Que hizo Dios para vivir.
Beni, con tus rios y palmeras, con tus montes y praderas
Donde yo la conocí.
Vuelan mis recuerdos hacia ti, el monte grita tu nombre
Y me hiere el pensamiento.
En un rincón tiernamente tu imagen llevo presente
Cuando el agua ya ardiente tu cuerpo yo dibujé.
Beni, aún no es tarde para volver, se que en el libro del tiempo
Donde guardo el sentimiento, no se muera aquel momento
Cuando yo la conocí (bis)

Русский перевод текста песни: Бени
(провинция на северо-востоке Боливии).

Бени — это самая красивая и самая прекрасная земля,
Которую только создал Бог для жизни.
Именно в Бени, с его реками и пальмовыми рощами, горами и лугами
Я познал красоту земли.
К тебе летят мои воспоминания; гора, крича твое имя,
Приводит все мои мысли в смятение.
Из потаенных уголков души нежно всплывает твой образ,
Когда горячей водой твой облик себе рисую.
Бени, еще не поздно вернуться к тебе.
Я знаю, что в книге времен, в которой я храню свои чувства,
Никогда не умрет тот миг, когда я узнал эту прекрасную землю.

А вот текст песни «Sandunguera»,
относящейся к стилю salsa cubana
(афро-кубинская танцевальная музыка):

Sandunga, Sandunguera.
Sandunguera, se te va por encima la cintura,
No te muevas más así, que te vas por encima del nivel.
Y dicen que, que a esa muchacha no hay quien le ponga el freno
Que, que de que, que si la dejas se lleva el baile entero,
Que facilidad mírala, mírala.

Y dicen que, que no es un cuento lo de ese movimiento que, que quel
de que,
Que si la sigues, te deja casi muerto. Que facilidad mírala, mírala,
mírala. Sandunguera, que tu te vas por encima del nivel. Cuando va por
las calles de la Habana viene todo el mundo, grita y bailal
sandunguera.
Sandunguera, que tu te vas por encima del nivel. Ay, no te muevas más
así que estas por encima del nivel. A esa muchacha no hay quien le
ponga un freno, Cuando llega al baile se lo lleva entero. Ay, con ese
movimiento sigue, así sigue, me deja casi muerto. Un meneito pa' aquí, un
meneito pa' lia, un meneito pa' aquí un meneitoj
pa' Ha
Mira como me tienes, mira como me tienes Ya me
tienes con la lengua casi afuera. Sandunga en la
cinturita, sandunga su movimiento.
Sandunguera, que tu te vas por encima del nivel.
Ay, si sigue así caminando rompe el pavimento...

Перевод этой песни в стиле salsa cubana на русский язык весьма
приблизителен, поскольку многие сленговые выражения и отдельные
понятия попросту не имеют более или менее адекватных соответствий.
Даже само название лучше оставить без перевода (sandunguera —
женщина, обладающая качеством, которое в испанском языке назы-
вается sandunga и весьма приблизительно может переводиться как
очарование, грациозность, пикантность, привлекательность, сексуаль-
ность). Тем не менее даже весьма приблизительный перевод позво-
ляет почувствовать отличие общей тональности salsa cubana от
canciones andinas.

Сандунгера

Сандунгера — воплощенная грациозность, Ты просто выпрыгиваешь
из своей талии, Не делай больше таких движений, потому что ты
переходишь все|

пределы (выплескиваешься через край). Говорят, что нет
человека, который смог бы ее сдержать, Что, если ей позволить (а
куда денешься), она полностью растворит-]

ся в танце.

Какая легкость и непринужденность, посмотрите на нее, посмотрите] на нее!

А еще говорят, что это вовсе не выдумки, что этим своим движением Если будешь ему следовать, она доведет тебя до полусмерти. Какая непринужденность, только посмотри на нее, посмотри на нее!

Сандунгера, ты переходишь все пределы. Когда она идет по улицам Гаваны,

Все выходят посмотреть, как кричит и танцует Сандунгера.

Не двигайся больше так, Сандунгера, ты уже перешла все пределы.

Некому остановить эту девушку, когда она отдается танцу.

Аи! Давай, давай, продолжай делать эти движения, я уже еле жив.

Бедром сюда, бедром туда, бедром сюда, бедром туда,

Сандунгера, ты перешла все пределы, посмотри, до чего ты меня довела

Посмотри, до чего ты меня довела, у меня уже почти «язык на плече»]

В твоей узкой талии очарование, твое движение — сама грация.

Сандунгера, ты переходишь все границы,

Если ты и дальше будешь ТАК идти, то разрушится мостовая...

В заключение параграфа обобщим вышесказанное. Лингвистический императив введения в научный обиход понятия ЯКМ заключался В НЕОБХОДИМОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ, концептуальной интерпретации результатов структурирования семантических полей. Такая интерпретация, как представляется, предполагает определение позиций исследователя, как минимум, по пяти предложенным в этом параграфе оппозициям. Мы кратко изложили суть каждой оппозиции, привели примеры аргументации каждой из полярных точек зрения и заявили о собственных предпочтениях.

Такое определение позиций представляет собой декларацию исходных теоретических установок исследователя, на которые он опирается при анализе любой конкретной НЯКМ или ее фрагментов. Самоопределение по предложенным оппозициям мы рассматриваем именно в качестве императива, потому что без декларации исходных теоретических установок легко оказаться в плену неточных, расплывчатых формулировок и по-разному истолковываемых понятий, что в конечном итоге делает практически невозможным создание какой бы то ни было последовательной и лишенной серьезных внутренних противоречий концепции ЯКМ и характера ее связей с национальным менталитетом и национальным характером.

§ 2. Национальная языковая картина мира в свете философского осмысления сущности языка

В отдельный параграф мы вынесли рассмотрение трактовки понятия «мировоззрение народа», поскольку от того, что в это понятие вкладывается, зависит в конечном итоге понимание сущности человеческого языка и, соответственно,— статус производного от него понятия НЯКМ.

Мировоззрение нации как категория может трактоваться двояко: узко — как рационально-логическое осмысление мира; широко — как созерцание, чувствование, осмысление и оценка мира.

«Узкая» и «широкая» трактовки понятия МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАЦИИ соотносятся с двояким подходом к сущности языка.

Первый подход можно назвать по-разному: прагматический, узко-рациональный, когнитологический, инструментальный. Мы будем пользоваться последним определением, так как оно наиболее наглядно раскрывает суть этого подхода, а именно — рассматривать язык с точки зрения использования его в качестве средства для достижения чего-либо, в качестве ИНСТРУМЕНТА коммуникации, мышления или познания.

Второй подход можно назвать КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИМ. В чем принципиальное отличие этих двух подходов, инструментального и культурно-философского? О первом мы скажем очень коротко, поскольку именно в его русле проходило развитие лингвистической науки в XX-ом веке и подробное его изложение стало бы перечнем содержания основных лингвистических учений последнего времени. В контексте настоящей работы достаточно сформулировать его суть, чтобы на его фоне рельефнее представить специфику культурно-философского подхода к языку, ибо именно в рамках этого подхода хотим продолжить рассуждения о языке, НЯКМ и ее роли в формировании национального мировоззрения.

Инструментальный подход к языку, при известном упрощении, можно свести к трем основным ипостасям языка, к его трем «образам», каждый из которых не исключает и не отрицает двух других, а лишь выделяет одну из сторон языка:

1. Язык как семиотический код, как знаковая система для шифровки информации.

2. Язык как инструмент коммуникации, средство оформления и регулирования информационных потоков.

3. Язык как инструмент мышления и познания, как «пространство мысли» (определение Ю. С. Степанова).

Мы уже писали о кастовости лингвистики, проявляющейся в том, что она неохотно идет на контакт со смежными науками о человеке. Такого рода упреки, как правило, ставят своей целью активизировать междисциплинарные исследования на стыке лингвистики и математики, формальной логики, нейрофизиологии, психологии, когнитологии, искусственного интеллекта и т. п. Эти упреки-пожелания вполне справедливы и имеют целью приблизить лингвистику к точным наукам, сформулировать некие исходные понятия, которые были бы сопоставимы с исходными понятиями точных наук. Вот типичный пример рекомендаций такого рода: «... «наивные картины мира» реконструируются — с целью выяснить, как язык «видит» и отражает мир,— исключительно на основе языковых данных — без обращения к данным других наук. Мне думается, что по-настоящему выяснить это можно только при тесном контакте с психологами и нейрофизиологами... Требуются комплексные междисциплинарные программы исследования языковых значений, осуществить которые под силу научным коллективам, состоящим из представителей различных дисциплин в общей науке о человеке» (Перцов, 1996, с. 47).

Нам же представляется крайне важным взаимодействие лингвистики не только с естественными и более точными, чем она сама, дисциплинами, но и наоборот — с областями гораздо более абстрактными, точному подсчету и анализу никоим образом не поддающимися, со всем тем, что многие структуралисты, когнитивисты и прочие «чистые» лингвисты с пренебрежением называют «философствованиями». Мы убеждены, что, занимаясь феноменом человеческого языка, просто нельзя не заниматься «философствованиями». Наоборот, это понятие следует раскавычить и придать ему форму термина ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЯЗЫКА.

Наука о таком сложном, богатом и многогранном объекте, как человеческий язык, никогда не встанет (и не должна пытаться этого сделать) в один ряд с химией, физикой и математикой. Слишком много в языке такого, что не поддается точному исчислению или даже самому своему определению: «Исключительное богатство естественного языка, его способность конденсировать совокупный коллективный опыт культуры в единый, контролируемый, усваиваемый код — именно эти уникальные свойства языка делают **его категории неуловимыми для истолкования**, несмотря на наши сознательные усилия достичь его» (Halliday, 1988, с. 45. Цит. по: Перцов, 1996, с. 50).

Если же мы проникнемся пониманием ограниченности инструментального подхода к языку, то встает вопрос: что же такое человеческий язык помимо того, что это знаковая система, инструмент коммуникации и орудие мышления и познания? Любой этнический язык много 132

шире перечисленных трех ипостасей, он совершенно очевидно выходит за рамки прагматического, утилитарного подхода, поскольку помимо всего прочего язык — **это вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества**, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, но и для того чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство и неповторимость. Каждый **этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры**.

Мы разделяем мнение лингвистов, считающих, что «сущность языка, — в той мере, в какой она вообще может открыться, — открывается не «инструментальному», а философскому взгляду. Определение «Язык — дом бытия духа» остается в наши дни наиболее проникновенным» (Степанов, 1995 б, с. 28). Именно отраженное в данном определении понимание языка можно считать четвертой ипостасью языка, и именно оно наиболее ярко выражает суть культурно-философского подхода к языку. Прочитанное нами определение «язык — дом бытия духа» — это конкретизация, развитие известной метафоры философа Мартина Хайдеггера «Язык — дом бытия человека». Для целей нашей работы нужно сделать еще одно уточнение, еще более сузить исходную хайдеггеровскую метафору, и тогда получится логическая цепочка: язык — дом бытия человека —> язык — дом бытия духа >>> национальный язык — дом бытия духа конкретного народа-этноса.

Органичное, целостное восприятие языка предполагает, по нашему мнению, признание «четыреединности» ипостасей языка. Эти ипостаси не лучше и не хуже друг друга — они разные и дополняют друг друга. То же самое можно сказать и о правомерности обоих подходов к осмыслению языка. Использование того или другого подхода диктуется целями, стоящими перед исследователем. Язык — и знаковая система, код, и инструмент коммуникации, и инструмент познания, и коллективное национальное ТВОРЕНИЕ — «дом бытия духа народа», которое призвано отражать и сохранять для последующих поколений НЯКМ. К примеру, создателям компьютерных языков или искусственного интеллекта, всем, кто занимается проблемами информационного обмена систем «человек — машина», нет нужды влезать в дебри неуловимых коннотаций национально-специфических понятий и слов, а для человека, стремящегося проникнуть в тайны национальной ментальности, важны именно эти нюансы, а вовсе не перечни возможных структурных схем предложений или парадигмы грамматических форм.

Позволим себе сравнение. Для строительства дома нужен комплект чертежей, выполненных геодезистами, геологами и инженерами-строителями, и если мы вместо всей этой технической документации предложим строителям что-нибудь вроде поленовских «Московских двориков», то намеченной цели (т. е. построения дома) они достичь не смогут. Равно как и ценитель живописи, в поисках эстетического наслаждения пришедший в галерею, вряд ли таковое испытает, если ему предложат посозерцать не милые его сердцу акварели городских пейзажей, а, к примеру, генеральный план застройки нового микрорайона. В том, что и строитель, и любитель живописи останутся не удовлетворенными, ни чертежи, ни картины не виноваты. Они хороши и незаменимы в определенных ситуациях, при достижении определенных целей, а не вообще — сами по себе.

То же самое и с подходами к языку. Недооценивать важность культурно-философского подхода — все равно, что ругать «Московские дворики» за их бесполезность (ведь по ним дачи не построишь). Картины пишутся для иного, для «пользы» иного рода. А в строительном чертеже эстетической ценности ничуть не больше, чем в формализованном подходе к языку возможностей понять душу народа, говорящего на этом языке.

О взаимодополняемости разных пониманий языка пишет академик Ю. С. Степанов. Он выдвигает оппозицию:

когнитологическое понимание	созерцательно-философское понимание
(язык — средство добывания знания и операции с ним)	(язык — пространство философствования)

И далее пишет: «Конечно, оба понимания различны. Но они не противопоставлены, а взаимодополнительны... Если первый подход воплощает, скорее, современные лингво-технические достижения, он -на высоте современной технологии, то второй лежит в сфере логико-философских поисков» (Степанов 1995 а, с. 35—36).

Мы предлагаем оформить оппозицию в несколько ином виде:

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД (включает три понимания: — язык — система знаков; — язык — средство коммуникации; — язык — средство познания и мышления)	КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД (ЯЗЫК — «дом духа народа»).
--	--

Объективная реальность такова, что инструментальный подход не нуждается в том, чтобы его правомерность и важность доказывались, а культурно-философский вынужден преодолевать сложившиеся стереотипы отношения к себе как к чему-то не очень серьезному. Но, к счастью, у него тоже есть весьма авторитетные «адвокаты». Комментируя концепцию М. Хайдеггера, В. А. Подорога пишет: «Отказываясь следовать путями органического развития, язык обречен быть преобразованным в орудие чисто формального упорядочения эмпирических фактов и событий, в универсальный язык, годный лишь к **ЛОГИКО-ЗНАКОВОМУ ИСЧИСЛЕНИЮ МИРА ...** Если же язык будет ограничен одной прикладной функцией — быть лишь средством для чего-то, чуждого его сущности... — то ему грозит участь превратиться в бессловесный автоматический регулятор всеобщего потока информации... Язык отступает от своего сущностного предназначения быть «домом бытия»...» (Подорога, 1993, с. 289—290).

Возвысим и мы свой скромный голос в защиту права культурно-философского подхода к языку на серьезное к себе отношение не только со стороны философов и культурологов, но и лингвистов. В частности, центральный объект настоящей работы — НЯКМ — вне рамок культурно-философского подхода вполне может быть заменен обычными понятиями «словарный состав национального языка», «лексико-фразеологическая система национального языка». Только выйдя за рамки рационалистического, инструментального подхода, можно акцентировать внимание на эстетической значимости языка. Именно в контексте культурно-философского подхода уместно говорить о языке не только как средстве и орудии, но и как об объекте эстетического восприятия, как о самостоятельном источнике эстетического чувства. «Чистые» лингвисты упорно не хотят обращать внимания на тот факт, что языком, как таковым, можно наслаждаться: его мелодикой, ритмикой, образностью, **НЕПЕРЕДАВАЕМОСТЬЮ НЕКОТОРЫХ ЗНАЧЕНИЙ**, которые в огромной степени и являются маркерами самобытности языка.

К любому национальному языку, как самоценному произведению, в полной мере применимы критерии не только функциональности, целесообразности, адекватности и т. п., но и красоты, изящества, мудрости. В этом смысле язык можно сравнить со многими другими категориями объективного мира, которые появились изначально лишь как средства для реализации определенных чисто практических функций, но затем приобрели множество дополнительных функций, никак не связанных с первоначальными. Например, в любом мало-мальски развитом обществе одежда давно перешагнула рамки своего исходного предназначения согревать, защищать от непогоды и прикрывать наготу. Появились понятия моды, стиля, которые зачастую имеют для

людей большую значимость, чем простая функциональность. Один известный модельер сказал, что не знает более неудобной одежды, чем джинсы: зимой в них холодно, летом — жарко, движения стеснены. Тем не менее весь мир уже некоторое десятилетие подряд продолжает носить именно джинсы. Только очень неразвитый человек может не признавать за одеждой таких функций, как возможность подчеркнуть индивидуальность человека, носящего именно эту, а не какую-либо другую одежду, продемонстрировать его вкусы, выразить его характер и обозначить социальный статус. А эстетизация и превращение в предметы искусства холодного оружия? Тенденция дрейфа от чистой функциональности к эстетической ценности универсальна, и даже вошедшая в моду в некоторых областях жизни нарочитая, подчеркнутая функциональность — это то же самое, просто модным на данном этапе (а значит — и эстетически ценным) стала демонстрация голой функциональности. В этом смысле язык, конечно же, не исключение. Он подобен моде в одежде. Ведь, по сути дела, что такое вся «кисящая словесность»? Зачем она? Почему она создается людьми и становится предметом восхищения, источником получения эстетического наслаждения? Потому же, почему на смену шкурам приходят рубища, кафтаны, камзолы, фраки, костюмы от Версаче. Как одежде уже мало лишь прикрывать тело и согревать его, а хочется быть объектом творчества, через которое человек самовыражается, так и язык невероятно усложняется, обрастает избыточными средствами выражения (как одежда деталями отделки и украшениями). Появляется языковой материал, позволяющий говорить не только понятно для других членов языкового коллектива, но и «с хитрым извитием слов», «форси-сто» (Н. С. Лесков. Запечатленный ангел).

Попытки отстоять «чистоту» лингвистики от «философствований», не поддающихся строгому формальному анализу, напоминают раздражение немодно одетой женщины, отмахивающейся от рассуждений о фасонах и всецело поглощенной «серьезной» проблемой: достаточно ли на кофте карманов или стоит пришить еще пару, чтобы побольше полезных в хозяйстве вещей в них можно было разместить.

Мы не случайно решили использовать именно это сравнение: ЯЗЫК — ОДЕЖДА, поскольку язык человека — это одна из «одежд» его мыслей, чувств, ощущений. Мысли, чувства, ощущения могут выражаться не только вербально: с помощью жестов, посредством визуально-изобразительных средств (рисунков, схем, живописи). Кстати, иероглифическая письменность — это, по сути, промежуточная ступень на пути перехода от такого наглядно-изобразительного способа передачи информации к абстрактному языковому знаку-символу. И хотя, как мы уже сказали, «одежд» мыслей, чувств, ощущений может быть много, язык,

вне всякого сомнения, — это самая удобная из «одежд», так как позволяет обслуживать наиболее широкий спектр мыслей-чувств, включая абстракции, которые как-либо иначе выразить и передать практически невозможно.

Наверное, каждый человек замечал, что его самоощущение и поведение находятся в некоторой зависимости от того, как в данный момент он одет. Меняя шорты и шлепанцы на строгий вечерний костюм и туфли, человек невольно несколько (а иногда кардинально) меняет и свое поведение: походка, жесты, сама манера говорить — все это невольно корректируется. Точно так же, как одежда детерминирует нюансы самоощущения и поведения человека, так и национальный язык («одежда» мыслей и чувств) детерминирует самоощущение его носителя.

Подводя итог рассуждений относительно проблематики определения понятия МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАРОДА, попробуем сформулировать основные положения, которые нам кажутся верными:

1. Выражение «мировоззрение народа» в контексте рассуждений о понятии НЯКМ следует понимать предельно широко: мировоззрение = мироощущение, мирочувствование, мироосмысление, мирооценка.

2. Мировоззрение народа наиболее полно и адекватно отражено в его национальном языке, который можно считать наиболее удобной «одеждой» национального мировоззрения.

3. Национальный язык возможно рассматривать в качестве НЯКМ только с учетом культурно-философского подхода к языку как «дому бытия духа» данного народа. Понятие НЯКМ базируется на признании того факта, что любой национальный язык является не только одной из кодовых систем общения и хранения информации, но и **неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума.** «Совершенство мира всегда адекватно совершенству созерцающего его духа» (Г. Гейне), следовательно — чем ярче, многообразнее и неповторимее запечатленный в языке мир, тем совершеннее созерцающий его дух — коллективное этническое языковое сознание.

4. Понятие НЯКМ, как производное от культурно-философского подхода к пониманию сущности языка, должно занять полноправное место среди объектов не только философских и культурологических, но и лингвистических исследований.

Академик Владимир Николаевич Топоров в беседе с журналистом совершенно справедливо заметил: «История, культура, национальное мироощущение — все в языке. Вообще же наше языковое самосознание находится на низкой ступени. Мы органически плохо говорим.

Хорошо разве что на коммуникативном уровне: передать информацию, и довольно. Беден словарь» (Топоров, 1998, с. 5). Как видим, тревогу и сожаление академика вызывает именно инструментальный подход к языку, но уже не со стороны ученых-лингвистов, а со стороны обычных его носителей. Сокращение числа людей, любящих и умеющих говорить «с хитрым извитием слов», «форсисто», ярко, самобытно, с использованием всего словарного богатства родного языка совершенно справедливо воспринимается ученым как опасность, угрожающая в определенной мере потерей **НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ**. А почему писатель Сергей Довлатов, рассуждая о проблемах эмиграции, утверждал, что с переходом на чужой язык человек теряет 90% своей личности? Видимо, потому, что, выйдя из своего «дома бытия духа» и овладев чужим языком в качестве инструмента общения, он не может войти в чужой «дом бытия духа». С чужим языком-инструментом в руках (т. е. в голове), человек, покинувший свою родную языковую среду, оказывается между (а значит — вне) обеих систем мировосприятия. Если человек не испытывает дискомфорта от такого «межмировоззренческого зависания», то это может объясняться только уровнем (по нашему мнению, весьма и весьма невысоким) его психической организации. 90% личности человека писатель связывает с теми проявлениями высшей нервной деятельности человека, которые могут быть выражены и восприняты только в родной языковой среде, не в определенной знаковой системе, а в определенном «доме бытия духа народа». Юмор, игра слов, двусмысленности, тонкие намеки, недоговоренности, каламбуры, шутки, подтекст фраз — все это уходит вместе с потерей среды родного языка, с переходом на чужой язык, поскольку опирается на знание огромной массы реалий, связанных со всем контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде. Знание этой совокупности реалий еще называют **КОГНИТИВНОЙ БАЗОЙ**, определяя ее как «определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» (Красных, 1996, с. 192). Основными структурообразующими элементами когнитивной базы являются так называемые **прецедентные феномены** (см.: Караулов, 1987, с. 216).

Когнитивная база народа всегда отражена в его национальном языке. Знание любого национального языка представителем другой культуры на уровне языка-системы, не дополненное владением когнитивной базой этого народа (и средствами ее выражения в языке), неизбежно приводит либо к коммуникативным сбоям, когда иностранец вообще не понимает смысла фраз, состоящих даже из известных ему слов, либо

к псевдопониманию, т. е. пониманию поверхностному, кажущемуся, без осознания истинного смысла, содержащегося в коннотациях, которые очевидны для носителей языка и скрыты от иностранца. Овладеть когнитивной базой другого народа крайне сложно, а в полном объеме — вряд ли возможно. Речь, как нам кажется, может идти лишь об отдельных элементах этой базы. Человек, как правило, ограничивается овладением иностранным языком на уровне инструмента общения, но не на уровне «дома бытия» народа и его духа.

Вербализованная когнитивная база народа, состоящая из вербальных прецедентных феноменов,— это неотъемлемая часть НЯКМ, но она практически остается вне поля зрения как иностранцев, изучающих этот язык, так и самих лингвистов, поскольку прямого отношения к языку как системе и языку как средству общения (имеется в виду общение в стандартных типовых ситуациях) вроде бы не имеет. Этот факт заслуживает сожаления, но объясняет огромные трудности, которые испытывают иностранцы при переходе от общения в рамках учебных диалогов к реальному общению с носителями языка, не желающими в отличие от персонажей учебников минимизировать свой лексикон и опирающимися в своей речи именно на эту самую национальную когнитивную базу.

НЯКМ, включая в себя всю вербализованную когнитивную базу конкретного этноса, является категорией, соответствующей культурно-философскому пониманию языка как «дома бытия духа» этого народа. Использование этой категории, по нашему мнению, абсолютно необходимо, если в процессе межкультурных исследований или просто контактов возникает потребность понять «взгляд на мир» того или иного народа или сделать его понятным для представителей других культур. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать еще один **ИМПЕРАТИВ** введения в исследовательский обиход категории НЯКМ (наряду с культурологическим и лингвистическим), а именно — **ЛИНГ-во-ФИЛОСОФСКИЙ ИМПЕРАТИВ**: введение категории НЯКМ — это попытка материализовать культурно-философскую ипостась языка и представить его не как знаковую систему и орудие общения и познания, но как «дом духа» народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа.

Глава 3

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНУЮ ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

§ 1. Взаимопроницаемость языков и культур или их взаимопостигаемость!

НЯКМ, как уже говорилось,— это запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово **видение** вкладываются понятия: **логическое осмысление, чувствование и оценивание**, а в понятие **сущего** — не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием. Национальных языковых картин мира столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной. Естественно, что неповторимость каждой из НЯКМ становится очевидной лишь на фоне других таких же НЯКМ, поэтому логичен вопрос о путях сравнения НЯКМ разных языков. В свою очередь, сравнение предполагает знание сравниваемых сущностей и прежде всего — той сущности, с которой мы хотим сравнить собственную НЯКМ, воспринимаемую каждым из носителей этого языка как совершенно естественную точку зрения на мир. Другими словами, актуальной становится проблема интеллектуального освоения точки зрения на мир, выработанной другим народом в других условиях и под воздействием иных факторов. Возможно ли взглянуть на мир глазами другой культуры? Что для этого необходимо?

На наш взгляд, прежде всего следует ответить на вопрос о том, **ВЗАИМOPPONИЦАЕМЫ** ли **ПОНЯТИЙНЫЕ МИРЫ**, образуемые разными языками, или нет? При положительном ответе на этот глобальный вопрос следует разработать механизм «проникновения» в иноязычный мир, т. е. определить конкретные шаги, направленные на изучение НЯКМ чужого языка.

Начнем с **взаимопроницаемости языков и культур**. Нам кажется, что вопрос о взаимопроницаемости языков и культур тесно связан с вопросом о едином понятийном базисе человеческого сознания, о так называемом «психологическом единстве человечества».

Эти вопросы взаимосвязаны, но первый нельзя подменять вторым. Что же касается «психологического единства человечества», то, как почти всегда в науке, разброс мнений очень велик и колеблется от убеждения в том, что различные культуры используют разные понятия, в силу чего порождают совершенно особые ментальности, до уверенности в том, что за разнообразием культур стоит единый, универсальный набор базовых понятий. Исследования в области психологии и лингвистики склоняют чашу весов в пользу сторонников «психологического единства». Занимающаяся проблемой создания универсального семантического метаязыка на основе семантических примитивов, обнаруживаемых во всех языках, Анна Вежицкая по этому поводу пишет следующее: «...Наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира... Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура... Пришло время для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества» (Вежицкая, 1996, с. 321—322). Тем не менее даже наличие единого понятийного базиса (правда, пока не описанного полностью и не проверенного на **ВСЕХ** языках мира) не дает оснований без колебания ответить утвердительно на первый вопрос, вопрос о взаимопроницаемости языков и культур, а если точнее — то о степени этой взаимопроницаемости. Если во всех языках есть понятия субъекта и объекта действия, понятия причины и следствия, количества, оценки и т. п., то означает ли это, что мы понимаем все говоримое на этих языках, что мы можем увидеть мир глазами носителей каждого из них? Думается, что нет, ибо универсальность языков и культур как раз и ограничивается этим базисом, набором универсалий. Однако общий базис — лишь часть целой НЯКМ, причем с точки зрения национальной самобытности наименее интересная именно в силу своей универсальности. Все то, что находится за пределами единого понятийного базиса (т. е. все национально-специфические нюансы мироосмысления, мироощущения и мирооценки), накладывается на универсальную логико-понятийную основу и образует ту часть НЯКМ, которая и несет в себе национальную специфику и которая заставляет усомниться в реальности проникновения в эту сферу носителей другой культуры и другого сознания. Именно нюансы развития и детализации единого понятийного базиса определяют «лицо» национального менталитета. Позволим себе сравнение:

человеческое лицо тоже имеет набор определенных «универсалий»: глаза, нос, рот, уши и т. д., но именно нюансы (форма, цвет, взаиморасположение) делают лицо каждого человека неповторимым. Так же и в языках: каждый из них по-своему детализирует любую из универсалий, придавая национальной ментальности и национальному характеру «лица необщее выражение».

Тот же принцип главенства детали, нюанса, пропорции над всеохватывающей универсальностью прослеживается и на более высоком по отношению к языку уровне абстракции — на уровне сравнения не языковых систем, а национальных характеров носителей этих языков. «Сопоставляя любые национальные характеры, трудно не заметить, что в сущности они очень близки; их главное различие состоит в том, что одни и те же свойства характера соотносятся в различной пропорции. Скажем, в национальных характерах мусульманских народов очень явственна мужская доминанта, придающая им обостренное чувство собственного достоинства и, может быть, чрезмерное временами представление о мужской чести. У народов Тропической Африки чрезвычайно сильна клановая солидарность, благоприятствующая образованию всякого рода содружеств. У многих народов «третьего мира» пережитки архаичного сознания питают всевозможные суеверия, служат почвой для фанатизма, для возникновения религиозно окрашенных политических движений. Но разве можно утверждать, что склонность к религиозному фанатизму отсутствует, скажем, в США, а обостренное чувство мужского достоинства — в Испании? Все дело в том, какое место занимают эти черты среди других признаков национального характера» (Иорданский, 1998, с. 58).

Именно национально-специфическая периферия (по отношению к универсальному логико-понятийному базису) НЯКМ представляет наибольший интерес для стороннего исследователя той или иной культуры и обслуживающего ее языка в его высшей ипостаси — языка как «дома духа народа». Мы даже возьмем на себя смелость утверждать, что НЯКМ **непроницаемы** для иноязычного сознания. Лучше использовать другое слово, ибо «проницаемость», или «проницаемость», предполагает вхождение в данную среду чего-то постороннего, ей не принадлежащего, чуждого. Узнать же и понять НЯКМ чужого языка с позиции собственного языкового сознания, т. е. как бы со стороны, накладывая постоянно фрагменты чужой НЯКМ на фрагменты НЯКМ своего языка, практически невозможно. Такое «проникновение» неизбежно превратится в невольную «подгонку» всего необычного и непонятного в чужом мировидении под привычные формы собственного национального языкового сознания. Познание

неведомого будет подменено поиском эквивалентов (как правило, мнимых) в собственной языковой картине мира. Узнавание иноязычной НЯКМ может происходить лишь через этап сознательного остранения, сознательного превращения своего сознания в **tabula rasa**, т. е. путем реализации уже упоминавшегося нами принципа «презумпции незнания».

Такое познание должно идти как бы изнутри незнакомой модели мира, сознание исследователя должно не проникать в нее, а изнутри шаг за шагом осваивать и воспринимать вне сравнения с моделью, которая сформировалась в сознании вместе с овладением родной речью. Вместо **проницаемости** НЯКМ мы предлагаем использовать слово **познаваемость**, а еще точнее — **постигаемость**, ибо познание ограничивается сферой логического, а НЯКМ заключает в себе весь спектр способов мировосприятия, включая и внелогические формы: ощущения, чувства, состояния, каждая из которых имеет свое лексическое воплощение и, соответственно, является неотъемлемой частью НЯКМ. Таким образом, постичь чужую НЯКМ — это значит встать на место человека — носителя иностранного языка, на его «точку мировосприятия», т. е. через лексическую систему получить представление о национальной ментальности (национальной логике) и национальном характере (эмоциях и средствах их выражения, нравственных приоритетах т. д.).

Уточнив терминологию, повторим наш вопрос: постигаемы ли НЯКМ других языков? В принципе, да. Именно **в принципе**, потому что поставленная цель может быть достигнута только ценой колоссальных интеллектуальных и эмоциональных усилий, поскольку фактически предполагает формирование в сознании постигающего второй языковой личности, овладение языком как «домом духа народа». Добиться этого в полном объеме в зрелом возрасте невероятно трудно (если вообще возможно). Трудность задачи, однако, вовсе не означает, что таких попыток не нужно делать вообще, напротив, нужно думать над тем, как облегчить путь тем, кто хочет если не полностью овладеть другими мировидениями, то хотя бы познакомиться с ними, изучить и понять отдельные их стороны, отдельные черты национального характера и национального менталитета. В четвертой главе работы мы специально остановимся на чисто технических вопросах лексикографического характера, которые следует решить, чтобы помочь человеку, желающему познакомиться с чужой НЯКМ, но до этого следует рассмотреть ключевой вопрос: что собой представляет НЯКМ любого языка? Фактически это не один вопрос, а целый ряд вопросов, наиболее существенными из которых нам представляются следующие:

1. Результатом взаимодействия каких факторов является появление НЯКМ?

2. Из каких частей состоит НЯКМ, т. е. какова ее структура?

3. Каковы основные элементы НЯКМ, т. е. что является основной единицей изучения в процессе постижения иноязычного мировидения?

4. Каковы принципы внутренней организации элементов разного уровня, составляющих НЯКМ?

5. Какие зоны НЯКМ в наибольшей степени отражают специфику национальной ментальности и национального характера?

6. Существует ли какая-либо приемлемая форма лексикографической экспликации НЯКМ, может ли НЯКМ быть представлена в форме словарей, рассчитанных как на носителей данного языка, так и на носителей других языков?

Постараемся последовательно изложить наше видение ответов на поставленные вопросы.

§ 2. Пространственно-временной континуум → национальное обыденное сознание → национальная языковая картина мира

НЯКМ является результатом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира. **ВНЕШНИЙ МИР и СОЗНАНИЕ** — вот два фактора, которые порождают ЯКМ любого национального языка. Остановимся подробнее на каждом из них.

То, что обычно называют внешним миром, окружающим миром или Вселенной, может быть названо **пространственно-временным континуумом (ПВК)**. Такое обозначение кажется нам предпочтительнее, поскольку содержит указание на бесконечность и непрерывность в пространстве и во времени и является эквивалентом обозначения «все сущее».

Когда Вселенная, ПВК упоминаются в контексте общефилософских или естественнонаучных исследований в качестве объекта рефлексии абстрактного общечеловеческого сознания (или же коллективного научного сознания), то они мыслятся во всей своей пространственно-временной целостности и охватываются этими видами сознания целиком. Это, безусловно, некая абстракция. Применительно к конкретному сознанию этноса на определенном этапе своего развития, а именно — на этапе становления национального языка и фиксации в нем донаучных представлений о мире, подобная абстракция уже будет не 144

совсем корректна, ибо этнос (его обыденное сознание) непосредственно воспринимает лишь **малую часть пространственного континуума** (ареал своего обитания) на протяжении **малой части временного континуума** (в масштабах Вселенной период формирования и лексикализации первичных представлений о мире одного народа может трактоваться как миг, секунда на часах истории Вселенной). Реально на национальное сознание, создающее первичную модель мира, воздействует лишь небольшой участок (можно даже сказать, точка) ПВК — природно-климатические условия ареала обитания, существовавшие в исторический период языкового становления конкретного этноса. Для одного народа это была заснеженная тундра, для другого — бескрайние степи или пустыни, для третьего — непроходимые леса или джунгли, для четвертого — горы. Единство внешнего мира как фактор, определяющий общность человеческой психологии и мышления, на этапе формирования НЯКМ разных народов отсутствовало, т. е. имело место не единство мира, а **множество ЕДИНСТВЕННОСТЕЙ** мира, поскольку знания о мире каждого народа ограничивались непосредственно воспринимаемой природно-климатической средой, отличающейся от условий обитания других этносов. Подвергаться лексикализации могло, естественно, только то, что присутствовало в этой непосредственно воспринимаемой среде обитания, весь же остальной мир, единый и многообразный, был недоступен непосредственному чувственному восприятию, следовательно — не подвергался лексикализации и не включался в выстраиваемую этим этносом модель мира. Лишь гораздо позже, когда научное знание сделало достоянием обыденного сознания многие из факторов внешнего мира, находящиеся вне пределов непосредственного восприятия, НЯКМ расширились за счет именно этих реалий, степень же их детализации была минимальной. Географическая среда, та «единственность» мира, та точка ПВК, которая оказалась в поле непосредственного чувственного восприятия каждого из этносов на этапе их становления и самоидентификации, оказала решающее воздействие на физиологию, психологию и, в конечном итоге, на историческую судьбу каждого народа. Эту мысль не раз высказывали еще древние греческие и римские философы, а позднее и ученые более позднего времени (Монтескье, Гегель, Бокль). «Национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре... Естественные национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке. У звуков языка — прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах иль степи. И как тела людей разных рас и народов адекватны местной природе, как этнос — по космосу, так и звуки, что образуют

плоть языка, в резонансе находятся со складом национальной *Прародины* (курсив *О.К.*)» (Гачев, 1988, с. 431).

До сих пор языки сохраняют диспропорции «прорисовки» элементов единого окружающего мира, доставшиеся им в наследство от эпохи «множества единственностей». По-прежнему то, что хотя и известно, но непосредственно не воспринимается, а следовательно — с практической точки зрения малозначимо, находится на периферии лексической системы, обозначается самыми общими словами, не имеет синонимов, гипонимов т. п. Ну, знают, наверное, жители средней полосы России такие слова, как *дюны*, *барханы*, *муссоны*, *пассаты*, но вряд ли многие с ходу объяснят, чем первые отличаются от вторых, а третьи от четвертых, да и продолжить эти тематические лексические ряды будет непросто. Аналогично, в языках народов, живущих в жарком климате, очевидно, существуют слова, переводимые как снег, но вот уже с эквивалентами таких слов, как *поземка*, *пурга*, *вьюга*, *наст*, *ледоход*, можно прогнозировать затруднения.

Сейчас, когда о единстве и многообразии внешнего мира известно практически всем, но непосредственно воспринимается лишь малая часть этого мира (одна из «единственностей»), национальные точки зрения на мир можно сравнить с восприятием людей, живущих в разных домах и на разных этажах, чьи окна выходят на один и тот же двор. В принципе, каждый из них знает все о своем дворе, знает, что где находится, но когда они смотрят каждый из своего окна, то видят либо совершенно разные вещи, либо те же самые, но в разных ракурсах. Для жителя первого этажа двор — это прежде всего заросли кустов, закрывающие окна, а для жителя верхнего этажа — это, к примеру, спортивная площадка, окруженная по периметру гаражами-ракушками. Получается некий парадокс: объективный единый мир для каждого этноса различен, так как он соприкасается с ним только в какой-то одной части. Мир как бы повернут к конкретному народу лишь своей незначительной частью, которая и получает в языке наибольшую дифференциацию, ибо только она дается ему в непосредственных ощущениях, остальная часть внешнего мира обозначается «крупными мазками», не «прорисовывается» тщательно. Этим объясняются значительные отличия в словесном покрытии внешнего мира разными этническими языками. При этом имеют место не только лексические лакуны и различия объемов значения отдельных слов-коррелятов, но и различия коннотаций, закрепившихся за обозначениями одних и тех же объектов окружающей среды в разных языках.

Представляется целесообразным дифференцировать само понятие ПВК, внешнего мира, выделив три его составляющие: **природная среда,**

рукотворная материальная среда (материальная культура этноса), объективно существующие связи между объектами и явлениями материального мира. Каждая из этих трех составляющих ПВК, преломляясь в обыденном сознании этноса, получает свое словесное воплощение, уникальное для каждого языка.

§2.1. Три вида национально-специфической лексики: обозначения специфических реалий; обозначения универсальных концептов, имеющих специфические прототипы; обозначения специфических абстрактных концептов

Уникальность вербального отражения мира предопределяется как особенностями национального склада мышления, так и объективными и иногда вполне очевидными различиями первых двух составляющих — природной среды и материальной культуры. Эти две составляющие ПВК даны каждому представителю этноса в непосредственных ощущениях, т. е. являются, по терминологии Б. Рассела, **сенсibiliями**. Сенсibiliии являются неотъемлемой частью ментально-лингвального комплекса человека, информационными целостностями, которые вполне соответствуют статусу информем — базовых единиц ментально-лингвального комплекса человека. «Информема, прошедшая через семи-озис,— это именованная информема, или концепт. Становясь концептом, информема существенно изменяет свой статус: она является уже достоянием не только отдельного человека, но и соответствующего этнического языка...» (Морковкин, Морковкина, 1997, с. 44). Национально-специфические сенсibiliии порождают национально-специфические концепты, которые, имея в языке лексические соответствия, образуют в лексической системе этнического языка пласты национально-специфической лексики. Иногда реалии среды обитания в силу своей специфичности сразу получают словесное выражение, которое изначально «обречено» быть национально-языковым маркером. Иногда же влияние среды обнаруживается в языке не столь очевидно и непосредственно, а может быть выявлено только с привлечением категорий этнопсихологии, культурологии и истории. Такая лексика неоднородна по своему качеству, по характеру детерминированности внешними факторами. Мы предлагаем выделять три качественно отличные друг от друга группы слов, порожденных реалиями того фрагмента ПВК, в котором сформировалось языковое сознание того или иного этноса. Условно мы назвали их **словами типа А1, типа А2 и типа Б**. Схематично это может быть представлено следующим образом:

Среда обитания этноса, как фрагмент ПВК, данный этносу в непосредственных ощущениях = совокупность СЕНСИБИЛИЙ

Национально-специфическая лексика **типа А** в определенном смысле легче для освоения представителями других культур, поскольку ее специфика вытекает непосредственно из экстралингвистических факторов, которые «лежат на поверхности». Кавычки не случайны, поскольку очевидность этих факторов относительна и «на поверхности» они оказываются только для того, кто возьмет на себя труд детально ознакомиться с планом содержания такой лексики, т. е. с самими референтами, составляющими в своей совокупности всю материальную среду конкретной национальной культуры, включающую как природную компоненту, так и рукотворную. Задача эта весьма непростая, если учесть объем информации, подлежащей ознакомлению, но вполне решаема и не требует абстрактных рассуждений и умозаключений. В этом смысле доступ к знанию национально-специфической лексики такого плана лежит на поверхности. Дело за малым: надо знать природно-климатические условия, в которых жил (живет) народ — носитель данного языка, иметь четкое представление о его быте, 148

традициях, обычаях и т. п. Лексика **типа А** — это обозначения национально-специфических РЕАЛИЙ **БЫТОВАНИЯ народа**.

Лексика **типа Б** не может быть правильно понята только в результате ознакомления с реалиями бытования нации, поскольку слова этого типа не называют конкретные предметы, а являются обозначениями весьма абстрактных понятий. Понимание таких слов затруднено не отсутствием слов-коррелятов в родном языке (как в случае со словами типа А), а наоборот — наличием псевдокоррелятов в родном языке, что только затрудняет попытки проникнуть в суть подобных понятий, поскольку проблема как бы снимается. Что значит, например, русское слово *воля*? Англоязычный человек обращается к русско-английскому словарю, находит, как ему кажется, эквивалент *freedom* и успокаивается. А зря. *Freedom* эквивалентно слову *свобода*, но отнюдь не слову *воля*. Слово *воля* — типичный пример лексики типа Б, т. е. оно относится к категории слов, в которых фиксируются понятия и представления, присущие исключительно национальному менталитету носителей конкретного языка. Глубокие концептуальные различия между словами такого типа и их иноязычными псевдокоррелятами могут быть обнаружены и сформулированы не иначе как с привлечением всего культурного контекста, с использованием так называемых **аксиом этнопсихологии** (термин А. Вежицкой).

Приведем некоторые примеры национально-специфической лексики типов А и Б. Напомним, что пока речь идет о специфичности лексики, обусловленной, в первую очередь, различиями объективных реальностей мира, данного конкретному этносу в непосредственных ощущениях. Это значит, что пока мы не будем касаться тех случаев, когда национальная специфичность лексики обусловлена не особенностями внешней среды, воздействующей на сознание, а особенностями самого коллективного сознания,¹ которые проявляются в неодинаковости логических операций над одними и теми же реалиями внешнего мира, в неодинаковости работы механизмов не только логико-понятийного компонента сознания, но эмоционально-оценочного и других компонентов обыденного национального сознания. Общеизвестно, что разные языки по-разному осуществляют **концептуализацию действительности**, пока же мы хотим показать, что результаты неповторимых национальных концептуализаций ПВК определяются не только различной работой каждого из национальных языковых сознаний, но и самими различными действительностями.

Национально-специфические обозначения реалий (слова типа А) в любом языке могут быть распределены по тематическим областям с последующим выделением в каждой из таких областей более мелких лек-

сико-грамматических групп. Каждая из таких лексико-грамматических групп является органичной и неотъемлемой частью общей НЯКМ для каждого из носителей этого языка, ее специфичность и возможная уникальность ими не ощущаются, для носителя же другого языка эта область может быть либо вовсе незнакомой, либо концептуализированной иначе. Чем больше различия в природной среде, в культуре, традициях, бытовом укладе каких-либо этносов, тем больше в их национальных языках пластов лексики, которые можно отнести к категории обозначений национально-специфических реалий. Перечень ЛСГ лексики этого типа очень велик как в области названий феноменов природы, так и в области материальных артефактов конкретной культуры. Неодинаковость вербализации природной среды и рукотворной среды бытования этноса становится очевидной при сопоставительном изучении и описании практически любых одноименных ЛСГ двух или более национальных языков. Можно, к примеру, сопоставить наименования природно-климатических зон и их элементов, названия животных или растений, обозначения явлений природы (виды осадков, виды ветров и т. п.), названия национальных блюд, названия предметов обихода (мебели, посуды, одежды и т. п.). Любое такое сопоставление неизбежно выявит несовпадение планов выражения и стоящее за ним различие планов содержания, т. е. специфичность ОЗНАЧАЕМОГО, запечатленную в национальной лексике. Как правило, такая лексика становится объектом изучения в разделе «страноведение», поскольку ее семантизация предполагает обязательное погружение в культурно-исторический контекст, знакомство со СРЕДОЙ (природной и материальной). Что такое *ушанка*, *валенки*, *варежки*, *лапти*, *тулуп*? Когда и почему их надевали? Как они выглядят? Что такое *щи*, *каша*, *блины*, *пельмени*, *борщ*? Как их готовят? Когда едят? На эти и подобные им вопросы традиционно отвечают многочисленные учебные пособия для иностранцев, изучающих русский язык. Стоит же русскому человеку попытаться овладеть аналогичной лексикой иностранного языка, ему тоже придется заучивать множество названий блюд, предметов одежды или традиционных национальных костюмов, утвари, которые так и останутся пустым звуком без соответствующих экскурсов в этнографию. Естественно, не всегда за названием какого-либо блюда стоит нечто большее, чем простой факт гастрономических пристрастий конкретного народа, но иногда дело обстоит именно так: русские *блины* предполагают рассказ о масленице, а он, в свою очередь, — знакомство с языческими истоками русской культуры.

Оказавшись в Китае, можно попробовать множество диковинных блюд и не запомнить их названий, можно механически запомнить эти названия, а можно попытаться ознакомиться со всем комплексом куль-150

турно-исторической информации, которая неразрывно связана с какими-нибудь невзрачными на вид лепешками. Многие блюда традиционно связаны с национальными праздниками: *няньгао* (традиционное угощение из рисовой муки, свинины, репы или красных бобов) готовят к Китайскому Новому году, отмечаемому в первый день первого лунного месяца по китайскому лунному календарю; *юэбин* (круглые, как луна, пряники из красных бобов, семян лотоса, фиников и яичного желтка) готовят к Празднику середины осени (празднику Луны), отмечаемому в пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю в полнолуние. Традиция готовить к праздникам особые блюда может иметь и свои увлекательные истории, основываться на преданиях. Например *дзюнцизы* традиционно готовят в день Поэта (Праздник Лодки Дракона). Они представляют собой клейкий рис, сваренный с бобами, мясом, грибами и завернутый в рисовые листья. Получаются своеобразные пирамидки из рисовых листьев с очень вкусной начинкой. Предание гласит, что в эпоху Джань-Го (более двух тысяч лет назад) в одной из южных провинций Китая жил поэт Чи-Уэнь, который неоднократно советовал местному правителю объединить силы всех южных провинций для противодействия могущественному правителю северной провинции. Правитель не внял советам Чи-Уэня и дважды отправлял его в ссылку. В итоге провинция, где жил Чи-Уэнь, оказалась завоеванной враждебным северным соседом. Потеряв последнюю надежду, Чи-Уэнь прыгнул в реку Ми-Ло и утонул. Это случилось на пятый день пятого лунного месяца. В знак уважения к поэту и его памяти в этот день люди стали бросать в реку рис. Однако, как утверждает легенда, Чи-Уэнь был недоволен тем, что этот рис съедал живший в реке Дракон. Узнав об этом, люди стали упаковывать рис в жесткие листья, чтобы Дракон не смог его съесть, кроме этого они стали делать специальные лодки, на которых в этот день плавали по реке и отпугивали «обидчика» их любимого поэта.

Вот такая красивая легенда «скрывается» только за одним из тысяч национальных блюд, и подобные примеры можно приводить бесконечно, особенно если начать интересоваться внутренней формой некоторых названий. Например, спросив, как переводится название понравившегося вам супа, можно услышать в ответ: «Будда, перелезающий через забор». На естественный вопрос о причине столь необычного названия последует следующее объяснение: Будде настолько нравился этот суп, что, пытаясь себя ограничить, он попросил построить забор, отделяющий его от того места, где этот суп готовился. Забор был построен, но, почувствовав в очередной раз аромат приготовленного супа, Будда не смог удержаться от соблазна и перелез через забор.

Очевидно, что когда у слова, обозначающего культурно-бытовую реалию жизни народа, есть подобные культурно-исторические корреляции, оно, это слово, становится чем-то большим, чем просто именем блюда. Чем толще «культурно-историческая подкладка» под именами реалий, тем настоятельнее потребность в их полной экспликации для носителей других языков, поставивших перед собой задачу проникнуть в иноязычную ЯКМ.

Приведенные примеры слов типа А не имеют лексических эквивалентов в других языках, поскольку не имеют соответствий на уровне концептов. Такие слова, как нам кажется, следует отличать от слов, имеющих иноязычные соответствия на уровне концептов, но различающихся на уровне ПРОТОТИПОВ. Если такое деление признать обоснованным, то в рамках национально-специфической лексики типа А нужно выделять слова **типа А1** (обозначения специфических концептов) и слова **типа А2** (обозначения неспецифических, может быть даже универсальных, концептов, имеющих **специфические** прототипы). На этом этапе рассуждений представляется целесообразным сделать небольшое отступление относительно использования в последующем изложении термина ПРОТОТИП и нашего к нему отношения. Создатели и сторонники прототипической семантики исходят из нечеткости, размытости заключенных в языке понятий, в силу чего ими ставится под сомнение принципиальная возможность толкования слов путем построения дефиниций, содержащих ИНВАРИАНТ понятия, представляющий собой набор семантических примитивов, т. е. универсальных дискретных компонентов значения. Вместо толкования слов предлагаются некие идеальные образы именуемых категорий, которые в наибольшей степени соответствуют представлению большинства людей о называемом объекте. Прототипичность приписывается не только материальным объектам, но и ситуациям, реакциям на ситуацию и т. п. Прототип, таким образом, представляет собой **идеальную мыслительную репрезентацию какого-либо концепта**.

Нам близка позиция Анны Вежбицкой, считающей, что «никакого противоречия между прототипами и толкованиями не существует» (Вежбицкая, 1996, с. 216). Сложность задачи определения крайне нечетких, размытых понятий естественного человеческого языка в терминах семантических компонентов говорит не о ее невозможности, а о потребности в дополнительных «инструментах», каковым и является теория прототипов. Отстаивая право лингвиста на поиск адекватных толкований слов, Вежбицкая в статье «Прототипы и инварианты» полемизирует с известными сторонниками теории прототипов Людвигом Виттгенштейном, Элеонорой Рош Хайдер, Джорджем Ла-коффом, Джекендоффом и другими и приходит к выводу о ложности

дилеммы, как лучше описывать концепты естественного языка: путем толкования на языке минимальных компонентов значения или путем описания через прототипы. Она предлагает компромисс: «Часто призыв к использованию прототипов объединяется с утверждением о существовании двух подходов к категоризации: «классический подход» (связанный с Аристотелем) и «прототипический подход» (связанный, в частности, с Рош и Виттгенштейном). Их противопоставляют, как правило, для того, чтобы объявить классический подход ложным, а прототипический истинным. По моему мнению, однако, подобное противопоставление двух подходов нам ничего не может дать. Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов — одно не исключает другого» (Вежбицкая, 1996, с. 201). И далее: «Прототипы не могут «спасти нас» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» (там же, с. 226).

Этот мини-экскурс в проблему соотношения прототипов и дефиниций мы сочли уместным сделать, чтобы избежать возможных обвинений в методологической эклектике. Необходимость соединения методов традиционного компонентного анализа и (там, где это возможно) теории прототипов представляется нам очевидной, поэтому, не являясь безоговорочными сторонниками теории прототипов во всех ее деталях, мы тем не менее будем использовать центральное понятие этой теории — **прототип** как обобщенный образ идеального представителя той категории (объекта, ситуации, характеристики, эмоции и т. п.), которая называется тем или иным словом. По крайней мере, вполне обоснованным нам кажется использование понятия прототип в тех случаях, когда речь идет о материальных объектах, которые в полной мере даны человеку в физических ощущениях и которые могут быть им легко представлены. Прототипы таких объектов — это **ТИПИЧЕСКИЕ, ИДЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ**. Все объекты данного класса как бы группируются вокруг этого идеального образа, даже если они ему не соответствуют в полной мере, «...имеет место... группировка предметов вокруг каждого из прототипов, но большинство этих предметов с самим прототипом не совпадают» (Краткий словарь когнитивных терминов. 1996, с. 141). Внутри семантического пространства концепта конкретные представители той или иной предметной категории располагаются на определенной дистанции от идеального образа, от так называемого категориального среднего, коим является прототип. Совокупность прототипов объектов материального мира образует

«прототипический мир», который значительно проще реального материального мира, но он необходим в качестве ориентира при решении задач идентификации объектов и их именовании. «Люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипический экземпляр, чем все остальные. Прототипы — инструменты, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью [Verschueren, 1987: 47—48]» (цит. по: Краткий словарь когнитивных терминов. 1996, с. 144).

Здесь уместно вспомнить о концепции двух форм кодирования знаний о мире, согласно которой вербальные и образные знания представляют собой две разные (но взаимосвязанные) символические системы. Эту концепцию развивает А. Пейвио (Paivio, 1971, 1986). Предлагаемое им соотношение ИМАГЕНОВ и ЛОГОГЕНОВ можно интерпретировать в терминах более привычных и рассматривать как соотношение СЛОВ, называющих концепты материальных объектов, и ПРОТОТИПОВ, т. е. характерных, типичных, идеальных образов этих объектов. «...Единицами репрезентации образной подсистемы являются имажены, обозначающие перцептивный аналог внешних явлений, т. е. образ, характеризующийся иконической природой и недискретностью. В свою очередь, единицами репрезентации вербальной подсистемы являются логогены» (Панкрац 1992, с. 83). На наш взгляд, в этой цитате вполне можно было бы использовать термины **прототип и слово**. Весь лексикон языка, организованный и представленный соответствующим образом, представляет собой НЯКМ, а всю совокупность прототипов (образов) конкретных концептов можно считать НОМ (национальным образом мира). Мы сознательно подчеркнули конкретность концептов, поскольку образное представление абстрактных концептов, типа *совесть, мука, избыток, любовь, щедрость* и т. п., нам представляется сомнительным или, в крайнем случае, дискуссионным. Имена абстрактных концептов являются составной частью НЯКМ, но их прототипы, на наш взгляд, лишены образности и поэтому не относятся нами к НОМ. Таким образом, НОМ по объему меньше НЯКМ, поскольку включает в себя только прототипические образы конкретных объектов плюс образы объектов мифических, которые хотя и не присутствуют в реальном мире, но обладают большей «конкретностью», чем реально существующие, но для обыденного сознания довольно абстрактные явления, вроде *электричества, магнетизма, гравитации, радиации*, или эмоции, типа *гордости, грусти, долга* и т. п. Иначе 154

говоря, есть прототипы *черта, ангела, дракона, кентавра*, а прототипов *счастья, горя, порядочности* или *подлости*, видимо, нет, если разграничить понятия прототипа и прототипической ситуации. НЯКМ включает в себя наименования и таких абстрактных понятий, которые лишены прототипической образности.

С учетом изложенных выше комментариев вернемся к рассмотрению предлагаемых нами двух типов слов (тип А и тип Б) и двух разновидностей слов типа А (А1 и А2). К словам типа А1 мы отнесли обозначения национально-специфических концептов, которые в других языках не имеют эквивалентов ни на уровне лексических коррелятов, ни на уровне прототипов. Русские слова *валенки, лапти, блины, щи* и т. п. нельзя перевести на другой язык, и они не могут быть представлены носителями других языков, поскольку в их образной системе кодирования знаний о мире нет соответствующих прототипов, нет идеальных образов этих концептов, так как в их материальном мире отсутствуют сами именуемые объекты. В каждом языке, обслуживающем самобытную культуру, подобных слов великое множество. Знакомство с такой лексикой не предполагает «подводных камней», это лишь вопрос усердия и добросовестности: ознакомление с именуемым объектом или его разновидностями, объединяемыми общим концептом, —> получение представления об объекте в виде образа-прототипа —> запоминание слова, обозначающего данный концепт. Эти три этапа составляют параллельное овладение планами означаемого и означающего чужой НЯКМ: узнавание СРЕДЫ (природной и рукотворной) бытования этноса и запоминание ВЕРБАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ этой специфической среды.

Попав, к примеру, в Южную Америку и услышав слова *guayavega, чагаго, самрофа*, неиспаноязычный человек может либо так и не узнать, что они значат, либо удовлетвориться самым общим знанием о том, что первое — это что-то из одежды, а второе и третье — музыкальные инструменты, либо узнать сами реалии, посмотреть, что они собой представляют, как звучат (музыкальные инструменты), из чего делаются, как и когда используются, и запомнить эти названия, соединив их в своем сознании с их образами — прототипами.

Говорить об усвоении слов типа А1 можно в терминах полноты и глубины знания, но псевдознание практически исключено. Например, мы можем сказать, что не имеем понятия, что такое *чагаго*, можем сказать, что это какой-то музыкальный инструмент, а можем сказать, что это струнный инструмент, похожий на маленькую гитару, резонаторная коробка которого изготавливается из панциря броненосца. При этом пятитомный энциклопедический словарь испанского языка (Diccionario Enciclopédico Ilustrado Sopena, Barcelona, 1977) указывает

лишь на то, что это «*especie de bandurria pequeña, que usan los indios del Perú*» (Soreña, 1981, t. 2, p. 1245) (вид маленькой бандуррии, которой пользуются индейцы Перу). Само толкование содержит упоминание другой реалии, требующей, в свою очередь, собственного описания, без которого у желающего получить представление о заинтересовавшем его инструменте не возникает никакого зрительного образа. Тот же словарь дает толкование слова *bandurria*: «*Instrumento músico de doce cuerdas pareadas, parecido a la guitarra, pero mas pequeña, que se toca con una púa de concha*» (Soreña, 1981, t. 1, p. 513) (две-надцатиструнный музыкальный инструмент с соединенными попарно струнами, похожий на гитару, но меньший по размеру, на котором играют с помощью медиатора, изготовленного из морской раковины). Толкование энциклопедический словарь сопровождает картинкой, которая и дает представление о бандуррии. Представление же о ча-ранго у пользователя словаря осталось по-прежнему не совсем определенным. Двухязычный же словарь под редакцией Ф. В. Кельина дает определение чаранги как индейской гитары. И нигде мы не встречаем упоминания о том, что в качестве резонаторной коробки используется панцирь броненосца. Какова же на самом деле прототипическая чаранго? Обязательно ли она (женский род мы используем потому, что она ассоциируется в языковом сознании все-таки с гитарой) должна быть сделана из панциря броненосца или это совсем не обязательно? В индивидуальном сознании автора данной работы прототип этого музыкального инструмента сформировался не на основе данных словарей, а в результате знакомства с этой реалией в одном из регионов, где она используется: в высокогорных районах Боливии, в исторических ареалах обитания индейских племен кечуа и аймара. Авторский прототипический образ содержит эту яркую, как нам представляется, характеристику, а вот соответствует ли личностный прототип автора (в данном случае — иностранца по отношению к носителям испаноязычного языкового сознания) прототипу населения Южной Америки — это вопрос. Здесь возможны два варианта: либо составители словарей упустили (или опустили, как несущественную) деталь реалии, либо автор работы встречал не прототипические образцы категории.

Слова типа А2 отличаются от слов типа А1 тем, что их узнавание может быть определено не в терминах глубины и полноты знания, а в терминах псевдознания и истинного знания. Истинное знание иностранного слова возможно только тогда, когда, знакомясь с этим новым словом, человек исходит из презумпции незнания. Если таковой презумпции нет, то интеллектуальное усилие неизбежно наталкивается на «ложных друзей», т. е. лексические эквиваленты родного 156

языка. Эквиваленты родного языка объявляются нами «ложными друзьями», потому что, выравнивая в сознании познающего концепты, стоящие за словом родного языка и иностранным словом (будем считать пока нерелевантными сомнения относительно адекватности выравнивания понятий через границы языков), они провоцируют интеллектуальную лень и самоуспокоенность. На самом деле **концептуальные универсалии могут иметь совершенно различные прототипы**, т. е. в каждом языке (а следовательно, в коллективном языковом сознании) в соответствие универсальному концепту приводится свой собственный национально-специфический образ этого концепта, о чем носители других языков часто могут даже и не подозревать. Имеет место определенная диспропорция: примерная эквивалентность на уровне концептов и возможная абсолютная неэквивалентность на уровне образов-прототипов. Получается, что люди говорят как бы об одном и том же, но представляют себе при этом объекты, весьма отличные друг от друга. Человек, живя в определенной материальной среде, часто упускает из виду (а иногда и просто не знает), что «...пейзаж везде выглядит по-разному. Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная), и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зеленая)» (Вежбицкая, 1996, с. 233—234). К примеру, прототипический образ *земли* в русском языке имеет признак наличия в ней влаги, сырости (мать —сыра земля, лежать в сырой земле и т. п.), что, видимо, не характерно для прототипической *земли* в языках народов, населяющих засушливые районы Африки.

В тех случаях, когда специфичность материальной среды не эксплицируется вербально, а камуфлируется концептуальными универсалиями, можно говорить, что мы имеем дело с лексикой типа А2. В примере А. Вежбицкой такими словами являются *земля* и *травы*. Ряд подобных примеров можно продолжить хотя бы такими словами, как *небо* и *лимон*. Именно с этими словами связан весьма курьезный случай из преподавательской практики автора этой работы. Объясняя тайваньским студентам русские прилагательные цветообозначения, автор давал для наглядности названия объектов, чьи прототипические образцы имели (по его мнению) тот или иной цвет. В течение нескольких минут дважды возникло взаимное непонимание. Первый раз, когда в качестве «типичного представителя» желтого цвета был назван *лимон*, второй — когда «типичными представителями» синего цвета были названы *небо* и *море*. Дело в том, что на Тайване (как и во многих других странах с жарким климатом) продаются и используются в пищу **зеленые**

лимоны. Зависит ли это от сорта или от степени зрелости, мы не беремся утверждать, но факт остается фактом: пожелтевший лимон — продукт уже второго сорта, в определенной степени некондиционный, стоит на порядок меньше «идеального» зеленого лимона и, естественно, в качестве типического, характерного образа (т. е. прототипа) выступать не может. Кстати, прототипические тайваньские помидоры тоже отнюдь не красные, а зеленые.

Со словами *небо* и *море* ситуация несколько сложнее, так как на уровне текстов студенты очень часто сталкиваются с устойчивыми сочетаниями слов *синее небо*, *синее море* (не только в родном, но и в иностранных языках) и понимают, что так оно, наверное, и должно быть. Однако, в реальности, если мы покажем на небо или воду Тайваньского пролива и скажем: «Они синие», — это будет, мягко говоря, не совсем так. Вода здесь имеет свинцово-серый цвет, а небо (даже когда оно не покрыто тучами, что для этих мест обычное явление) в лучшем случае бледно-серое, молочное, белесое, но никак не синее. Объяснение очень простое: жаркий и влажный климат, из-за которого в воздухе постоянно висит некая дымка, напоминающая туман, через которую небо видится именно серовато-белым. Конечно же, несколько дней в году и здесь небо бывает голубым, но считать это его состояние прототипическим вряд ли будет обоснованным.

Семантизация слов типа А2 обязательно должна включать в себя либо расширенные комментарии, либо знакомство с наглядными материалами. Конечно же, самый лучший путь знакомства с национальными прототипами концептуальных универсалий — это физически побывать в этой среде, почувствовать ее в буквальном смысле слова, только тогда придет понимание того, что, как пел в одной из песен В. С. Высоцкий, «здесь и звуки, и краски не те».

У универсальных концептов могут быть не только отличающиеся прототипические образы, но и совершенно разные **коннотации**. Приведем лишь один пример. Слово, называющее понятие *лес*, есть если и не во всех, то во многих национальных языках; однако различны, во-первых, лексическое наполнение всей тематической группы слов, связанных с этим концептом, во-вторых, — национальные прототипы этого концепта (о чем мы уже сказали), а в-третьих, ^ его коннотации. Позволим себе привести отрывок из художественного произведения, где автор пытается передать специфическое восприятие леса жителями одного из таежных районов России. Такое пространное описание приближает нас к прототипу леса, существующему в сознании людей, проживающих на данной территории, дает представление о коннотативном аспекте значения слова *лес* в их коллективном языковом сознании, иллюстрирует очень важную для наших рассуждений идею о

том, что окружающая среда активно влияет на формирование НЯКМ не только в части словесного покрытия материального мира, но и в ее субъективно-оценочной части, влияет на формирование эстетики этноса или его части. Прочитируем отрывок из повести Яна Гольцмана «Островок уцелевшего бора»: «Люди леса, кормившиеся от леса, изрядную долю жизненных сил отдавали этой борьбе. Разве отыщется в тайге светлая, открытая солнцу земля? Только болотная топь да бесплодный камень не заняты, не утыканы древесными стволами. Каждая вырубка, всякая споро зарастающая пожня, посреди которой косо чернеет догнивающий стожар, если не политы, то уж наверняка окроплены потом [...]

Бескрайний, неприметно, но непреклонно теснящий скудную пашню таежный разлив таил угрозу, казался веками неодолимым. Тем, кто годами продирался сквозь комариную корбу-чернолесье или прорубал в пустынном краю многоверстные просеки — тележные дороги и санники, — конечно же, хотелось, выбравшись из чащобы, видеть наконец в распахнутом окне светлую просторную воду, чистое поле, открытую глазу луговину. Тем более, что неизбывные елки-палки все едино тут, поблизости, рукой подать. Вон они, зубчатой стеной обступили обжитое пространство.

— А места-то, места там баски-и-е, — завистливо говорили наши старухи о соседней Каргопольщине и неизменно вздыхали: — Ро-о-овно, гладешенько. Лесу дак вовсе нет. Красота!

Ну да, земля хороша и красива, поскольку ее можно вспахать и засеять. Эстетика оратая-хлебороба» (Гольцман, 1997, с. 93).

Эстетика чуждая и непонятная тем, например, кто с величайшим трудом отвоевывает у пустыни метр за метром, высаживая и выхаживая деревья.

Ту же самую идею о специфичности национальных прототипов универсальных концептов можно проиллюстрировать не только на примерах обозначения элементов окружающей природной среды, но и на примерах обозначений артефактов материальной культуры. Наиболее наглядны такие примеры тогда, когда сравниваются элементы в достаточной мере самобытных материальных культур. Одной из таких культур, безусловно, является китайская материальная культура. Для примера возьмем концепт *чашка*, к которому в разное время обращались разные исследователи (Лабов, Херш, Караматца) для иллюстрации невозможности дать четкую характеристику семантической структуры общих понятий такого типа в терминах традиционного компонентного анализа. Вежбицкая, наоборот, использовала этот пример для того, чтобы попытаться доказать, что такие определения возможны (см.: Hersh, Caramazza, 1976, с. 274; Labov 1973; Wierzbicka,

1985, с. 59). Для нас, в частности, представляет интерес высказывание А. Вежбицкой, поскольку в нем фигурирует понятие прототипа «идеальной чашки»: «...Китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, без ручки и без блюдца, все-таки может считаться чашкой — пока из нее можно пить чай, в соответствующем окружении (на столе), пока ее можно поднести ко рту одной рукой. Это означает, что при том, что блюдце и ручка определенно входят в прототип чашки («идеальная» чашка ДОЛЖНА иметь ручку и блюдце), они не являются существенными элементами этого понятия» (Вежбицкая, 1996, с. 217). Данное высказывание вызывает некоторые вопросы. Во-первых, если «блюдце и чашка определенно входят в прототип чашки», то возникает вопрос, в ЧЕЙ прототип? В чьем сознании существует такой прототип, о котором говорит А. Вежбицкая? Если речь идет, например, о европейцах, то да, а если о китайцах? Их прототип чашки как раз и не имеет ни блюдца, ни ручки. Тогда спрашивается, на каком основании европейская прототипическая чашка более соответствует «идеалу» чашки, нежели китайская прототипическая чашка? А ведь именно к такому логическому заключению ведет утверждение, что «идеальная» чашка ДОЛЖНА иметь ручку и блюдце. Европейская прототипическая чашка ДОЛЖНА, а китайская вовсе НЕ ДОЛЖНА, ибо если мы будем утверждать обратное, то окажемся на европоцентристской точке зрения на мир. В этом случае все многообразие национально-специфических прототипов универсальных концептов материальной культуры окажется не более чем досадным отклонением от прототипов, существующих в сознании носителей европейских языков. На самом же деле как китайская чашка не должна иметь ни блюдца, ни ручки и не должна соответствовать прототипу, существующему в сознании англоязычных (или любых других) лингвистов, занимающихся будь то построением универсальных толкований, будь то описанием «идеальных» прототипов, так и любой другой предмет самобытной материальной культуры любого народа НЕ ДОЛЖЕН соответствовать какому-либо общему для всех культур прототипу. Таких универсальных прототипов попросту нет и не может быть, если речь идет о действительно самобытных материальных культурах. В этих случаях как раз и нужно говорить о национально-специфических прототипах, существующих лишь в сознании и воображении представителей данной культуры и неведомых представителям других культур, не посчитавшим нужным ознакомиться с самими именуемыми реалиями. За несколько высокомерным «разрешением» Вежбицкой считать все-таки китайскую чашку чашкой стоит либо англоязычный лингвистический эгоцентризм, либо интеллектуальная лень. Представим на минуту рассуждения гипотетического китайского лингвиста, заявляющего, что истинная-то чашка, чашка «идеальная», есте-

ственно, НЕ ИМЕЕТ и НЕ ДОЛЖНА иметь ни ручки, ни блюдца, но, уж так и быть, традиционную европейскую чашку с ручкой и блюдцем тоже можно, с известной натяжкой, считать чашкой. Хотя по сути такие заявления (будь они сделаны) ничем не отличались бы от того, что пишет Вежбицкая.

Наше категорическое неприятие лингвистического эгоцентризма побудило нас дать более обширную справку о таком, казалось бы, тривиальном объекте, как чашка (точнее, китайская чашка), в надежде на то, что станет очевидной поверхностность любых рассуждений о прототипических и понятийных универсалиях, ведущихся без знания конкретного мира вещей той или иной культуры (даже если эти рассуждения принадлежат признанным авторитетам в лингвистике).

Чайная чашка в Китае — лишь один из элементов весьма сложного ритуала, именуемого чайной церемонией. Описывать саму церемонию мы не будем, а несколько слов о предметах, с помощью которых она осуществляется, в контексте нашей темы сказать следует.

Тот предмет, из которого пьют чай и который обычно приводят в соответствии общему для многих языков понятию «чашка», называется chá-bei (дословно «чайный сосуд для питья»). Chá-bei — это неотъемлемая часть специального чайного набора, называемого Láo zhén cha dzhi zu («чайный набор старого человека»). В этот набор входят не только чашки для питья чая, но и специальные чашки для нюхания (!) чая. Они называются wén xiàng bei («сосуд для вдыхания ароматов»). От чашек для питья чая они отличаются формой: они уже и выше. Кроме двух видов чашек в чайном наборе должны быть два чайника, в одном из которых чай заваривают, он называется cha hú («чайный чайник»), а из второго чайника, называемого cha hái («чайное море»), чай разливают по чашкам для вдыхания ароматов, а до того из него же обливается кипятком заварочный чайник, чтобы он прогрелся перед процессом заваривания чая. Чайник для разлива чая в отличие от заварочного чайника не имеет крышки и носика и похож на наш молочник. Обязательны в наборе и деревянная лопатка, которой накладывают чай из специальной банки в заварочный чайник, и деревянный предмет, напоминающий щипцы, для изъятия из чайника использованных чайных листьев. Лопатка называется cha ci («чайная ложка») (!) — источник псевдокорреляций, так как используемые в Европе и Америке чайные ложки для размешивания сахара в Китае во время чайной церемонии не используются, поскольку чай всегда пьют без сахара). Каждая составляющая традиционного чайного набора для китайцев представляет собой предмет искусства, чайники и чашки не только используют по назначению, но и коллекционируют. У автора этих строк есть коллекция чашек для вдыхания чайных арома-

тов, которые в соответствии с европейским видением мира (и уже — в соответствии с определением самого концепта «чашка») вовсе и не являются чашками, так как не «предназначены для **питья горячих жидкостей**», как того требует толкование данного концепта, предлагаемое западными лингвистами. Не соответствуют этому толкованию и китайские чашки для питья чая, так как чай из них пьется не горячим, а лишь теплым (из чашки без ручки горячий чай пить было бы не очень удобно). Но если это не чашки, то что же это? Все-таки чашки, но чашки, соотносимые не с «универсальными» (а на деле — европоцентристскими) прототипами и толкованиями слов, называющих сходные по функциям предметы в разных культурах и языках, а с прототипами, сформированными в сознании представителей определенной самобытной культуры (в нашем примере — китайской). Это никакие не периферийные по отношению к «идеальной» чашке образцы, а самые что ни на есть типичные, характерные представители своего класса предметов. Они соответствуют прототипу «идеальной» чашки в СВОЕЙ культурной системе координат. Эти прототипы (и нетипичной, с точки зрения европейцев, китайской чашки для питья чая, и вовсе «не чашки» для вдыхания чайных ароматов) являются неотъемлемыми составными частями китайского НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА, в котором «идеальные» (по европейским представлениям) прототипы обычных чашек занимают весьма скромное и отнюдь не центральное место.

Знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов — это составная часть когнитивной базы любого социума, объединенного общим языковым сознанием. Поэтому проникновение в иноязычную картину мира невозможно без знания национально-специфических прототипов общих понятий, т. е. без адекватного знания слов типа А2 (по предлагаемой нами классификации).

Обратимся теперь к словам, которые мы предложили условно называть словами **типа Б**, т. е. к национально-специфическим логогенам, имеющим абстрактное значение. Национальная специфика семантики этих слов имеет вполне материалистическое обоснование и может быть объяснена конкретными факторами материальной среды бытования этноса, которые формируют национальную ментальность. Национальное же сознание, сформированное под воздействием этих факторов, порождает абстрактную лексику, не имеющую, по сути дела, адекватных коррелятов в других языках. Природные условия, оказавшие наибольшее влияние на формирование национальной ментальности, можно назвать **ДОМИНАНТАМИ СРЕДЫ БЫТОВАНИЯ** этноса. Эти доминанты различны у разных народов.

Например, для русского народа безусловной доминантой внешней среды являются большие пространства. «Роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. Известно высказывание Чаадаева: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств». У Н. А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено — «О власти пространств над русской душой». «Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля», — пишет Бердяев и продолжает: «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков». О «власти пространств над русской душой» говорили и многие другие, например: «В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство, — это Россия» (Гайто Газданов). «Первый факт русской истории — это русская равнина и ее безудержный разлив..., отсюда непереводаемость самого слова простор, окрашенного чувством, мало понятным иностранцу...», — писал Владимир Вейдле, известный русский литературный критик и искусствовед» (Шмелев, 1998, с. 49).

Рассуждения о российских пространствах как доминанте внешней среды бытования из сферы общефилософских и культурно-исторических изысканий могут быть переведены и в плоскость лингвистического анализа, в область семасиологических исследований. В «Заметках о русском» Д.С.Лихачев (Лихачев, 1987) отметил неизбежность лингвистических «последствий» влияния широких пространств на национальное сознание, указав на то, что оно (это самое пространство) «выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках».

Целому ряду слов (относимых нами к типу Б) русского языка практически невозможно найти адекватные соответствия в других языках. В цитированной нами статье А. Д. Шмелева «Широкая» русская душа» можно найти образцы семантического анализа таких слов, как *воля, удаль, простор, разгул, размах*. Этот список можно было бы продолжить, включив в него *ширь, раздолье, тоска*. Любому из этих слов двуязычные словари дают определенные соответствия, которые на самом деле оказываются мнимыми. Истинных же соответствий просто нет, а понятным и очевидным это становится лишь тогда, когда строгий семантический анализ опирается на весь культурно-исторический контекст, на те самые «философствования», которые иногда недооцениваются сторонниками «чистоты» лингвистики. Именно при таком подходе кажущаяся идентичность заменяется глубокими концептуальными различиями, и обнаруживается, что, к при-

меру, *удаль* отнюдь не то же самое, что *отвага*, *смелость*, *храбрость* и их корреляты в других иностранных языках, а понятие специфически русское, включающее в себя помимо прочего и такие компоненты семантической структуры, как самолюбование, безрассудство, бескорыстие и привычка к **широким пространствам**, «...само слово (и понятие) *удаль* могло родиться только у бойкого народа, и при этом у народа, привыкшего к широким пространствам» (Шмелев, 1998, с. 53). Столь же специфично и русское слово *воля*. Его псевдосиноним *свобода* не относится к словам типа Б, поскольку имеет адекватные иноязычные соответствия (*freedom* — англ., *la libertad* — исп. и т.д.) и не несет на себе следов особенностей национальной ментальности, обусловленных, в свою очередь, специфическими доминантами среды бытования этноса. *Воля* же — специфически русское слово (и понятие), и его ключевыми компонентами значения следует признать полное отсутствие какой-либо регламентации (например, закона) и наличие (или подразумевание) бескрайних, ничем не ограниченных пространств. Слова типа Б есть во всех национальных языках, проблема, однако, заключается в том, что без помощи специальных комментариев профессиональных лингвистов и культурологов, в полном объеме владеющих НЯКМ конкретного языка, проникнуть в суть именуемых абстрактных концептов чрезвычайно трудно, а установить зависимость национальной специфики таких концептов от реалий внешнего мира, в частности от природно-климатических условий бытования этноса, — еще труднее. Итак, мы выделили три вида национально-специфической лексики, специфика которой обусловлена внешней средой, воздействующей на коллективное этническое сознание. Не учитывать фактор среды бытования этноса — значит игнорировать очевидный факт, что «...в ядре своем каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, национальная пища...», — ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» (Гачев, 1988, с. 430). Обратимся теперь к самому понятию коллективного этнического сознания, в котором под воздействием определенного фрагмента ПВК выстраивается НЯКМ.

§ 2.2. Структура человеческого сознания как фактора, формирующего национальную языковую картину мира

Коллективное сознание представляет собой абстрактную совокупность индивидуальных сознаний всех членов того или иного социума, включающую в себя все типическое и исключаящую чисто индивидуальные особенности. Обыденное человеческое сознание — сущность многоуровневая. Как отмечается в специальной литературе по

логии, оно имеет, как минимум, четыре компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный.

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

I Сенсорно-рецептивный компонент	II Логико-понятийный компонент
III Эмоционально-оценочный компонент	IV Ценностно-нравственный компонент

Предвосхищая вопросы о том, почему в данной схеме не нашлось места ПАМЯТИ, ВООБРАЖЕНИЮ и другим категориям, заметим, что мы разделяем точку зрения тех, кто относит данные категории к МЫШЛЕНИЮ, а не к СОЗНАНИЮ. Согласно этой точке зрения, в пределах ментально-лингвального комплекса человека мышление обеспечивает хранение, преобразование и порождение информации, т. е. является динамической компонентой МЛК, а сознание обеспечивает восприятие, логическое осмысление и оценку информации, т. е. является рецептивно-накопительно-оценочной компонентой.

Преломившись через все четыре компонента языкового сознания, ПВК (мир реальный) трансформируется в отраженную реальность (*projected world*) (по терминологии Р. Джакендоффа), запечатленную в «матрицах» национального языка. Этот отраженный словесный мир не может не зависеть от того, что его, в конечном счете, породило, т. е. от языкового сознания. Выделение в структуре обыденного сознания отдельных компонентов очень продуктивно с точки зрения дифференцированного подхода к чисто лингвистическим фактам, отражающим национальную специфику мироощущения, мироосмысления и мирооценки. Кроме того, компоненты обыденного сознания оказываются определенным образом связанными с разными зонами НЯКМ, структура языкового сознания определяет структуру порождаемой им проекции объективного мира.

Следует оговориться, что деление обыденного сознания на компоненты, в частности, разграничение сенсорно-рецептивного и логико-понятийного компонентов, в известной степени условно. Это своего рода сегментация собственного «ментального континуума», предпринятая с целью дифференциации функций всего ментально-лингвального комплекса. На продвинутом этапе развития коллективного этнического сознания (т. е. когда уже сформировались все виды концептов: концеп-

ты чувственных восприятий, концепты предметно-материального мира и абстрактных категорий, субъективных оценок и нравственных категорий) каждый из компонентов сознания использует уже готовый АРСЕНАЛ СОБСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙНЫХ МАТРИЦ ДЛЯ интерпретации любой поступающей в сознание извне информации. На более раннем этапе формирования этнического сознания, когда семантический универсум нации находится в стадии становления и формируется параллельно с формированием национального лексикона, наибольшая нагрузка выпадает на долю логико-понятийного компонента, которому принадлежит приоритетная роль в формировании самих концептов безотносительно к их характеру, будь то коцепты-сенсibiliи, концепты субъективных оценок и нравственных категорий или концепты отвлеченных понятий. Только создав базовый арсенал концептов национального языкового сознания, логико-понятийный компонент может «уйти в тень», предоставив трем остальным компонентам возможность оперировать элементами этого понятийного арсенала при осмыслении и интерпретации информационных потоков, подпадающих под их «юрисдикцию». После завершения первичной, наивной концептуализации мира, все явления окружающей действительности начинают восприниматься, осмысливаться и оцениваться уже в терминах этих самых концептов-артефактов коллективного языкового сознания.

В предыдущем параграфе мы постарались показать, какие пласты национально-специфической лексики порождены фактором внешней среды бытования этноса, а в этом параграфе попытаемся **установить корреляции определенных групп национально-специфической лексики с соответствующими компонентами коллективного языкового сознания.**

Представленная на схеме нумерация компонентов сознания, на наш взгляд, отражает последовательность «пропускания» через сознание любого из феноменов окружающего мира: любой объект (предмет или явление) сначала воспринимается органами чувств (его либо видят, либо слышат, либо ощущают), затем логически осмысливается (вычленяется из ПВК в качестве денотата, подлежащего лексикализации, устанавливаются всевозможные логические связи этого объекта с другими объектами, происходит категоризация объекта, т. е. отнесение его к определенному классу объектов, и т.п.), после этого объект получает первичную оценку (эмоциональную), а затем и вторичную, более глубокую (ценностную).

Мы уже говорили о гипотезе Н. И. Жинкина о существовании в индивидуальном сознании УПК (универсально-предметного кода), о своеобразном невербальном языке интеллекта, на котором происходит

формирование личностного смысла, перекодируемого впоследствии на вербальный язык. По мнению автора гипотезы, УПК — это набор образов, логических схем, двигательно-осозательных, обонятельных и т. п. ОТ-ПЕЧАТКОВ РЕАЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ. Впоследствии значимые, с точки зрения носителя сознания, отпечатки реальности получают свои имена, т. е. лексикализуются. Когда различны сами реальности, отпечатки, с которых получают в разных этнических языках уникальные имена, то в этой ситуации все понятно. Об этом подробно рассказано в §2.1 настоящей главы. Но если фрагменты объективного мира одинаковы, а вербализованные отпечатки этих фрагментов в разных языках различны, то это может свидетельствовать лишь о том, что есть различия в работе того «органа», который эти отпечатки производит.

Попробуем проанализировать некоторые результаты работы каждого из компонентов сознания в порядке их нумерации на предложенной нами схеме с тем, чтобы убедиться на конкретных примерах в неодинаковости работы каждого из элементов обыденного языкового сознания у представителей разных культур.

Начнем с сенсорно-рецептивного компонента. В научном сознании этот компонент отсутствует, его функции целиком и полностью возложены на всевозможные измерительные приборы, исключая субъективность чувственного восприятия. Что же касается сознания обыденного, то здесь для субъективизма открывается широкий простор. Казалось бы, все люди должны видеть, слышать, осязать и обонять одинаково. Возможно, так оно и есть, точный ответ могут дать только физиологи и антропологи. Мы не беремся утверждать обратное, но некоторые лингвистические факты говорят если и не о неодинаковости чувственного восприятия некоторых фрагментов ПВК представителями разных языков, то, по меньшей мере, о различной интерпретации языковым сознанием воспринятых сенсibiliй.

Для примера обратимся к двум ЛСГ, объединяющим результаты лексикализации звуковых и зрительных сенсibiliй. Вряд ли мы погрешим против истины, если скажем, что практически во всех языках есть ЛСГ звукоподражаний животным и ЛСГ цветообозначений. Первая из этих ЛСГ фиксирует вербализацию одной из групп акустических сенсibiliй, вторая — визуальных.

Со школьных лет большинству изучавших английский или испанский язык известны кажущиеся курьезными расхождения в языковом воспроизведении звуков, издаваемых собаками и петухами: *gav-gav*, *кукареку* (в русском языке); *bow-wow*, *cock-a-doodle-doo* (в английском); *güau-güau*, *cacareo*, *quiquiriquí* (в испанском). На самом деле несовпадение в воспроизведении звуковых информем-сенсibiliй раз-

ными языками скорее норма, чем исключение. Сравним, к примеру, каким образом сенсорно-рецептивные компоненты таких далеких друг от друга языковых сознаний, как русское и китайское, «услышали» звуки, издаваемые некоторыми животными. Интересно, что не только практически все животные «услышаны» по-разному, но и то, что некоторые «голоса» оказались проигнорированными (в частности, сенсорно-рецептивным компонентом русского языкового сознания). В этих случаях в предлагаемой таблице мы поставили прочерки.

Животное	Звукоподражание в китайском языке	Звукоподражание в русском языке
Корова	Mou-mou	Му-у-у
Овца	Mie-mie	Ме-е-е
Свинья	Nao-nao	Хрю-хрю
Кошка	Miao-miao	Мяу-мяу
Собака	Wang-wang	Гав-гав
Мышь	Zhi-gǐ	Пи-пи
Пчела	Weng-weng	З-з-з
Комар	Weng-weng	З-з-з
Муха	Weng-weng	З-з-з
Кукушка	Gu-gu	Ку-ку
Птица	Zhi-zhi	Чик-чирик
	Zhi-zhi-zha-zha	
	Jiu-jiu	Фюить-фюить
Голубь	Gu-gu	Гуль-гуль
Петух	Gu-gu	Кукареку
Курица	Ge-ge	Куд-кудах-тах-тах
Утка	Gua-gua	Кря-кря
Гусь	Ga-ga	Га-га
Ворона	Ga-ga	Карр-карр
Сверчок	Ji-ji	—
Лягушка	Ge-ge	Ква-ква
Цикада	Zhi-liao-zhi-liao	—
Ласточка	Ni-nan-ni-nan	—
Олень	You-you	—
Лошадь	Si	И-го-го
Волк	Nao	У-у-у

К сожалению, словари очень редко содержат данные о звукоподражаниях, и исследователю приходится полагаться на данные, полученные от респондентов (данные о звукоподражаниях животным в китайском языке нами записаны со слов студентов и аспирантов-русистов тайваньских университетов).

Не случаен интерес многих лингвистов и к ЛСГ цветообозначений в разных языках мира, поскольку цветообозначения, как и звукоподражания животным, являются одними из самых наглядных (а потому — и удобных для анализа) лексикализованных сенсбиллий. Национальная специфика цветообозначений, как и звукоподражаний, непосредственно связана с особенностями работы сенсорно-рецептивного компонента этнического языкового сознания.

Семантическое поле цветообозначений есть в абсолютном большинстве языков мира. Утверждения некоторых исследователей о том, что понятие цвета не универсально (а универсально лишь понятие ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ), поскольку существуют языковые сообщества (как правило, племена, обитающие в труднодоступных местах планеты), не имеющие ни заимствованного, ни собственного понятия цвета (см.: Van Brakel, 1993, p. 113; Вежбицкая, 1996, с. 231—232), нам кажутся полемически слишком заостренными. Процент таких языков по отношению к языкам, имеющим поле «цветовой семантики», ничтожно мал, а их роль в развитии человеческой цивилизации не слишком велика, что дает нам основание считать подобные феномены «допустимой погрешностью». Другое дело — сами имена цвета. Здесь, действительно, говорить об универсальности вряд ли возможно: поля цветовой семантики в разных языках не совпадают ни по количеству концептов, ни по степени их дифференцированности, ни по месту разграничения смежных концептов. Например, исследователи племенных языков австралийских аборигенов Харгрейв, Джоунс, Михан, Дейвис отмечают, что в некоторых из этих языков только два цвета: светлый (включающий в себя белый) и темный (включающий в себя черный), а немногочисленные (не более четырех) дополнительные цветообозначения являются названиями минеральных красителей и могут описывать весьма ограниченную группу объектов. С другой стороны, в современных языках с развитой системой цветообозначений, включающей десятки наименований, крайне трудно найти адекватные иноязычные соответствия даже для центральных членов данного семантического поля, таких, например, как английские прилагательные *red*, *blue*, *green*. Традиционно предлагаемые двуязычными словарями соответствия на проверку оказываются не совсем адекватными.

Цветовая семантика никогда не была обделена вниманием лингвистов, а после классической работы Берлина и Кея (Berlin, Kay, 1969) можно

говорить о настоящей интеллектуальной атаке на цвет, однако общим слабым местом большинства этих работ было то, что исследования так или иначе переходили из области языка в область физики и нейрофизиологии. Попытки определить языковое ЗНАЧЕНИЕ цветообозначений в терминах физических свойств света (длина волны, относительная интенсивность) или в терминах тона, яркости и насыщенности (как принято в хроматологии) привели к тому, что языковое значение обиходного языка стало подменяться сугубо научной информацией. «Но научное знание оказывается нехвата, если нас интересует ЗНАЧЕНИЕ и если под значением мы понимаем то, что ЛЮДИ ИМЕЮТ В ВИДУ, когда они употребляют слова, которые мы рассматривали. Ясно, что люди, говоря *a blue dress, niebieska* (FEM) *sukienka* (польск.) или *синее платье*, могут не иметь никакого представления о том, какая длина волны или относительная интенсивность связаны со словами *blue, niebieski* и *синий*; и все же, конечно, неразумно было бы на этом основании заключить, что говорящие не знают, что значат эти слова» (Вежбицкая, 1996, с. 236). Подобная подмена языковых значений научными знаниями равносильна тому, как если бы в толковых словарях напротив названий насекомых или рыб появились не толкования слов обиходного языка, а пространственные дефиниции из энтомологических и ихтиологических справочников. Мы неоднократно говорили о необходимости того, чтобы лингвистика учитывала и использовала данные других наук, чтобы она опиралась на них, но подменяться ими она, конечно же, не должна. Нельзя сказать, что экспансия чрезмерной «научности» в область лексической семантики не встречала противодействия. В частности, многие лингвисты считают неправомерным для выяснения того, как организованы значения цветообозначений в языковом сознании говорящих, использовать такие категории, как теория размытых множеств, трех-компонентные нейронные реакции ядродержащих рецепторов сетчатки (Кау, McDaniel, 1978), длина световой волны, колеблющаяся в пределах от 400 до 470 нанометров, и т. п., справедливо замечая, что названия цветов успешно использовались во всех языках задолго до открытия волновой теории света и до того, как было получено знание о рецепторах, нейронах и сетчатке глаза (см.: Фрумкина, 1984, Wierzbicka, 1990, Вежбицкая, 1996).

Нейрофизиологические основы цветового восприятия одинаковы для всех народов, поскольку они базируются на общности физиологии человеческого мозга. Однако принципиально важно разграничивать работу мозга и работу сознания: первое — универсально, второе — национально-специфично. «...Вопрос о физиологии ВОСПРИЯТИЯ имеет мало отношения к вопросу о цветовой КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ. Цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей... Но

языковая концептуализация различна в разных культурах... То, что происходит в сетчатке и в мозгу, не отражается непосредственно в языке. Язык отражает происходящее в сознании, а не в мозгу, наше же сознание формируется, в частности, и под воздействием окружающей нас культуры» (Вежбицкая, 1996, с. 238—239). Значение слова обиходного языка по самой своей природе неточно и неопределенно, чем и отличается от значения научного термина. Оно представляет собой лишь то, что имеет в виду говорящий, когда произносит это слово. Цветообозначения не являются исключением и, несмотря на очевидные связи с нейрофизиологией, все-таки представляют собой артефакты коллективного обиходного сознания и еще шире — артефакты национальной культуры.

Обнаруживаемые при сопоставлении языков значительные различия результатов лексикализации сенсibiliй (в частности, звуковых и зрительных) свидетельствуют о том, что главенствующими при формировании лингвистических категорий являются не перцептивно-физиологические факторы, а факторы работы коллективного этнического сознания по категоризации чувственно воспринятой информации. Иными словами, представители разных культур НЕ ПО-РАЗНОМУ, например, слышат звуки, издаваемые животными, или видят цвета, а их сенсорно-рецептивный компонент сознания ПО-РАЗНОМУ КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЕТ ДАННЫЕ СЕНСИБИЛИЙ.

Чем объясняется практически тотальное несоответствие цветообозначениям концептов в языках мира? Наиболее близким к истине представляется утверждение о том, что такие различия обусловлены неодинаковым выбором так называемых точек референции, каковыми можно считать выбираемые коллективным языковым сознанием наиболее типичные образцы того или иного цветового концепта. В литературе, посвященной проблеме цветообозначений, встречается понятие общей референциальной рамки, на основе которой и происходят национально-специфические концептуализации семантического поля цвета в разных языках. В качестве элементов референциальной рамки могут использоваться только социально значимые объекты материального мира. На этапе становления языков таковыми объектами, безусловно, являлись основные элементы природной среды: небо, земля, солнце, растения, вода и т. п.

Принцип подобия при передаче цветовых ощущений наблюдается во многих языках и многими считается универсальным. В языках, не достигших высокого уровня абстракции, именно таким образом, т. е. путем отсылки к прототипу цвета, передаются обозначения практически всех основных цветов, а в языках, более развитых и имеющих гораздо более дифференцированную систему цветообозначений, подоб-

ным образом именуется чаще всего многочисленные промежуточные (не основные) цвета. Фокусными (т. е. типичными, центральными, «лучшими») представителями при формировании соответствующих цветовых концептов становятся, как правило, естественные цветовые прототипы. Имена этих прототипов могут сами служить обозначениями цветов, а могут в скрытой форме присутствовать в значении имени в форме типа «такой, как..., подобный (чему?)». Литература, посвященная проблеме цветообозначений, изобилует подобного рода примерами. Приведем лишь малую их часть:

В языке варлпири (Австралия): *yalui-yalui* (кровь-кровь) = *красный*; *walia-walia* (земля-земля) = *коричневый*; *yukuri-yukuri* (растения-растения) = *сине-зеленый* (см.: Hargrave, 1982, p. 210). В польском языке: *niebieski* (небесный) = *голубой*. В тайском языке: *faa* (небо) = *светло-голубой*; *faa-kee* (темное небо) = *синий*. В языке дани (Новая Гвинея): *pimut* (название красной глины) = *красный*; *bodll* (название корня имбиря) = *желтый*; *itjuaiegen* (название почки цветка) = *синий* (см.: Rosch, 1972 a).

Этот же прием указания на конкретный предмет, использованный в качестве точки референциальной соотносительности, не чужд и современному европейскому языку: *orange* (англ.) = имеющий цвет апельсина; *navy blue* (англ.) = синий, цвета моря; *sky-blue* (англ.) = небесно-голубой; *naranjado* (испанск.) = оранжевый, цвета апельсина; *azul marino* (испанск.) = синий, цвета моря; *azul celeste* (испанск.) = небесно-голубой; *golden* (англ.) = имеющий цвет золота; *silver* (англ.) = имеющий цвет серебра; *dorado* (испанск.) = золотистый, имеющий цвет золота; *plata* (испанск.) = серебро, имеющий белый цвет (в геральдике). Кстати, использование золота и серебра в качестве точек референциальной соотносительности носит почти универсальный характер, прилагательные со значением «имеющий цвет золота» есть не только в европейских языках: *d'or* (франц.), *dourado* (порт.), *d'oro* (итал.) и т. д., но и в языках стран Азии: *kin'irono* (японск.), /ш5<gae (китайск.).

В русском языке цветообозначения данного типа тоже весьма многочисленны: *бирюзовый*, *цвета морской волны*, *болотный*, *землистый*, *пепельный*, *канареечный*, *кофейный*, *цвета слоновой кости*, *кофе с молоком*, *песочный* и т. д.

В окружающем мире очень много разных референтов, которые могут использоваться языками в качестве цветовых прототипов, и то, какие именно референты отбираются тем или иным языковым сознанием на роль прототипа, а также специфические черты самого референта,—все это предопределяет расхождения национальных цветообозначений на уровне фокусов, т. е. «лучших образцов» цветов. Например, несоответ-

ствие фокусов тайского *faa* (небо, т. е. небесный цвет) и английского *blue*, испанского *azul*, русских *синий* и *голубой* объясняется, скорее всего, именно тем, что прототипическое тайское небо (как и тайваньское, о чем мы уже упоминали) скорее белесое, чем голубое или синее, поэтому *faa* значит «более светлое, чем небесно-голубое».

Возможны и случаи множественной референциальной соотносительности, что для представителей других языков может представлять серьезные трудности. Что значит японское *ao*? С чем его можно соотносить? Оказывается, что словари несколько упрощают дело, приводя ему в соответствие английское *blue*, испанское *azul*, французское *Bleu*, итальянское *azzurro* и т. п. И дело даже не в том, что словом *ao* можно называть и то, что в других языках обозначается совсем другим словом: *pale* (англ.), *pálido* (испанск.), бледный, тусклый (русс.), а в том, что это слово в японском языке охватывает весь спектр синего и зеленого цветов, т. е. *aoi* = и синий, и зеленый.. Фокус его находится в голубой части спектра, а точками референциальной соотносительности являются сразу три референта: небо, море и растительный мир (см.: Вежбицкая, 1996, с. 260—261).

Примерно так же обстоит дело с китайским концептом *qing*. Китайско-русский словарь приводит сразу три значения данного прилагательного: 1) *синий*, *голубой*, *лазурный*; 2) *зеленый*; 3) *черный* (?!). Заметим попутно, что для каждого из трех указанных цветов китайский язык располагает помимо этого еще и самостоятельными обозначениями. Множественность референциальной соотносительности концепта *qing* подтверждается фактом его вхождения в качестве словообразовательного элемента в целый ряд обозначений: *qinglü* — «темно-зеленый», *qingcái* — «**зелень** (овощи)», *qingcao* — «**зеленая** трава», *qingcui* — «изумрудный, ярко-зеленый», *qingwá* — «**зеленая** лягушка», *qinggang* — «дуб **сизый**», *qingcí* — «фарфор светло-голубого цвета», *qingtian* — «**синее** (голубое, лазурное) *небо*», *qingzt* — «**синюшность**», *qingyú* — «одежда **черного** цвета», *qingyú* — «**черный** амур (рыба)». Такая неопределенность концепта, видимо, ничуть не мешает носителям китайского языкового сознания и находится в полном соответствии с национальной логикой обозначения цветов. То же самое можно сказать и о концепте *yuse* («цвет нефрита /яшмы/»), который используется для обозначения двух разных цветов: *зеленоватого* и *молочно-белого*. Иногда выбор объекта, используемого в качестве точки референциальной соотносительности, может казаться не совсем обычным представителям других языковых сообществ. Например, для многих языков естественно соотносить белый цвет со снегом или с молоком. В китайском языке есть прилагательное с

экзотической (на взгляд иностранца) внутренней формой — *yidúbái* («рыбе брюшко — белый»), т. е. «рыбебрюшечно-белый», которому двуязычный словарь в качестве соответствия приводит русское *молочно-белый* цвет, уточняя в скобках, что данное прилагательное используется обычно в сочетании со словом *рассвет*.

Различия в проведении границ между цветами еще более существенны, чем различия в определении фокусов, «национальная логика» проводит эти границы безо всякой оглядки на то, как это делается в других языках.

Английское *blue* охватывает гораздо больший спектр цвета, чем русский *синий*. В русском языке есть два самостоятельных концепта: *синий* и *голубой*, каждый из которых может уточняться с помощью слов-конкретизаторов *светло-* и *темно-*. Можно использовать их в любых сочетаниях, например, можно сказать и *светло-синий* (но еще не *голубой*), и *темно-голубой* (но еще не *синий*). Граница между такого рода обозначениями очень субъективна и в сознании разных людей может проходить в разных местах цветового спектра, но то, что светлые и темные тона синего цвета заслуживают того, чтобы иметь собственные отдельные лексемы, для носителей русского языкового сознания вполне естественно, и тот факт, что, к примеру, английское и испанское языковые сознания свели оба тона (и *синий*, и *голубой*) к единому концепту (*blue* — в английском и *azul* — в испанском), воспринимается как нечто не очень естественное. Англичане же и испанцы не испытывают при этом никаких неудобств, используя для уточнения составные обозначения. Испанцы, например, семантическую область «синева» покрывают таким образом: *azul* (и *синий*, и *голубой*), *azul celeste* (*небесно-голубой*), *azul — turquí* (*темно-синий*), *azul marino* (*цвета морской волны*, т. е. *голубой с оттенком зеленого*). Японское языковое сознание посчитало логичным объединить в одном концепте *aoi* весь спектр синего и много оттенков зеленого цвета плюс признак бледности и тусклости, сохранив при этом концепт только зеленого цвета *midori*. Получается, что один и тот же оттенок зеленого цвета может быть назван и *aoi*, и *midori*. Где же логика? Она есть, но понять ее можно только встав на позицию японской национальной логики мировосприятия. Для японцев очень важен признак «постоянство — недолговечность»: чем короче жизнь цветка, тем он прекраснее, тем острее воспринимается его прелесть (цветы сакуры недолговечны, но именно они являются одним из символов красоты для японцев). Этот признак «постоянство — недолговечность» они, вероятно, привнесли и в цветообозначения, закрепив за *aoi* элемент кратковременности зеленого цвета (зеленый цвет светофора, трава после дождя, море при определенном освещении т. п.), а за словом *midori* —

постоянство «зелености», называя этим словом то, что всегда является зеленым, а не имеет зеленый цвет в определенный момент или в определенных условиях (то самое различие, которое в испанском языке передается употреблением глаголов *ser* (являться, быть постоянно) и *estar* (быть в какой-то момент времени). Согласитесь, весьма неожиданный угол зрения на проблему цвета с точки зрения любого языка, где цветовая характеристика никак не связана с признаком постоянства — динамичности. Остается сожалеть о том, что подобные нюансы национальной логики практически не отражаются в словарях и становятся, достоянием специалистов только в результате кропотливой работы с информантами-носителями языка (в данном примере — А. Вежбицкой и Такадо Тода). Мы привели лишь один пример того, как национальный «угол зрения» может по-разному преломлять один и тот же фрагмент реальности — признак синего цвета.

Б. Берлин и П. Кэй исследовали названия основных цветов спектра в двадцати языках и пришли к заключению о существовании одинадцати базисных цветовых категорий и наличии фиксированного порядка кодирования этих категорий в языках по мере их развития. Они установили, что наименьшее число цветообозначений — два: белый (светлый) и черный (темный); если цветообозначений три, то третий цвет — красный, а дальнейшее увеличение цветообозначений происходит в таком порядке: зеленый, желтый, голубой, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. Возражая сторонникам теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа, Берлин и Кэй подчеркивали отсутствие перцептивных отличий у носителей разных языков. «...Как показали исследования цветообозначений в различных языках, ядерные характеристики прототипов универсальны, и эта общность предопределяется тождеством чувственно воспринимаемых свойств денотатов, возникающим как следствие *ТОЖДЕСТВА* нейрофизиологических процессов восприятия людей и *КАТЕГОРИЗАЦИИ ЧУВСТВЕННОГО ОПЫТА* (курсив О. К.). Это тождество и лежит в основе семантической эквивалентности единиц разных языков, что обуславливает возможность перевода с одного языка на другой и таким образом возможность коммуникации разных языковых коллективов» (Харитончик, 1992, с. 109). В этом высказывании мы выделили курсивом то, с чем принципиально не согласны и что, как нам кажется, опровергается приведенными выше примерами. Тождество нейрофизиологических процессов восприятия? Да. Тождество категоризации чувственного опыта? Нет, и еще раз нет, потому что *blue* (англ.) не = *синий*, *blue* не = *голубой*, а *blue* = *синий* + *голубой*; *azul* (испанск.) не = *синий* и не = *голубой*, *azul* = *синий* + *голубой*. Потому что японское *aoi* не = ни английскому *blue*, ни испанскому

azul, ни русским *синий* или *голубой*, а *aoi* = *синий* + *голубой* + *зеленый* (для объектов, характеризующихся непостоянством этого признака) + *бледный* (как свидетельствуют изданные в Китае и на Тайване словари). Что все это, если не свидетельство обратного, а именно: РАЗЛИЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ разными языковыми сознаниями результатов нейрофизиологически ТОЖДЕСТВЕННОГО ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ? Разве внутренняя форма китайских синонимичных прилагательных с общим значением «разноцветный» не факт специфической национальной категоризации, иллюстрирующий такую яркую черту китайского менталитета, как стремление к точной нумерации в противовес европейскому тяготению к абстрактности? Давайте сравним внутреннюю форму китайских и некоторых европейских прилагательных с общим значением «разноцветный, пестрый»: *caí se* (кит.) («цветная окраска»), *wú yán línú se de* (кит.) («тот, у кого пять лиц, шесть цветов»), *wú caí* (кит.) («пять, цветной»), *huáhuá-lúlü* (кит.) («цветок, цветок — зеленый, зеленый»), *wánzǐ-qianhóng* (кит.) («десять тысяч — фиолетовый, тысяча — красный»), *wuguang-shísé* (кит.) («пять блесков — десять цветов»); разноцветный, многоцветный (русск.); *multicolor* (испанск.); *multicolore* (франц.); *colorful, multicoloured* (англ.). *MuIII* («много») — и все, достаточно, а китайскому менталитету — нет, надо уточнить, сколько именно: «пять лиц, шесть цветов», «пять раз цветной». Если бы языковая категоризация в разных языках была бы столь же универсальна, как и нейрофизиологические процессы чувственного восприятия, то не было бы, как образно выразилась А. Вежбицкая, «различных ответов на одну и ту же базисную концептуальную анкету» (Wierzbicka, 1985, p. 332).

Как мы убедились, языки по-разному отвечают на вопросы базисной концептуальной анкеты о цвете. Не столь очевидно, но тоже существенно могут отличаться и «ответы» языков на вопросы о вкусе. Например, большинство языков для положительной оценки вкуса продукта используют одинаковые прилагательные вне зависимости от его консистенции (твердый, жидкий или напиток). По-русски, по-английски и по-испански можно положительно отозваться и о еде, и о напитке с помощью одних и тех же слов: *вкусный (-ая, -ое)* (русск.), *delicious, tasty, savoury* (англ.), *delicioso, sabroso, rico* (испанск.), а в китайском языке прослеживается все то же стремление к конкретности: если речь идет о еде, то используется прилагательное *hao che de* («то, что хорошо есть»), если о напитке или жидкой пище, то *hao he de* («то, что хорошо пить»). Словари приводят и другое слово — *méi wei ké kow de* («то, что имеет превосходный вкус, подходящий для рта»), которое не содержит ситуативной привязки к объекту погло-

шения, однако на практике в зависимости от ситуации используются только первые два слова, которые, кстати говоря, входят в целое словообразовательное гнездо, где значение слова формируется по одной и той же модели: «хорошо, хороший + глагол чувственного восприятия (или глагол действия)»: *hao che de* («хорошо + есть») = вкусный (о нежидкой пище); *hao he de* («хорошо + пить») = вкусный (о напитках и жидкой пище); *hao kan de* («хорошо + смотреть») = красивый; *hao ting de* («хорошо + слушать») = благозвучный, приятный для слуха. Эти прилагательные являются номинациями оценок разных видов сенсаций (вкусовых, зрительных и акустических). Эта же словообразовательная модель распространяется и на другую семантическую зону — номинации оценок денотатов с точки зрения удобства выполнения с ними тех или иных действий человеком: *hao ban de* («хорошо + делать») = удобный, легкий для исполнения; *hao yong de* («хорошо + пользоваться») = удобный для пользования; *hao xie de* («хорошо + писать») = удобный, легкий для написания; *hao xue de* («хорошо + учиться») = легкий для изучения.

Вообще же, вкусовые ощущения отличаются от визуальных и акустических сенсаций тем, что они вряд ли могут быть описаны в терминах точных наук, что делает маловероятной нежелательную подмену изучения лексических значений изучением перцептивных феноменов с точки зрения естественных или точных наук (с соответствующим использованием их исследовательского инструментария). В значениях обозначений вкуса гораздо больше субъективности и неточности, чем в значениях цветообозначений. Национальная специфика обозначения вкусовых ощущений проявляется скорее не в семантике и даже не в форме, а в дистрибуции. «Трудности при изучении чужой культуры наблюдаются в тех случаях, когда некоторая модель, имеющая идентичную форму и значение в обеих культурах, обнаруживает разную дистрибуцию. Носитель иной культуры полагает, что дистрибуция этой модели в наблюдаемой культуре та же, что и в его собственной, и поэтому, заметив преобладание, недостаток или отсутствие какого-то признака в отдельном варианте, он обобщает свое наблюдение, как если бы оно было применимо ко всем вариантам, а тем самым и ко всей культуре» (Ладо, 1989, с. 57). Это свое утверждение Р. Ладо иллюстрирует именно примером из области специфики восприятия вкусовых ощущений представителями разных народов. По его наблюдениям, латиноамериканские студенты жаловались на то, что североамериканская кухня злоупотребляет сахаром, в то время как диетологи констатировали факт чрезмерного потребления сахара именно латиноамериканцами. Это очевидное противоречие объяснялось тем,

что сладким вкусом обладали многие североамериканские блюда, которые, по мнению латиноамериканцев, им обладать были не должны. «Межкультурное вкусовое непонимание» вовсе не означает, что народы по-разному ощущают сладость или горечь или прототипы этих ощущений у них разные, просто проблема в дистрибуционных различиях. Большинство русских пьют чай с сахаром, и большая чашка чая, в которую положили только одну ложку сахара, будет содержать напиток, который русский может охарактеризовать как совсем несладкий, а китаец как недопустимо сладкий (китайцы пьют только чай без сахара). Объяснение этому будет не в разной работе вкусовых рецепторов и не в разном объеме значений прилагательных *сладкий* и *táng*, а именно в разной дистрибуции модели. Автор этой работы испытывал существенные неудобства от того, что многие мясные блюда в Китае имеют сладковатый привкус благодаря использованию специальных соусов, и обвинял китайцев в чрезмерном пристрастии к сладкому, и в это же время вызывал искреннее недоумение у китайцев, когда в чашку с отборным оулунским чаем клал до трех ложек сахара, чем этот чай, по мнению китайцев, безнадежно портил. Подобные различия в дистрибуции приводят к тому, что появляются различия в номинациях, которые могут быть интерпретированы как несовпадения в лексическом значении, хотя все дело лишь в различиях национальных кулинарных традиций и круге продуктов, традиционно связываемых с тем или иным вкусом.

Данные примеры, как нам кажется, тоже можно отнести к разряду национально-специфических ответов на вопрос базисной концептуальной анкеты об отражении в лексике языка разного рода чувственных восприятий. Не подлежит сомнению, что специальный семантический анализ ЛСГ обозначений вкусовых ощущений в любом языке, а также контрастивное описание семантических полей вкуса в разных языках выявят массу интересных проявлений национально-специфического осмысления данного фрагмента действительности, массу «курьезов», когда, например, одно и то же слово в зависимости от контекста называет противоположные понятия: испанское прилагательное *sabroso* может означать «вкусный», а также «сладкий» и «солоноватый» (!) (*разг.*)

Мы коснулись лишь трех частных случаев слуховых, зрительных и вкусовых сенсбилий не для того, чтобы пытаться их детально анализировать (это отдельные большие темы), а чтобы постараться показать, что в формировании общего семантического универсума нации, в формировании НЯКМ принимают участие разные компоненты человеческого сознания, одним из которых является сенсорно-рецептивный компонент, отвечающий за перцепцию и концептуализа-

цию информем чувственного восприятия (сенсбилий). Языком концептуализируются и сенсбилий иного плана: тактильные, обонятельные, двигательно-моторные, но приводить примеры для каждого из типов вряд ли стоит, ибо результат предсказуем — лексикализация любого из перечисленных типов сенсбилий будет подтверждать одно и то же: одинаковые внешние воздействия на органы чувств человека будут, в общем-то, одинаково восприниматься мозгом на нейрофизиологическом уровне, а затем через этап категоризации в сознании отольются в национально-специфические концепты чувственного восприятия, которые получают в языке свои имена, т. е. лексикализуются. Для нас очевидно, что говорить о «национальной логике» можно не только применительно к цветообозначениям, звукоподражаниям или обозначениям концептов вкуса, но и применительно к передаче средствами национального языка любых ощущений, фиксируемых рецептивно-сенсорным компонентом сознания.

В построении НЯКМ участвуют все компоненты языкового сознания, но роль каждого из них в формировании национальной специфики семантического универсума того или иного народа не одинакова. Сенсорно-рецептивный компонент обыденного сознания, при всей его важности, к числу определяющих «лицо» национального мировидения отнести нельзя. В наибольшей степени неповторимость национального семантического универсума определяется работой логико-понятийного и нравственно-ценностного компонентов сознания. По этой причине мы сочли оправданным выделить в самостоятельные подразделы те части работы, в которых рассматривается влияние именно этих компонентов сознания на формирование национальных языковых картин мира. По этой же причине объем используемого нами в качестве иллюстраций фактического языкового материала в данных подразделах будет несколько большим по сравнению с частями, посвященными роли сенсорно-рецептивного и эмоционально-оценочного компонентов сознания в построении НЯКМ.

§ 2.2.1. Роль логико-понятийного компонента обыденного сознания в формировании национальной языковой картины мира

Логико-понятийный компонент языкового сознания в гораздо большей степени, чем сенсорно-рецептивный, влияет на национальную неповторимость вербализации ПВК, поскольку именно он осуществляет концептуализацию (по другим терминологиям — категоризацию, членение) дискретной внешней среды, в результате чего информационный поток, воспринимаемый сенсорно-рецептивным компонентом сознания, превращается в совокупность так называемых информационных

сгущений (или информем), которые становятся концептами национального языкового сознания после того, как за ними закрепляется соответствующее имя. Один и тот же фрагмент информационного континуума может члениться логико-понятийным компонентом разных языковых сознаний совершенно по-разному. Вот основные типы подобных различий:

1. Несовпадение объемов значений одноименных концептов (под одноименными концептами мы разумеем позиции универсальной «базисной концептуальной анкеты»).

2. Различная степень дифференциации значений одноименных концептов.

3. Прохождение границ между смежными концептами в разных языках в разных местах ПВК.

4. Лексические лакуны, обнаруживаемые только на фоне других языков. Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приблизительных соответствий, т. е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других — нет. Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка.

В каждой национальной культуре можно обнаружить специфические черты, которые играют особо важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Такие черты мы предлагаем называть КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИМИ ДОМИНАНТАМИ. Именно эти доминанты детерминируют национальные особенности поведения, мироощущения и мирооценки. Вполне закономерно, что культурно-этнические доминанты находят свое отражение в национальной лексике. Если в какой-либо культуре определенный фрагмент ПВК, определенный концепт не признается в достаточной степени важным, т. е. если он не связан с культурно-этническими доминантами, то лексическое отражение этого концепта обязательно будет менее дифференцированным по сравнению с языками, где его значимость в общественном сознании выше, либо же этот концепт может и вовсе отсутствовать. Приведем некоторые примеры отражения в национальной лексике культурно-этнических доминант.

В китайской культуре существует феномен чрезвычайно уважительного, почтительного отношения к людям старшего возраста и к умершим предкам. Это почтительное отношение, очевидно, можно даже назвать культом, а уж считать китайской культурно-этнической доминантой можно вне всякого сомнения. Наши попытки найти необычное для носителей русского языкового сознания лексическое отражение этой доминанты увенчались успехом.

В русском языке объекты, приснившиеся человеку, не имеют специальных имен, для их обозначения используется синтаксическая конструкция *мне (ему, ей) приснился (-лась, -лось) + имя объекта*. Особого имени заслуживает лишь страшный сон — *кошмар*, без уточнения, что же именно приснилось. В китайском языке объектом специальной номинации стало понятие *tuomeng* (**покойник, явивший во сне**), что, как нам представляется, лингвистически подтверждает наличие в китайском языковом сознании доминанты «культ умерших предков». Явление во сне покойников не есть исключительно китайское явление, такие сны видят носители всех языков, но переводят их в разряд именованных концептов лишь те языковые сообщества, для которых это явление признается достаточно важным в силу созвучности всему культурному контексту этноса. Осмелимся предположить, что сходные концепты должны существовать в языках племен, находящихся на низкой ступени развития, поскольку их сознание абсолютно мифологизировано, а все, что связано с загробным миром, в мифах имеет чрезвычайно важное значение. Конечно же, китайское языковое сознание никак нельзя сравнивать с мифологизированным племенным сознанием, но рассматривать данную доминанту в качестве сознательно сохраненного элемента такого сознания вполне допустимо.

Пример лексикализации культурно-этнической доминанты «культ старших» мы обнаружили в обозначениях родственных отношений в китайском языке. Оказалось, что существует слово *xidng dzán*, обозначающее концепт «родственники, которые старше меня» (т. е. говорящего). В большинстве языков концепт «родственники» не дифференцируется, деления родственников на старших и младших по отношению к говорящему не происходит: *relatives* (англ.), *les parents* (франц.), *die Verwandten* (нем.), *los parientes* (испанск.). С точки зрения носителей этих языков такое положение вещей вполне естественно, а с точки зрения носителей китайского языкового сознания отсутствие концептов, эквивалентных понятию *xióng dzán*, является очевидной лакуной в лексическом покрытии фрагмента ПВК «родственные отношения». В европейских языках существуют слова *брат, сестра* (русск.), *brother, sister* (англ.), *der Bruder, die Schwester* (нем.), *el hermano, la hermana* (исп.) и т. д., фиксирующие факт происхождения от общих родителей без конкретизации относительного старшинства. В случае необходимости эта конкретизация осуществляется путем присоединения соответствующих прилагательных: *старший (-ая) — младший (-ая), elder — younger* (англ.), *altere — jüngere* (нем.), *mayor — menor* (исп.) и т. д. Такая ситуация свидетельствует о том, что факт происхождения от общих родителей осмысливается русским, английским, немецким и испанским языковыми сознаниями как более существенный и значи-

мый, нежели старшинство людей, имеющих общих родителей. Китайская лексика фиксирует несколько иное отношение к этому вопросу, что, по нашему мнению, свидетельствует о специфике китайского склада мышления, отражающего национально-культурные приоритеты. Для китайца оказываются слишком расплывчатыми и абстрактными фразы типа *у меня есть брат, у меня есть сестра; I have a brother, I have a sister* (англ.); *tengo un hermano, tengo una hermana* (исп.), поскольку на данном участке вербализации ПВК китайское языковое сознание не поднимается на такой уровень абстракции, как указание на происхождение от общих родителей вне зависимости от старшинства людей, связанных данным видом родственных отношений. Китайский язык располагает более дифференцированными обозначениями (видовыми по отношению к концептам «брат» и «сестра»): *ge ge* — старший брат, *di di* — младший брат, *jie jie* — старшая сестра, *mei mei* — младшая сестра, при отсутствии родовых по отношению к ним обозначений, не дифференцированных по признаку старшинства. По этой причине фраза *у меня есть брат* или *у меня есть сестра* должны ставить китайца в тупик, поскольку перекодировать их в свой ментально-лингвальный комплекс, а затем и сформулировать их на собственном языке он может двояко (но в любом случае с искажением, поскольку вынужден привносить отсутствующую в исходной фразе конкретность): *wo you ge ge* (у меня есть старший брат) или *wo you di di* (у меня есть младший брат), и *wo you jie jie* (у меня есть старшая сестра) или *wo you mei mei* (у меня есть младшая сестра). Не дифференцированными по признаку старшинства оказываются только собирательные обозначения: *xiong di* (по иероглифам: «старший брат — младший брат») = братья (только в значении мн.ч.!) и *jie mei* (по иероглифам: «старшая сестра — младшая сестра») = сестры (только в значении мн.ч.!). А с другой стороны, китайский язык располагает максимально обобщенным наименованием людей, имеющих общих родителей. Слово *shou zu* (по иероглифам: «рука», «нога») имеет значение «и брат, и сестра» и не содержит дифференциации не только по признаку старшинства, но и по признаку пола. Прямых лексических эквивалентов этому концепту в европейских языках мы не нашли. Внутренняя форма этого слова заключена в значении составляющих его иероглифов *shou* (рука) и *zu* (нога) и указывает на неразрывность элементов, составляющих это понятие, крепость данного вида родственных отношений в представлении носителей китайского языкового сознания.

Наиболее наглядно, как нам кажется, китайская культурно-этническая доминанта «культ старших» проявляется в семантической струк-

туре самого понятия, обозначаемого иероглифом *lao*, и во внутренней форме наименований, содержащих в качестве одного из элементов данный иероглиф.

Раскрывая содержание понятия, обозначаемого иероглифом *lao*, словари обычно предлагают два значения: первое — «старый, старость, стареть» (китайский иероглиф вне контекста не может быть отнесен к привычным нам частям речи, он выражает идею в самом общем виде без грамматического оформления, в зависимости от контекста он может обозначать и признак, и действие, и предметное, в широком смысле слова, понятие); второе — «уважаемый, почтенный, старший». По сути дела, коннотации слова *lao* в своем прямом (первом) значении оказались настолько сильны, что превратились в самостоятельное значение и иероглиф *lao* стал использоваться не только для обозначения самого понятия старости, но и для обозначения уважительного отношения к кому-либо безотносительно к его возрасту. Символ концепта старости стал носителем выражения уважительного отношения к человеку. Если в словах *láorén* (старый человек, старик), *laonián* (старая женщина, старуха), *laodzia* (ветеран) данный иероглиф используется в своем основном значении, то в большинстве других слов реализуется именно второе его значение — «уважаемый, почтенный». Понятия старости и уважительного отношения настолько «срослись», что между ними можно поставить знак равенства. По этой причине язык не «счел нужным» каким-либо иным, дополнительным способом обозначать, уважительное отношение; достаточно ввести в имя объекта элемент *lao* (т.е. фактически назвать этот объект старым), и это естественным образом обеспечивает экспликацию семы уважительного отношения говорящего по отношению к обозначаемому. Нечто похожее (но с иным вектором и не в такой степени) наблюдается и в русском языке, когда слова *старый* и *старик* используются не в своем основном значении, а для обозначения давнишних дружеских отношений. Однако второе значение русского слова, которое реализуется в выражениях типа *старый знакомый; как дела, старик?*, — это «давнишний» (и поэтому, обычно, хороший), но отнюдь не «уважаемый, почитаемый», как в китайском языке.

Обратимся к примерам. Для наглядности мы будем не только давать русские эквиваленты, но и раскрывать внутреннюю форму китайских слов, т.е. приводить значение каждого из иероглифов, входящих в сложное слово. Все приводимые ниже слова содержат в своем составе иероглиф *lao*, и нетрудно догадаться, что обозначаемые ими концепты в данном языковом сообществе пользуются всеобщим уважением:

Китайское слово	Внутренняя форма (поиероглифический перевод)	Русский эквивалент
Láo da ge	Старый (= уважаемый)	(Почтительное обра-
Lao gán bu	большой старший брат Старый, работать, учреждение	щение к другу) Опытные кадры
Láo shou	Старая рука	Мастер своего дела
Láo ban	Старая древесная плита	Хозяин, владелец
Láo da ye	Старый (= уважаемый) большой отец	Почтенный человек, дедушка, отец (<i>веж-</i> <i>ливая форма</i>)
Láo ye	Старый (= уважаемый) отец	Господин, барин
Láo xiáng	Старая деревня (село)	Земляк
Láo shí	Старый, истинный	Честный, скромный
Láo shl	Старый (= уважаемый) учитель	Учитель, наставник, воспитатель
Láo po	Старая (= уважаемая) бабушка	Жена, старуха (<i>просторен.</i>)
Láo hu	Старый, свирепый (отважный)	Тигр
Láo ying	Старый орел	Орел
Láo shū	Старая крыса (мышь)	Крыса
Laojiá"	Старый дом	Родной дом, родина
Laoyóutiáo	Старое печенье (из толстой полоски теста, изжаренного в масле)	Тертый калач
Laozuzong	Старые предки	Предки, патриарх
Láojiáng	Старый генерал	Ветеран, старая гвардия
Láoxiáo	Старый, маленький	Домочадцы, стар и млад
Láochéng	Старый взрослый	Степенность, серьезность
Láohuá	Старые слова	(Старая) поговорка
Láolián	Старая практика	Многоопытность, деловитость
Láodí	Старый младший брат	Дружище, приятель

Láoqi	Старый воздух (дух)	Степенность, солидность
Láoshí fu	Учитель, отец Старый	Мастер Бог, господь,
Láotiánye	небесный отец	царь небесный
Láocái Láo	Старые деньги Старый	Богач, помещик
móu	план, глубоко, считать	Предусмотрительность, дальновидность
shen suán	Старый учитель (<i>учт.</i>)	Советник, педант
Láofuzí	Старые река и озеро	Стреляный воробей
Láojiáng hu	Старая жизнь Старый	Жизнь
Láoming	старший брат Старый	Дружище, приятель
Láoxiong	честный Роскошь,	Честность, правдивость
Láo shi	старый	Богач
Huóláo		

Интересно, что в формирование внутренней формы одних слов иероглиф *loo* вносит свою лепту, например: *lao shou* («старая рука») = мастер своего дела; *lao xiáng* («старая деревня») = земляк, а в формировании внутренней формы других слов его вклад ограничивается исключительно принесением семы уважительности, поскольку семантика остальных иероглифов равна семантике всего наименования за вычетом именно особой уважительности: *lao sh't* = учитель (второй иероглиф *shí* тоже означает «учитель»); *lao hu* = тигр (второй иероглиф *hu* имеет два значения, первое — «тигр», второе — «свирепый, отважный»); *lao shū* = крыса (второй иероглиф *shū* тоже имеет значение «крыса, мышь»). Кстати, лексически выраженное уважительное отношение к концепту «крыса» следует отнести к специфике китайского мировосприятия, в европейских языках у этого слова чаще отрицательные коннотации (хотя и не совпадающие).

Справедливости ради следует привести примеры и отрицательно коннотированных дериватов концепта *Láo*, которые, по всей видимости, можно отнести к категории исключений,

Láo shi	Старый честный	Недалекий человек
Láodiáoyá	Старый, выпадают зубы	(из кого) Песок сып-
		лется
Láocu	Старый, толстый	Неотесанный человек
Laogudong	Старая древняя вещь	Консервативный и отсталый человек
Láo sheng	Старая жизнь, обычный	Прописная истина, общее место
cháng tan	разговор	

Láowán gu	Старый, непослушный, стабильный	Косный человек
Láohuáng lì	Старый царь, история	Старье, шаблон
Laopái	Старая партия	Старомодность
Láojián-juhuá	Старый, хитрый, большой, скользкий	Мошенник, плут, пройдоха
Laoxiu	Старый, не новый	Дряхлый
Láobáo	Старая дрофа	Содержательница публичного дома

Логико-понятийный компонент китайского языкового сознания создал оппозицию двух национально-специфических концептов *yin* и *yáng*. Не вдаваясь в философский аспект данного противопоставления, остановим наше внимание только на том, как в лексике отразилась одна из господствующих культурно-этнических доминант китайского языкового сознания. Данную доминанту можно сформулировать примерно так: «положительное отношение к мужскому началу и негативное отношение к женскому началу». Подобно большинству китайских иероглифов, не имеющих четкой предметной соотнесенности, иероглифы *yin* и *yáng* обозначают целый комплекс понятий, берущих свое начало в древнекитайской натурфилософии и объединенных между собой как раз национальной логикой мироосмысления. Человек, не знакомый с китайской культурой, подобное соединение в одном концепте сразу целого комплекса более частных концептов воспринимает как обыкновенную многозначность, чему способствует традиционная линейная форма подачи толкований в двуязычном словаре, когда эти значения нумеруются. Нам представляется, что следует говорить именно о неразрывном комплексе частных понятий, составляющих более общий национально-специфический концепт. Доминанта «положительное отношение к мужскому началу и отрицательное отношение к женскому началу» отражена, во-первых, в самом наборе частных концептов, образующих сложные концепты *yin* и *yáng*, и, во-вторых, в общей семантике их лексических дериватов. Что же означают китайские иероглифы *yin* и *yáng* с точки зрения лексической семантики (не будем отождествлять лингвистические и сугубо философские категории древнекитайской натурфилософии)?

Концепт *yáng* объединяет следующие более частные концепты: 1. Относящийся к Солнцу, свету. 2. Мужское начало по древней натурфилософии. 3. Положительность. Набор частных концептов сложного концепта *yin* можно охарактеризовать как полную противоположность набору концептов *yáng*: 1. Относящийся к Луне, темноте. 2. Женское начало по древней натурфилософии. 3. Отрицательность.

А теперь сравним общую эмоциональную окрашенность каждого из двух словообразовательных гнезд:

Значения слов, содержащих в своем составе иероглиф *yáng*

1. tai yáng — Солнце;
2. yáng guāng — солнечный свет;
3. yáng diàn — положительный электрический заряд;
4. yáng xing — мужской пол, мужской грамматический род, светлюбивый;
5. yáng jiàn — на этом свете, в мире живых;
6. yáng gou — открытая (поверхностная) канава.

Значения слов, содержащих в своем составе иероглиф *yin*

1. yin jian — загробный мир, тот свет, царство теней;
2. yin tián — пасмурный день, пасмурная погода;
3. yin xíng — женский пол, женский грамматический род, отрицательный;
4. yin móu — интриги, коварные замыслы, заговор;
5. yin xiáng — коварство, предательство, ехидство;
6. yin diàn — отрицательный электрический заряд;
7. shu yinr — тень от дерева;
8. yin feng — затхлая струя воздуха;
9. yin gou — закрытая водосточная канава;
10. yin án mián — темная (отрицательная) сторона чего-либо, обратная сторона медали;
11. yin yún — туча;
12. yin yu tián — ненастье;
13. yin dú — зловерный, злокозненный;
14. yin dé — благодеяние, которое зачтется на том свете (?!).

«Положительность» во всех смыслах мужского начала и «отрицательность» (тоже во всех смыслах) женского начала для носителей китайского языкового сознания на основе данных примеров представляются очевидными, что подтверждает нашу идею о том, что и культурно-этническая доминанта «положительное отношение к мужскому началу и отрицательное отношение к женскому началу» находит

отражение в результатах работы логико-понятийного компонента языкового сознания по концептуализации и последующей лексикализации внешнего мира. Китайские концепты *yin* и *yáng* — это типичные примеры артефактов национальной логики, сформировавшейся под воздействием всего культурно-исторического развития нации, включающего, как в данном случае, и древнюю национальную философию. Другая история, другая культура формируют другое сознание, которое порождает концепты, связывающие то же самое женское начало не с темной, холодом, скрытностью, коварством, потусторонним миром и прочей «отрицательностью», а с понятиями материнства, теплоты, мягкости, животворности и любви (вспомним хотя бы уже упоминавшиеся нами концепты русского языкового сознания: *земля — матушка, родина — мать*). Для русского языкового сознания (да и, очевидно, большинства других) соединение вместе в одном емком сложном понятии идей женского начала и темноты, потусторонности, коварства, скрытности и обобщенной отрицательности является противоземным и малопонятным, но национальную логику других народов нет смысла оспаривать и тем более осуждать, ее нужно узнавать, понимать и находить ей объяснение в особенностях исторического бытия конкретного этноса.

На примере трех культурно-этнических доминант китайской культуры («культ умерших», «культ старших», «положительное отношение к мужскому началу и отрицательное отношение к женскому началу») мы постарались показать, как эти доминанты детерминируют работу логико-понятийного компонента языкового сознания по концептуализации (категоризации) ПВК, что в конечном итоге отливается в национально-специфические лексические формы.

Очень наглядно прослеживается связь между культурно-этническими доминантами и работой логико-понятийного компонента разных языковых сознаний на примере различной дифференциации такого универсального концепта, как ЛЮБИТЬ. Русский глагол *любить* имеет максимально обобщенное, недифференцированное значение, что проявляется в практическом отсутствии ограничений в области дистрибуции: этот глагол может использоваться в максимально широком спектре ситуаций по отношению к объектам самых разных классов. Вполне нормальны для носителя русского языка следующие фразы: *я люблю свою Родину, я люблю своих родителей, я люблю свою жену, я люблю эту девушку, я люблю кататься на лыжах, я люблю апельсиновый сок*. Очевидная разнородность объектов, относительно которых говорящий высказывает свое отношение, а также вполне понятное различие семантического наполнения одного и того же глагола в каждой из фраз не вызывают у носителя русского языкового созна-

ния ни внутреннего протеста, ни недоумения. Словари русского языка фиксируют минимальную дифференциацию концепта *любить*, т. е. максимальные дистрибуционные потенциалы. Четырехтомный академический словарь русского языка выделяет три основных значения этого концепта:

1. Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л. *Любить мать. Любить своих детей. Любить Родину. // Испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.... Дивизия любила генерала Середу.*

2. Чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола.

3. Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. (Любить искусство, литературу, театр, живопись и т. п.) // Испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л. ... *Люблю грозу в начале мая*. Тютчев. Весенняя гроза. // Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л. *Любить острую пищу. // Быть довольным чем-либо, чувствовать удовольствие, удовлетворение от чего-л.*

В большинстве языков корреляты русского концепта *любить*, как правило, соответствуют только первым двум значениям, а для выражения третьего значения существует специальная лексическая единица. Например, чтобы покрыть все ситуации, в которых русский язык использует глагол *любить*, английскому языку требуется два глагола: *to love* и *to like*, что означает, что в процессе перевода с русского языка на английский нужно всегда помнить о необходимости приема конкретизации понятия в соответствующих ситуациях, чтобы избежать нарушения языковой нормы языка перевода. Например, фразы типа *я люблю смотреть телевизор; я люблю фруктовые соки* следует переводить только с использованием глагола *to like*: *I like to watch TV; I like fruit juices*. То же самое наблюдается и при переводе аналогичных русских фраз на испанский язык, русскому глаголу *любить* в данном контексте должен соответствовать не глагол *amar*, а глагол *gustar*: *me gusta mucho mirar la televisión; a mi me gustan los jugos de frutas*. Данные ограничения в области синтагматики указывают на то, что языки по-разному дифференцируют не только интенсивность эмоций, но и их качественное различие. Русский язык предлагает наименьшую дифференциацию рассматриваемого концепта, в этом он обнаруживает сходство с концептом китайского языка *ai*, который также используется в самом широком спектре ситуаций и применительно к любым объектам, противопоставляясь по «степени симпатии к объекту» концепту *xhuan* (нравиться). Наиболее же дифференцированно к лексикализации данного концепта чувства подошло испанское языковое сознание, которое для лексического покрытия того же спектра ситуаций использует три самостоятельные лексические

amar, querer, gustar. Что касается глагола *gustar*, то здесь — он соответствует третьему значению русского глагола «любить» — английскому глаголу *to like*. Специфика испанского языка в наибольшей степени проявляется в противопоставлении *amar* и *querer*. Самое интересное, что лексикографические призывные подобные оппозиции описывать и разграничивать это весьма туманно, а наиболее доходчивое и наглядное описание сути каждого из понятий мы обнаружили, как это ни странно, в исторических источниках, а произведениях изящной словесности. Чтобы разобраться, что скрывается за каждой из лексем. Энциклопедический словарь испанского языка (Soreña, 1981) толкует понятия следующим образом:

— 1. Tener amor a personas o cosas (испытывать любовь к людям и вещам).

amar, apreciar, querer (ценить, высоко оценивать, любить).

Разъяснения нас не смогли удовлетворить, потому что во втором значении глагол *amar* объясняется через глагол *querer*, а наша задача и состоит в том, чтобы выявить различия между ними, поэтому мы рассмотрим толкование *amar = tener amor* (любить = испытывать любовь). Предлагаем обратиться к тому, как толкуется слово *amor*:

— 1. Afecto por el cual busca el ánimo el bien verdadero o el placer que apetece gozarlo (чувство, с помощью которого душа ищет и воображаемое благо (добро) и стремится обрести его).
— 2. Afecto que atrae a un sexo hacia el otro (**страсть**, которая влечет друг друга лиц противоположного пола).

suavidad (мягкость, нежность).

amor de cariño especial para alguno (чей-либо объект особой

amor platónico = Amor puro, sin mészela de interés o sensualidad (идеальная любовь — **чистая** любовь без примеси какого-либо инстинктивного влечения (чувственности)).

Вывод из приведенных толкований, *amor* — это чувство, которое включает в себя элемент чувственного желания (см. второе значение). Поэтому возможно его противопоставление концепту *amor platónico* (идеальная любовь), лишенному этого элемента.

Что значит испанское слово *querer*?

querer (субстантивированное существительное) — *Cariño, amor*, нежность, любовь, привязанность).

querer (глагол) — 1. desear, apetecer (желать, хотеть).

(tener afecto o cariño a una persona) **любить** (испытывать любовь, привязанность или нежность к кому-либо).

Остальные значения этого глагола выходят за рамки семантического поля чувства, поэтому мы их опустили. Много ли мы узнали, проанализировав словарные толкования слов, различие в значениях которых мы решили определить? Отнюдь, замкнутый круг: *querer, a querer* — значит *amar*. Пожалуй, единственное различие, отраженное в дефинициях, заключается в том, что чувство, выраженное словом *querer* (в своем втором значении, соотносимым с *amar*), распространяется только на людей, а *amar* может относиться и к людям, и к предметам в широком смысле слова. Но что это следует из словарных дефиниций (реальный узус языка опровергает, и подобный пример мы приведем ниже). Словарные дефиниции не дают нам ответа на вопрос, есть ли семантическое различие во фразах *Yo te amo* (я тебя люблю) и *Yo te quiero* (я тебя люблю). Если есть, то в чем оно состоит? Как видим, по-русски они звучат одинаково. Если испанское языковое сознание использует различие, то стоящие за ними означаемые не могут быть абсолютно идентичными. Наш собственный языковой опыт позволяет предположить, что основное различие данных концептов состоит в том, что *amar* актуализирует семантическую сферу чувственного желания. Просто *amar* не содержит этой семы, а *querer* — содержит, было бы неважно в каких ситуациях, когда объектами высказывания оказываются действия, связанные с отношениями полов, используется всегда глагол *querer* в своем первом значении, когда объектом высказывания является действие противоположного пола, к которому говорящий испытывает «сердечную склонность» (как сказано в Академическом словаре русского языка), возможно использование обоих глаголов. В первом своем значении — «испытывать страсть») и *querer* в своем втором значении). Сема сексуального влечения присутствует в обоих глаголах, но в глаголе *amar* она находится на втором плане, актуализируется, а в глаголе *querer* данная сема актуализируется. Кажется, что было бы правильнее говорить не о двух значениях слова *querer*, а об омонимии: *querer* (1) = хотеть, желать; *querer* (2) = любить. В этом случае меньше бы было искушение испанские глаголы типа *Yo te quiero* переводить как *I want you* (англ.) или *I love you*, что, по нашему глубокому убеждению, совершенно неверно. Различия «любить» и «хотеть» в рамках единой испанской лексемы проявляются в отдельных ЛСВ (лексико-семантические варианты слова), а в русском и английском соответствия *хотеть, to want* просто подменяют значение многозначного слова (или один из омонимов). Испанское *querer* (любить) не = *querer* (хотеть), по этому испанское *Yo te quiero* намного шире и богаче русского *Я люблю* или английс-

кого / *want you*, поскольку испанское *querer* (= любовь) это все-таки чувство любви с актуализированной семьей чувственного желания, а не голое сексуальное «хотение». Гораздо лучше, на наш взгляд, чем словари, с задачей семантического разграничения этих близких понятий справилось испанское поэтическое образное мышление. Одна из песен на испанском языке целиком построена на противопоставлении концептов *amar* и *querer*, это, по сути дела, готовое семасиологическое исследование, в котором с помощью поэтических средств раскрывается содержание каждого из понятий и проводится разграничение между ними. Текст песни заслуживает того, чтобы его привести целиком, ключевые испанские концепты в русском варианте мы оставим без перевода, поскольку оба они соответствуют одному и тому же слову любить, которое не проводит дифференциацию нюансов данного чувства на лексическом уровне.

ТЕКСТ ПЕСНИ
НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Casi todos sabemos querer, Pero pocos sabemos amar. Es que amar y querer no es igual: Amar es sufrir, querer es gozar.

El que ama pretende sentir, El que ama su vida la da, El que quiere pretende vivir Y nunca sufrir, y nunca sufrir.

El que ama no puede pensar en que Todo lo da, todo lo da, El que quiere pretende olvidar y Nunca llorar, y nunca llorar.

El querer pronto puede acabar, El amor no conoce final, Es que todos sabemos querer, Pero pocos sabemos amar. El amor es el cielo y la luz, El amor es total plenitud, Es el mar, que no tiene final, Es la gloria y la paz. El querer es la carne y la flor.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД (с сохранением без перевода концептов **amar, querer**)

Почти все мы умеем **querer**, Но лишь немногие умеют **amar**, **A amar и querer** — это не одно и то же: **Amar** значит страдать, а **querer** — наслаждаться.

Тот, кто **ama**, стремится чувствовать, Кто **ama**, тот отдает свою жизнь, Тот, кто **quiere**, стремится жить И никогда не страдать, и никогда не страдать.

Тот, кто **ama**, не может думать о том, Что он все отдает, все отдает, Тот, кто **quiere**, стремится все забыть И никогда не плакать, и никогда не плакать.

El querer может скоро закончиться, а **El amor** не знает конца. Дело в том, что, все мы можем **querer**, Но немногие могут **amar**. **El amor** — это небо и свет, **EL amor** — это абсолютная полнота, Это бескрайнее море. Это слава и мир. **El querer** — это плоть и цветы.

Es buscar el obscuro rincón. Это поиски темного угла,
Es morder, arañar y besar, Это кусать, царапать и целовать,
Es deseo fugaz, es deseo fugaz. Это мимолетное, быстротечное желание

Большая по сравнению с другими языками степень дифференциации концептов *любить* и *любовь* в испанском языке, выраженная в лексикализации нюансов чувства в зависимости от актуализированности или неактуализированности семы чувственного желания свидетельствует, по нашему мнению, о наличии в коллективном языковом сознании культурно-этнической доминанты, которую можно сформулировать как «повышенное внимание к отношениям полов». Объективности ради следует заметить, что реальное использование в речи глагола *querer* не всегда соответствует тому, о чем мы только что сказали. Например, в песне боливийского ансамбля «K'jarcas», посвященной городу El Alto, есть следующие строчки:

«*Ciudad del Alto, tanto te quiero, que imposible querer te más*» (Город Эль Альто, я так тебя люблю, что любить тебя еще больше просто невозможно). Употребление в таком контексте глагола *querer* вместо *amar* противоречит не только нашим заключениям относительно семантики каждого из глаголов, но и (что гораздо существеннее) поэтически оформленной идее приведенной нами песни и даже данным словаря Soreña, который второе значение глагола *querer* (= *amar*) ограничивает применением исключительно к людям: «tener afecto o cariño a **una persona**» (испытывать привязанность или нежность к кому-либо). В первом значении использование глагола *querer* (= *хотеть, желать*) в данном контексте вообще бессмысленно. Остается предположить, что либо словарь и песня сузили значение (а следовательно — и сферу употребления) *querer*, либо в очередной раз имеет место подтверждение того очевидного факта, что конкретные использования лексических единиц в речи всегда «сопротивляются» любой систематизации. Это не означает, что от подобных попыток следует отказываться, просто нужно всегда представлять себе пределы точности той или иной систематизации и не требовать от объекта большей точности, чем та, которая ему внутренне присуща.

Было бы преувеличением утверждать, что всякое различие в концептуальном членении действительности является прямым отражением тех или иных культурно-этнических доминант, под подавляющее большинство случаев несовпадения способов категоризации ПВК разными языками не стоит пытаться подводить культурно-философскую основу. Тем не менее сами факты такого расхождения заслуживают внимания и с точки зрения адекватного знания НЯКМ иностранного языка не менее важны, чем случаи, напрямую связанные с культурно-этническими доминантами.

Специфика работы логико-понятийного компонента обиденного сознания по категоризации самых обычных концептов окружающего мира проявляется, как правило, либо в несовпадении границ между концептами, составляющими единое семантическое поле, либо в разной степени конкретизации понятий.

Остановимся чуть подробнее на примере первого типа, на несовпадении мест разграничения концептов, образующих единое семантическое поле. Обратимся для этого к обозначениям периодов суток в разных языках. Очевидным оказывается следующее отличие: для одних языков полдень является значимой категорией, относительно которой определяются другие периоды суток, для других полдень не является столь значимой категорией. К языкам первого типа можно отнести, например, английский и испанский, к языкам второго типа — русский и китайский, что и находит отражение в наборе временных концептов, в частности — в наличии таких категорий, как *afternoon* (англ.) = время после полудня (до вечера) и *la tarde* (исп.) = время от полудня до сумерек. В русском и китайском языках нет соответствующих категорий, это время включено в более широкие понятия *день* (русск.) и *tián* (кит.), поэтому более семантически конкретные фразы *good afternoon, in the afternoon* (англ.) и *buenas tardes, por la tarde* (исп.) переводятся на русский язык как добрый день, днем, что является вынужденной генерализацией, так как день охватывает время не только после полудня, но и до него, равно как и китайское *bai tián* (белый день) не конкретизируется по отношению к полудню и противопоставляется только раннему периоду светлого времени суток *zao shang* (утро, утром) и позднему периоду *wan shang* (вечер, вечером). Данное различие вполне очевидно, но если попытаться проникнуть в национальную логику деления суток на части чуть глубже, то произойдет весьма странная вещь: вместо прояснения национального «сутко-деления» мы обнаружим неточности и противоречия, причем это будет относиться не только к иноязычным концептам, но и к концептам собственного языка. Сразу оговоримся, что ничего противоречивого в этом нет, поскольку языковое значение по определению является значением неточным, размытым (в этом его отличие от значения научного термина), но... тем не менее. Казалось бы, кто не знает, что значат слова *утро, вечер, день, ночь*? Но давайте встанем на позицию «презумпции непонимания» и посмотрим на эти слова глазами человека, в чьем языке таких понятий нет, или глазами человека, сомневающегося в адекватности предлагаемых двуязычными словарями коррелятов. Что будет делать такой человек? Конечно же, обратится к толковому словарю русского языка, а там он обнаружит много весьма противоречивых толкований, которые могут его поставить

в тупик. Итак, что же прочитает пытливый иностранец, вставший на позицию «презумпции непонимания» и усомнившийся в корректности эквивалентов типа *утро = la mañana* (исп.) = *the morning* (англ.) = *zao shang* (кит.); вечер = *la tarde* (исп.) = *the evening* (англ.) = *wan shang* (кит.) и т. д.?

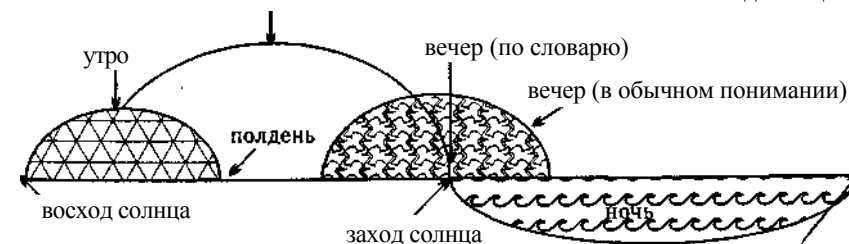
утро — часть суток, **начало дня, первые часы дня;**

ДЕНЬ — часть суток **от восхода до захода солнца**, от утра до вечера (не ясно, включая их или исключая, очевидно — включая, если иметь в виду определение слова *утро*). (Толкования других значений слова *день*, не входящих в семантическое поле «периоды суток», мы опускаем).

НОЧЬ — часть суток **от захода до восхода солнца**, от вечера до утра (структура толкования та же, что у слова *день*, но его вторая часть, видимо, уже подразумевает не включение, а исключение из толкуемого понятия понятий *утро* и *вечер*, ведь *утро* — это часть дня).

ВЕЧЕР — время суток **от окончания дня до наступления ночи** (по словарю С. И. Ожегова: часть суток перед наступлением ночи, следующая после окончания дня).

День, согласно объяснениям словарей, заканчивается с заходом солнца, и с этого же захода солнца начинается ночь, сколько же длится это ОТ... и ДО...? Получается, что вечер вообще нисколько не длится, т. е. его, собственно говоря, вообще нет. Озадаченный пытливый иностранец берет ручку и чертит схему, отражающую словарные дефиниции: восход солнца

Получается, что концепт русского языка *вечер* — временная «сингулярность», миг. Иностранец в недоумении: а как же знаменитые «Подмосковные вечера»? Он открывает песенник и читает, что «в эти тихие вечера... речка... вся из лунного серебра» (значит, уже ярко светит луна, а солнце уже зашло), да к тому же «рассвет уже все заметнее», получается, что *вечер = ночь* (как в испанском *la noche* — это и *вечер*, и *ночь*). В то же время он слышал фразу «Завтра в пять часов вечера состоится семинар», а летом в это время всю припекает солнце.

Определение в словаре, как мы видим, не совсем удачное. Может быть, вечер было бы точнее определить как «последнюю фазу (последние часы) светлого времени суток и начальную фазу темного времени суток», хотя такое определение больше бы подошло для языков, на которых говорят в странах, расположенных ближе к экватору, где продолжительность светлого и темного времени суток не так колеблется в зависимости от времени года. В средней же полосе ситуация такова, что под предлагаемое определение зимой попадали бы уже 15—16 часов (последние часы светлого времени суток), а летом — 24—1 час ночи (первые часы темного времени суток). Можно было бы привязать названия периодов суток к точному временному выражению в часах, например: с 03 до 11 часов — утро, с 11 до 17 часов — день, с 17 до 23 — вечер, с 23 до 03 часов — ночь. Однако словари этого почему-то не делают, а ориентируются исключительно на такие точки ре-ференциальной соотнесенности, как восход и заход солнца, время, когда начинает светать и смеркаться. Лишь полдень является абсолютно-точной точкой отсчета и однозначно отделяет в некоторых языках (англ. — *afternoon*, исп. — *la tarde*, франц. — *apres-midi*) время после полудня от более ранней фазы дня, «поздняя» же граница опять оказывается размытой.

Нечеткость и противоречивость концептов времени суток не являются исключительной особенностью русского языкового сознания. При ближайшем рассмотрении они обнаруживаются и в других языках, и это — данность, проявление сущности языкового сознания, а не недостатки, которые было бы желательно устранить. Не вызывает же у нас недовольства крайне неопределенное выражение с *утра* до *вечера* или у китайцев *cóng záo dào wán* («с рано до поздно»), хотя говорящий под каждой из фраз может подразумевать совершенно разные промежутки времени: и с 04 до 23, и с 10 до 17 и т. п.

Обратимся к данным испанского языка. Словарь (Soreña, 1981) предлагает следующие толкования испанских обозначений периодов суток. (Мы опускаем те значения слов, которые не относятся к семантической группе временных периодов.)

MADRUGADA — alba (resplandor del día, que anuncia la salida del sol) /рассвет (рождение дня, о котором возвещает восход солнца)/.

MAÑANA — 1. Tiempo que media desde que amanece hasta el mediodía (Время суток от рассвета до полудня).

2. Espacio de tiempo desde la media noche hasta el mediodía (Промежуток времени от полуночи до полудня (!!!)).

Данное значение, во-первых, противоречит первому, во-вторых, перекрывает значительную часть понятия *la noche* (вечер, ночь), в-третьих, не отражается в двуязычных словарях. Например, Большой русско-испанский словарь (под ред. Б. П. Нарумова, 1999) дает следующие

соответствия: *madrugada* — раннее утро, рассвет; *mañana* — утро (кстати, «поздняя» граница испанского *mañana* — полдень, толковым словарем русского языка не фиксируется).

6. DE MAÑANA — al amanecer, a poco de haber amanecido, en las primeras horas del día (когда только рассвело, немного спустя после рассвета, в первые часы дня).

Получается, что испанским словом *mañana* можно называть три разных временных периода: с полуночи до полудня, т. е. 12 часов по продолжительности (2-е значение); от рассвета до полудня (1-е значение), т. е. примерно восемь часов по продолжительности; самое раннее утро, несколько (сколько?!) первых часов после рассвета (6-е значение). Первое и шестое значения испанского *mañana* коррелируют с русским *утро*, а второе значение — нет, оно слишком «широко».

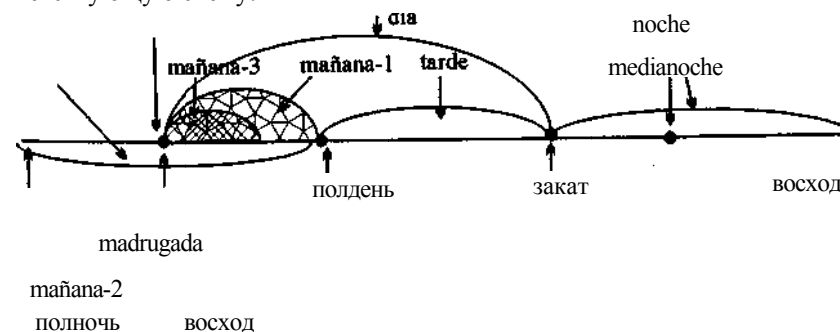
DÍA — tiempo que dura la claridad del Sol sobre el horizonte (время, в течение которого солнце находится над горизонтом), т. е. = светлое время суток, время от восхода до захода солнца.

TARDE — 1. Tiempo comprendido entre mediodía e el anoecer (Время от полудня до сумерек) = послеполуденное время, день (от полудня до сумерек) /по словарю под ред. Б. П. Нарумова, 1999/.

2. Ultimas horas del día (последние часы дня) = вечер (там же).

NOCHE — tiempo comprendido entre la puesta y salida del Sol (время от захода до восхода солнца).

Продолжая выступать в роли пытливого иностранца, стремящегося понять испанскую логику временного деления суток, построим соответствующую схему:

Сравнив схемы суткоделения русским и испанским языковым сознанием, нетрудно заметить, что испанский язык отличает «туманность» и многозначность концепта *mañana* (в русском языке с *утром* все более определено), а русский язык не очень четко определяет понятие *вечер*, которое охватывает и «позднюю» часть испанского концепта *la tarde* и «раннюю» часть концепта *la noche*, что, естественно, отражается и в

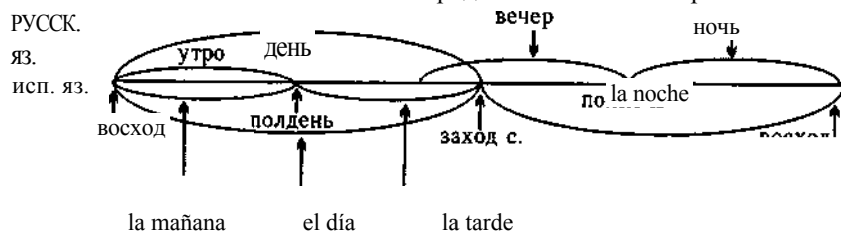
подаче данных концептов в двуязычном словаре:

TARDE — 1. Послеполуденное время; день (от полудня до сумерек).

2. Вечер.

NOCHE — 1. Ночь, ночная пора. 2. Вечер.

Различно и семантическое наполнение слов *день* и *el día*. Концепт русского языка не разлагается полностью на составляющие его более узкие по объему концепты, он включает в себя понятие *утро* и частично, с некоторыми оговорками, понятие *вечер* (летом *вечер* — это, безусловно, часть *дня*, зимой *вечер* — более «самостоятельный» период, поскольку в 18—19 часов *день* уже все-таки кончился, а *ночью* это время еще нельзя назвать, это *вечер* в чистом виде, а не конечная фаза *дня*), но при этом сохраняет свою собственную незаменимость: с 13 до 16 часов — это только *день*, иначе это время не может быть названо. Испанский *el día* четко ограничен восходом и заходом солнца и целиком разлагается на два периода: до полудня — *la mañana*, от полудня до наступления сумерек — *la tarde*, а после наступает *la noche* — период, который русское языковое сознание делит на собственно *ночь* и предшествующий ей *вечер*. Сравнительная схема суткоделения русским и испанским языками может быть представлена таким образом:

Думается, можно говорить и о национальных прототипах обозначений периодов суток, т. е. о том, какое время является «идеальным представителем категории». Что в первую очередь придет на ум англичанину, услышавшему *in the morning*, *in the evening*, испанцу, услышавшему *por la mañana*, *por la tarde*, китайцу, услышавшему *záo shang*, *wan shang*, и что они представят? Возможно, к концептам обозначения периодов суток более применимо не понятие прототипа, а понятие **ФОКУСА** категории. Такие фокусы временных категорий могут быть определены только путем опроса большого числа респондентов и обобщения результатов такого опроса. Мы не проводили таких специальных опросов, но есть основания предполагать, что фокусы временных концептов могут не совпадать в разных языках даже в тех случаях, когда объемы понятий совпадают. Например, *утро*, *mañana* (исп.), *morning* (англ.) совпадают по объему, охватывая время от восхода солнца до полудня. Значит ли это, что последствия реакции на реплику *Позво-*

ни мне завтра утром; Call me tomorrow morning (англ.), *Llama me por teléfono mañana por la mañana* (исп.) будут одинаковы? Будет ли время звонков группироваться вокруг какого-то более менее конкретного времени, и будет ли время звонков англичан, испанцев и русских отличаться в целом, или оно никак не будет связано с национальностью, а будет целиком зависеть от индивидуальных представлений отдельных людей об утре? Подобный эксперимент мог бы дать основания для установления различий в фокусах национальных временных концептов. Не имея базы экспериментальных данных, утверждать, что такие различия есть, некорректно, но, по крайней мере, личный опыт автора позволяет предположить, что, к примеру, фокус китайского *záo shang* находится существенно «раньше», чем фокус русского *утром*. Смысл китайской фразы, переводимой как «многие китайцы по утрам занимаются у-шу», может не совсем адекватно восприниматься русским человеком, чей фокус утра располагается в интервале от 7 до 9 часов. Китайцы же занимаются своей национальной гимнастикой значительно раньше — начиная с 4 часов. Сам иероглиф *záo* означает не только «утро», но и «рано», поэтому возможное в русском языке словосочетание позднее утро (10—11 часов утра) трудно переводимо на китайский язык, поскольку противоречит национальной китайской логике, отраженной во внутренней форме языка: «позднее рано». Возможно и такое явление, как наличие двух прототипов (или двух фокусов) категории, в частности, это относится к русскому языку и связано с очень сильными различиями между периодами суток в летний и зимний сезоны. Фокус зимнего вечера находится значительно «раньше» фокуса летнего вечера, а его прототип связан с уже наступившей темнотой, в то время как прототип летнего вечера — это еще светлое время суток. Весьма интересно проявляется специфика национальной логики в том, как используются названия периодов суток в национальных приветствиях, вернее в том, что некоторые из них в этих приветствиях не используются:

ВРЕМЯ СУТОК	РУССКИЙ ЯЗЫК	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК	КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
Утро Время после полудня	Доброе утро	Good morning Good afternoon	Buenas tardes	Nǐ zǎo Zǎo hǎo
	Добрый день			
	Доброй (спонимой) ночи		Wǎn ǎn	

Из таблицы видно, что испанский язык почему-то «не хочет» использовать слово *mañana* (утро), а использует в соответствующих ситуациях слово *el día* (день). Выражение *Buenas noches* в зависимости от времени использования может иметь смысл приветствия (что соответствует русскому *Добрый вечер*) и смысл прощания и пожелания спокойной ночи. Английский язык «проигнорировал» слово *day*. Китайский язык не имеет форм приветствия, содержащих обозначения концептов дня и ночи, для него вообще предпочтительнее формы, аналогичные русскому *Zdravstvuyte* — *Mi nao* (дословно «Вы хорошо»), вне зависимости от времени суток, а для пожелания спокойной ночи используется форма, содержащая концепт не ночи, а вечера: *Wan an* (по иероглифам «спокойный вечер»), синонимические формы выражения не содержат концептов времени. Прочерки в таблице отражают не отсутствие вообще приветствия, используемого в указанный период суток, а неиспользование того или иного временного концепта в соответствующей форме приветствия, что, безусловно, является отражением особенностей национальной логики мышления.

Что касается различной степени конкретизации понятий, то следует сделать уточнение: межъязыковая асимметрия очень часто проявляется не просто в том, что один язык покрывает определенный фрагмент семантического пространства с помощью одного понятия (и соответственно — одного слова), а другой — с помощью двух, трех более конкретных понятий, а в том, что фокусы (центральные понятия) категорий не совпадают по объему значения. Приведем такой пример. В языках народов, чья жизнь напрямую не связана с такими представителями животного мира, как верблюды, все многообразие их видов, как правило, исчерпывается делением их на двугорбых и одногорбых. Однако фокус категории в каждом из языков может иметь разную степень конкретизации. В русском языке фокусом категории является слово *верблюд*, которое максимально обобщает именуемый концепт и игнорирует даже это самое очевидное деление на два вида. Естественно, при необходимости можно внести требуемую точность и использовать словосочетания-описания: *двугорбый верблюд*, *одногорбый верблюд*. Однако русское языковое сознание не требует такой точности и обходится максимально недифференцированным именем, имея в виду все-таки скорее двугорбого верблюда, — именно эта разновидность данного вида животных для русского языкового сознания является прототипической. Другие языки могут быть более конкретны, по-испански, например, нельзя обозначить данный вид животного безотносительно к признаку одно- или двугорбости, так как есть два отдельных имени для каждой из разновидностей: *el camello* (двугорбый верблюд) и *el dromedario* (одногорбый верблюд). Каким образом

следует переводить на испанский язык фразу *В зоопарке детям понравился верблюд? Какой?* Для испаноговорящего человека не может быть «верблюда вообще», поскольку в его языке два фокуса данной категории: *el camello* и *el dromedario*. В этом случае при переводе неизбежна вынужденная конкретизация более общего концепта русского языка.

Интересно, что испанский язык провел дифференциацию не только на уровне самих денотатов, но и на уровне коннотаций. Оба имени могут использоваться в переносном значении для называния людей, и, хотя обе вторичные номинации характеризуются общей негативной окраской, у каждой из них есть свои акценты: *el camello* можно сказать о дураке, болване, тугодуме (*persona torpe y estúpida*), а *el dromedario* — о хаме, мужлане, пентнохе, невоспитанном, невежливом человеке (*persona torpe e incivil*). Испанское языковое сознание с каждым из двух видов ассоциирует разные отрицательные черты: глупость — с двугорбым верблюдом, невоспитанность — с одногорбым верблюдом. Согласитесь, такая «скрупулезность» в русском языке отсутствует, использование данного слова по отношению к человеку сигнализирует лишь о крайней степени неприязни говорящего к обзываемому и о желании оскорбить его, при таком использовании слова в переносном значении вообще вряд ли актуализируется какой-то конкретный признак, служащий основой семантического переноса, скорее, имеет место намек на внешнее сходство, чем (как это делает испанское языковое сознание) на умственные способности или отсутствие воспитания.

Из двух имен менее маркированным является все-таки *el camello*, что следует из словарного толкования, указывающего, что возможно и недифференцированное употребление этого слова. Чтобы не быть голословными, обратимся к данным словаря (Sopeña, 1981):

DROMEDARIO — mamífero artiodáctilo propio de la Arabia y norte de África, **muy semejante al camello, pero con una sola giba en el dorso...** (млекопитающее..., обитающее в Аравии и в северной Африке, **очень похожее на двугорбого верблюда, но с одним горбом на спине**).

CAMELLO — 1. Mamífero...oriundo de Asia, de cuello largo, cabeza proporcionalmente pequeña y **dos gibas en el dorso** (Млекопитающее..., обитающее в Азии, с длинной шеей, относительно маленькой головой **и двумя горбами на спине**).

2. Género de mamíferos..., que sólo comprende dos especies; el dromedario, con una sola joroba en el dorso, y el camello propiamente dicho, antes descrito (**Род млекопитающих, включающий в себя два вида: дромадера с одним горбом на спине и собственно двугорбого верблюда, описанного выше**).

Из приведенных толкований следует, что слово *el dromedario* всегда называет только одногорбого верблюда, а слово *el camello* — в **первую очередь двугорбого верблюда** (что фиксирует первое значение), но **может** также служить именем для обеих разновидностей (что фиксирует второе /дополнительное/ значение). Анализ словарных толкований позволяет сделать уточнение относительно нашего предположения, что «верблюда вообще» в испанском языковом сознании нет. Все-таки есть, и русскую фразу *Детям в зоопарке понравился верблюд* на испанский следует переводить с использованием слова *el camello*, потому что оно **МОЖЕТ** выступать (но не выступает всегда) в качестве обобщенного концепта. В испанском языке имеет место **потенциальная** недифференцированность концепта. Недифференцированность концепта *верблюд* в русском языке — это норма, а не потенциально возможное употребление, что и фиксирует словарное толкование (Словарь русского языка, 1981):

ВЕРБЛЮД — крупное **одногорбое или двугорбое** жвачное животное, отличающееся большой выносливостью и обитающее в пустынях и сухих степях.

ДРОМАДЕР и **ДРОМЕДАР** — одногорбый верблюд.

Английский язык поступил с данным концептом так же, как и русский, существительное *camel* — это «верблюд вообще», для более точных обозначений используются слова-конкретизаторы (как и в русском языке): *Arabian camel* — одногорбый верблюд, *Bactrian camel* — двугорбый верблюд. Как и в русском языке есть отдельное имя для маркированной категории: *dromedary* = одногорбый верблюд. Почему на сигаретах «Camel» изображен именно *Arabian camel*, а не *Bactrian camel*? Либо эта разновидность является прототипической для тех, кто разрабатывал дизайн сигарет, либо эти люди ориентировались на прототипические представления о данном концепте большинства покупателей. По крайней мере, для русского языкового сознания более прототипической является разновидность данного животного с двумя горбами.

Очень наглядно иллюстрируют неодинаковость концептуализации так называемых «простых» денотатов (в том смысле, что это не абстрактные понятия и не отражения доминант национальной культуры) обозначения частей тела человека в разных языках.

Например, по-русски совершенно нормально воспринимается фраза *У меня болит рука (нога)*, хотя средства языка позволяют выразиться точнее, указав, какая именно часть (кисть, предплечье, плечо или стопа, бедро, голень). Предпочтительнее с точки зрения языковой нормы оказывается именно такое неточное обозначение. Английский, испанский и китайский языки в этом смысле гораздо более конкретны,

поскольку в речи используются имена более узких по объему значения концептов. Если попробовать в русской речи следовать той же высокой степени конкретности обозначения, которая свойственна этим языкам (что в принципе возможно с точки зрения лексического арсенала русского языка), то такая точность будет восприниматься как совершенно излишняя, а результаты этой конкретности — нелепыми. Например, с точки зрения абсолютной семантической точности фразы на испанском языке *da me la mano; el alumno levantó la mano; estar a pie* или английские словосочетания *hand in hand; hands up; to keep in hand; to take smb. by the arm, on foot* и т. п. следовало бы переводить не *дай мне руку; ученик поднял руку; быть на ногах; рука об руку; руки вверх; держать в руках; взять под руку*, а следующим образом: *дай мне кисть руки; ученик поднял кисть руки; быть на стопах; кисть руки в кисть руки; кисти рук вверх; держать в кистях рук; взять за часть руки от кисти до плеча; на стопах* и т. п. Однако это было бы нарушением одного из правил перевода, гласящего, что текст перевода должен соответствовать нормам языка, на который осуществляется перевод, а норма русского языка в данном случае требует именно такой минимальной конкретизации. Использование в сходных коммуникативных ситуациях разными языками неравноценных по объему значения слов создает иллюзию их семантической тождественности. На самом же деле тождественны их синтаксические и коммуникативные функции, но никак не объемы лексического значения. В данном примере для английского и испанского языковых сознаний фокусами категорий являются концепты *the hand* (англ.) и *la mano* (исп.), т. е. имена нижних частей конечностей, а в русском языке фокусами категорий являются обобщенные недифференцированные концепты *рука, нога*. Имена фокусных категорий и используются каждым из языков в качестве основного строительного материала устойчивых и часто употребляемых словосочетаний и фраз. Очевидно, именно исходя из критерия соответствия синтаксических и коммуникативных функций двуязычные словари в качестве соответствий и предлагают не наиболее адекватные по своему лексическому значению корреляты, а ситуационно коррелирующие пары имен фокусных категорий: *hand* (англ.) — *рука* (а не кисть руки); *la mano* (исп.) — *рука* (а не кисть руки); *foot* (англ.), *el pie* (исп.) — *нога* (а не стопа); *arm* (англ.), *el brazo* (исп.) — тоже *рука* (а не часть руки от запястья до плеча); *leg* (англ.), *la pierna* (исп.) — тоже *нога* (а не часть ноги от стопы до бедра). Основанием для таких соответствий является то, что в речи в сходных ситуациях языки выбирают из всех имеющихся имен категорий именно эти лексические единицы.

Попытки определить на основе данных словарей точные лексические значения концептов *рука* и *нога* в разных языках привели нас к весьма интересному «открытию»: как правило, любая «национальная логика» не только не совпадает с «логикой» другого языка, но и не совпадает с естественнонаучной «логикой» и, что самое интересное, часто противоречит самой себе. Посмотрим, как некоторые словари толкуют данные концепты, и отметим: а) расхождения со специальными терминами; б) противоречия в самой обиходной логике языка:

Словарь русского языка в 4-х томах (1981):

ПЛЕЧО — 1. Часть туловища **от шеи до руки**.

2. (*анат.*) Верхняя **часть руки до локтевого сустава**.

Налицо несовпадение обиходного значения и специального. Обиходное языковое сознание словом плечо называет фактически ключицу и плечевой сустав.

РУКА — 1. Каждая из двух верхних конечностей человека **от плечевого сустава до кончиков пальцев**.

2. Та же конечность **от запястья до кончиков пальцев; кисть**.

Именно второе значение соответствует английскому *hand*, испанскому *mano*, китайскому *shou*, но, как видим, собственного имени данное значение не имеет, фактически одним именем называются два разных концепта.

НОГА — одна из двух нижних конечностей человека, а также **одна из конечностей птиц, некоторых животных**.

Из всех трех слов только нога может быть использовано не только по отношению к человеку, но и по отношению к птицам и животным.

Англо-русский словарь (В. К. Мюллер. Изд. 17-ое, испр. и доп.— М., 1978):

ARM — 1. Рука (от **кисти до плеча**). 2.

Передняя лапа животного.

HAND — 1. Рука (кисть).

2. Передняя лапа животного

FOOT — 1. **Ступня**, нога (ниже щиколотки). 2.

Лапа животного.

LEG — нога (от **бедра до ступни**).

Наличие четкого разграничения верхней и нижней части каждой из конечностей сочетается с возможностью использования трех из четырех слов по отношению не только к людям, но и к животным.

Испанско-русский словарь (под ред. Б. П. Нарумова, 1999):

BRAZO — 1. Рука (от **плеча до локтя или (!!!) от локтя до кисти**).

2. Плечо (верхняя часть руки до локтя).

3. Передняя нога, лапа у четвероногих.

В данных толкованиях очевидна неопределенность объема значения слова *brazo* (см. первое значение). Во втором значении дано соответствие не в обиходном русском языке, а соответствие специальному значению слова (анатомическому термину), т.к. «верхняя часть руки до локтя» — это специальное значение слова *плечо*, в обиходном языке *плечо* — это часть тела от шеи до плечевого сустава. Слово может использоваться и по отношению к животным.

Двуязычные словари часто упрощают ситуацию, не передавая внутренних противоречий и неопределенности, заключенных в значении иностранного слова. Очевидными они становятся лишь при анализе толкований на языке оригинала. Обратимся, например, к энциклопедическому словарю испанского языка (Soreña, 1981):

HOMBRO: Parte superior y lateral del tronco del hombre y de los cuadrúmanos, de donde nace el brazo. (Верхняя и боковая часть туловища человека и четвероногих, из которой начинается рука).

Данное толкование кажется менее удачным, чем толкование концепта *плечо* в русском языке, поскольку непонятно: то ли верхняя и боковая часть туловища (parte superior y lateral del tronco) совпадает с тем, что подразумевает под плечом русское языковое сознание, то ли имеется в виду лишь область плечевого сустава. Оба понимания подпадают под предлагаемое словарем толкование. В любом случае обиходное значение, как и в русском языке, не соответствует научному делению тела человека на части: *hombro* не = анатомическому *húmero* (плечевая кость), а соответствует либо анатомическому *articulación del hombro* (плечевой сустав), либо — *articulación del hombro + clavícula* (ключица) (как в русском обиходном языке). Испанский язык допускает применение слова *hombro* по отношению к некоторым видам животных (в частности — *cuadrúmanos* /дословно: четверорукие/).

BRAZO: 1. Cada uno de los dos miembros anteriores del cuerpo de los cuadrúpedos, comprendidos desde el hombro al extremo de la mano. (Каждая из двух передних конечностей четвероногих от плеча до конца кисти руки /или лапы животного/), т. е. = **вся рука человека (или передняя лапа животного) целиком**.

2. *Anat.* Parte de la extremidad superior del cuerpo humano. Topográficamente arranca de la parte superior y externa del tronco y se relaciona en su extremo distal con el antebrazo... (Часть верхней конечности тела человека, начинающаяся от верхней внешней части туловища и соединяющаяся с предплечьем...) Согласно этому определению, анатомическое *brazo* = анатомическому *плечо*.

3. Cada una de las dos patas delanteras de los cuadrúpedos (каждая из двух передних лап четвероногих).

MANO: 1. Parte del cuerpo humano que comprende desde la muñeca hasta la extremidad de los dedos. (Часть тела человека от запястья до кончиков пальцев).

2. En ciertos animales, extremidad cuyo dedo pulgar esta separado y puede tocar a los otros. (Конечность некоторых животных, у которых большой палец отделен от других и может касаться их).

3. Cualquiera de los dos pies delanteras de los cuadrúpedos. (Каждая из двух передних конечностей (нижних частей ног) четвероногих).

5. Trompa del elefante. (Хобот слона).

PIERNA: 1. Parte del animal, comprendida entre el pie y la rodilla, y también se dice comprendido además el muslo. (Часть животного между стопой (нижней частью ноги) и коленом, а также используется для обозначения части ноги, включающей еще и бедро).

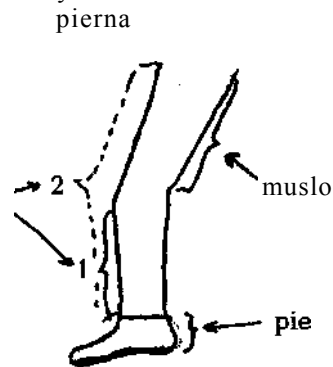
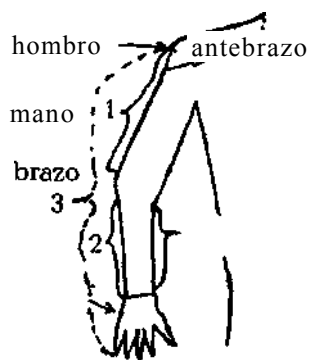
2. Muslo de los cuadrúpedos y aves. (Бедро (ляжка) четвероногих и птиц).

PIE: 1. Extremidad de los miembros inferiores del hombre, en que descansa el cuerpo y que sirve para andar. (Крайняя часть нижних конечностей человека, на которую опирается (на которой покоится) тело и которая служит для ходьбы).

2. Parte análoga en muchos animales. (Аналогичная часть тела у многих животных).

PATA (лапа): Pie y pierna de los animales. (Pie и pierna (значение см. выше) животных).

Анализ приведенных толкований показывает, что однозначно и определенно выделяются крайние части нижних и верхних конечностей человека *mano* и *pie*, что соответствует русским *кисть руки* и *стопа*, а в определении объема значения концептов *brazo* и *pierna* уже гораздо меньше определенности, больше возможностей для вариативного толкования: словом *brazo* могут именоваться три разных участка руки, словом *pierna* — два разных участка ноги:

С логикой английского и испанского языка «солидарны» не только логики французского, итальянского, португальского, немецкого и других романских и германских языков, но и логики весьма далеких (во всех смыслах) от европейской цивилизации культур. Например, японская и китайская языковые логики подобно большинству европейских языков дифференцируют кисть руки и стопу и остальную часть каждой из конечностей, хотя есть и обобщенные недифференцированные обозначения: в китайском языке *ge bey* = рука до кисти, *shou* = кисть руки, *tue* = часть ноги от бедра до щиколотки, *djiao* = стопа, *ga* = нога человека целиком; в японском языке *te* = кисть руки, *ude* = часть руки до кисти, *fumoto* = стопа, а слово *ashi* подобно русскому слову *нога* называет данную конечность целиком без дополнительной конкретизации.

Если признать нерелевантными определенные противоречия и вариативность в толкованиях значений некоторых концептов, то противопоставленность логики русского языкового сознания логикам других языковых сознаний в выбранной нами для примера области категоризации конечностей тела человека может быть отражена в таких таблицах:

Категоризация концепта «рука» в разных языках

русский	английский	испанский	французский	португальский
Рука (до кисти)	arm	Brazo	bras	bra?o
Рука (кисть)	hand	мапо	main	mao

итальянский	немецкий	китайский	японский
braccio	der Arm	ge bey	ude
mano	die Hand	shou	te

Категоризация концепта «нога» в разных языках

русский	английский	испанский	французский	португальский
Нога (до стопы)	leg	pierna	jambe	perna
Нога (стопа)	foot	pie	pied	pe

итальянский	немецкий	китайский	японский
samba	das Bein	tue \ ,	ashi
piede	der FuB	... J&U	fumoto (ashi)

Различия в работе логико-понятийного компонента разных языковых сознаний по категоризации того или иного фрагмента объективного мира могут (иногда неожиданно) вести к весьма значимым с точки зрения сопоставления культур последствиям. Рассмотренные выше национальные особенности категоризации концептов «рука» и «нога» в разных языках относились лишь к степени конкретизации каждого из концептов, но это не единственное потенциальное различие в работе национальных языковых сознаний. Более существенным для формирования особенностей национального мировосприятия оказывается СТЕПЕНЬ ИДЕНТИФИЦИРОВАННОСТИ человека с другими категориями объективного мира, проявляющаяся в применимости (или неприменимости) одних и тех же наименований как к людям, так и к концептам других семантических разрядов (чаще всего — к животным). Степень, в которой национальное языковое сознание дистанцирует человека от животных или, наоборот,— эту грань стирает, имеет далекоидущие психологические следствия, во многом детерминирующие отношение целого народа ко многим феноменам других культур.

В приведенных выше дефинициях английских и испанских концептов *arm, hand, leg, foot* и *brazo, mano, pierna, pie* мы сознательно не опускали части толкований, указывающие на возможность использования имен концептов применительно к животным. Существование такой возможности указывает на более высокую степень идентификации человека и животного в культуре данного языка, а отсутствие такой возможности — наоборот: на дистанцированность человека от животного в семантическом универсуме данного языкового сознания. Роберт Ладо в работе «Linguistics across cultures» (Lado, 1957), иллюстрируя сепировский тезис о том, что только опора на языковой символизм делает возможным понимание существенных контуров чужой культуры и что именно в языке индексируется сеть культурных моделей цивилизации, приводит интересный пример того, как различная степень идентифицированности человека и животного в разных языках предопределяет межкультурный информационный сбой. Отношение американцев к корриде как явлению жестокому и несправедливому и совершенно иное отношение к данному феномену испанской культуры со стороны самих испанцев (для них коррида — символ триумфа ловкости и искусства над грубой силой, демонстрация мужества человека) Роберт Ладо пытается объяснить, опираясь именно на различия в языковом символизме: «Ряду словарных единиц, приложимых в английском языке как к животным, так и к людям, соответствуют в испанском разные слова для тех и других. В английском и

люди, и животные имеют *legs* «ноги». В испанском же у животных — *patas*, у людей — *piernas*. Точно так же в английском у животных и у людей есть *backs* «спины» и *necks* «шеи», в то время как в испанском животные имеют соответственно *lomo* и *pescuezo*, а люди — *espalda* и *cuello*. Более того, в английском как животные, так и люди *get nervous* «становятся нервными», имеют *hospitals* «лечебницы» и *cemeteries* «кладбища», обозначаемые посредством разнообразных метафор. В испанском животные не нервничают, у них нет ни лечебниц, ни кладбищ. Языковые данные, пусть только в виде намека, но указывают на различия в категоризации животного в двух культурах. В испанской культуре различие между человеком и животным представляется весьма значительным, определенно более значительным, чем в американской культуре... В испанской культуре человек не считается физически сильным, но он ловок и умен. Бык сильный, но он не ловок и не разумен. В американской культуре человек физически силен и бык тоже. Бык умен. Быку присущи чувства боли, печали, жалости, нежности... Бык заслуживает равных шансов в бою... Мы можем, следовательно, предположить, что часть сложной формы, представленная быком, получает иную категоризацию, иное значение в американской культуре и что в этом заключается источник информационного сбоя» (Ладо, 1989, с. 54—55). Идея понятна и нами вполне разделяема, хотя, как нам кажется, требует более тщательной аргументации. Например, утверждение о том, что в испанском языке у животных *patas* (лапы), а у людей *piernas*, несколько упрощает ситуацию, поскольку словари фиксируют не только англоязычную идентифицированность человека и животного, но и испаноязычную: не только английские слова *arm, hand* могут использоваться для обозначения передних лап (ног) животных, а *foot* и *leg* — и передних, и задних лап и ног животных, но и испанские слова *brazo, mano, pie, pierna* не являются исключительно «человеческими» концептами. Чтобы убедиться в этом достаточно вернуться на несколько страниц назад и еще раз посмотреть определения этих слов в словаре Soreña. Что же касается использования Робертом Ладо слова *pierna*, то в обоих значениях этого слова даже не используется слово «человек»: слово *pierna* объясняется как *parte del animal...* (часть тела животного...). В данном случае концепт *животное* не противопоставляется концепту *Тело-век*, а включает его. Испанские обозначения конечностей человека могут использоваться не только для обозначения «partes análogas en muchos animales (cuadrúpedos y aves)» /аналогичных частей тела многих животных (четвероногих и птиц)/, но и для обозначения концептов других семантических разрядов, например, словом *mano* (= рука от

запястья до кончиков пальцев) может называться не только лапа четвероногих животных, но и хобот слона, а словом *pie* — не только нижняя часть ноги человека и животного, но и основание какого-либо предмета, ствол (стебель) растения и некоторые другие денотаты. Вызывает желание внести большую точность и в утверждение о том, что в испанском языке люди имеют *espalda* (спина) и *cuello* (шея), а живот-ные — *lomo* и *pescuezo*. Да, люди в испанском языке имеют *espaldas* и *cuellos*, но у них же есть и *lomo* (в значении «поясница»), и *pescuezo* (в значении «затылок, шея, горло»), иначе, как можно объяснить существование слова *pescozada* (подзатыльник) или устойчивого словосочетания *torcer a uno el pescuezo* (свернуть шею кому-либо). Очевидно, что подзатыльники даются все-таки людям, а не животным, равно как и, фигурально выражаясь, «сворачивают шеи» тоже людям. С другой стороны, слово *cuello* может использоваться и применительно к животным. Словарь фиксирует за каждым из этих слов следующие значения:

CUELLO — parte del cuerpo que une la cabeza con el tronco (часть тела, соединяющая голову с туловищем).

Заметим, что в определении не уточняется, идет ли речь исключительно о человеке, или возможно использовать данное слово и по отношению к животным. В пользу второго предположения говорит тот факт, что при описании многих представителей фауны используется именно это обозначение, например: *cisne — grande y hermosa ave...de cuello largo y flexible...* (лебедь — большая, красивая птица... с длинной, гибкой шеей); *camello — mamífero... de cuello largo, cabeza proporcionalmente pequeña y dos gibas en el dorso* (верблюд — млекопитающее... с длинной шеей, относительно маленькой головой и двумя горбами на спине); *jirafa — mamífero... indígena del Africa, de cuello largo y esbelto... y pelaje gris claro con manchas leonadas...* (жираф — млекопитающее, обитающее в Африке, с длинной, стройной шеей, светло-серой масти со светло-коричневыми пятнами...).

PESCUEZO — parte del cuerpo del animal desde la nuca hasta el tronco (часть тела животного от затылка до туловища).

Сопоставление определений слов *cuello* и *pescuezo* и их употребление в других контекстах убеждает в том, что говорить об однозначном соответствии первого концепта человеку, а второго — животному, по меньшей мере, не совсем корректно, слишком много языковых фактов, мешающих такой удобной оппозиции.

ESPALDA — parte posterior del cuerpo humano, desde los hombros hasta la cintura (часть тела человека от плеч до талии).

LOMO — 1. Parte inferior y central de la espalda (внешняя центральная часть спины).

2. En los cuadrúpedos, todo el espinazo (вся хребтовая часть у четвероногих животных).

Если *espalda* — исключительно человеческая часть тела, то использование этого слова при описании значения слова *lomo* представляется противоречивым, поскольку, если *lomo* — это часть *espalda*, то либо *espalda* не является исключительно «человеческим» концептом, либо *lomo* применимо не только к животным, но и к человеку.

Еще раз повторимся, что сделанные замечания касаются именно степени тщательности лингвистической аргументации и имеют целью вовсе не поставить под сомнение гипотезу Роберта Ладо, а лишь избежать известного упрощения. Ладо мог исходить в большей степени не из академической сферы фиксации языка, а из реального узуса и частотности применения того или иного имени концепта по отношению к человеку и животному, тем более, что реальным узусом он владеет, а сама сфера фиксации содержит массу противоречий и допущений типа «también se dice...» (а также это можно сказать о...). Кроме того, словарные толкования не указывают, по отношению к каким конкретно видам животных допустимо использование «человеческих» концептов частей тела, а по отношению к каким — нет; они ограничиваются формулировками «en ciertos animales» (у некоторых видов животных), «en muchos animales» (у многих животных). Не исключено, что разные виды животных в разной степени дистанцированы языком от человека, и сказанное Ладо о животных вообще справедливо по отношению к каким-то определенным видам, в частности по отношению к быку.

Сама идея Ладо об обусловленности отношения человека к феноменам культуры языковым символизмом нами полностью разделяется. Зависимость между языковой дистанцированностью человека от животного и отношением в данной культуре к этому самому животному — это лишь частный случай общей закономерной связи ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ-» ОТНОШЕНИЕ К ФЕНОМЕНАМ ВНЕШНЕГО МИРА. Объяснив неодинаковое отношение американцев и испанцев к корриде вообще и к быку в частности различной категоризацией английским и испанским языками концептов частей тела человека и животного (а именно — разной степенью отождествления человека и животного), Ладо предлагает сравнить по своей сути абсолютно идентичные феномены двух культур: корриду в испанской культуре и ловлю тарпона в американской культуре. Он называет это принципом минимального контраста, имея в виду, что форма, значение и

дистрибуция обоих культурных феноменов максимально близки. Американцы относятся к данному феномену собственной культуры так же, как испанцы к корриде, аналогичен и финал ситуации: изнурительное противостояние и борьба, сопряженная с риском для человека, заканчивается смертью «брата меньшего». Вот что пишет Р. Ладо по этому поводу: «В этой ловле есть форма: борьба до изнеможения и смерть тарпона в руках человека... В плане значения это спорт, в котором умение и ловкость торжествует над грубой силой сопротивляющейся рыбы... Теперь мы замечаем, что тот же самый американец, который трактовал бой быков как жестокость и относил это свойство к зрителю и матадору, будет сидеть с тем же зрителем в рыбацкой лодке, и у него даже мысли не мелькнет, будто рыбная ловля жестока. Я делаю вывод, что часть сложной формы, представленная рыбой, совершенно отлична от человека как в американской, так и в испанской культурах, тогда как часть, идентифицируемая как бык, гораздо больше походит на «человеческое существо» в американской культуре, чем в испанской.

Дополнительным доводом в пользу сказанного служит наличие в американской культуре Общества по предупреждению жестокого обращения с животными, которое интересуется чувствами собак, кошек, лошадей и других домашних животных... Мы не могли бы вообразить себе Общество по предупреждению жестокого обращения с рыбами» (Ладо, 1989, с. 55). Однако... в декабре 2001 года РИА «Новости» сообщило о том, что городской суд Хельсинки принял решение оштрафовать на 297 марок некоего Магнуса Экстрема за то, что поставленные им для продажи налимы подавали признаки жизни, т. е. шевелились на прилавке. Истцами на процессе выступили ветеринар и санитарные инспекторы рынка, по мнению которых обвиняемый причинил рыбам противозаконные «напрасные страдания». На решимость судей не повлиял даже аргумент эксперта исследовательской лаборатории Управления охоты и рыболовства Финляндии, заявившего, что рыбы могут шевелиться и после «кончины» из-за перепадов температуры. На суде незадачливому рыбаку настоятельно порекомендовали «основательно приканчивать» рыб сразу после отлова, чтобы не обречь их на длительную мучительную смерть.

Описанный эпизод следует, все-таки, отнести к разряду курьезов. В целом, Р. Ладо абсолютно прав.

Концепт *рыба* дистанцирован от человека тем, что язык категоризирует его таким образом, что не возникает оснований для отождествления человека с данными представителями животного мира. Прослеживается явная зависимость между степенью отождествления

человеческим сознанием отдельных видов животных и человека и степенью проявляемой по отношению к ним гуманности. Чем более похожим на себя (не в смысле внешнего сходства) считает человек то или иное животное, тем большее расположение он к нему испытывает. Такое отождествление не может не опираться на языковую категоризацию, в данном случае на использование для обозначения частей тела человека и животного одних и тех же слов или разных. «Лексическая тождественность» стимулирует проведение дальнейших аналогий, распространение присущих человеку эмоций и качеств на эти виды животных, «лексическая дистанцированность» порождает и эмоциональную отстраненность. Можно привести массу примеров выборочного «биологического шовинизма», проявляемого людьми по отношению к представителям животного мира, можно без конца задаваться вопросами, не имеющими логически обоснованных ответов: Почему никто не интересуется условиями жизни насекомых, никто не защищает их права? Почему экс-чемпиона мира по боксу Майка Тайсона можно привлекать к суду за негуманное обращение с хорьками (он довел их до стрессового состояния, повлекшего потерю аппетита и смерть) с перспективой нескольких месяцев тюремного заключения, а на другие виды грызунов ставить капканы (мышеловки и крысоловки), травить их ядом и не заботиться о том, вызовет ли у них такое «обращение» нервный стресс? Почему вид засушенных трупиков бабочек вызывает восхищение, а аналогичная коллекция засушенных трупов попугайчиков или канареек вызвала бы совсем иные чувства? Почему разделка живой рыбы или варка живых раков не считается жестоким обращением, а практикуемое во Вьетнаме и Корее битье палками живых собак (чтобы мясо стало мягче) перед тем, как из них приготовить соответствующие блюда, представителями многих культур расценивается как варварство? Почему съесть куриное яйцо с неразвившимся зародышем вполне нормально, чуть подросшего цыпленка (в виде «цыпленка табака») — тоже, а вьетнамское блюдо из яиц с уже сформировавшимся, но еще не вылупившимся из яйца зародышем вызывает у европейцев не самые приятные эмоции? Все дело, естественно, в культурных традициях, а они не только находят отражение в национальном языковом символизме, но и в значительной степени им же и детерминируются. В свою очередь, специфика национального языкового символизма предопределяется особенностями работы логико-понятийного компонента национального языкового сознания по категоризации пространственно-временного континуума. При всей важности языкового символизма не стоит абсолютизировать его роль в формировании контуров национальной культуры.

Это очень важный, но не единственный фактор, формирующий национальное мироощущение и мировоззрение. Если исходить только из фактов языка и не опираться на знание исторических и социальных реалий бытования конкретного этноса, то многие феномены национальной культуры могут оказаться труднообъяснимыми.

Посмотрим, как языковая категоризация, осуществляемая китайским языком, коррелирует с отношением к животным в китайской культуре. На взгляд представителей западной цивилизации, это отношение не лишено противоречий. С одной стороны — крайняя степень пиетета, граничащая с поклонением и обожествлением. Отсюда и известный во всем мире двенадцатилетний цикл, в котором каждый год ассоциируется с определенным видом животного, и весь строй китайских пословиц, процентов девяносто из которых используют метафорически осмысленные образы животных, и сами названия, содержащиеся в своей внутренней форме сему почтительного отношения (вспомним, что китайские обозначения *орла*, *тигра*, *крысы* имеют в своем составе иероглиф *lao* /старый, уважаемый, почтенный/). С другой стороны — бросается в глаза крайняя степень прагматизма по отношению к животным на бытовом уровне, что с древних времен диктовалось логикой выживания в условиях постоянной угрозы голода. В китайском быденном сознании сам концепт животного оказывается раздвоенным: животное мифологизированное, животное как персонаж мифологии, фольклора, пословиц и реальное животное как элемент хозяйственной деятельности, необходимый компонент «потребительской корзины».

Посмотрим, в какой степени китайский язык отождествил или дистанцировал друг от друга человека и животное. С помощью словарей и, главным образом, информантов — носителей языка (так как китайская лексикография до подобных нюансов обычно «не опускается») нам удалось составить небольшую таблицу, отражающую возможность или невозможность использования общих имен для обозначения соответствующих частей тела человека и животного в китайском языке. Большое количество совпадающих наименований (такие слова в графе «животное» мы будем сопровождать знаком =) будет свидетельствовать о высокой степени отождествляемости, а преобладание разных имен (такие слова в графе «животное» мы будем сопровождать знаком ***) — о дистанцированности. Для сравнения мы приводим и соответствующие данные русского языка. Знаком вопроса в скобках мы отметили те случаи, в которых ответы респондентов — носителей языка вызвали у нас сомнения, не рассеявшиеся в полной мере и после анализа соответствующей информации словарей:

РУССКИЙ ЯЗЫК		КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	
человек	животное	человек	животное
Голова	= голова	Той	= tóu
Лицо	*** морда	Lian, mián	= lian, mián (?)
Глаза	= глаза	Yán fmg, mu	= yán jǐng
Нос	= нос	Bíz	= bíz
Рот	= рот + *** пасть, *** клюв	Kou, zú	= zú
Уши	= уши	Er dúo	= er dúo
Грудь	= грудь	Xiong	= xiong
Живот	= живот + *** брюхо	Duz	= duz
Спина	= спина	Bei	= bei
Шея (горло)	= шея (горло)	Zmg	= zing
Затылок	*** загривок	Bóz	= bó
Нога (до щиколотки)	= нога + *** лапа	Túe i Zu (?)	= túe = jiǎo zhǎng
Нога (стопа)	*** лапа, копыто	Jiǎo J	***zhǎo = *jiǎo zhǎo* ***tí zi
Рука (до кисти)	—	Ge bey, ge bo	—
Рука (кисть)	—	Shou	—
Волосы	*** шерсть	Tóu fǎ	*** mao
Пальцы (рук)	—	Shou tí	—
Пальцы (ног)	—	Jiǎo zhǐ	—

Из таблицы видно, что животные в китайском языковом сознании практически никак не дистанцируются от человека с помощью специальных лексических средств, имеет место лишь ограничение на использование некоторых «человеческих» обозначений, например, слово *zú* может означать и рот человека (во фразе *tá zui kuài* — «у него острый язык» (дословно: «у него быстрый рот»), и клюв птицы, и пасть животного, а слово *kǒu* используется только применительно к человеку. Информанты констатируют это как факт, но объяснить разницу

* Китайский язык располагает несколькими иероглифами для обозначения концепта *лапа*: *zhǎo* («лапа, когти»), *jiǎo zhǎng* («стопа-ладонь»). При этом эти иероглифы могут выступать в различных комбинациях, когда речь идет о разных животных: лапу орла обозначают иероглифом *zhǎo* (когти), кошачью лапу — иероглифами *jiao zhǎo* (стопа + когти), а медвежью — иероглифом *zhǎng* (ладонь).

между *zui* и *kou* затрудняются, словарные дефиниции также не отмечают какой-либо разницы. Только анализ деривационных потенциалов каждого из этих слов позволяет предположить, что первое из них более «биологично», обозначает идентичную с точки зрения биологических функций часть организма (любого животного и человека), а второе — более «социально». Косвенным тому подтверждением можно считать то, что для образования слова *zui chún* (зубы) язык выбрал именно «биологически акцентированный» иероглиф *zui*, а для слова *rén kou* (население, дословно «человек и рот») — «социально акцентированный» иероглиф *kou*. Примерно та же ситуация и с обозначениями глаз. Указанное информантами общее для человека и животных слово *yan jing* актуализирует физиологический аспект концепта, что косвенно подтверждается общей семантикой его дериватов, переводимых как *зрение, взгляд, очки, слезы, взор, острое зрение, кругозор*. Прогнозированный информантами иероглиф *ti* тоже переводится словарями как *глаз, зрение*, но, судя по всему, этот концепт более «социален» нежели «физиологичен». Свидетельством того можно считать опять же общую семантику дериватов этого иероглифа, переводимых на русский язык словами *цель, объект, мишень, каталог, указатель, оглавление, данный момент* и т. п. Все названные слова объединяет то, что они обозначают нечто, что **человек** должен видеть в процессе своей **социальной** деятельности.

Знаком вопроса мы отметили и то место в таблице, где информанты отметили невозможность использования иероглифа *jiǎo* (стопа) применительно к животным, а некоторые словари такую возможность зафиксировали (см.: Qi guó yu cí diǎn, 1990, pp.17,255).

Отмечаемая высокая степень лексически выраженной идентифицированности человека и животного в китайском языке на практике отнюдь не означает, что отношение китайцев к животным столь же «очеловечено», как, например, в современной европейской или североамериканской культуре. В данном случае определяющим является не лингвистический фактор, а социально-исторический и вытекающий из него — философский. Крайняя степень прагматизма, заложенного в конфуцианстве, явилась отражением суровой реальности, когда на первом плане стояла проблема простого выживания: хорошо и нравственно то, что приносит пользу, практическая выгода — основной критерий оценки чего бы то ни было. Не так давно (по историческим меркам) в китайских деревнях существовали специальные колодцы, куда сбрасывали новорожденных девочек, если в семье ожидали рождения более «выгодного» с хозяйственной точки зрения мальчика. Трудно предположить, что наличие подобных традиций может существовать одновременно с чрезмерной заботой о гуманном отношении к животным. Современное западное массовое сознание можно срав-

нить с сознанием горожанина, который ничего не имеет против крольчатины, телятины, свиной печенки и т. п., но если увидит процесс их заготовки или (того хуже) получит предложение лично заколоть свинью или освежевать кролика, то будет потрясен жестокостью действия и, очевидно, надолго лишится аппетита. Отношение сельского жителя к подобным вещам более последовательно, в нем нет ни жестокости, ни сентиментальности: о животном нужно заботиться, чтобы оно было здоровым, а потом (в свое время) его нужно (без всякого эмоционального надрыва) убить, чтобы употребить в пищу, использовать шкуру и т. п. Уровень сострадания к кролику или поросенку не выше, чем у рыбака к выловленной плотвичке. Отношение китайцев к животным очень похоже на отношение к ним сельских жителей. Известная шутка о том, что китайцы едят все, что ходит, ползает, плавает или летает, отражает не только объективную реальность, но и напоминает о том, что в национальной иерархии ценностей еда занимает чуть ли не самое важное место, что нашло отражение даже в формах речевого этикета: приветствие *Nǐ cān fūjiā mei yǒu?* («Вы (сегодня) уже ели?») демонстрирует крайне внимательное, уважительное отношение к собеседнику и может использоваться даже при приветствии незнакомого человека. Студенты, узнав о том, что преподаватель пропустил специально отведенное для обеда время из-за того, что не все успели сдать экзамен, начинают искренне сомневаться в его душевном здоровье, а на шуточный риторический вопрос: «Вы живете, чтобы есть, или едите, чтобы жить?» — могут вполне серьезно ответить: «Я живу, чтобы есть». Тай-ваньцы скорее делают вид, чем искренне разделяют озабоченность защитников прав животных, призывающих не отлавливать и усыплять бездомных собак, а стерилизовать их. Они внимательно слушают главного защитника тайваньских бездомных собак известного американского актера Стивена Сигала и соглашаются с ним больше из желания продемонстрировать соответствие современным западным стандартам цивилизованности, чем из собственных убеждений и собственного мироощущения.

Наше небольшое отступление имеет целью лишь раз напомнить, что только совокупность многих факторов, все составляющие культурного контекста (в том числе и языковой символизм) формируют специфические черты национального мировоззрения и мироощущения. Результаты языковой категоризации фрагментов объективного мира могут дать очень важную информацию о национальном характере и менталитете, но они не являются истиной в последней инстанции и всегда должны подкрепляться экстралингвистическими факторами, соотноситься с данными других областей знания национальной специфики.

Подбирая иллюстративный лексический материал для данного параграфа, мы хотели выстроить цепочку примеров таким образом,

чтобы они замкнулись в своеобразный логический круг. Первая группа примеров должна была показать, как специфика работы логико-понятийного компонента языкового сознания детерминируется существующими в том или ином социуме культурно-этническими доминантами. Далее следовала группа примеров, иллюстрирующих своеобразие разных языковых логик вне связи с такими доминантами. Это были примеры лексики национально-специфической, но лишенной глубокой историко-культурной подоплеки и явно прогнозируемых культурно значимых следствий. Подобные примеры можно назвать результатами «простого» несовпадения языковых категоризации мира, осуществляемых разными коллективными языковыми сознаниями. Последнюю группу примеров должны были составить концепты разных языков, в которых отличия, вызванные различной категоризацией фрагмента действительности логико-понятийным компонентом сознания, на первый взгляд являются «простым» несовпадением, но которые реально каузируют (или могут это делать потенциально) весьма значительные для национального мировосприятия следствия. Логический круг замыкается: очевидные особенности национальной культуры (менталитета и характера), названные нами культурно-этническими доминантами, неизбежно порождают фиксируемые языком национально-специфические концепты —> логика национального языка на самом базовом уровне обнаруживает различия в категоризации мира вне зависимости от каких-либо факторов влияния национальной культуры —> «простое» различие в категоризации мира становится одной из причин формирования культуuroобразующих особенностей национального мировосприятия (т. е. тех же самых культурно-этнических доминант).

Иногда специфика так называемой национальной логики может проявиться не в уникальности каких-либо отдельных концептов (их семантике или коннотациях), а на гораздо более высоком уровне, на уровне всей лексико-фразеологической системы языка. А. Вежбицкая справедливо считает, что в поисках корреляций между фактами национального языка и особенностями национального склада мышления следует идти не от существующих стереотипов к их иллюстрациям из области лингвистики, а наоборот — от беспристрастного лингвистического анализа к культурно-философским обобщениям. Разделяя эту точку зрения, мы предприняли попытку «побродить по просторам» семантических полей лексико-фразеологической системы китайского языка (во всех отношениях очень далекого от русского) и посмотреть, не просматривается ли что-либо интересное в плане отражения в лексике особенностей национальной ментальности. Сеем предположить, что попытка эта принесла кое-какие результаты. В частности, обнаружился весьма любопытный факт: китайский язык во много раз активнее любых знакомых нам языков использует в качестве сло-

вообразовательных элементов числа. Повторимся, что изначально мы не ставили перед собой цели определить продуктивность названий чисел как словообразовательных элементов китайской лексической системы. Необычайно высокая роль имен чисел в образовании как отдельных слов, так и устойчивых словосочетаний в буквальном смысле слова «бросилась в глаза». Лексический материал показался нам настолько интересным, что мы решили попытаться его сначала каким-то образом систематизировать, а затем постараться ответить на вопрос, стоит ли за этим любопытным фактом какая-либо черта менталитета, присущая исключительно носителям китайского языкового сознания.

Все факты использования имен чисел в качестве строительного материала китайской лексико-фразеологической системы мы разделили на три группы:

- 1) **числа входят во внутреннюю форму отдельных слов;**
- 2) **числа используются в пословицах и поговорках;**
- 3) **числа входят в состав своеобразных «формул-предписаний».**

Проводя параллели с русским языком, заметим, что немногочисленные случаи использования чисел в лексико-фразеологической системе русского языка по предложенной классификации полностью уложились в первые две группы. К первой группе можно отнести слова типа *единодушие, единоначалие, единовластие, единомышленник, единоутробный, двуликий, двурушничать, двоюродный, вторник, четверг, пятница* и т. п. Ко второй группе соответственно относятся пословицы и поговорки типа *как дважды два; семи пядей во лбу; седьмая вода на киселе; (скрыто) за семью печатями; (перескакивать) с пятого на десятое; семь пятниц на неделе; раз, два — и обчелся; у семи нянек дитя без глазу; семь раз отмерь — один раз отрежь; (ходить, плавать) за тридевять земель; в тридевятом царстве, в тридесятом государстве*. Весьма распространенные в китайском языке формулы-предписания в русском языке практически отсутствуют. Речь идет о закодированных в нумерологические формулы сводах каких-либо правил. Таковыми могли бы быть признаны такие словосочетания, как «три источника и три составные части марксизма», «десять заповедей строителя коммунизма» и т. п., если бы не одно но: такие сочетания не являются исконно, принадлежащими языку, это прецедентные феномены, факты историко-политического развития страны, которые практически ушли из языка вместе с соответствующей исторической эпохой.

Приведем примеры первого и третьего типов использования чисел в качестве строительного материала единиц лексико-фразеологической системы китайского языка, а затем постараемся определить,

стоят ли за ними особые черты национальной ментальности, а если да, то какие именно? (Китайские пословицы, содержащие имена чисел, мы не будем приводить отдельно, так как в § 2.2.2 будет приведен обширный список китайских фразеологизмов, включающий и данный тип пословиц).

Слова, содержащие в своей внутренней форме числа, мы разделили на две группы: к первой группе мы отнесли слова с одиночными числами, а ко второй — слова с **комбинациями цифр** в своей внутренней форме.

Следует оговориться, что нас интересовали те случаи словообразования, когда использование имени числа в лексической единице **не связано напрямую** с ее значением, как, например, в русских словах типа *одноместный, двубортный, трехпалубный, трилогия, одноглазый, одноногий, шестикрылый, двоеженство* и т. п., где имена чисел выполняют свою прямую роль — именовать количество тех или иных объектов. Наше внимание привлекали случаи **косвенно** мотивированного использования чисел во внутренней форме слова, когда использование имени числа — своеобразная метафора (например, «видящий на **тысячу** «ли» = русск. *ясновидец*) или когда обнаруживается неожиданная и избыточная для русского языкового сознания конкретность (например, «шесть (типов) родственников» = русск. *родня*).

Другим ограничением было исключение из числа приводимых нами примеров тех случаев, когда слово или словосочетание, содержащее имя числа, являлось заимствованием иноязычного слова, а имя числа использовалось только потому, что фонетически совпадало со звучанием части заимствованного иностранного слова. Например, концепт *Sánmèi* (1/ ключ к решению проблемы; наилучший способ осуществления чего-либо; 2/ специальные знания, доступные лишь экспертам в определенной области; 3/ (в буддизме) ясность и спокойствие, проистекающие из осуществленной должным образом реализации) включает в себя иероглиф *san* (три), но имя числа в данном случае нельзя отнести к числу элементов внутренней формы, поскольку само слово таковой не имеет. Оно лишь результат фонетического оформления заимствованного из санскрита понятия *Samadhi* (означавшего в буддизме «погруженность в созерцание /размышление/», «совершенное содержание»). Использование имен чисел в такого рода заимствованиях не является семантически мотивированным, следовательно — такие факты не должны относиться к феноменам проявления «национальной логики».

Словообразовательная модель с целой комбинацией чисел оказалась весьма продуктивной в китайском языке, что, вне всякого сомнения, можно отнести к разряду особенностей китайского словообразо-

вания, поскольку в других языках в таких значительных масштабах данное явление не встречается. Мы не утверждаем, что единицы, содержащие комбинации цифр, являются именно **словами**. Проблема границы слова в китайском языке весьма сложна, поскольку основной единицей всей лексической системы является иероглиф, а когда речь идет о комбинации иероглифов, то не всегда можно с уверенностью провести словоделение, тем более, что китайский текст его не содержит (иероглифы в рамках одного предложения не отделены друг от друга). Отсутствие четких границ между словом (в нашем понимании) и словосочетанием в китайском языке следует иметь в виду, употребляя термин **слово**. В контексте наших рассуждений это не принципиальный вопрос, поэтому мы не ставили перед собой задачи определять, где отдельное слово, а где их комбинация (тем более, что издающиеся в Китае китайско-русские словари этого тоже не делают, следуя органической природе самого языка). Чтобы быть терминологически корректными, подобные полииероглифические единицы мы будем называть **лексико-фразеологическими** единствами. Для компактности изложения мы используем таблицы.

Примеры одиночного использования имен чисел во внутренней форме китайских слов:

Китайская лексема	Внутренняя форма китайской лексемы	Эквивалент в русском языке
Ykouqi Ylúgén Ylxln	«Один рот, воздух» «Одна дорога, человек» «Одно сердце»	Дыхание Единомышленник Всецело отдаваться (чему-либо), вкладывать душу (во что-либо)
Erliú zi Erxln Liángqí uángql	«Второсортный человек» «Два сердца» «Две развилки» «Обитающие в двух (средах)»	Лодырь, бездельник Двурушничество Разногласие Земноводные
Liángkou zi Sanean Sihái Sichu Sigu Sibúxiáng Silín	«Два рта — люди» «Три еды» «Четыре моря» «Четыре места» «Четыре, оглядываться» «Четыре, не, слон» «Четыре соседа»	Супружеская пара Завтрак, обед и ужин Весь мир, вся страна Повсюду Осматриваться кругом Ни то ни се Соседи

Siye	« Четыре , дикий (дикорастущий)»	Ширь, простор	Qiángu	« Тысяча , древний (старинный)»	Незапамятные времена
Sijiao	« Четыре предместья»	Окрестности (города)	Qianfiyan	«Глаз, (видящий) на тысячу «ли»»	Подзорная труба; ясновидец Очень тяжелый
Sifang	« Четыре стороны»	Повсюду, страны света	Qianfm	« Тысяча «цзинов» (мера веса = 0,5 кг.)»	тяжелый
Sizhou	« Четыре круга (оборота)»	Вокруг, кругом Границы (поля), межа Вверх ногами	Wanshitong	«Понимающий 10 тысяч вещей (вопросов)» « 10 тысяч баллов» « 10 тысяч , абсолютно» « 10 тысяч лет (жизни)» « 10 тысяч связок монет (по 1000 чохов в каждой)» « 10 тысяч , подобно (чему)»	Всезнайка
Sizhi	« Четыре до (чего-либо)»		Wanfen		Чрезвычайно, крайне
Si jiao chao« tian Sizhl	« Четырмя йогами обратиться к небу»	Конечности	Wanquan		Надежный, всесторонний
Wu fi tou di	« Четыре конечности»	Преклоняться, падать ниц	Wansui		Да здравствует, ура
Wuse	« Пять тел ложатся на землю»		Wanguan		Огромное состояние, очень богатый
Liuqin	« Пять цветов»	Разноцветный, пестрый			
	« Шесть (типов) родственников» (отец, мать, старшие и младшие братья, жена, дети)	Родственники, родня	Wanban		Всячески (всеми способами)
Qi qiao			Wanhuatong	« 10 тысяч цветков в трубке» « 10 тысяч благ»	Калейдоскоп
Qi qiao sheng yan	« Семь отверстий»	Глаза, уши, ноздри и рот	Wanfu		Поклон (со складыванием рук ниже правой стороны груди как знак приветствия со стороны лиц женского пола) Все; весь народ Страшный, ужасный
Bamiangfeng	« Семь отверстий источают дым»	Прийти в ярость			
Bamianguang .	«Восьмигранное лезвие ножа»	Бойкий на язык			
Bamián	«Восьмигранный луч света»	Изворотливый, дипломатичный	Wanzhong	« 10 тысяч , множество»	
weifeng	«Сильный ветер с восьми сторон»	Величественный и воинственный внешний вид;	Wanzhuang	« 10 тысяч видов (обличий)»	
Jitquan Shifen	« Девять родников»	Загробный мир	Wanshi	« 10 тысяч поколений»	Веками, навеки, вечный
Shi'erfen	« Десять баллов»	Очень, вполне, совершенно	Wanneng	« 10 тысяч , мочь» « 10 тысяч , трудно» « 10 тысяч лет жизни без сражений и битв» « 10 тысяч — 10 тысяч » « 10 тысяч слонов» « 10 тысяч вещей (и веществ)» « 10 тысяч , древний» « 10 тысяч «чжанов» (мера длины - 3,33 метра)»	Всемогушество
Shiq uan	« Двенадцать баллов»	Более чем, в высшей степени	Wannan		Трудности Долголетие
Baixing	« Десять (раз) абсолютно (полностью, целиком)	Совершенство	Wan shou wu jiang		Обязательно
Baichu	«Сто фамилий»	Простой народ	Wanwan		Вся природа
Baishitong	«Свыше ста»	Масса, множество	Wanxiang		Все сущее
Qianfm	«Сто дел (вопросов) понимающий»	Всезнайка	Wanwu		
Qianfima	« Тысяча , золото (деньги)и	Целое состояние, огромная сумма денег	Wangu		Вечно, навек
	«Лошадь, (пробегающая) тысячу «ли» (мера длины = 0,5 км.)»	Быстроходный скакун	Wanzhang		Высочайший Бездонный, глубочайший Бурный, стремительный
			Wan ma benteng	«Неудержимый бег 10 тысяч лошадей»	

**Примеры использования комбинации имен чисел
во внутренней форме китайских
лексико-фразеологических единств:**

Китайское лексико-фразеологическое единство	Внутренняя форма китайского лексико-фразеологического единства	Эквивалент в русском языке
Yíyí	« Один, один »	По порядку
Yí zì yí bàn	« Один иероглиф на одном листе»	Четко и ясно
Yìxīn — yíyí	« Одно сердце — одна мысль»	Всей душой
Yì wén sān bù zhī Shu yì shu er	« Три «не знаю» на один вопрос»	Неосведомленность, отнекиваться
Yì mù shí háng	«Лучше одного , лучше второго »	Незаурядный
Yì'èr	« Одним глазом десять строк»	Пробежать глазами
Yí lái èr q u	« Один , два »	Несколько, немногие
Yì Sgān-èrjīng	« Один раз прийти, два раза уйти»	Постепенно, понемногу
Yì qīng-èr chū Yì	« Один (раз) досуха, два (раза) дочиста»	Начисто; без остатка
qióng èr bái Yì	« Один прозрачный — два чистый»	Яснее ясного
wu yì shí	« Один бедный — два неправильный»	Бедность и отсталость
Erbáiwu	« Один, пять, один, десять »	Отсталость
Diánsān-dáosi	« Два, сто, пять »	Подробнейшим образом, во всех деталях
Dísān-xiáisi	« Подняться на три — опуститься на четыре »	Остолоп; болван
Sanyán-liángyú	« Низкий три — вниз четыре »	Сбивчиво, беспорядочно (= перескакивать с пятого на десятое)
Santian-liángtóur	« Три слова — два слова»	Презренный; раболепствовать
Sántóu-liúbi	« Три дня — два начала»	Кратко, в двух словах
Sānxīn-èryì	« Три головы — шесть рук»	Очень часто
	« Три сердца — два мнения (мысли)»	Мастер на все руки
		Колебаться (= семь пятниц на неделе)

Sānfān-wuci San	« Три раза — пять раз»	Раз за разом, неоднократно
liu jiu deng	« Три, шесть, девять, разряд (класс, вид)»	Разнообразие
Sānbái liushí háng	« Триста шестьдесят профессий»	Всевозможные виды деятельности
Sìfēn-wulie	« Четыре (раза) разделить^ — пять (раз) треснуть (лопнуть)»	Полный раскол (разброд); трещать по всем швам
Sìmián-bāfāng	« Четыре грани — восемь сторон»	Везде и всюду
Wuhua-bámén	« Пять цветков — восемь типов»	Разнообразие; всевозможный
Wuguang-shíse	« Пять блесков — десять цветов»	Красочность, разноцветность, разнообразие
Wuhú-sihii	« Пять озер»	Во всех уголках страны
Wuháng-bázuó	« Пять профессий — восемь мастерских»	Всевозможные виды ремесел
Qisháng-báxiá	« Семь вверх — восемь вниз»	Быть в смятении (=душа не на месте)
Qīdián-bádáo	« Семь вершин восемь (раз) повалились»	Сумбур; вверх дном
Qīlíng-báluó	« Семь нулей — восемь падений»	Расстроиться; в пух и прах
Qīpln-bacóu	« Семь (раз) собирать — восемь (раз) наскрести»	Наскрести кое-как; с бору по сосенке
Qīshou-bSjiáo	« Семь рук — восемь ног»	Суматоха
Qīzul-bashé	« Семь ртов — восемь языков»	Говорить наперебой
Qīzhé-bakóu Jiu	« Семь убытков — восемь удержаний»	Удержания и вычеты (всякого рода)
jiu gui yi Jiú sí	« Девять, девять — вернуться к единице »	Вернуться к тому, с чего начали
yì sheng	« Девять смертей — одно рождение»	Чудом остаться в живых, спастись от верной гибели
Jiu niú yì máo	« С девяти коров одна шерстинка»	Суций пустяк; капля в море
Shíwán báqian tí	« Сто тысяч, 8 тысяч <u>«ли»</u> »	Неимоверная даль (= за <u>тридцать земель</u>)»

Shíná-jiuwen	«Десять (раз) держать, девять (раз) надежно»	Наверняка Редчайший
Shí nián jiu bu yú Shí shi jiu kǒng	«За десять лет и девяти раз не встретится»	случай Разоренный край
Shí mu suo shì, shí shou suo zhì	«Из десяти комнат девять пусты»	Строжайший надзор
Shíquán-shímei	«Десять глаз смотрят за местом, десять рук указывают пальцем на (это) место»	Верх совершенства, безупречный, безукоризненный
Báikǒng-qianchuáng	« Десять (раз) абсолютно — десять (раз) прекрасный»	Полный развал; трещать по всем швам
Bái zhán bái sheng	« Сто дырок — тысяча ран»	Непобедимый, всепобеждающий
Báiyi-báishun	« Сто сражений — сто побед»	Послушный, покорный
Bái wú yì shì	« Сто (раз) соглашаться, сто (раз) плыть по течению»	Безошибочно, наверняка
Qiánqí-báiguái	« Сто без единой потери»	Диковинный, странный
Qianwán	« Тысяча , редкостный — сто , удивительный»	Во что бы то ни стало; ни в коем случае
Qianshan-wánshu í Qianzhen-wánq ue	; Тысяча — 10 тысяч »	Далекий и трудный путь
Qiánbián-wánhuá	Тысяча гор — 10 тысяч рек	Абсолютная правда
Qiánfāng-báiji	-С тысячи сторон 10 тысяч (раз) правда»	Бесконечные изменения
Qiánqiū-wándái	Тысяча — 10 тысяч изменений»	Любыми средствами,
Qián dao wán guá	Сто уловов с тысячи сторон»	всеми правдами и неправдами ía веки вечные,
Qianchá-wánbié	Тысяча осеней (лет) — 10 тысяч поколений»	во веки веков
	Тысяча ножей режут 10 тысяч (раз)»	Изрезать на куски, рвать на куски
	Тысяча различий — 10 тысяч (раз) другой»	Многообразие, разнообразие

Qiánhuí-báizhé	« Тысячу (раз) возвращаться и сто раз поворачивать назад»	Бесконечные перипетии, многочисленные осложнения
Qiánjūn-wánmá	« Тысяча армий, 10 тысяч лошадей»	Многотысячные войска, могучая рать
Bánbán liushísi	«Педантичный, шесть, десять, четыре »	Педантичность
Wánzhōng yixin	« 10 тысяч , множество (= весь народ) — одно сердце»	Единодушно, (все) как один
Wánzǐ-qiánhóng	« 10 тысяч фиолетовый — 1000 красный»	

Третьим типом языковых единиц, использующих имена чисел, являются своего рода «нумерологические формулы», которые мы условно разделили на «простые формулы» и «формулы-предписания». Приведем примеры языковых единиц обоих типов:

«Простые нумерологические формулы» в китайском языке:

Китайская лексема — «простая нумерологическая формула»	Пестрота, гамма красок, море цветов, красочный
Sanbáo	Закодированная в данной формуле информация (фактически, ее лексическое значение)
Sanean	
Sánfán	Три сокровищницы буддизма (Будда, его учение, его ученики) Три еды (завтрак, обед, ужин) Движение «против трех зол» (коррупции,
Sánfei	расточительства, бюрократизма) Три вида отходов (вредные газы, сточные воды, твердые отбросы) Политика « трех дочиста» (жечь все дочиста, убивать всех дочиста, грабить все дочиста)
San guáng zhengce	Три осенних /мероприятия/ (осенние уборка, вспашка, сев) «Усин» (пять стихий — основных элементов природы по древнему китайскому учению: металл, дерево, вода, огонь, земля)
Sánqiū	
Wuxíng	Движение «против пяти зол» (подкупа, уклонения от уплаты налогов, расхищения
Wúíán	

Wúwei	государственного имущества, недобросовестного выполнения гос. заказов и хищения гос. экономической информации)
Wubáohu	Пять вкусовых ощущений (сладкий, кислый, горький, острый и соленый); разные вкусы
Liuchú	Лица, охваченные системой « пять обеспечений» (обеспечение питанием, одеждой, топливом, забота о воспитании детей, обеспечение похорон)
Liushu	Шесть видов домашней живности (лошадь, корова, овца, курица, собака и свинья)
Bázi	Шесть категорий иероглифов (пиктограммы, символы, фонограммы, идеограммы, варианты, заимствования) «Бацзы» /т. е. восемь иероглифов/ (год, месяц, день и час рождения человека, обозначенные в восьми знаках десятичного и двенадцатеричного циклов). Могут служить гороскопом для предсказания судьбы человека
Bázi xiánfá	Восемь агротехнических мероприятий (улучшение почвы, внесение удобрений, орошение, применение сортовых семян, загущенный сев, защита растений, усовершенствование с/х орудий, уход за посевами)

Мы сочли возможным не разграничивать «формулы» очень старые (типа «пять стихий») и те, что возникли в языке относительно недавно в связи с появлением определенных социально-культурных или социально-политических реалий (типа системы «пяти обеспечений», осуществляемой в народной коммуне, или движения «против пяти зол»). Такое разграничение возможно, но мы его не делаем по одной простой причине: новообразованные «нумерологические формулы» социально-политического характера по своей сущности абсолютно органичны для китайского менталитета (имеется в виду не их конкретное смысловое наполнение, а сам принцип — регламентировать деятельность членов социума путем перечисления определенных норм и закрепить эту регламентацию лексически, т. е. присвоить данной совокупности правил или рекомендаций отдельное имя, которое и есть не что иное, как «нумерологическая формула»). Ознако-

мившись со стилистикой и содержанием примеров «нумерологических формул-предписаний», возраст которых насчитывает не одно столетие (и даже тысячелетие), мы увидим, что новейшие по времени «формулы» созданы совершенно в духе традиционного китайского словотворчества. Почему мы назвали приводимые ниже в таблице примеры «формулами-предписаниями»? Потому что они представляют собой однозначные императивы, следование которым является непременным условием существования в данном конкретном обществе. Возможно, что степень актуальности некоторых предписаний с течением времени изменилась, но и в этом случае «нумерологические формулы-предписания», как факты языка, не могут не оказывать влияния на менталитет всех поколений, которые через язык приобщаются к национальному самосознанию. Приведем несколько примеров:

Китайские «нумерологические формулы-предписания»:

Китайское лексико-фразеологическое единство, представляющее собой «нумерологическую формулу-предписание»	Закодированная в данной формуле информация предписывающего характера
San cóng sì dé	« Три подчинения и четыре благородных качества». (Женские добродетели по феодальным нормам нравственности: до замужества женщина должна подчиняться отцу и старшему брату, после замужества — мужу, а после смерти мужа — сыну; женщина должна обладать добродетелями, быть сдержанной в словах, следить за своей внешностью, служить мужу).
Sanháo	«Три хорошо (три хороших дела)». (Хорошо укреплять здоровье, хорошо учиться, хорошо работать).
San da jilü, bá xiáng zhuyi	« Три основных правила дисциплины и памятка из восьми пунктов». (Три основных правила дисциплины: 1 — во всех действиях подчиняться командованию; 2 — не брать у населения ничего, даже иголки и нитки; 3 — <u>все трофеи сдавать в казну.</u>

Памятка из восьми пунктов: 1 — разговаривай вежливо; 2 — честно расплачивайся за купленное; 3 — занял вещь — верни; 4 — испортил вещь — возмести; 5 — не дерись, не ругайся; 6 — не порть посевов; 7 — не допускай вольностей с женщинами; 8 — не обращай жестоко с пленными).

San gang wu cháng «Три начала и **пять** постоянных принципов (феодалного общества)». (Три начала: подчинение подданного государю, жены мужу и сына отцу. Пять принципов: гуманность, справедливость, вежливость, разумность, верность.)

Wūlún «**Пять** норм взаимоотношений». (Пять основных норм человеческих отношений при феодализме: между властителем и подданными, отцом и сыновьями, старшими и младшими братьями, мужем и женой, между друзьями).

Прослеживается вполне очевидная закономерность: в процессе именования концептов собственного семантического универсума китайское языковое сознание в гораздо большей степени, чем другие языки, стремится опереться на наглядность. В дихотомии «АБСТРАКТНОСТЬ о КОНКРЕТНОСТЬ (ПРЕДМЕТНОСТЬ) МЫШЛЕНИЯ» КИ-тайское языковое сознание явно тяготеет ко второму, что и демонстрируют все вышеприведенные случаи использования во внутренней форме слов и лексико-фразеологических единств имен чисел. Эквиваленты большинства китайских наименований в русском (и других известных нам языках) не опираются в такой степени в своей внутренней форме на числа, а используют гораздо более абстрактные понятия. Приведенные примеры, как нам кажется, дают достаточно оснований для того, чтобы говорить о специфической черте китайского менталитета, проявившейся в лексике и фразеологии национального языка. Эту особенность можно обозначить, как **стремление к конкретности (предметности, наглядности) при вербализации пространственно-временного континуума, которая проявляется во внутренней форме (а именно — обилие имен чисел) большого количества концептов и идиологем национального языка.**

Сформулированную таким образом специфическую черту китайской «национальной логики» можно отнести к категории националь-

но-культурных доминант китайского языкового сознания, а «ответственным» за ее существование является именно логико-понятийный компонент этого сознания, а точнее — специфика его работы в процессе отражения реалий внешнего мира, их осмысления и именования.

Следующий параграф будет посвящен анализу участия эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного компонентов языкового сознания в формировании семантического универсума народа, т. е. в формировании НЯКМ.

§ 2.2.2. Роль эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного компонентов обыденного сознания в формировании национальной языковой картины мира

Оба компонента сознания мы объединили в одном параграфе на основании относительной тождественности их функций: и тот, и другой выполняют субъективно-оценочную функцию при отражении обыденным сознанием ПВК. Если сенсорно-рецептивный компонент сознания является определяющим при формировании национального «мироощущения» и «мирооощения» (в самом прямом, изначальном смысле этих слов), а логико-понятийный компонент детерминирует «национальную логику», национальный склад мышления, то и эмоционально-оценочный, и нравственно-ценностный компоненты сознания ответственны за формирование субъективно-национального отношения ко всему, что отражается в языке, т. е. за формирование национальной «мирооценки».

Тождественность функций каждого из «оценочных» компонентов сознания мы назвали относительной, потому что сами оценки, порождаемые ими, имеют качественное отличие. Оценки, формируемые эмоционально-оценочным компонентом сознания, можно условно назвать первичными, простейшими или оценками первого уровня, которые непосредственно фиксируют именно эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому. Такие оценки всегда отражают основную субъективно-оценочную бинарную оппозицию «положительное отношение — отрицательное отношение», а актуализация одного из членов этой оппозиции может конкретизироваться определенным признаком, по которому эта оценка собственно и осуществлялась.

Результатом работы нравственно-ценностного компонента сознания являются более сложные оценки. Эта сложность распространяется как на объект оценивания, так и на саму оценку. Оценки этого типа можно

условно назвать оценками второго уровня, они применяются по отношению не к отдельным объектам или простейшим ситуациям, а по отношению к наиболее типичным социально значимым ситуациям, моделям поведения в таких ситуациях, по отношению к жизненно важным для любого социума категориям. Оценки второго уровня — это уже не столько результат эмоционального восприятия, сколько обобщение коллективного жизненного опыта, результат осмысления общественной практики, квинтэссенция народной мудрости. Сама оценка этого типа уже не укладывается в противопоставление «хорошо — плохо», она может иметь довольно сложную логическую структуру: указывать на закономерные связи между отдельными явлениями, раскрывать причинно-следственные зависимости, предписывать определенные действия в определенных ситуациях, определять относительную ценность явлений, формировать саму иерархию ценностей и т. д. Соответственно, различным оказывается и лингвистическое воплощение двух типов оценок, порождаемых каждым из двух «оценочных» компонентов сознания. Носителями оценок первого уровня (эмоциональных оценок) являются специальные слова, составляющие в любом языке семантическое поле субъективных оценок, и вся коннотативная зона национального языка. Носителями оценок второго уровня («ценностных» оценок) могут являться отдельные слова, обозначающие концепты, из области нравственно-ценностных категорий, но в наибольшей степени таковыми являются пословицы и поговорки того или иного национального языка.

В данном параграфе мы последовательно рассмотрим оба типа оценок, особенности их лингвистического оформления и их значимость с точки зрения создания неповторимого национального миропорядка, немислимого без сложившихся форм и критериев оценок всего сущего и ценностных ориентиров, поскольку именно оценивание на двух уровнях завершает весь процесс отражения ПВК человеческим сознанием, окончательно превращая мир объективный в мир отраженный.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЗНАНИЯ формирует оценки, которые в последующем изложении мы будем условно именовать оценками первого уровня. **ОЦЕНКИ ПЕРВОГО УРОВНЯ** в любом национальном языке воплощаются в **СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ**, покрывающей семантическое поле субъективных оценок и объединяемой в соответствующие лексико-семантические группы, и в **КОННОТАЦИЯХ**, вся совокупность которых образует так называемую **КОННОТАТИВНУЮ ЗОНУ ЯЗЫКА**. Каждый язык располагает специальными словами для выражения разного рода оценок. Обнаруживать нечто уникальное, присущее только какому-то одному языку в данном разряде концептов довольно трудно, поскольку сама категория оценки

универсальна, а две ее разновидности: «положительная оценка» и «отрицательная оценка» — можно отнести к семантическим универсалиям. Однотипна и семантическая структура слов, выражающих эмоциональную оценку, всего можно выделить три основных типа таких структур:

1. Сема «положительная (или отрицательная) оценка» (*хорошо, плохо*).

2. Сема «положительная (или отрицательная) оценка» + сема «степень выраженности оценки» (*замечательно, отлично, чудесно; отвратительно, мерзко*).

3. Сема «положительное (или отрицательное) отношение» + сема «признак, относительно которого выражается оценка» (*красивый, вкусный, благовзвучный, удобный*).

В качестве четвертого типа можно выделить группу слов (прилагательных и наречий), которые обозначают эмоциональную оценку чего-либо, но при этом не содержат явно эксплицированной семы «положительная (или отрицательная) оценка», т. е. предмет или явление оцениваются как имеющие какой-либо признак, выраженный в очень высокой степени, но отношение говорящего к этому не актуализируется, как может не уточняться и сам оцениваемый признак. Семантическая структура таких оценочных слов состоит из одной семы, которую можно определить как «эмоциональную констатацию высокой степени проявления признака», а качественная характеристика подобной оценки и сам оцениваемый признак проявляются только в контексте реальной ситуации, в которой было использовано оценочное слово. Такую семантическую структуру, как нам представляется, имеют слова типа *умопомрачительный, сногшибательный, невообразимый, сумасшедший*, разговорное *обалденный*, сленговое *круто* и т. п. Сумасшедшими могут быть успех, деньги, скорость, поступок, любовь, боль; невообразимыми могут быть и шум, и успех, и гадость и т. п. Подобные слова есть во всех языках, их можно условно назвать носителями голый эмоциональности, которая конкретизируется по характеру выражаемых эмоций и по оцениваемому признаку только в контексте.

Однотипность потенциальных семантических структур слов, покрывающих семантическое поле оценки, не дает тем не менее оснований считать, что в данной области не имеет смысла говорить о национальной специфике. Она, конечно же, есть и проявляется в различной степени детализации одной и той же оценки и в совершенно индивидуальной для каждого языка дистрибуции семантически эквивалентных лексем разных языков. Например, семантическая структура одинакова и у русского прилагательного *красивый*, и у испанских *bello, lindo, hermoso, bonito, guapo*, и у китайских *haokánde, piáoliángde*:

она включает сему «положительная оценка» и сему «зрительное восприятие», т. е. выражает положительную оценку говорящим того, что он видит. Однако в каждом языке есть масса нюансов: в русском языке красивыми могут быть не только зрительно воспринимаемые объекты, но и отношения, и мелодии, и стихи, и даже смерть. Испанские и китайские эквиваленты не имеют столь широкой дистрибуции, их синтагматика менее свободна, например *guapo* можно использовать, только когда речь идет о лице, а использование других синонимов также ограничено их сочетаемостными возможностями: *bello gesto* (красивый жест), но *lindas palabras* (красивые слова), запретами на их взаимозаменяемость в определенных контекстах. О красоте музыки испанцы предпочитают сказать с помощью специальных слов, семантически эквивалентных русскому прилагательному *благозвучный*: *armonioso*, *melodioso*, а красота стихов может быть выражена прилагательным *eufónico*. Дистрибуция русского прилагательного позволяет сделать вывод о том, что его семантика включает и сему «соответствие оцениваемого объекта представлениям говорящего о гармонии», что сближает его по семантике в определенных контекстах с прилагательным *гармоничный*. С точки зрения семантики абсолютно одинаковы китайские слова *haokán* и *piáoliáng* (оба переводятся как *красивый, прекрасный*), но абсолютных синонимов, как известно, практически не бывает, чем-то ведь руководствовало китайское языковое сознание, создавая две различные комбинации иероглифов. Для проникновения в иноязычное мировидение необходимо в таких случаях, как минимум, две вещи: установить синтагматические валентности каждого из синонимов, чтобы затем попытаться найти рациональное объяснение (если таковое существует) сочетаемостным ограничениям и попытаться проникнуть во внутреннюю форму слов. Например, анализ внутренней формы китайских слов *haokán* и *piáoliáng* позволяет предположить, что первое («хорошее, приятное + смотреть») имеет менее возвышенную стилистическую окрашенность и более тесно привязано непосредственно к зрительному восприятию (*kan* = *смотреть*), причем зрительное восприятие может оцениваться не только с позиций соответствия критериям гармонии, но и с позиции качества простого физиологического зрительного восприятия (т. е. «то, что хорошо, ясно видно»), а второе («чистый, отбеленный, прополосканный в воде + светлый, ясный, яркий») ближе к значению русского слова *красивый*, применяемому не к объектам непосредственного зрительного восприятия, что сближает его по значению с концептом «гармоничный», «вызывающий эстетическое наслаждение».

Семантическое поле эмоциональных оценок (оценок первого уровня, по нашей терминологии) любого языка может лингвистически описы-

ваться точно так же, как любая другая семантическая область, т. е. путем внешнего по отношению к слову структурирования лексики (распределение слов-оценок по соответствующим ЛСГ с последующим описанием ядра и периферии) и установления внутренних системных связей слова в трехмерной системе координат организации семантического пространства (парадигматики, синтагматики и дериватики) в сочетании с детальным описанием лексического значения каждого слова методом выделения элементарных компонентов значения (сем). Контрастивное описание ЛСГ эмоциональных оценок разных языков на фоне соответствующих ЛСГ родного языка, безусловно, выявят национальную специфику лексикализации оценок первого уровня и помогут лучше понять способы выражения мирооценки другими языковыми сознаниями, однако в гораздо большей степени национальная неповторимость эмоциональных оценок отражается не непосредственным арсеналом специальных лексических средств, созданных языком исключительно для этих целей, а, если так можно выразиться, вспомогательными средствами, каковыми являются коннотации слов.

КОННОТАЦИЯ — это «(добавочное значение, окраска, окрашенность). Дополнительное содержание слова..., его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов...» (Словарь лингвистических терминов, 1966, с. 203—204).

Коннотативный аспект значения слов — результат работы именно эмоционально-оценочного компонента языкового сознания. Уникальность любого национального языка в очень большой степени проявляется именно в том, что коллективное **языковое сознание по-разному распределяет относительно универсальный набор эмоциональных оценок по концептам языка, изначально никак не связанным ни с оцениванием, ни с эмоциями**. На каком-то этапе своего развития языковое сознание перестает довольствоваться «голым» набором лексикализованных оценок и стремится связать каждую из них с какими-либо предметными концептами языка, чтобы эти концепты, имеющие совершенно определенные и легко представляемые прототипы, стали наглядными носителями закрепленной за ними эмоциональной оценки, стали не только прототипами предметных концептов объективного мира, но и («по совместительству») прототипами эмоционально-оценочных категорий мира субъективного восприятия действительности. Нам представляется, что в процессе исторического развития языков многие слова приобрели свои коннотации не столько потому, что обозначаемые ими денотаты объективно соответствуют приписанным им языковым сознанием эмоционально-

оценочным «довескам», сколько потому, что на определенном этапе язык (точнее, его носители) перестает довольствоваться чисто коммуникативной функцией, у людей возникает эстетическая потребность в говорении «с хитрым извитием слов». Информативно вполне достаточные выражения типа *глупый человек, неряшливый человек* перестают удовлетворять вкусам пользователей языка в силу своей «простоты», появляются *осел, свинья*, использующиеся не в своем основном, номинативном значении, а в значении метафорически-характеризующем, переносном.

Представляется возможным все слова, имеющие коннотативные «со-значения», разделить на три группы по степени очевидности и объективной обоснованности коннотаций:

1. Слова, имеющие очевидно **МОТИВИРОВАННЫЕ КОННОТАЦИИ**.

2. Слова, имеющие неясно мотивированные или **НЕМОТИВИРОВАННЫЕ КОННОТАЦИИ**.

3. Слова, имеющие коннотации, **МОТИВИРОВАННОСТЬ** которых проясняется только при условии **ЗНАНИЯ РЕАЛИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА**.

Такое деление позволяет прогнозировать зоны наибольших межъязыковых расхождений и, соответственно, подсказывает перспективные направления лингво-культурологических изысканий, направленных на изучение эксплицируемых в лексике языка особенностей национальной ментальности. Естественно, что больше расхождений следует ожидать там, где меньше объективных оснований для появления коннотации, где больше места для «субъективистского произвола». Этот «произвол» можно считать проявлением свободы национального ассоциативного мышления, так что никакого отрицательного смысла в это слово мы не вносим. Произвольность национального ассоциативного мышления обнаруживается даже при сопоставлении лексических коррелятов разных языков, принадлежащих к первой группе, т. е. там, где эмоционально-смысловые ассоциации опираются в наибольшей степени на объективные факторы и этимология коннотаций относительно прозрачна.

В качестве примера сопоставления эквивалентных групп слов разных языков с относительно очевидными мотивировками коннотаций мы выбрали обозначения представителей животного мира в русском и испанском языках. Совпадение многих коннотативных значений свидетельствует о наличии объективных предпосылок для возникновения именно таких, а не иных созначений, в то время как наличие у тех же самых слов свойственных только одному из языков коннотаций свидетельствует об относительной произвольности самого процесса «навешивания ярлыков» эмоциональной оценки на предметные 236

концепты языка. Русский язык в данном случае будет для нас фоном, относительно которого испанские коннотации мы будем определять как совпадающие или как специфические. При выборе других языков степень совпадения или несовпадения коннотаций, естественно, может существенно меняться. В правой графе таблицы перед испанским коннотативным значением мы будем ставить знак (=), если оно совпадает с коннотативным значением русского языка, и знак ***, если такое значение имеет только испанский коррелят, а в русском языке оно отсутствует. Практически все коннотативные значения словари сопровождают пометами «разговорное», «бранное», «просторечное», в таблице мы сочли возможным эти пометы опустить. Некоторым русским словам в испанском языке соответствуют несколько самостоятельных обозначений, которые мы приводим полностью, поскольку они, хотя и являются синонимами, имеют не всегда совпадающие коннотации. Самостоятельные коннотации могут иметь даже испанские имена одних и тех же животных разного пола, что тоже отражено в таблице:

РУССКИЙ ЯЗЫК	ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК
<p>СВИНЬЯ — 1. Неряха (грязный, неопрятный человек). 2. Некультурный, невежественный человек, человек с низменными наклонностями. 3. Человек, поступающий неблагодарно, низко, подло (= негодяй, мерзавец).</p> <p>(В русском слове отсутствуют целых три коннотации, свойственные испанскому концепту: «жадность», «трусость», «побежденность»).</p>	<p>PUERCO—!.(=) Неряха. 2. (=) Грубиян, хам. 3. (=) Подлец, негодяй. 4. *** Жадный человек (<i>manos ruercas</i> = руки загибающие). 5. *** О побежденном человеке (<i>declarar ser el ruercos</i> = признать себя побежденным). 6. (Дом. Респ.) *** Трусливый человек (<i>ruercos no se gasca en jabalina</i> = свинья не будет чечаться о кабана).</p> <p>CERDO—!.(=) Неряха. 2. (=) Негодяй, мерзавец.</p> <p>COCHINO— 1. (=) Неряха. 2. *** Скупердяй, жадюга.</p>
<p>КРЫСА — 1. Человек, род занятий которого расценивается как что-то мелкое и ничтожное</p>	<p>RATA — 1. *** Уличный вор, карманник. 2. *** Бедный человек. RATÓN —</p>
<p>МЫШЬ — 1. О тихом, неприметном человеке (<i>серая мышь</i>). 2. О бедном человеке (<i>беден как церковная мышь</i>).</p>	<p>1. (=) Бедный человек. 2. *** Трусливый воришка. 3. *** Книгоед, книжный червь.</p>

МЕДВЕДЬ — 1. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем человеке.

ЧЕРЕПАХА — 1. О человеке, делающем что-либо крайне медленно.

КОРОВА — 1. О толстой и неуклюжей женщине, а также неумной женщине.

КРОКОДИЛ — 1. Об очень некрасивом человеке.

ВЕРБЛЮД — Словари не фиксируют коннотаций, но на основании выражения «доказывать, что ты не верблюд» можно говорить о наличии у слова общей отрицательно окрашенной эмоциональной оценки.

ЛИСА — 1. О хитром, льстивом человеке.

СОБАКА — 1. Бранное обозначение человека без указания признака, положенного в основу номинации
2. Одобрительно-восхищенное обозначение человека также без указания признака, положенного в основу номинации.

ОСЕЛ — 1.0 глупом, тупом, упрямом человеке.

OSO — 1. *** Нелюдим; бирюк.

2. (На Кубе) *** Забияка, драчун. Hacer el oso («изображать медведя») —

1. *** Паясничать, кривляться, быть посмешищем.

2. *** Приставать с ухаживаниями

TORTUGA — *** коннотации не зафиксированы.

VACA — 1. (В Эквадоре) *** Сплетница (vaca huertera = «огородная корова»).

2. (В Дом. Респ.) *** Безвольный человек (vaca muerta = «мертвая корова»).

3. *** Шут, затейник (la vaca de la boda = «свадебная корова»).

COCODRILLO — ** коннотации не зафиксированы. CAMELLO —

1. *** Болван, дурак. DROMEDARIO —

1. *** Хам, мужлан, пендюх.

ZORRA —!.(=) Шельма, хитрый человек.

2 *** щлюха) потаскуха. ZORRO

(лис) — 1. (=) Хитрец, плут, мошенник.

2 *** Лентяи_ симулянт. PERRO —

1. (=) Бранное обозначение человека без конкретизации признака, положенного в основу номинации.

2. *** Настойчивый, упорный человек.

BURRO —!.(=) Дурак, невежда.

2 *** Трудолюбивый человек, работяга (burro de carga).

3. *** Покорный человек, пешка (burro de reata = «послушный осел»).

4. *** Глупый, хотя и образованный человек (burro cargado de letras = «осел, обремененный знаниями»).

ЛОШАДЬ — конкретных коннотаций САВАЛЛО — 1. (В Лат. Америке) *** Хам, невежа.

словари не фиксируют, отмечается коннотативная сема силы, крепости, избыточности чего-либо (лошадина доза, лошадиное здоровье).

ЧЕРВЬ — 1.0 ничтожном, приниженном человеке.

ЛРЕКОЗА — 1.0 живой, подвижной девочке.

ЖУК — 1. Ловкий плут.

2. Скрытный человек, человек сам себе на уме. БАРАН — 1.

Упрямый (в плохом смысле слова) человек.

2. (Во мн. ч.) О неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-либо.

ЖИВОТНОЕ — 1. О человеке грубом с низменными инстинктами.

ЗВЕРЬ — 1. О чрезвычайно жестоком, свирепом человеке.

Данная коннотация отсутствует в слове «зверь», но имеется в заимствованном «бестия».

ПИЯВКА — 1. О том, кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни.

САВАЛЛО — 1. (В Лат. Америке) *** Хам, невежа.

2. *** Неприхотливый человек (в словосоч. Caballo de buena boca = «лошадь с хорошим ртом»). GUSANO —!.(=)

Ничтожество.

2 *** Подонок, гад, дрянь. (Vil gusano = подлая тварь).

LIBELULA — *** коннотации не зафиксированы. ESCARABAJO

— 1. *** Коротышка, каракатица (о женщине).

OVEJO — *** Коннотации не зафиксированы.

OVEJA (овца) — 1. (Арген.) Уличная женщина.

ANIMAL — 1. (=) Грубиян, невежа.

2. *** Невежда.

3. *** Тупой человек.

4. *** Здоровяк.

FIERA, BESTIA — 1. *** Подонок; (mala bestia — «плохой зверь» = дрянь, погань, скотина).

2. *** Болван, тупица.

3. (=) Жестокий человек.

<- 4. (В Мексике, на Кубе) *** Делец ловкач, предприимчивый человек.

SANGUIJUELA - 1. (=) О человеке, ведущем паразитический образ жизни.

ГАД — 1. Об отвратительном, мерзком человеке.
 ВОШЬ — Коннотации не зафиксированы.
 ГНИДА — О ничтожном, мерзком человеке.
 МЕРИН — 1. О наглом, беззащитном человеке (*врет как сивый мерин*). 2. Об очень глупом человеке (*глуп как сивый мерин*).
 КУРИЦА (мокрая курица) — 1. О человеке, имеющем жалкий вид. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке. 3. Общая отриц. коннотация (*слепая курица, куриные мозги, курицын сын* и т. п.).
 КЛУША (= курица-наседка) — 1. О неуклюжей, неповоротливой женщине.
 ПЕТУХ — 1. О задиристом человеке забяке.
 ЗАЯЦ — 1. Трусливый человек.
 ИНДЮК — 1. О важничающем, чванливом человеке с избыточным самомнением.
 ЦЫПЛЕНОК — 1. О тщедушном, слабом человеке.
 ЖАБА — 1. О человеке несимпатичном и неприятном (может быть, жадном), вызывающем крайнюю неприязнь.
 ГЛЯ — 1. О ничтожном, никчемном человеке.

REPTIL — *** Коннотаций нет.
 PIOJO — 1. *** Прилипала (*piojo pegadioso* — «прилипчивая вошь») 2. *** Выскочка/ (*piojo resucitado* — «ожившая вошь»). 3. *** Зануда.
 LIENDRE — *** Коннотаций нет.
 CABALLO CASTRADO — *** Коннотаций нет.
 PERICÓN (лошадь или мул для любой работы) — 1. *** Простак.
 GALLINA — 1. *** Трус, заячья душа.
 GALLO — 1. *** Заводила, верховод. 2. (В Лат. Ам.) *** Силач, смельчак.
 LIEBRE — 1. (=) Трусливый человек.
 PAVO — 1. *** Мямля, рохля.
 POLLO — 1. *** Юнец, молокосос, щенок. 2. *** Шельма, продувная бестия. 3. (Чили) *** Забывчивый человек (*cabeza de pollo*).
 SAPO — 1. (Чили) (=) Невзрачный человек, человечиска. 2. (Куба) *** Проститутка.
 PULGÓN — *** Коннотаций нет.

ОБЕЗЬЯНА — 1. О человеке, который подражает другим, передразнивает их. 2. Гримасник^ кривляка. 3. Об очень некрасивом человеке
 MONA — 1. (=) Гримасник, кривляка. 2. *** Пьяный человек. 3. (В Мексике) *** Трус. 4. (В Гондурасе) *** Негодяй.
 MONO — 1. *** Жеманный (манерный) молодой человек.
 GANSO — 1. *** Лентяй, бездельник. 2. *** Олух, балбес.
 ГУСЬ — 1. О ненадежном и плутоватом человеке (в соч.: *хорош гусь, ну и гусь*).

Мы привели пример попытки сопоставления коннотативных значений лексики двух языков, именуемой одни и те же предметные концепты (некоторые названия животных в русском и испанском языках), чтобы не быть голословными, утверждая, что даже в тех случаях, где коннотации мотивированы определенным сходством денотатов первичной номинации и номинации вторичной, прослеживаются существенные отличия при переходе от одного языка к другому. Справедливости ради следует заметить, что названия животных — это наиболее богатый материал для анализа с точки зрения обилия коннотативных значений: чуть ли не каждое наименование несет в себе помимо основного номинативного значения эмоционально-оценочный «довесок», который ложится в основу вторичной номинации, в основу метафорического переноса. Мы возьмем на себя смелость утверждать, что в основу большинства метафорических переносов кладется не сам реальный признак, по которому денотаты первичной и вторичной номинаций оцениваются как очень похожие, а привнесенная в концепт языковым сознанием эмоциональная оценка, своего рода «ассоциативный ярлык». Несовпадение национальных «ярлыков» свидетельствует именно о национально-специфической субъективности восприятия объектов внешнего мира. Почему русское языковое сознание увидело в *осле* глупость и упрямство, а испанское — глупость, покорность, но и трудолюбие? В *курице* русский язык увидел глупость, а испанский — трусость? Почему для китайцев *собака* ассоциируется с подхалимством, для русских со злостью или преданностью, а для носителей испанского языка — с настойчивостью и упорством? Почему *медуза* для русских ассоциируется с чем-то неприятным, а для японцев олицетворяет красоту и гармонию? Какое из языковых сознаний ближе к истине? Естественно, что работа эмоционально-оценочного компонента сознания не может оцениваться в терминах истинности или ошибочности. В данном случае уместно процитировать Густаво Зубетта:

«En este mundo traidor (В этом предательской мире
 No hay ni verdad, ni mentira: Нет ни правды, ни лжи:
 Todo depende del segundo lado Все зависит лишь от граней стекла,
 del cristal,
 Por donde se mira». Через которое на это смотреть).

Таковым стеклом и является языковое сознание, оно и определяет, какому животному олицетворять силу, смелость или трудолюбие, а какому — глупость, трусость, жадность или внешнюю непривлекательность. Данные приведенной выше таблицы наглядно иллюстрируют национально-лингвистический «произвол».

Вместе с тем слова первой группы подвергаются коннотативному переосмыслению все-таки на определенных объективных основаниях, в частности, «...в силу роли объектов для человека (*гад, гнида, пиявка*)». Правда, эта роль часто весьма значительно модифицируется национально-языковой спецификой. Так, одно и то же животное — крыса — имеет существенно разные коннотации именованья: в англ. яз. *rat* «предатель», «доносчик», «шпион»; во фр. яз. *rat* «скупого человека», «скряга»; в нем. яз. *Ratte* «с увлечением работающий человек» (*Ballettratte, Leserate*); в русск. яз. крыса — «ничтожный, приниженный службой человек» (Комлев, 1992, с. 52). Но если уж в рамках наиболее мотивированно нагруженных дополнительной семантикой слов обнаруживаются столь сильные межъязыковые отличия, то каковы же должны быть эти отличия в словах с этимологически неясными коннотациями? Вопрос, по сути, риторический.

Группа эмоционально-оценочной лексики любого языка с НЕЯСНО МОТИВИРОВАННЫМИ КОННОТАТИВНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ практически целиком может быть отнесена к лексике национально-специфической. Коль скоро в таких обозначениях отсутствует сколько-нибудь прослеживаемая логика семантического переосмысления, то нет смысла и говорить о какой бы то ни было межъязыковой универсальности. Рассчитывать можно только на случайные совпадения подобного рода коннотативных значений в разных языках, не более того. Приведем несколько примеров слов с немотивированными коннотациями в русском языке: *бандура* (о каком-либо громоздком предмете, назначение которого может быть не совсем ясно), *перечница* (*старая перечница, чертова перечница* — о злой, сварливой женщине), *калоша* (*сесть в калошу* — оказаться в смешном, нелепом положении, потерпеть неудачу, а также бранное обозначение пожилой женщины: *старая калоша*), *клубничка* (о чем-либо нескромном, скабрезном), *чайник* (о неопытном в чем-либо человеке, чаще о начинающих водителей автомобиля), *лапоть* (о невежественном, отсталом человеке), *валенки*

(о простоватом, несообразительном, провинциальном человеке, например, *валенки сибирский*), *шестерка* (о человеке на побегушках у кого-либо, человеке незначительном, выполняющем чужие указания), *винтик* (о человеке, чтобы подчеркнуть его незначительность и невозможность влиять на ход событий /почему-то *шурупчик, гаечка, гвоздик, саморезик, прокладочка* и т. п. аналогичных коннотаций не получили/), *тряпка* (о бесхарактерном, слабовольном человеке), *тумба* (о неуклюжем, толстом, нерасторопном человеке), *абзац* (сознание безвыходности ситуации, серьезности последствий чего-либо) и т. п. При желании этимологию каждой коннотации можно с различной степенью обоснованности установить, но главное в другом — не в отсутствии мотивированности как таковой (чем-то ведь руководствуются носители конкретного языкового сознания, когда «распределяют» эмоционально-оценочные «ярлыки» по концептам своего языка), а в очень высокой степени произвольности такой мотивации.

Иногда языки обнаруживают трудно объяснимое единодушие, связывая ту или иную оценочную категорию с определенным концептом (или группой концептов) внешнего мира. С позиций логики трудно объяснить, почему многие языки идею **глупости** связывают с **деревом** (как материалом) и, соответственно, с различными «деревянными» концептами. В любом случае эта универсальность оказывается относительной в том смысле, что, во-первых, не все связанные с деревом концепты разных языков имеют эту коннотацию, а во-вторых, многие «деревянные» концепты оказываются нагруженными и другими коннотативными значениями, которые для носителей других языков оказываются неожиданными. Дополнительную трудность представляют сочетаемостные ограничения, внутренняя форма устойчивых словосочетаний в разных языках, имеющих одинаковое значение. Например, достаточно распространено использование для называния глупого человека модели «голова + «деревянный» концепт»: (англ.) *wooden head* — «деревянная голова»; (китайск.) *mutóurén* — «человек с деревянной головой»; русский язык при аналогичном обозначении уже обнаруживает большую конкретность — *дубовая голова*, а испанский язык, при том, что и для него в целом свойственна семантическая корреляция «дерево —» глупость», в данном конкретном случае использует словосочетание *la cabeza redonda* — «круглая голова». Внутренняя форма испанского выражения не совпала ни с внутренней формой английского и китайского языков, ни с внутренней формой русского языка по той простой причине, что испанские слова *la madera* (дерево как материал) и *el roble* (дуб) оказались уже «занятыми» другими коннотативными значениями (мы их приведем чуть ниже).

Автору этих строк довелось быть свидетелем ситуации/ курьезность которой была обусловлена именно асимметрией коннотативных значений «деревянных» концептов в русском и испанском языке. На узкой улочке района Старой Гаваны водитель-кубинец остановил пассажирский автобус, чтобы поболтать со случайно увиденным на тротуаре приятелем. Беседа была явно не очень содержательной (она сводилась к вопросам о самочувствии многочисленных родственников и знакомых), но весьма продолжительной, вследствие чего образовалась гигантская автомобильная пробка, которую водитель автобуса откровенно игнорировал. Один из застрявших в этой искусственно созданной пробке водителей оказался русским человеком, он явно не отличался латиноамериканским благодушием и, подойдя к виновнику происшествия, обратился к нему с вопросом: «*Tu tienes la cabeza o la madera?*» (У тебя голова на плечах или дерево?). Кубинец явно не ощутил ни риторичность вопроса, ни намек на свои умственные способности, он задумался на некоторое время, потом улыбнулся и ответил: «*Madera*» (дерево), — чем поверг в недоумение уже спрашивавшего. Налицо был коммуникационный сбой, причина его заключалась в том, что носитель русского языкового сознания подразумевал наличие у испанского слова *madera* тех же самых коннотаций, что и у русского слова *дерево*. Курьезность ситуации состояла в том, что *madera* в испанском языке имеет не отрицательное, а положительное переносное значение, а именно «ловкость, хватка, сноровка», так что с точки зрения кубинца вопрос заключался в том, чтобы причислить себя либо к «имеющим голову на плечах», либо к «тертым калачам». Последнее, видимо, показалось ему предпочтительнее, что и определило его ответ. Именно положительной коннотацией концепта *дерево* в испанском языке объясняется и повергавшая в шок преподавателей из России привычка кубинских студентов выражать свое одобрительное отношение (и даже восхищение) постукиванием косточками пальцев по деревянному столу с последующим указыванием пальцем на человека, к которому это относится.

Сравним коннотации слов, связанных с обозначением относящихся к дереву объектов, в русском и испанском языках.

РУССКИЙ ЯЗЫК:

ДЕРЕВЯННЫЙ — 1. **Лишенный** естественной подвижности, гибкости, легкости или непринужденности (*деревянная походка, на деревянных ногах*).

2. **Лишенный** выразительности, оттенков чувств (*деревянное лицо, улыбка, голос*).

3. **Лишенный** чувств, бесчувственный.

4. Тупой, т. е. **лишенный** ума.

В последнее время у этого прилагательного появилась еще одна коннотация, актуализирующая сему малоценности, никчемности, ненастоящести. Это коннотативное значение проявляется в ставшем весьма распространенным названии русской национальной валюты -рублей, именуемых *деревянными рублями* или просто *деревянными*. Эту коннотацию можно сформулировать как «**лишенный** ценности». Все пять дополнительных значений объединены тем, что **лишают** именуемый объект того или иного качества, а именно: гибкости, легкости, непринужденности, естественности, выразительности, чувств, ума и ценности. Не меньше «досталось» «деревянности» и в английском языке: выражения *wooden smile, wooden head, wooden* (о слоге), *wooden spoon* (в значении «последнее место в состязании») актуализируют те же, что и в русском языке, семы безжизненности, ненатуральности, топорности, отсутствия изящности, ума, ценности. То же самое и в китайском языке: *bánzhǐ wényǔ* — «дубовый язык», *huámíán bānzhǐ* — «дубовая картина» (т. е. безжизненное изображение, или, как предлагает словарь: *нет в картине живости*). **БРЕВНО** — о тупом, глупом или нечутком человеке. **ПЕНЬ** — о глупом и бесчувственном человеке (сидеть, стоять

как пень или *пень пнем*, т. е. ничего не понимая, неподвижно, бессмысленно). **ЧУРБАН** (**ЧУРКА**) — о бестолковом, глупом человеке (*чурка с глазами*).

ДУБ, ДУБИНА, ДУБЬЕ — о бестолковых, тупых и упрямых людях. **ДУБОВЫЙ** — грубый, неуклюжий, тяжеловесный (*дубовый язык, дубовый стиль, дубовые* /т. е. слишком жесткие, грубые/ *ботинки, кожа*).

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК (значком (=) мы отметили совпадающие коннотации, значком *** — коннотативные значения, отсутствующие в русских эквивалентах, а значком (*=) — не совсем полное совпадение):

MADERA (дерево как материал) — *** Ловкость, хватка, сноровка (*ser de mala madera, tener mala madera* /дословно: «быть из плохого дерева, иметь плохое дерево»/ = быть ленивым, неповоротливым, быть лежебокой).

Из трех обозначений, эквивалентных русскому *бревно*, два лишены коннотаций (**ROLLO, ROLLIZO**), а третье соответствует русскому эквиваленту: **TRONCO** — (=) глупый, тупой человек, дубина, чурбан. **TOCÓN, TUECO, CHUECA** (пень) — *** коннотаций не имеют.

TAJO, TAJÓN (чурбан, колода) — *** коннотаций не имеют.
LEÑO (полено, бревно) — (=) Олух, дубина, пень, бревно.
ZOQUETE (колода, чурбан) — 1. (*=) Увалень, медведь.

2. (=) Невежа, пентюх.

GARROTE (палка, дубина) — *** коннотаций нет. Другой эквивалент слова *дубина* — PORRA — имеет переносное значение «назойливый, настырный человек, зануда», но из рассматриваемой группы должен быть исключен, так как им называют не деревянные, а резиновые палки, дубинки.

Для обозначения дуба испанский язык располагает тремя самостоятельными лексемами с отличающимися коннотациями: ENCINA (каменный дуб) не имеет коннотаций, ROBLE отличную от русского эквивалента положительную коннотацию *** «здоровяк, крепыш», и лишь ALCORNOQUE (пробковый дуб) может означать (=) «тупица, дурак» (*El es un pedazo de alcornoque* («он — кусок пробкового дуба») = *он глуп как пробка*). Центральным членом категории является все-таки именно слово ROBLE, у которого нет коннотативного значения глупости, поэтому испанский язык не повторяет внутреннюю форму выражений русского языка со словом *дубовый* в одном из переносных значений, а при сохранении общей семантики использует другие лексические средства: *дубовая голова* (русс.) = *cabeza redonda* («круглая голова»), *дубовый стиль* (русс.) = *estilo pesado* («тяжелый стиль»). Трудно было бы ожидать, что в устойчивых словосочетаниях с негативной эмоциональной окрашенностью будет фигурировать слово, переносное значение которого определяется как «persona o cosa fuerte y de gran resistencia» («сильный человек или очень прочный предмет») (Soreña, 1981). Эта коннотация испанского имени дуба свойственна переносным значениям русских слов *кремень* и *стальной, железный*, которые тоже используются только в устойчивых словосочетаниях с положительными коннотациями (стальные нервы, железное здоровье т. п.).

В отдельную группу мы объединили слова, у которых коннотативные значения обусловлены не столько «произволом» работы эмоционально-оценочного компонента языкового сознания этноса, сколько реалиями национальной культуры, поэтому понятной мотивация подобных коннотаций может стать исключительно при обращении ко всему контексту культуры народа, чью логику при генерировании языковых коннотативных значений мы хотим постичь. Иногда прояснение этимологии коннотации не требует слишком глубокого культурологического экскурса, достаточно обратиться к фактам, которые очевидны, в иных случаях искать объяснения приходится гораздо глубже — в области религии или национальных философских учений.

Примерами достаточно очевидной мотивированности характера коннотативных значений экстралингвистическими факторами национального бытия и национальной культуры можно считать коннотации (или их отсутствие) концептов *вода* и *черный* в разных языках. В русском языке вода помимо своего основного значения имеет коннотативное значение бессодержательности, малоценности. Использованное по отношению к любого рода текстам данное слово означает «многословие при бедности содержания; пустые, бессодержательные фразы», использованное применительно к жидкостям (не являющимся водой) означает низкую оценку обозначаемого (*не кровь в жилах, а водица; вода, а не вино* и т. п.). «Невысокого мнения» о воде и испанское языковое сознание, если допускает использование слова *agua* (вода) по отношению к «cosa de poca o ninguna sustancia» (к чему-либо, имеющему очень маленькое значение (важность, значимость) или вообще не имеющему значения) (Soreña, 1981). Есть в испанском языке и другая коннотация у слова *agua*. Вода может интерпретироваться испанским языковым сознанием как символ скрытой опасности, угрозы, таящейся за внешним спокойствием, отсюда и переносное значение: *agua mansa* (тихая, спокойная вода) = *mosquita muerta* (мертвая птица пеночка) =-тихоня, лицемер. Наличием этой коннотации обуславливается и использование слова *agua* во фразеологизмах соответствующего содержания, например: *guarda me dios del agua mansa, y de la corriente me salvaré yo* (убереги меня, господи, от стоячей воды, а уж от бурной я сам себя спасу), *nadie diga de esta agua no beberé* (никому не следует говорить, что этой воды ему испить не придется). Английский язык, подобно русскому, использует слово *water* для обозначения пустословия и низкого качества напитка: *water bewitched* (очаровательная водичка) — о слабом чае и т. п.

Подобного соединения в коллективном сознании концепта воды и семы малозначимости, малоценности и уж тем более — скрытой опасности, вряд ли стоит ожидать от народов, исторически проживающих в местах с жарким климатом и явным дефицитом воды. Скорее они соединят с водой исключительно положительные коннотации, аналогичные существующим и в вышеупомянутых языках: *genius of the first water* (англ.) = исключительный талант; *of the first water* (англ.), *d'une belle eau* (франц.), *de hermosa agua* (исп.) — о высоком качестве драгоценных камней (чаще всего бриллиантов) = (*бриллиант*) *чистой воды*.

Можно отнести к разряду индоевропейских семантических универсалий устойчивую ассоциативную связь между черным цветом и идеей зла, низменности и т. п. В устойчивых словосочетаниях европейских языков отражается примерно одинаковый набор отрицательных

коннотаций концепта *черный*, поэтому нет нужды отдельно формулировать значение каждого сочетания в том или ином языке, они актуализируют лишь оттенки и разновидности общей отрицательной эмоциональной оценки именуемого объекта и понятны носителям индоевропейских языков без дополнительных комментариев. Приведем несколько примеров использования данного концепта цвета в составе устойчивых словосочетаний разных языков в его переносном значении: в РУССКОМ ЯЗЫКЕ: *черный ход*, *черная лестница*, *черная работа*, *чернорабочий*, *чернь* (о народе), *черная магия*, *чернокнижник*, *черная зависть*, *черная неблагодарность*, *черные мысли*, *черная душа*, *черная смерть* (чума), *черный список*, *видеть все в черном цвете*, *очернять* (клеветать), *черный рынок*, *отложить деньги на черный день*, *держат в черном теле*. В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: *things look black* (положение кажется безнадежным), *black looks* (враждебные, злые взгляды), *he is not so black as he is painted* (он не так плох, как его изображают), *black art* (черная магия), *black as sin* (мрачнее тучи), *black dog* (дурное настроение, тоска зеленая), *black hand* (сленг.— шайка воров), *to look black* (выглядеть хмурым, мрачным). В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: *ponerse negro* (становиться мрачнее тучи), *suerte negra* (тяжелая, горькая судьба), *Usía negra* (черный список), *negociar (ganar) con la negra* (неудачно вести бизнес, остаться в проигрыше), *poner negro* (раздражать кого-либо, доводить до белого каления), *verse negro para hacer una cosa* (делать что-либо с большим трудом), *ésa es mas negra, ésa sí que es negra* (дело обстоит очень скверно), *pasar las negras* (оказаться в сложной, болезненной ситуации), *negro* (о человеке, выполняющем литературную работу, авторство которой приписывает себе другой человек; о том, кто работает анонимно для славы и выгоды другого человека (!!!)). Единственным исключением из «черного списка» концепта *черный* в испанском языке можно считать положительную коннотацию, отмечаемую в испанском языке стран Латинской Америки, где слова *negro*, *negra* используются в качестве обращения к близкому человеку (чаще всего между супругами, женихом и невестой). В таком контексте данное обращение эквивалентно русским *милый*, *дорогой*, но имеет более сниженную стилистическую (но не оценочную) окраску.

Почему положительная коннотация у концепта *черный* в испанском языке отмечается именно в Латинской Америке? Не связано ли это с тем фактом, что во многих странах этого региона значительный процент населения составляют темнокожие потомки завезенных колонизаторами на континент рабов из Африки? Осмелимся предположить, что так оно и есть. По той же причине чернокожее население африканских стран не связывает с черным цветом идеи отрицательной

оценки. Было бы весьма странным, если бы один из основных признаков этнической принадлежности и этнической самоидентификации народа ассоциировался с чем бы то ни было отрицательным. «Для народов Экваториальной Африки недействительны индо-арийские соответствия: добра, идеала, истины — цвету белому, а зла, «низменного», лжи — цвету черному, так что выражение типа «черная неблагодарность» там будет восприниматься как противоестественное, вроде: «благодетельное зло», как оксюморон, а восклицание Отелло: «Черен я!» может восприниматься не трагически, а одически, как самовосхваление» (Гачев, 1988, с. 47—48).

Примеры с различной коннотативной нагруженностью концептов *вода* и *черный* в разных языках относятся к той группе национально-специфических эмоциональных оценок, для понимания мотивации которых требуется минимальное и достаточно поверхностное обращение к реалиям историко-культурного бытования носителей определенного языка, но языки располагают и более глубинными мотивациями закрепления определенных коннотативных значений за теми или иными концептами. Причины многих коннотаций следует искать в области религии и древней философии (для тех культур, где таковая имеется). Например, «в некоторых восточных культурах, где смерть рассматривается как продолжение жизни в иных измерениях, отношение людей к естественной смерти другое: оно не вызывает такого страха, как у европейца. В иудейско-христианской и мусульманской цивилизациях смерть, безусловно, коннотирована отрицательно» (Ком-лев, 1992, с. 53).

Любое коннотативное значение концепта национального языка можно с полным основанием считать феноменом национальной культуры, сложившимся исторически, передающимся от поколения к поколению и проникающим в ткань национального сознания, особенно если этимология этого коннотативного значения непосредственно связана с историческими, религиозными или философскими реалиями национальной культуры.

В качестве примера коннотации данного типа, т. е. коннотации, имеющей в качестве мотивации мощные пласты историко-философской информации, мы используем концепт *уди* (правый) и *зио* (левый) в китайском языке. Специфика коннотативных значений этих концептов в китайской культуре состоит в том, что, в отличие от других языков, у каждого из концептов могут быть (а точнее, существуют параллельно) диаметрально противоположные эмоционально-оценочные значения. Большинство языков (не имея конкретных данных, не корректно было бы говорить о всех языках) ассоциируют правую сторону с чем-то, заслуживающим положительной оценки,

а левую сторону — с чем-то, заслуживающим оценки отрицательной, т. е. концепт *правый* «хороший», а концепт *левый* — «плохой». Исследователи, обращавшиеся к этой теме, указывали на зависимость характера сложившегося отношения к каждому из понятий от религиозных факторов, в частности (для стран Европы) от того, как христианство относится к правой и левой сторонам. Положительные коннотации концепта *правый* и отрицательные коннотации концепта *левый* они связывают именно с тем, что христианство почитает правую сторону как обозначающую добро, правду, честь, высокое положение, ссылаясь при этом на Новый завет («От Матфея святое благословение»). Мы не беремся судить о том, насколько это верно. Плевали ли, например, на Руси через левое плечо от «сглазу» до принятия христианства, или эта традиция связана именно с поверьем, что за правым плечом стоит ангел-хранитель, а за левым бес-искуситель? Возможно, что положительные и отрицательные ассоциации у каждого из понятий сформировались в дохристианскую эпоху, когда люди отметили большую роль правой руки в процессе трудовой деятельности или охоты, что и послужило причиной именно такой эмоционально-оценочной «загрузки» понятия *правый*. Кстати, не только в русском языке, но и в других европейских языках положительность понятия *правый* намного сильнее и многообразнее (и соответственно, богаче отражена в лексике), чем отрицательность понятия *левый*. В любом случае факт остается фактом: все европейские языки обнаруживают завидное единодушие в положительной оценке концепта *правый* и в самом наборе значений этого ставшего многозначным во всех языках слова. Не имеет принципиального значения тот факт, что многие языки формально развели обозначения правой стороны и этимологически производные от него значения с очевидной оценочной семантикой, придав им статус омонимов, а не лексико-семантических вариантов одного и того же слова. Это вопрос лексикографической практики, не ставящий под сомнение очевидный факт общего происхождения.

Рассмотрение коннотаций (и их исторических мотивировок) китайских концептов *you* и *zuo* мы сочли целесообразным предварить очень кратким напоминанием об отношении к концептам *правый* и *левый* в нескольких европейских языках, создав тем самым некий фон для сравнения.

В русском языке слово *правый* помимо своего исходного значения обозначения стороны, места и направления имеет следующие значения (все они содержат сему положительной оценки): 1. Не имеющий за собой вины (*кто прав, кто виноват?*); 2. Поступающий (говорящий, думающий) правильно, не совершающий ошибок (*вы абсолютно*

правы, поступая таким образом)'. 3. Справедливый, заключающий в себе правду (*правое дело*). Устойчивое сочетание *правая рука* называет первого помощника, главное доверенное лицо. Английский и испанский языки реализуют практически такой же набор значений. Английский язык: *to be right* (быть правым), *he is always right* (он всегда прав), *to be all right* (быть в порядке, чувствовать себя хорошо), *the rights of the case* (истинное, действительное положение вещей), *right* (право на что-либо, справедливое требование чего-либо) и т. п. Многочисленные устойчивые обороты, содержащие лексему *right*, актуализируют разные стороны общей «положительности» именуемого объекта, качества или ситуации: правильность, истинность, справедливость, верность, хорошее самочувствие. Ту же ситуацию мы наблюдаем и в испанском языке: *derecho* помимо своего первого значения означает также «справедливый, честный, правдивый; несомненный, верный; законный». Эти значения реализуются в многочисленных устойчивых словосочетаниях: *a las derechas* (должным образом), *de derecho* (по закону, должным образом), *andar a derecho* (вести себя как подобает, действовать смело).

Есть, конечно, и некоторые отличия в наборах значений русского, английского и испанского эквивалентов. Например, английское *right* может актуализировать отсутствующие в русском корреляте семы «точность» (*right in the middle* /точно, как раз посередине/), «немедленность» (*right now* /прямо сейчас/, *right off the bat* /с места в карьер/), «полноты действия» (*right to the end* /до самого конца/), «очень» (*I know right well* /я знаю очень хорошо/), «прямота движения» (*go right ahead* /идти прямо вперед/), «подходящий, надлежащий, соответствующий» (*the right size* /нужный размер/, *the right man in the right place* /человек на своем месте/). Испанское слово *derecho* имеет отсутствующие в русском слове *правый* значения «прямой, идущий в прямом направлении», а также «счастливым, удачливым» (в Лат. Америк.), а образованное от него существительное *derechura* означает не только «правильность, точность» (как в русском языке), но еще и «прямота, прямолинейность» и «удача, счастье» (в Лат. Америк.). При наличии обилия национально-специфических нюансов семантики концепта *правый* в русском, английском и испанском языках, следует признать очевидную положительную эмоциональную окрашенность всех значений, развившихся на базе исходного значения слова.

С точки зрения словообразовательной продуктивности русское слово *правый* оказалось намного более «сильным», чем его английские и испанские эквиваленты, корень **-прав-** присутствует в целом

ряде слов, обозначающих концепты, для именования которых испанский и английский языки выбрали другие мотивирующие основы: *правда* (англ.— *true*, исп.— *la verdad*), *правительство* (англ.— *government*, исп.— *el gobierno*), *править, управлять* (англ.— *to govern*, исп.— *dirigir, gobernar, regir, administrar*), *праведник* (англ.— *pious, religious man*, исп.— *el hombre pío*), *православие* (англ.— *orthodoxy*, исп.— *la ortodoxia*), *правосудие* (англ.— *justice*, исп.— *la justicia*), *правило* (англ.— *rule, regulations*, исп.— *la regla, el reglamento*), *правильно* (англ.— *correctly* и *rightly*, исп.— *correcto*), *правопорядок* (англ.— *law and order*, исп.— *el orden legal*), *правописание* (англ.— *spelling, orthography*, исп.— *las reglas de ortografía*) и т. д. Однако все три языка используют имя именно этого концепта для обозначения понятий «совокупность установленных и охраняемых государством норм и правил поведения в обществе», «возможность действовать или пользоваться чем-либо, гарантированная какими-либо законами»: русск.— *права человека*, англ.— *human rights*, исп.— *derechos humanos*; русск.— *право на труд*, англ.— *right to work*, исп.— *derecho al trabajo* и т. п.

Отрицательные коннотации концепта левый не столь многочисленны и разнообразны, как положительные коннотации концепта *правый*, но они присутствуют в каждом из трех языков: в русском языке они отражены в устойчивых выражениях *встать с левой ноги* (= быть в плохом настроении, быть раздражительным), *левые деньги, левая работа, левый товар* (о чем-либо незаконном, побочном), *ходить налево* (о супружеской неверности), *левак* (= человек, использующий рабочее время и средства в личных корыстных целях); в английском языке: *left-handed* (= неуклюжий, лицемерный, неискренний), *left-handed compliment* (= сомнительный комплимент); в испанском языке: *izquierdo* (= кривой, извилистый), *izquierdar* (= separarse de lo que dicta la razón) (= вести себя неразумно, делать что-либо вопреки здравому смыслу, делать глупости).

Особенностью китайского языкового сознания является совмещение в каждом из концептов диаметрально противоположных коннотаций. «У китайцев (ханьцев) с давних времен существуют две системы взглядов на левую и правую сторону. Первая система предполагает положительное отношение к правой стороне и отрицательное к левой. Вторая, наоборот, положительное отношение к левой стороне и отрицательное к правой» (Лю Гуанчжунь, 1998, с. 91).

Первый подход (совпадающий с европейским отношением к концептам *правый* и *левый*) находит отражение в общей эмоциональной окрашенности слов, содержащих иероглифы *уди* (правый) и *зуо*

(левый): *you xing, you zu* (знатный род, аристократия), *you zhi* (высокая должность), *you xidng* (титул высшего административного чиновника во времена династии Тан); *pang men zuo ddo* (неверный путь, ложное учение), *zuo xing zi* (странное поведение, чудачество), *zuo chu, zuo gíán, zuo jidng* (быть пониженным в должности); «левые» чиновники, т. е. чиновники, в названии титулов которых использовался иероглиф *зуо*, были по рангу ниже «правых» чиновников, у которых в названии соответствующих титулов использовался иероглиф *юу*. В соответствии с этим отношением к каждой из сторон в древнем Китае дома знати располагались справа от императорского дворца, а дома людей низших сословий располагались слева.

В основе противоположного эмоционального отношения к концептам *юу* и *зуо* лежит уже упоминавшееся нами дуалистическое натурфилософское учение «*yín/yáng*». Традиционно в Китае старались строить дома таким образом, чтобы они выходили фасадом на юг, а если южную сторону считать лицевой, то левая сторона оказывается восточной, т. е. ассоциируемой с солнцем, светом, теплом, жизнью, мужским началом в природе (всем тем, что соотносится с понятием *yáng*), а правая сторона оказывается западной, соотносимой с мраком, смертью, женским началом в природе, т. е. с понятием *yín*. Именно эти ассоциации объясняют положительное отношение к левой стороне, проявляющееся, например, в традиции предлагать почетным гостям сесть слева от хозяина дома, в некоторых пословицах и высказываниях древних философов (см.: Лю Гуанчжунь, 1998 с. 93). Наличие у китайских концептов противоречащих друг другу коннотаций является достаточно редким явлением и объясняется интерференцией общечеловеческих мотивирующих факторов и влияния национально-специфического философского осмысления мира. Подобная двойственность коннотативных значений, равно как и неожиданные коннотации, трудно поддающиеся объяснению, должны служить сигналом о возможном наличии культурно-философской подоплеки возникновения этих национально-специфических сознаний и стимулировать дополнительные экскурсы в историю и философию культуры изучаемого языка.

Нравственно-ценностный компонент языкового сознания играет ключевую роль в формировании отдельной зоны НЯКМ, состоящей из лексики и идиоматических выражений, в которых зафиксирован коллективный жизненный опыт многих поколений народа, оцененный с позиций установившихся в данном обществе представлений о морально-нравственных и ценностных приоритетах. Отлитые в лексические формы национального языка оценки этого типа мы будем условно именовать оценками второго (более глубокого и более значимого

по сравнению с эмоциональными оценками) уровня. Как мы уже отметили в начале параграфа, оценки второго уровня сложнее эмоциональных оценок как по своему содержанию, так и по средствам выражения. Семантическая структура «ценностных» оценок может не ограничиваться семами положительной или отрицательной оценки и семей, конкретизирующей признак, на основании которого данная оценка производится, а распространяться суждениями констатирующего, предписывающего, причинно-следственного и т. п. характера. Что же касается формы, то оценки второго уровня лексикализованы по большей части не с помощью отдельных слов, а с помощью фразеологических оборотов: пословиц и поговорок. Мы абсолютно убеждены, что идиоматические словосочетания должны включаться в НЯКМ на том основании, что в каждом из них «...семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной разделенностью составляющих его элементов...», вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» (Словарь лингвистических терминов, 1966, с. 503—504). В контексте данной работы для нас не существенно, является ли фразеологизм предикативной фразеологической единицей (т. е. образующей идиоматическое предложение) или нет, важна лишь семантическая цельность номинации, каковою в данном случае является «ценностная» оценка, выраженная образными средствами конкретного национального языка. Если по отношению к отдельному слову не всегда можно говорить о внутренней форме (как одном из наиболее ярких проявлений национальной языковой специфики), то любой фразеологизм «обречен» на обладание этой самой внутренней формой в силу самого своего предназначения — облекать содержательный инвариант в яркую, запоминающуюся форму на основе одного из типов семантического переноса. Помимо фразеологии языка результаты работы нравственно-ценностного компонента языкового сознания отражены непосредственно в лексике, образующей в языке семантическое поле нравственно-ценностных категорий. Набор таких слов в каждом из языков достаточно универсален, и говорить о национальной специфике на этом уровне достаточно сложно: эквиваленты концептов *честь, благородство, героизм, мужество, самопожертвование, патриотизм, щедрость, подлость, измена, коварство* и т. п. можно обнаружить если и не во всех, то в подавляющем большинстве языков. Хотя нюансы семантического наполнения эквивалентных на первый взгляд концептов в разных языках не столь очевидны, их можно исследовать и описывать, и по результатам этих описаний делать выводы о степени универсальности концепта или о степени его специфичности в том или ином языке. В качестве примера можно было бы обратиться к несовпадающим по

своему семантическому наполнению концептам *воля* в русском языке и *freedom* в английском или *la libertad* в испанском. О различии этих концептов мы писали в разделе, посвященном участию логико-понятийного компонента языкового сознания в формировании национально-специфических абстрактных концептов. Эти же самые концепты можно было бы рассматривать и как концепты национальных ценностных категорий. Напомним, что основное отличие концепта *воля* от наиболее семантически близких ему коррелятов западных языков состоит в наличии семы отсутствия какой бы то ни было регламентации, каких бы то ни было ограничений плюс в подразумеваемости бескрайних пространств.

В качестве примера в определенной степени специфического ценностного концепта можно привести русское слово *совесть* и производные от него *совестно, совестливый, бессовестный*. Если посмотреть на приводимые двуязычными словарями иностранные соответствия, то нетрудно заметить, что они не абсолютны: русская *совесть* «зависает» между концептами *сознательности* и *стыда* в английском и испанском языковом сознании и приводится в качестве коррелята то одного, то другого, на самом деле таковым не являясь. Четырехтомный Словарь русского языка определяет совесть как «**чувство** и сознание моральной **ответственности** за свое поведение и поступки **перед самим собой**, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения». В качестве испаноязычного эквивалента словари предлагают слово *la conciencia*, имеющее значения: 1. Сознание, сознательность. 2. Совесть. 3. Понимание, осознание. Слово *la conciencia* во втором значении (наиболее близком значению русского слова *совесть*) словарь Soreña толкует следующим образом: «Conocimiento íntimo del bien que debemos hacer y del mal que debemos evitar» (интимное /личностное/ знание того, что является добром, которое мы должны делать, и что является злом, которого мы должны избегать). В толковании русского концепта мы подчеркнули слово, которые отсутствуют в толковании испанского концепта и которые, на наш взгляд, определяют суть русского понятия *совесть*: «чувствовать моральную ответственность перед самим собой». Не только сознание и понимание (conocimiento), но именно **чувствование** именно **ответственности**, в первую очередь **перед самим собой**, за свои поступки. Доказательством большей семантической сложности русского концепта является то, что и английский, и испанский языки область применения русского слова *совесть* и его дериватов покрывают с помощью нескольких более конкретных концептов, дифференцирующих понятия логического осознания чего-либо и стыда за что-либо:

Русский язык	Английский язык	Испанский язык
Совість Чистая совість Угрызения совести	Conscience Good /clear conscience Remors (раскаяние, сожаление, жалость)	La conciencia La conciencia limpia Remordimientos de la conciencia; gusano de la conciencia (червь раскаяния) Persona
Бессовестный человек	Unscrupulous (нещепе- тильный) dishonest (нечестный), shameless (бесстыдный) man	deshonesta (бесчестный), desvergonzada (бесстыдный), descarado (беззастенчивый)
Совестливый человек	Conscientious (сознатель- ный) man	Persona vergonzosa (стыдливый), escrupulosa (щепетильный) Da
Совестно (кому-л.)	To be (to feel) ashamed of (for) smb., smth. = стыдиться чего-л., за кого-л.	vergüenza a alguien (кому-л. стыдно)

Специфика концепта русского языка *совість* заключается именно в объединении идеи логического анализа собственных поступков и идеи стыда за них в случае несоответствия собственным (в первую очередь) и общепринятым представлениям о добре и зле. Русская *совість* — это не рациональный регулятор поведения человека, а регулятор эмоционально-нравственный, обращенный более к чувствам человека, нежели к его рассудку.

В наибольшей степени неповторимость национального склада мышления в области нравственно-ценностной интерпретации мира отражена в национальной фразеологии. Вряд ли кто-нибудь не согласится с тем, что в пословицах и поговорках любого народа «...с удивительной выразительной силой запечатлелась «картина мира», сложившаяся в представлении «обобщенного»... человека...» (Шувалова, 1998, с. 103), с тем, что при соответствующем анализе и систематизации фразеология национального языка может служить «солидной основой для глубокого сопоставительного изучения «наивной» социальной психологии, нашедшей отражение в языке» (там же, с. 103).

Любое описание или изучение фразеологии предполагает обращение к двум аспектам: содержательному и формальному, т. е. изучение так называемых ИНВАРИАНТОВ СМЫСЛА и ОБРАЗНЫХ ФОРМ, в которые

этот смысл кодируется языковым сознанием. Интерес представляют, безусловно, оба аспекта. Нравственно-ценностные ИДИОЛОГЕМЫ (назовем так единицы смысла, информативные инварианты морально-ценностных суждений, подвергаемые образному лексическому оформлению в предикативных фразеологических единицах) могут не только отражать универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенностям, но и отражать национально-специфические акценты осмысления бытия. Идиологемы пословичного фонда любого языка могут быть сгруппированы по тематическому принципу и образовать своеобразный идеографический синопсис народных мудростей, отдельные рубрики которого могут сопоставляться с соответствующими рубриками других национальных языков именно с точки зрения степени соответствия планов содержания. Идиологемы можно назвать ИНФОРМЕМАМИ НРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНОЙ ОЦЕНКИ. Примером смыслового анализа конкретной тематической рубрики информем нравственно-ценностной оценки можно считать цитируемую выше работу С. А. Шуваловой «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках» (Шувалова, 1998), подобным образом можно описывать и систематизировать любую из тематических рубрик, причем лучше это делать в сопоставлении с аналогичной рубрикой какого-либо другого языка, чтобы обнаружить точки соприкосновения или расхождения в оценке того или иного феномена. Например, идиологема русского языка «усердно работать не нужно, вредно, бесполезно», содержащаяся в пословицах *работа не волк — в лес не убежит, работа дураков любит, от работы коня дохнут, трудом праведным не наживешь палат каменных*, может отсутствовать в другом языковом универсуме (например, китайском) и обнаруживаться в ином образном оформлении в другом (например, испанском) мировидении: *si trabajo es salud, que trabajen los enfermos* («если работа — это здоровье, то пусть работают больные»). Лучше всего несовпадение планов содержания национальных фразеологии ощущают люди, владеющие несколькими языками, а тем более те, кто поставил перед собой задачу оформить в виде словаря пословицы и поговорки двух или более языков. Цели подобных сопоставительных представлений национальных идиоматик вполне очевидны, «...знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию *образа мыслей и характера народа* (курсив О. К.)» (Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. М. И. Дубровин, 1995, с. 6). Однако реализация подобных замыслов связана с преодолением весьма существенной трудности, которая заключается в несовпадении или совпадении частичном, приблизительном смысловых инвариантов

фразеологизмов, т. е. идиологем. Вот как об этом пишут сами авторы проектов такого рода: «Необходимо отметить, что многие... пословицы многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения» (там же, с. 7), «... надо учитывать, что точное совпадение значения идиом в разных языках встречается не часто. Тем не менее мы стремились так подобрать идиомы, чтобы *основной их смысл* (курсив О. К.) совпадал на всех... языках» (Иллюстрированный словарь идиом на пяти языках. М. И. Дубровин, 1993, с. 5). Огромное число идиоматических выражений просто не подлежит смысловому выравниванию при попытках найти ему в другом языке соответствующий эквивалент. Авторы сопоставительных словарей идиоматических выражений двух, трех или пяти языков отбирают только универсальные идиологемы (о чем и предупреждают в предисловиях), оставляя «за бортом» словаря, по сути дела, самое интересное — **национально-специфические** информемы житейского опыта разных народов, неповторимые образцы национальной логики и национальной мирооценки. К ним нельзя предъявлять претензий, поскольку словарный формат не предполагает пространных описаний смысловых нюансов, понимание которых часто оказывается просто невозможным без обращения ко всей когнитивной базе определенного народа. Сравнительные словари пословиц и поговорок разных языков предназначены (если не считать чисто учебные цели) для того, чтобы обратившийся к ним человек смог получить «удовольствие от сравнения различных способов, при помощи которых одна и та же мысль может быть выражена в разных языках» (там же, с. 5), чтобы он мог убедиться в том, что логика образности его родного языка не является единственно возможной, а существует наряду с множеством других логик, каждая из которых сформирована под воздействием конкретных природных, исторических и даже физиологических факторов. «Складываясь в различных исторических условиях, ...пословицы и поговорки для выражения одной и той же или сходной мысли часто используют различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт... народов и часто не являются абсолютными эквивалентами» (Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. М. И. Дубровин, 1995, с. 7). Можно было бы, как нам кажется, выразиться и более категорично в том смысле, что пословицы и поговорки не «часто не являются абсолютными эквивалентами», а крайне редко таковыми являются, если иметь в виду и смысловую тождественность, и тождественность средств образного выражения этого смысла. Смысловая и формальная эквивалентность может во многих случаях объясняться, видимо, не столько поразительным сходством работы разных языковых сознаний, сколько интенсивностью

межязыковых контактов, становящихся причиной разного рода заимствований, калькирования и тому подобных явлений. Чтобы попытаться подтвердить это предположение, в последующем изложении мы используем достаточно обширный фактический материал восточных языков (прежде всего — китайского), об интенсивности контактов которых с европейскими языками (и, в частности, с русским) говорить не приходится.

Для того, чтобы попытаться познакомиться с идиоматикой языка как с неотъемлемой частью НЯКМ, конечно же нельзя исходить из тех же самых принципов, из которых исходят составители многоязычных сравнительных словарей пословиц и поговорок, т.е. из принципа смысловой тождественности идиом чужого языка и идиом родного языка. Целесообразнее исходить из принципа «презумпции неодинаковости» (используем в несколько измененном виде неоднократно упоминавшийся нами термин Г. Д. Гачева «презумпция непонимания»), чтобы обнаруживаемые в чужом языке смысловые и формальные отличия от собственного языка воспринимались и оценивались не как отклонения от нормы, воплощенной в идиологемах и их «образных одеждах» родного языка, или как варианты этой нормы, а как проявления **другой** нормы, которая столь же естественна для носителя другого языкового сознания. Пытаясь проникнуть в нравственно-ценностную и образную системы НЯКМ иностранного языка, запечатленные в его фразеологии, следует, насколько это возможно, постараться ощутить себя «двуязычником», поскольку «...двуязычие - это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны - на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двуязыч-ник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноразычник», на каком бы великом языке он ни мыслил. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга» (Гачев, 1988, с. 37).

По степени трудности освоения пословичного фонда НЯКМ иностранного языка мы предлагаем выделять несколько типов идиоматических выражений:

1-й тип: идиомы имеют одинаковый инвариант смысла и одинаковую внутреннюю форму;

2-й тип: идиомы имеют одинаковый инвариант смысла, но совершенно разные «языковые одежды», разную внутреннюю форму;

3-й тип: специфичность метафорического выражения смысла сочетается с неоднозначностью (или вариативностью) самого смыслового инварианта;

4-й тип: специфичность (несовпадение) смысла сочетается со специфичностью изобразительных языковых средств, используемых для метафорического оформления этого смысла.

Поскольку в данной работе фразеологические сочетания нас интересуют не сами по себе, а как результат работы нравственно-ценностного компонента языкового сознания, то в поле нашего зрения будут попадать только те пословицы, которые представляют собой либо оценочные суждения относительно социально значимых ситуаций, либо констатирующие или предписывающие суждения, сами по себе представляющие ценность для членов языкового сообщества, как лексикализованные фрагменты коллективного жизненного опыта. По этой причине вне нашего внимания окажутся многие очень интересные с точки зрения языкового оформления идиоматические выражения, которые не несут в себе оценок или предписаний нравственно-ценностного характера, а лишь в национально-специфической образной форме называют какой-либо смысл, не являющийся продуктом работы нравственно-ценностного компонента языкового сознания. Например, универсальный инвариант смысла «что-либо не произойдет никогда» нельзя отнести к категории ценностных оценок, это семантическая универсалия любого языка, и способы метафорического выражения этого смысла в разных языках целиком зависят только от особенностей всего строя национальной образности: русский язык предлагает метафору *когда рак на горе свистнет*, китайский — *tíeshu kaihuá* («когда саговник поникающий (цикас) зацветет»), а испанский язык располагает двумя метафорами — *cuando la rana crie (tenga) pelo* («когда у лягушки вырастут волосы») и *cuando las gallinas tengan dientes* («когда у кур появятся зубы»). Лишенные ценностно-оценочной нагрузки национально-специфические образные средства выражения семантических универсалий, бесспорно, относятся к числу важнейших элементов ЯКМ любого языка и в настоящем разделе нами не рассматриваются исключительно потому, что языковой материал нами «привязан» к компонентам сознания, что накладывает на его отбор определенные ограничения.

Приведем несколько примеров предикативных фразеологических единиц каждого типа из разных языков:

Пословицы 1-го типа: *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* (русск.) = *Man soli nicht zwei Masen auf einmal jagen* (нем.) = // *you run after two hares, you'll catch none* (англ.) = *Qui court deux lievres n'en prend point* (франц.);

Учиться никогда не поздно (русск.) = *It is never too late to learn* (англ.) = *Nunca es tarde para aprender* (исп.) = *Lernen ist nie zu spat* (нем.);

Нет дыма без огня (русск.) = *There is no smoke without fire* (англ.) = // *n'y a pas de fumee sans feu* (франц.) = *No hay humo sin fuego* (исп.) = *Wo Rauch ist, ist auch Feuer* (нем.);

Что посеешь, то и пожнешь (русск.) = *Lo que siembres, recogerás* (исп.);

Куй железо, пока горячо (русск.) = *Strike while the iron is hot* (англ.) = *El hiero caliente batir de repente* (исп.) = // *faut batiré le fer pendant qu'il est chana* (франц.) = *Schmiede das Eisen solange es heile ist* (нем.).

Иногда за кажущейся абсолютной смысловой и формальной тождественностью могут скрываться очень тонкие нюансы смысла, например, в соответствие русской пословице *нет худа без добра* испанские и китайские двуязычные словари приводят фразеологизмы родного языка, которые на первый взгляд можно отнести к абсолютным эквивалентам, и только самый тщательный анализ формы позволяет заметить незначительные отличия, интерпретация которых может иметь весьма неожиданные и важные с точки зрения понимания национального менталитета последствия. Объясним, что имеется в виду. Форма русской пословицы *нет худа без добра* отражает следующий смысл: «любое отрицательное явление всегда сопровождается хоть чем-нибудь хорошим», т. е. смысл оптимистический — любое «худо» обязательно сопровождается хоть каким-нибудь «добром». Испанский коррелят *no hay mal que por bien no viene* на первый взгляд говорит о том же самом, о неразрывности плохого и хорошего, но если внимательнее вчитаться в его внутреннюю форму, то обнаружится не оптимистический общий смысл, а пессимистический: «нет такого зла (беда, напасти), которое бы не приходило через добро», т. е. «доброе» может сопутствовать любое «зло». Китайское языковое сознание оказалось в этом смысле более обстоятельным, и китайская пословица последовательно излагает и оптимистический, и пессимистический подход к идее неразрывности плохого и хорошего: *huo xi fu sub yi, fu xi huó suo fu* («в несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье»). Присущая китайской пословице сбалансированность обнаруживается в менее употребительных русских пословицах с тем же смыслом: *счастье с несчастьем на одних санях ездят; счастье с несчастьем — ведро с ненастьем*.

Пословицы 2-го типа (иностранные пословицы сопровождаются буквальным переводом, раскрывающим их отличающуюся друг от друга внутреннюю форму, знак (=) между пословицами означает их семантическую эквивалентность): *Ворон ворону глаз не выклюет* (русск.) = *Un lobo no muerde a otro lobo* (исп.) («Один волк не кусает другого волка») = *Hawk will not pick out hawk's eyes* (англ.) («Ястреб не выклюет глаза ястребам»);

Всяк кулик на своем поле велик (русск.) = • *A cock is bold on his own dunghill* (англ.) («Петух храбр на своей навозной куче») = *Cada gallo canta en su muladar* (исп.) («Каждый петух поет на своем минарете»);

И на солнце есть пятна (русск.) = *Homer sometimes nods* («И Гомер иногда дремлет») = *No hay cielo sin nubes ni paraíso sin serpiente* (исп.) («Нет ни неба без туч, ни рая без змеи»);

Как волка ни корми, а он все в лес смотрит (русск.) = *The leopard cannot change his spots* (англ.) («Леопард не может изменить своих пятен») = *La cabra siempre tira al monte* (исп.) («Козу всегда тянет в горы»);

Лучше синица в руках, чем журавль в небе (русск.) = *A bird in the hand is worth two in the bush* (англ.) («Птица в руке стоит двух в кусте») = *Mas vale un pajarito en mano que ciento volando* (исп.) («Лучше одна птица в руках, чем сотня летающих»);

Любишь кататься, люби и саночки возить (русск.) = *Si tu veux du beurre, il en faut batiré* (франц.) («Если хочешь масла, нужно его сбить») = *Wer will fahren, zieh' auch den Karren* (нем.) («Хочешь ехать — тащи тачку») = *Quien quiere igos de Lepe que trepe* (исп.) («Кто хочет инжира из Лепе, пусть за ним и лезет (на дерево)»);

Не убив медведя, шкуры не делят (русск.) = *First catch your hare, then cook him* (англ.) («Сначала поймай своего зайца, а потом готовь его») = *No hay que contar con el huevo antes de poner la gallina* (исп.) («Не стоит рассчитывать на яйцо до того, как его снесет курица») = *Ungefangene Fische sind nicht gut zu Tische* (нем.) («Непойманная рыба для стола не годится»);

Яйца курицу не учат (русск.) = *Don't teach your grandmother to suck eggs* (англ.) («Не учи свою бабушку, как высасывать яйца») = *Los cachorros quieren enseñar a un perro viejo* (исп.) («Щенята хотят учить старого пса»).

Пословицы 3-го типа: *Guarda me Dios del agua mansa, y de la brava me salvaré yo* (исп.) («Избавь меня, Господи, от стоячей (спокойной, медленнотекущей) воды, а уж от бурной воды я сам уберегусь»). Разные источники приводят в соответствие этой испанской поговорки разные русские эквиваленты, смысл которых существенно отличается друг от друга: *спаси меня, Господи, от друзей, а от врагов я сам избавлюсь; в тихом омуте черти водятся; бойся не той собаки, что лает, а бойся той, что кусает*. Смысл китайской поговорки *ye cháng méng duo* («дольше спишь — больше и снов») не проясняется окончательно даже после обращения к специальным словарям, поскольку в них предлагаются два отличающихся друг от друга объяснения, первое предлагает в качестве русского эквивалента

пословицу *дальше в лес — больше дров* (т. е. ситуация усугубляется в результате какого-либо действия), а второе объяснение гласит: «Если долго ждать, то возможны всякого рода осложнения» (т. е. ситуацию усугубляет бездействие, ожидание). Пословица явно относится к категории информем коллективного жизненного опыта, носящих предостерегающий и предписывающий характер, но что именно она предписывает: действовать или бездействовать, а может, и то, и другое, но в зависимости от ситуации,— это остается не совсем понятным. Другая китайская поговорка *he li fl qún* («быть журавлем среди кур») может рассматриваться (данные словарей это опять же подтверждают) и как эквивалент русского фразеологизма *быть белой вороной* (т. е. отличаться от всех, но без уточнения в лучшую или худшую сторону), и как эквивалент *быть на голову выше всех; быть великаном среди пигмеев* (т. е. отличаться именно в лучшую сторону). Точно так же обстоит дело и с китайской поговоркой *dào shénme shan shang cháng shénme ge* («на какую гору пришел, такую песню и пой»). Словари опять предлагают семантически отличающиеся варианты русских эквивалентов: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* (т. е. нужно уважать чужие традиции и следовать им) и *с волками жить — по-волчьи выть* (т. е. отрицательно оцениваемое окружение вынуждает поступать в соответствии с его традициями). Вариативность возможного семантического наполнения таких поговорок может объясняться либо недостаточным владением русским языком (точнее, недостаточным чувствованием его нюансов) составителей китайско-русских словарей, либо, что более вероятно, более общей, менее конкретизированной семантикой самих китайских поговорок, покрывающих все ситуативно обусловленные случаи использования русских поговорок с более конкретной семантикой.

Пословицы 4-го типа составляют наиболее специфическую и в силу этого наиболее трудную часть метафорически оформленных суждений нравственно-ценностного характера. Знакомая с иноязычной идиоматикой такого рода, человек оказывается не в состоянии подогнать идиологемы чужого языка под идиологемы своего языкового сознания. Отсутствие явного смыслового тождества накладывается к тому же на совершенно иные изобразительные средства языка, на то, что при построении метафорических иносказаний сознание представителей другого этноса обращается часто не просто к другим словам одного и того же семантического разряда, а к совершенно иным тематическим зонам. Образно выражаясь, национальные инварианты ценностных суждений одеваются в «языковые одежды», отличающиеся не только по форме и фасону, но и по самому материалу, из которого они изготавливаются.

Выше мы высказали предположение, что относительная близость набора идиологем ценностной оценки и формальных средств их выражения могут объясняться не только (и не столько) сходством в работе нравственно-ценностного компонента сознания, сколько интенсивностью межкультурных и межъязыковых контактов. И в этом смысле очень интересно обратиться к языкам, в которых взаимные заимствования маловероятны. По отношению к русскому таковыми вполне можно считать лаосский и китайский языки. Мы сочли излишним выделять в пословицах этих двух языков именно пословицы 4-го типа (у которых нет ни смысловых, ни образных эквивалентов в русском языке) и хотим представить собранный материал целостно, чтобы дать возможность ощутить непохожесть всей восточной национальной образности в целом. Мы приведем внутренние формы пословиц, их дословный перевод, не пытаясь объяснять метафоры, формулируя смысловые инварианты. Там, где смысл восточных пословиц, по нашему мнению, совпадает со смыслом тех или иных русских пословиц, мы укажем семантически близкие соответствия в русском языке из числа наиболее употребительных пословиц (не прибегая к специальным изысканиям в трехтомнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля). Фактически оба списка содержат пословицы двух типов: 2-го и 4-го. По техническим причинам мы не стали воспроизводить звучание лаосских пословиц на языке оригинала, ограничившись их дословным переводом.

Внутренняя форма лаосских пословиц, содержащих суждения нравственно-ценностного характера:

1. «Бойся змеи, говорящей: «Я не кусаюсь».
2. «Вода поднимается — рыба плывет, вода спадает — улитка ползет» = русск. *Каждому овощу свое время.*
3. «Вода прохладна — рыба собирается в стаи, вода горяча — рыба уплывает».
4. «Всякая птица летит к своему гнезду» = русск. *В гостях хорошо, а дома — лучше.*
5. «Гору высота украшает».
6. «Если хочешь узнать слона, посмотри на его хвост, если хочешь узнать девушку, посмотри на ее мать» = русск. *Яблоко от яблони недалеко падает.*
7. «Живя в воде, не следует враждовать с крокодилом» = русск. *Не стоит бросаться камнями, если сам живешь в стеклянном доме.*
8. «Змея не станет птицей, а враг — другом».
9. «Из пасти тигра добычу не отнимешь» = русск. *Что с воза упало, то пропало.*

10. «Каждый подъем имеет спуск».
11. «Комариная туча слона прогонит».
12. «Крокодил крокодила не обидит» = русск. *Ворон ворону глаз не выклюет.*
13. «Крылья птицы в полете крепнут».
14. «Куда вода, туда и рыба» = русск. *Держать нос по ветру; Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше; (?) Плыть по течению.*
15. «Между словом и делом — горы» = русск. *Легко сказать, да трудно сделать; Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.*
16. «На сухом дереве листья не растут».
17. «Не дразни веткой спящего тигра» = русск. *Не играй с огнем; Не буди лихо, пока тихо.*
18. «Непойманную рыбу не продают» = русск. *Не надо делить шкуру неубитого медведя.*
19. «От доброго слова змея из норы выползает».
20. «Оковы из золота — все равно оковы».
21. «Побеги бамбука идут от бамбука» = русск. (см. № 6).
22. «Пустая тыква звучит громче».
23. «Спешу черпать воду, пока она прибывает» = русск. *Куй железо, пока горячо.*
24. «Спящей змее на хвост не наступай» = русск. (см. № 17).
25. «Тигра видно по шкуре, а человека — по натуре» = русск. (?) *Птицу видно по полету.*
26. «У большого слона и заботы большие».
27. «Увидев слона, не надо искать его следов».
28. «У изогнутого дерева и тень изогнута» = русск. (?) (см. № 6); (?) *Каков поп, таков и приход.*
29. «У человека ценят речь, а у слона — бивни».
30. «Ушедшую волну не вернешь» = русск. *Что было, то было.*
31. «Хвост змеи — ее свидетель».
32. «Хочешь быстрее — ползи, хочешь медленнее — беги» = русск. *Тише едешь — дальше будешь.*
33. «Чем больше на дереве плодов, тем сильнее оно гнется».

Китайские пословицы мы приводим в том виде, в котором они звучат на китайском языке, далее раскрываем их внутреннюю форму и в тех случаях, где это возможно, даем примерный семантический эквивалент из числа наиболее употребительных русских пословиц. Следует специально оговорить одно обстоятельство. Дело в том, что понятие **предикативной** фразеологической единицы применительно к китайскому языку иногда может быть весьма условным, поскольку в этом языке весьма условно не только понятие частей речи, но

и само понятие слова: основной единицей языка является иероглиф — минимальный «кусочек» смысла. Не случайно на письме в китайском языке нет привычного нам деления фразы на слова. Один и тот же иероглиф в зависимости от контекста может интерпретироваться и как существительное, и как прилагательное, и как глагол (например, иероглиф ai в разных контекстах может переводиться и как *любовь*, и как *любимый*, и как *любить*). В этом смысле **любой** перевод многих китайских фраз следует считать весьма **относительным** именно в силу практически отсутствующей в китайском языке формальной дифференциации языковых категорий. Предикативность многих фраз может не быть эксплицитно выраженной, но подразумеваться, например, устойчивое словосочетание *rén lao xin bu lao* формально не относится к предикативным фразеологическим единицам (по иероглифам: «человек старый, сердце не старое»), но его реальный смысл точнее передается выражением: «Хоть человек и стар телом, но зато молод душой», или: «Человек стареет телом, но в душе остается молодым». Китайские фразеологизмы можно сравнить с формулами, которые при переводе нужно выразить словами, например, очень компактную китайскую «формулу» *Qi hu nan xia* приходится на русском языке оформлять с помощью очень громоздких (в сравнении с китайским языком) средств: «Тому, кто сидит верхом на тигре, трудно спуститься вниз». При этом китайская фраза формально даже не содержит имени субъекта действия: *qi* = «сидеть (ехать) верхом», *hu* = «тигр», *nan* = «трудно», *xia* = «спускаться (двигаться) вниз». Это небольшое отступление мы сделали для того, чтобы объяснить, почему мы включили в список некоторые выражения, которые формально лишены предикации, но по сути ею обладают, более того, такие выражения имплицитно содержат в себе и оценочность, и предписание. Например, фразеологизм *Pifu han da shu* («вздумалось муравью раскатать большое дерево») можно рассматривать и как образную констатацию жалких потуг совершить что-либо невозможное, и как метафорически оформленное предписание всегда соизмерять свои силы с теми целями, которые человек ставит перед собой.

Китайские пословицы, содержащие суждения нравственно-ценностного характера:

1. *Fángxiá túdào, Mì chéng fā* («Отбрасывая нож, мясник мгновенно становится Буддой»).
2. *Fŭ zhī xīn líng* («Когда сопутствует удача, то и ум становится светлым»).
3. *Dé bù cháng sī* («Приобретенное не возмещает того, что потеряно»).

4. *Duó fng xiá shí* («Стыдно бросать камень вслед упавшему в колодезь») = русск. *Лежачего не бьют. S. Dào gao yí cKī mó gao yí zhān* («Пусть божество сильно, но

демоны в десять раз сильнее»). 6. *Bŭ yáo dà yā zǐ shàng jiá* («Бесполезно гнать утку на шест») =

русск. *Ждать от быка молока.*

7. *Keyì zuó shān guān hu dōu* («За борьбой тигров можно наблюдать с горы»).

8. *BU yáo zōu mǎ kān huā* («Глупо любоваться цветами, не останавливая коня»). 9. *Yuan shuǐ jiù bù liáo jìn hū* («Водой издалека не залить пожар

вблизи»). 10. *Sha jì xiá huó* («Резать курицу на устрашение мартышке») =

русск. *Бей своих, чтобы чужие боялись.*

11. *Bu hao san tian da yu, liang tian shai wang* («Плохо, когда три дня рыбу ловят и два дня сети сушат») = русск. *Работать спустя рукава.*

12. *Rén wang gāochū zōu, shuǐ wǎng dīchā liá* («Человек стремится идти по высокому месту, а вода стремится течь по низкому месту») = русск. *Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.* 13. *Rén bù wéi jī, tiān zhū — dīmīe* («Человека, который сам себя не бережет, карает Небо и Земля») = русск. *Береженого бог бережет.*

14. *Qian lu yí shǐ* («Тысячу раз долго думать — все равно одна ошибка») = русск. *На всякого мудреца довольно простоты; И на старуху бывает проруха.*

15. *Fuyì hān dà shù* («Вздумалось козявке раскатать большое дерево») = русск. *Вздумал теленок с дубом бодаться; Плетью обуха не перешибешь.*

16. *Nán tŭ dēng tiān* («Трудно, как поднять небо») = русск. *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко.*

17. *Mǎ/ dù huán zhū* («Купив шкатулку с жемчугом, вернуть жемчуг») = русск. *Не отличать зерна от плевел.*

18. *Maque suǐ xiāb, wuzàng jū quān* («Хоть и мал воробей, но все органы у него на месте (в полном порядке)») = русск. (?) *Мал золотник, да дорог.*

19. *zì yáo zKī mǎ lí, nǐ jiu jiàn rén xīn* («Сила коня познается дальней дорогой, а сердце человека — временем»).

20. *Bu hao guā yáng tóu, mǎi gǒuróu* («Нехорошо, вывесив баранью голову, продавать собачье мясо»).

21. *Háishuǐ bù kě dòu liáng* («Нельзя море мерить ковшами»).

22. *Háoshì bu shu mén, eshl xíng qián u* («Хорошие дела из дому не выходят, а дурные дела на тысячу «ли» расходятся») = русск. *Хорошая слава дома лежит, а худая — по свету бежит.*
23. *Na jiá hú wéi* («Лиса прикрывается могуществом тигра») (о бесчинствах под прикрытием сильных мира сего).
24. *Lǐlè yī wéi shí* («Голодный преувеличивает вкус пищи») = русск. *Голодному Федоту и репа в охоту.*
25. *Wú fēng bu q-ǐ láng* («Без ветра волны не поднимаются») = русск. *Нет дыма без огня.*
26. *7shǐ xiū wuyá yīban hei* («На свете все вороны обычно черные») = русск. *Все одним миром мазаны.*
27. *Táng Bī dǔng che* («Решил богомол телегу остановить») = русск. *Плетью обуха не перешибешь.*
28. *Táng láng bu chán, huángque zài hóu* («Когда богомол набросился на цикаду, его подстерег чиж») = русск. (?) *Пошли по шерсть, а вернулись стрижеными.*
29. *Sí ma dǎng huó ma yí* («Лечить мертвую лошадь точно так же, как живую») (о необходимости сделать последнюю попытку, даже если она безнадежна) = русск. (?) *Попытка — не пытка.*
30. *5/ш7 luó shí cǎu* («Спадет вода — обнажатся камни») (рано или поздно правда всплывет наружу) = русск. *Сколько веревочке не виться — концу быть.*
31. *Wáng yáng bu láo* («Ловить убежавших овец — утомительная (но необходимая) работа») = русск. *Лучше поздно, чем никогда.*
32. *Shu dào húsun san* («Дерево свалится — маргитки разбегутся»).
33. *Yí yè zhī qīn* («Падающий лист возвещает наступление осени»).
34. *Yí guó san gōng* («В одном государстве три верховных правителя») = русск. *У семи нянек дитя без глаза.*
35. *Xiūtu bu Ke diao* («Из гнилого дерева поделки не сделаешь») = русск. *Дурака учить — что мертвого лечить.*
36. *Yí yè zhǎng mi, bu jiàn Táishān* («Из-за листочка перед глазами не видеть горы Тайшань») = русск. *За деревьями не видеть леса.*
37. *Yí shǒu zhe tiān* («Одной ладонью заслонить все небо») = русск. *Обвести всех вокруг пальца; Втереть очки.*
38. *Xiào mián hú* («Улыбающийся тигр (опасен)»).
39. *Yīn shuǐ sī yuán* («Пьешь воду — помни об источнике»).
40. *Yáo huí yīn ér bu fú* («Надо уметь натягивать тетиву, но стрелу (до времени) не пускать»).
41. *M shuǐ xíng zhōu, bu jīn zé tū* («Стоит лодке, идущей против течения, остановиться, как ее понесет назад»).

42. *P' zKī bu cún, máo jiāng yān fū* («Если кожи нет — то на чем могут держаться волосы?»).
43. *Qí hú nán xiá* («Сидящему верхом на тигре трудно с него слезть») = русск. (?) *Взялся за гуж — не говори, что не дюж.*
44. *Qǐlǐn yōu tiān* («Люди княжества Ци беспокоились, что небо провалится») (о напрасных тревогах) = русск. (?) *Делать из мухи слона; У страха глаза велики.*
45. *Qián che zKī jiàn* («Несчастье с головной повозкой — (предостережение едущим следом)») = русск. *(Надо) учиться на чужих ошибках.*
46. *Qiáng ni zKī mō* («Стрела на излете пробивной силы не имеет»).
47. *fidán peng shítou* («Куриным яйцом камня не разбить») = русск. *Плетью обуха не перешибешь.*
48. *Я zhōng shēng zhī* («Критический момент рождает ум»).
49. *Я fēng jīng cǎo* («Крепость травы познается при сильном ветре») = русск. *Друзья познаются в беде.*
50. *Jiāo tu sān kǔ* («Хитрый заяц три норки /имеет/»). Очень наглядный пример того, как предикативность, в данном случае наличие глагола *yōu* (иметь), явно подразумевается, но в самом фразеологизме формально не эксплицирована.
51. *Lié zé ér yú* («Глупо) ловя рыбу, выпускать всю воду из озера») = русск. *Резать курицу, несущую золотые яйца.*
52. *jīng dì zKī wá* («Уподобляться лягушке, сидящей на дне колодца») = русск. *Не видеть дальше собственного носа.*
53. *ш pīng zhuàng xīn jiū* («В старый кувшин (бутыль) вливать новое вино»).
54. *San rén xíng, bī yōu wō shì* («Из трех человек всегда найдется один, у кого стоит поучиться»).
55. *Sànshí lid cǐ, zōu wéi shàngcè* («Лучший из всех 36 приемов — отход»).
56. *Sha fī qū luán* («Зарезать курицу, чтобы взять яйцо»).
57. *Bī .Shuǐ hūb bu xiāng róng* («Вода и огонь не терпят друг друга»).
58. *Tān xiǎo sh-ì dà* («Погонишься за малым — упустишь большое»).
59. *7ц sī hú bei* («Лиса плачет по убитому зайцу») = русск. *Лить крокодиловы слезы.*
60. *Bīse yān jīng zhuō māque* («Зажмурив глаза, гоняться за воробьем»).
61. *Bu rù hū xié, yān dé hū zī* («Не войдя в логово тигра, не поймешь тигренка») = русск. (?) *Волков бояться — в лес не ходить.*
62. *Cāo mǔ jiē kīng* («Принимать за солдат траву и кустарник») = русск. *У страха глаза велики; Пуганая ворона и куста боится.*

63. *Fu chao wú wǒn luán* («Когда разорено гнездо, яйцам не уцелеть»).
64. *Ge jí yān yǒng niúdào* («Пользоваться мечом для забоя коров, чтобы перерезать горло голубю») = русск. *Стрелять из пушек по воробьям.*
65. *Gong shuo gong you fǐ, pǒ shuo pǒ you K* («Князь говорит, что он прав, бедняк говорит, что он прав») = русск. *Поп свое., черт свое.*
66. *Gou zhǎn rén shí* («Нахальничает собака, зная, что хозяин в силе»).
67. *Gou jí tiào qiáng* («Загнанная собака и на стену прыгает»).
68. *Bá miáo zhu zhang* («Вытягивать всходы рукой, чтобы они быстрее росли») = русск. *Оказывать медвежью услугу.*
- &9. *Bǎnqǐ shí tou da zǐfēi de jiāo* («Поднявший камень себе же отшибет ногу») = русск. *Не пой другому яму, сам же в нее попадешь.*
70. *gōng shē yīng* («Тень от лука на стакане уже кажется змеей») = русск. *У страха глаза велики.*
71. *Bēn niǎo xiǎn fēi* («Неуклюжей птице надо вылетать первой /раньше других/»).
72. *Chū shēng zhī dū bú wéi hū* («Молодому бычку даже тигр не страшен»).
73. *Sān gē chǒu pí jiāng, héchéng yí gē Zhūgè Liáng* («Три простых сапожника стоят одного Чжугэ Ляна») = русск. *Ум хорошо, а два — лучше.*
- T[^]. *Láoshu guó jiē, rén rén hān dà* («Когда крыса перебегает улицу, каждый старается ее ударить»).
75. *Shí mǎn shù mù, bǎi niǎn shù rén* («Чтобы вырастить дерево, требуется десять лет, а человека — сто лет» или «При плане на десять лет надо сажать деревья, при плане на сто лет — надо растить людей»).
76. *Lǎo mǎ shí tú* («Старый конь знает дорогу») = русск. *Старый конь борозды не испортит.*
- L. *Shí gē zhǐ tou bú néng yíban qí* («Даже пальцы на руках невозможно все выровнять») = русск. *Нельзя всех, одним аршином мерить.*
78. *Liang hit xiáng zheng, Bī you yí shang* («Когда два тигра дерутся, то один из них обязательно пострадает»).
79. *Liang niǎo zài Un, bǐ m yí niǎo zài shou* («Две птицы в лесу не стоят одной птицы в руках») = русск. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе.*
80. *Yǐdàn bēi shé yāo, sān niǎn pá jìng shéng* («Тот, кого не ожи данно укусила змея, три года пугается веревки») = русск. *Пуганая ворона и куста боится; Обжегшись на молоке, дуть на воду.*
81. *Ug yán jī chū, sí mǎ nǎn zhuī* («Одно произнесенное слово и четырем лошадям трудно обогнать») = русск. *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.*
82. *Shù zhāng chuán gāo* («Чем больше прибывает вода, тем выше поднимается и лодка»).
83. *yī guō wēn jīn* («Въезжая в /чужую/ страну, спроси о /существующих/ запретах») = русск. *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*
84. *Ge bō niú bǐguó dàtūi* («Как руку ни поворачивай, а больше ноги она не станет») = русск. *Выше головы не прыгнешь; Плетью обуха не перешибешь.*
85. *Qián yǔ zī xíng, sān yǔ zǐ xiá* («Дорога в тысячу ли начинается с первого шага») = русск. *Луха беда начало.*
86. *Bāo huá qífāng, bǎi jiǎ zhèng míng* («Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»).
- &7. *GÓUZUǐ lì zhāng bǔchǔ xiànguá* («У собаки во рту не вырастают бивни слона») = русск. *Свинья соловьем петь не может; Рожденный ползать летать не может.*
- 8&. *Héng měi lèng duì qiánfǔ zhī, fū shǒu gān wéi rúzi niú* («С холодным презрением /следует/ взирать на указующий перст вельможи, но, склонив голову, как буйвол, служить ребенку»).
89. *Jiāngshān yí gāi, bēnxīng nán yí* («Реки и горы меняются, человеческую же натуру изменить трудно») = русск. *Горбатого могила исправит; Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.*
90. *Pīn zhu zhe chǐ, jìn mǒ zhe hēi* («/Находясь/ вблизи красного становишься красным, /находясь/ вблизи черного становишься черным») = русск. *С кем поведешься, от того и наберешься.*
- Sl. *Lángzi huítóu fīn bú huán* («С раскаянием вернувшегося блудного сына и на золото не променять»).
92. *Míng qiáng yí duó, àn jiàn nán fāng* («От открытого удара пики легко уклониться, а от тайно посланной стрелы уберечься трудно»).
93. *Nǐ púsá guō hé, zī shēn nán bāo* («Когда глиняный Будда переходит реку, ему самому трудно уцелеть»).
94. *Mǎo /gā gōng cáng* («/Когда/ птиц больше нет /все подстрелены/, лук можно убирать на хранение»).
95. *Tū sī gōu péng* («Заяц мертв, собаку можно варить /чтобы съесть/»). Этот и предыдущий фразеологизмы непосредственных коррелятов в русском пословицном фонде не имеют, им в соответствие словари приводят литературное заимствование (по сути, прецедентный феномен) *Мавр сделал свое дело, мавр может уйти.*

- 9&. *Ning wéi /7 kou, wú wéi niú hóu* («Лучше быть клювом курицы, чем хвостом коровы») = русск. *Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе.*
97. *Ning wéi y u sui, bu wéi wá quán* («Лучше быть разбитым не фритом, чем целой черепицей»). Словарь предлагает такое соот ветствие (?): *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.*
98. *Qián yf fá ér dòng quán shen* («Потянешь за волосок — отзо вется во всем теле»).
99. *Qiánrén zhóng shu, honren chéngliáng* («Старшее поколение сажает деревья, чтобы молодое поколение могло найти себе отдых под ними»).
100. *Qiáo fu nan wéi wú mí zKí chui* («Без риса даже искусной хозяйке каши не сварить»). *!OLQingfú bu si, Lu nan wei yi* («Пока жив Цин-фу, нет конца бедствиям в княжестве Лу»). 102. *Rén pá churning, zhu pá zhuáng* («Для свиньи опасно быть /слишком/ упитанной, для человека опасно быть /слишком/ прославленным»). *!03.Renxtn bu zú she tun xiáng* («/Kona/ совести не достаает, змея и слона норовит проглотить»). 104. *Saz weng sfu ma, án zKi fei fu.* («/Найдя/ крепость (заставу), старик упустил лошадь, откуда знать, /где тебя ждет/ ошибка или удача») = русск. *Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь; Нет худа без добра. Wb. Shánzhng wú láohu, hóu zi cheng dáwáng* («/Когда/ в горах нет тигра, обезьяна называет себя «Ваше величество») = русск. *На безрыбье и рак рыба.*
106. *Shu zhong wú dájiáng, Lido Hud zuó xiángfeng* («Когда в Шу /старое название провинции Сы-чуань/ нет генерала, то и Лиао Хуа может оказаться самым первым») = русск. *На безрыбье и рак рыба.*
107. *Sháozhudng bu null, láodd tú shangbei* («Если не усерден в расцвете сил, то в старости останется только горевать и печалиться» или «Напрасно горевать в старости, коли во цвете лет не был упорен и усерден»). Такое разночтение пословицы возникает из многозначности иероглифа *tu*, который может переводиться и как «только», и как «напрасно». Оба значения в контексте фразы допустимы. Словарь же предлагает не совсем адекватное (на наш взгляд) соответствие *Береги честь смолоду.*
- !08. *Shui ddo qú chéng* («Придет вода, канал наполнится») = русск. *Всему свое время.*

- !QQ. Wán huó zi fén* («Кто играет /шутит/ с огнем, тот сам себя и сожжет»)
- !10. *Yán wang hao jián, xiáogui nán dang* («Владыка ада благосклонен, да черту /чертенку/ трудно угодить») = русск. *Жалует царь, да не милует псарь.*
111. *Yú bàng xiáng zheng, yúweng dé II* («Пока улитка и беззубка друг с другом сражаются, в выигрыше остается старик-рыбак»).
112. *Zhán de gao, kan de yuan* («Выше встанешь — дальше увидишь»).
- !13. *Zhe shan wáng zhe na shan gao* («Те горы, что видны вдали, — вот они-то высокие») = русск. *Там хорошо, где нас нет.* 114. *Z/U rén zKi mian bu zKi xin* («Когда знаешь человека, то знаешь лишь его лицо, но не знаешь его сердце») = русск. *Чужая душа — потемки.* !15. *Z/z7 bao bu zhú huó* («В бумажном пакете не удержишь огня») = русск. *Шила в мешке не утаишь.*

Приведенных пословиц, думается, достаточно, чтобы почувствовать особенность восточного мировосприятия и мирооценки. Особенность эта, как видно из примеров, заключается не в наборе нравственно-ценностных смыслов (т. е. не в наборе идеологем), а в изобразительных средствах, используемых языками для выражения этих смыслов, и в общей стилистической тональности. Прежде всего заметна разница в «строительном материале» метафор русского языка и метафор лаосского и китайского языков. Лаосское и китайское языковые сознания апеллируют, в основном, к природе, диким животным, в то время как русское языковое сознание чаще обращено к бытовым сюжетам, люди гораздо чаще становятся действующими лицами пословиц, чем животные, а среди последних преобладают домашние. Другое отличие состоит в различной стилистической окрашенности пословиц. Восточные пословицы тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, что, как нам кажется, вполне соответствует самому статусу пословиц в НЯКМ: статусу нравственно-ценностных оценок любых социально значимых жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека в них, статусу информем коллективного опыта и образных предписаний поведения человека, формирующих национальную иерархию ценностей. Возвышенная поэтическая стилистика выражения столь значимого для любого народа ценностного смысла вполне оправдана. Стилистика же русских идеологем ценностного смысла оказывается явно сниженной, многие из них отмечены иронией, откровенной насмешкой или сарказмом, избыточны просторечной (а иногда и бранной) лексикой. Если восточные пословицы стремятся впечатлить тех, кому они адресованы, неспешной манерой изложения метафоры,

красотой созданного образа, то русские пословицы стараются привлечь внимание носителей русского языкового сознания иными средствами: остроумием, отсутствием назидательности, узнаваемостью фигурирующих в метафорах персонажей из повседневной жизни. Именно к этим двум отличиям, как нам кажется, можно свести национальную специфику оформления результатов работы нравственно-ценностного компонента русского языкового сознания в сравнении (именно в данном конкретном случае) с аналогичными фрагментами национальных ЯКМ лаосского и китайского языков. Для наглядности приведем небольшую таблицу, содержащую фрагменты внутренних форм смысловых эквивалентов русского и двух восточных языков, в которых отмеченные нами два основных отличия проявились особенно наглядно:

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ	ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЛАОССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ:
* Строительный материал мет, фор — люди, бытовые ситуации	Строительный материал метафор — природа, животный мир
* Сниженная стилистика метафор	Поэтическая окрашенность метафор
<i>Сесть в лужу.</i>	Кит. «Силиться нарисовать тигра, а получить жалкое подобие собаки». Кит.
<i>Не видеть дальше своего носа</i>	«Уподобляться лягушке, сидящей на дне колодца и глядящей на небо»; «Смотреть на небо через трубку». Кит.
<i>Моя хата с краю.</i>	«Спокойно взирать на пожар с тивоположного берега реки».
<i>Стоять одной ногой в могиле</i>	Кит. «Разделять участь рыбы, попавшей на сковородку». Кит. «Кто привязал бубенцы на шею тигра, тому их и развязывать».
<i>Кто заварил кашу, тот пусть и расхлебывает. Не гонись поп за дешевизной.</i>	Кит. «Кунжутное семечко подобрал, а арбуз потерял». Кит. «И курица улетела, и яйца разбились». Кит. «Бояться то волка спереди, то тигра сзади». Кит. «Несчастье с повозкой, едущей вперед, — предостережение тем, кто едет следом». Кит. «Кто сел верхом на тигра, тому трудно с него слезть».
<i>Остаться на бобах; Оказаться у разбитого корыта</i>	
<i>Обжегшись на молоке, дуть на воду.</i>	
<i>На своих ошибках только дураки учатся.</i>	
<i>Назвался груздем — полезай в кузов; Взаяся за гуж — не говори, что не дюж. Не по Сеньке шапка.</i>	К.ит. «Муравью вздумалось раскатать большое дерево».

<i>Лезть на рожон. Не играй с огнем; Не буди лихо, пока оно тихо.</i>	Кит. «Дергать тигра за хвост». Лаос. «Спящей змее на хвост не наступай»; «Не дразни веткой спящего тигра».
<i>Из огня — да в полымя</i>	Кит. «От волка убежать, да попасть на медведя».
<i>(Чья-либо) песенка спета. Бей своих, чтоб чужие боялись</i>	Кит. «Участь рыбы, попавшей в котел». Кит. «Резать курицу на устрашение мартышке».
<i>Муж и жена — одна сатана; Яблоно от яблони недалеко падает; Каков поп — таков и приход.</i>	Лаос. «Побеги бамбука идут от бамбука» «У изогнутого дерева и тень изогнута*»
<i>Что с воя упало, то пропало. В гостях хорошо, а дома — лучше.</i>	Лаос. «Из пасти тигра добычу не вернешь» Лаос. «Всякая птица летит к своему гнезду».
<i>Держать нос по ветру. Вспомнила бабка, как девкой была; Что было — то сплыло.</i>	Лаос. «Куда вода — туда и рыба». Лаос. «Ушедшую волну не вернешь».
<i>Дурака учить — что мертвого лечить.</i>	Кит. «Из гнилого дерева поделки не сделать».

Если постараться представить, в чьих устах выражения из левой и правой частей таблицы будут звучать органичнее, то прототипическим пользователем русской народной мудрости следует считать какого-нибудь лукавого, вечно посмеивающегося, ерничающего мужичка, отнюдь не претендующего на роль вещателя истин в последней инстанции. Восточные народы относятся к своим национальным информерам ценностного смысла с неизмеримо большим пиететом, и поэтому прототипический пользователь пословиц в этих культурах — это чаще всего человек, которого в Китае принято называть «лаоши», т. е. учитель. Произнося национальную пословицу, такой прототипический лаоши в полной мере осознает ценность того смысла, который он озвучивает, осознает, что сообщает (или напоминает) слушающему жизненный опыт предшествующих поколений, и рассчитывает на соответствующую реакцию. Если русский человек использует «меткое словцо», рассчитывая впечатлить слушающего этойкой лихостью, забористостью, иронией, то для китайской культуры более естественно прогнозирование ответной реакции на произнесенную пословицу в форме сдержанного восхищения фигурой речи, почтительного кивания головой и переглядывания с собеседниками, сопровождаемого одобрителем «о-о-о!».

Трудно представить пожилого китайца (лаоши), делящегося с окружающими крупными народными мудростями в выражениях, соответст-

вующих стилистике русских выражений типа: *баба с возу — кобыле легче; ни кожи ни рожки; сел в лужу; дуракам закон не писан; кому нравится попадья, а кому — попова дочка; ни уха ни рыла не смыслить; ни в зуб ногой; ни богу свечка ни черту кочерга, хоть п... в глаза — все божья роса* и т. п. Зато вполне органично в его исполнении будут звучать суждения о том, что «не стоит людям княжества Ци тревожиться о том, что небо может обрушиться», что «стоит лодке, плывущей против течения, остановиться, как ее понесет назад», что «старшее поколение сажает деревья, чтобы молодые могли найти себе отдых под ними», что плохо, «когда в одном государстве сразу три верховных правителя», что «правителям дозволяется устраивать пожары, а простому люду воспрещается зажечь даже лучину», что «безбрежно море мук, раскайся — вот и берег» и так далее в том же духе. Русскому стремлению к лаконичности китайское языковое сознание противопоставляет неспешность и обстоятельность выражения того же смысла (видимо, справедливо полагая, что в таком важном деле, как создание образных «одежд» для единиц смысла, спешка ни к чему), сравните:

русск. = кит.

<i>держатъ ухо остро раз, два — и обчелся</i>	«обнажить шпагу и натянуть тетиву» «так же редки, как звезды на утреннем небосклоне»
<i>самое некло ключ (к чему-либо) тишк (одна видимость)</i>	«логовище дракона и логово тигра» «кирпич, которым стучат в дверь счастья»] «копье с серебристым (блестящим) оловянным наконечником»
<i>бурный, стремительный (о каком-либо процессе) цацкаться (с кем-либо) (не принимать достаточно жестких мер)</i>	«неудержимый и стремительный бег 10.000 лошадей» «теплый ветер и мелкий дождь»
<i>гибкое дело</i>	«просить тигра, чтобы он отдал свою шкуру» «не отличая нефрита от простого камня»)
<i>без разбора (делать что-либо)</i>	
<i>развязать руки (злодею) благодать въедливо, дотошно (изучать что-либо)</i>	«дать тигру уйти в горы» «ветер, цветок, снег, луна» «словно резать и шлифовать кость слоновую и камень драгоценный»
<i>играть с огнем раскатать губы</i>	«у тигра на голове бить мух» «размечталась жаба лебединого мяса отведать»

<i>выдать себя с головой жадность обуяла</i>	«показать лошадиные копыта» «обнаглевшая змея и слона бы проглотила» «на белой бумаге написаны черные иероглифы» «чашкой воды тушить загоревшуюся повозку дров» «даже тогда, когда высохнет море и рассыплются камни»
<i>черным по белому капля в море до скончания века</i>	«подносить Будде цветы, взятые из чужого сада» «восточный ветер дует в ухо лошади»
<i>на чужом горбу в рай въехать ноль внимания; как об стенку горох тишь да гладь начать за здравие, кончить за упокой (что-либо) назрело</i>	«река чиста и прозрачна, море спокойно!» «голова тигра, а хвост змеи» «(стало) как стрела, положенная на тетиву лука» «начинать рыть колодец, когда появилась] жажда» и «перед самым сражением точить свою пику» «родиться (рожденный) драконом, жить (живущий) тигром»
<i>слишком поздно энергичный, жизнерадостный (полный сил и энергии) отвлекающий ход (маневр) тупик, безвыходное положение край света, дальние края красивый пейзаж (прекрасный вид) идти напролом (ва-банк) не видеть дальше своего] носа</i>	«поднять шум на востоке, а удар нанести на западе» «горы бедны, вода исчерпана» «южные горы — северные моря» «горы покрыты зеленью, вода в реке кристально чиста» «взбираться на гору штыков и кидаться) в море пламени» «глаз мыши видит лишь на «цин» (мера] длины, равная 3,33 см.) вперед» и «наблюдать за небом, сидя на дне колодца»
<i>суета; суматоха против воли страдать; бедствовать гнаться за призраком</i>	«руки спешат, ноги в замешательстве» «хотел бы лес покоя, да ветер не дает» «вода глубока, огонь жарок» «в воде ловить луну»

лезть на рожон
во все концы (со всех,
концов) ходить на
задних лапках
лизоблюдничать
(узнать) почем фунт лиха
во веки веков край
света; у черта
на куличках трудно
оправдаться от
напраслины как бы не
пострадали
невиновные
тянуть волынку;
разводить канитель
втягивать в неприятную
историю проявить
великодушие
(снисхождение) много
шума из ничего;
делат бурю
в стакане воды
действовать наугад
(вслепую) огромная
сила вовремя одуматься
подгонять (что-либо под
что-либо)
непримиримая вражда
хочется, да не мажется;
видит око, да зуб
неймет литература
(искусство)
для избранных
горы свернуть
принимать на веру
(что-либо) судить по
себе; мерить
на свой аршин
свирепый вид верная
гибель

«у Юпитера на голове начинать стройку
«небо на юге, земля на севере»
«обсасывать карбункул и лизать задний
проход»
«небо высоко, земля глубока»
«небо пустынно, земля стара»
«край неба — угол моря»
«прыгнув в Хуанхе, дочиста
не отмыться» «кинуть бы камнем в
мышей, да как
бы посуду не перебить»
«месить глину и носить воду»
«тащить человека под воду»
«раскрыть сети с трех сторон»
«ветра нет, а волны высотой в три
«чи» (мера длины, равная одной
третьей части метра)»
«слепец на ощупь ловит рыбу»
«покоряется дракон, прячется тигр»
«осадить коня на краю отвесной скалы»
«подрезать ноги, чтобы туфли были
впору»
«море крови, глубокая ненависть»
«высоко глаза, да руки низко»
«белый снег солнечной весной»
«сровнять с землей горы и осушить моря»
«заменять глаза ушами»
«карлик своей меркой измеряет
поступки исполина» «клюв орла
— глаз ястреба» «участь рыбы,
попавшей в котел»

гиблое дело; напрасный
труд; пустая затея
все идет к лучшему без
разбору
называть белое черным
развязать руки (злодею)
пробежать глазами;
бегло ознакомиться
большой ум
жить только сегодняш-
ним днем; прожигать
жизнь
бездельничать; бить
баклуши
терпеливо ждать своего
часа

«просить тигра, чтобы он отдал свою
шкуру» и «забраться на дерево,
чтобы рыбы добыть» «дождь прошел
и небо прояснилось» «не отличать
нефрита от простого камня» «показывать
оленья в качестве лошади» «отпустить
тигра и позволить ему
вернуться в горы» «любоваться
цветами, не останавливая
коня»
«полный ума, имеющий много тактик»
«пьяным родиться, сонным умереть»
или «во хмелю родиться, во сне
умереть» «сидеть и есть, а (тем
временем) горы
в запустении» «сидя на вершине
горы, наблюдать
за битвой тигров»

Задача проникновения в систему образности иностранного языка для человека, не владеющего этим языком, осложняется тем обстоятельством, что составители словарей, как правило, оказывают ему «медвежью услугу», распространяя на фразеологию известный переводческий постулат о том, что переводиться должны не слова, а общий смысл фразы (исключение составляют словари и учебные пособия под редакцией М. И. Дубровина, которые своей задачей как раз и ставят раскрытие внутренней формы идиом разных языков, характеризующихся относительной семантической тождественностью). В результате почувствовать национальный колорит пословичного фонда незнакомого языка с помощью двуязычного словаря оказывается практически невозможным, поскольку национально-специфическая форма выражения фразеологизмов «услужливо» подменяется формой языка предполагаемого пользователя словарем. Система образности иностранного языка искусственно подгоняется под привычную систему образности родного языка. Спрашивается, каким образом русский человек, не владеющий испанским и китайским языками, может узнать, что за испанскими фразами *Cuando las ranas crient pelos* и *Cuando las gallinas tengán dientes* и за китайской фразой *tieshu kaihua* скрыты отнюдь не хорошо знакомый любому русскому человеку «рак, свистящий на горе» (как об этом сообщают испанско-русский и китайско-русский словари), а соответственно — «лягушки, отравившие волосья»,

«куры, заимевшие зубы» и «зацветший вдруг саговник поникающий»? Возможны только два пути: либо ждать, когда изменится общая лексикографическая традиция презентации иноязычных фразеологизмов, на сегодняшний день игнорирующая национальную специфику выражения устойчивых единиц ценностного смысла, либо, вооружившись тем же самым двуязычным словарем, пытаться самостоятельно восстановить буквальный смысл каждой из идиом. Чтобы набрать достаточное количество примеров из китайского языка, нам пришлось идти именно вторым путем, сопряженным со значительной по объему работой со словарями, которая в итоге не всегда приносила желаемый результат. Особенно это касалось тех случаев, когда не только внутреннюю форму приходилось раскрывать по иероглифам, но и общий инвариант смысла оказывался под вопросом. Происходило это по той причине, что одной фразе на китайском языке словарь приводил в качестве эквивалентов две или более русские фразеологические единицы, существенно отличающиеся по смыслу. Вот лишь несколько таких примеров: *Gong dào zìrán chéng* («работа завершена, природа продолжается»). Первое соответствие: *терпение и труд все перетрут*; второе соответствие: *перемелется — мука будет*. Русские идиомы отличаются друг от друга по смыслу, а смысл китайской поговорки остался не до конца понятным. *Bu san bu si de rén* («человек — ни три, ни четыре»). Первое соответствие: *ни то ни се; ни рыба ни мясо*; второе соответствие: *темная лошадка*. К смыслу какого из двух русских выражений ближе китайская идиома, не ясно. Есть ли особый смысл в том, что китайский фразеологизм использует противопоставление не каких-нибудь, а именно этих цифр? Число «4» считается у китайцев несчастливой из-за совпадения со звучанием иероглифа, обозначающего смерть. Оба иероглифа читаются как *si*, но разными тонами. Налицо отрицательная коннотация номинации, но с чем именно это связано: с неяркостью, неопределенностью, тусклостью личности или с неизвестностью, таящей в себе потенциальную опасность? Выражению, переводимому как «обнажить шпагу и натянуть тетиву», даются совершенно различающиеся по смыслу соответствия в русском языке: первое — *быть в полной боевой готовности; быть начеку*, а второе — *бряцать оружием*, а фразе *de long wan shu* («получив грядку, возжелать готового проса (или батата)»), хотя и более семантически близкие, но все-таки не полностью эквивалентные выражения *аппетит приходит во время еды и дай пальчик, так он и руку откусит*. Для поговорки *Cóng fīng jiù rén* («Прыгать в колодец для спасения утопающего») даются два значения: первое предлагаемое словарем значение — (делать что-либо) *во вред себе и без пользы для другого*; второе — *спасать других, рискуя жизнью*.

Второму значению соответствует русская поговорка *Сам погибай, а товарища выручай*.

Впрочем, возможность вариативного толкования смыслового наполнения фразеологизма существует не только при переходе от одного языка к другому, но и в рамках одного языкового сознания. Вот как, например, об этом явлении рассуждает герой романа А. Г. Волоса «Недвижимость»: «Есть такая поговорка: у кого суп жидкий, а у кого жемчуг мелкий. Я давно понял ее. Она вовсе не про то, что один богат, а другой беден. Нет, совсем нет. **Она о том, что все мы одинаково несчастны — хоть и по разным причинам.** Причины разные — а несчастье такое же. Все несчастны... Честное слово, я очень хорошо могу вообразить несчастье человека, у которого весь жемчуг мелкий. Нет, ну в самом деле: у всех кругом, куда ни плюнь, крупный. А у него посмотришь — плакать хочется, какой мелкий!..» (выделено О. К.) (Новый мир № 1, 2001 г., с. 88).

В этом параграфе мы последовательно рассмотрели, каким образом в лексике языка отражаются результаты работы двух оценочных компонентов языкового сознания: эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного. Наиболее наглядно эти результаты отражены в области коннотативных значений языка, составляющей часть эмоциональных оценок (или оценок первого уровня), и в предикативных фразеологических единицах, составляющих основную часть устойчивых нравственно-ценностных оценок (или оценок второго уровня). Существующий в коллективном сознании любого этноса национальный миропорядок, национальный семантический универсум немислим без разветвленной системы оценок всего сущего, без отраженных в языке ценностных ориентиров. Именно оценивание на двух уровнях (эмоциональном и ценностном) завершает процесс отражения пространственно-временного континуума обыденным человеческим сознанием, окончательно превращая мир объективный в мир отраженный. Неповторимость субъективно-оценочной зоны любого языка становится очевидной на фоне соответствующих зон других языков, поэтому свои рассуждения мы иллюстрировали лексическим материалом разных языков, соотнося его с лексикой русского языка как относительной точкой отсчета. Наиболее интересным представляется параллельное рассмотрение языковых феноменов далеких (во всех смыслах) друг от друга культур, в которых в наименьшей степени могут проявляться последствия взаимного влияния, результаты какой бы то ни было интерференции. С этой точки зрения сопоставление фрагментов русского, лаосского и китайского пословичных фондов представляется оправданным, чем и объясняется большее (по сравнению с испанским и английским языками) количество

иллюстративного лексического материала. Постоянно предпринимаемое нами обращение к внутренней форме языковых единиц разных языков явилось следствием нашего глубокого убеждения в том, что роль формы выражения любого смысла в формировании национального образа мира ничуть не меньше самого выражаемого смысла, ибо каждой из семантических универсалий, составляющих единый логико-понятийный базис человеческого сознания, может соответствовать неограниченное число самых разнообразных форм выражения, опирающихся на совершенно разные мотивации. Проникновение во внутреннюю форму отдельных слов или пословиц иностранного языка - это не только источник удовольствия (как справедливо отмечается М. И. Дубровиным в предисловии к Иллюстрированному словарю идиом на пяти языках), но и шаг в незнакомый «дом бытия духа народа». Знакомиться с пословичным фондом чужой культуры без раскрытия внутренней формы фразеологизмов, без получения представления о системе национальной образности в целом — это все равно, что ходить по «дому бытия» национального духа с завязанными глазами, а потом самоуверенно заявлять о своем знакомстве с ним.

Следующая глава будет посвящена описанию структурной организации лексического массива языка, понимаемого не как простая совокупность всех лексических единиц, а как определенная система, по отношению к которой может быть использовано определение «национальная языковая картина мира».

Глава 4

СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Четыре уровня внешней по отношению к слову системности лексики

Попытки структурировать все то, что стоит за понятием НЯКМ, было бы неверно начинать сразу же с проблемы традиционной систематизации лексики. Этому, на наш взгляд, должно предшествовать введение в обиход категорий более высокого уровня абстракции, чем те, которые обычно используются при рассуждениях о лексике, степени и характере ее системности и единицах той или иной лексической системы. Вспомним сформулированное нами ранее определение НЯКМ как запечатленного в лексике соответствующего языка **видения** всего **сущего** и несколько распространим данное определение, уточнив, что **видение = чувственное восприятие + логическое осмысление + оценивание (на двух уровнях), а все сущее = объективный материальный мир + все привносимое в него человеческим сознанием (субъективные оценки /эмоциональные и ценностные/ и мифические категории).**

Говоря о языке, творящем мир, Л. Вайсгербер имел в виду именно несовпадение совокупности объектов, реально существующих в мире, и совокупности объектов, которыми оперирует сознание человека, владеющего языком. С одной стороны, множество реально существующих объектов остаются непоименованными языком в силу их непознанности или в силу непризнания их заслуживающими номинации и тем самым как бы не существующими для носителя данного языкового сознания, а с другой стороны, языковое сознание порождает массу концептуальных артефактов, в силу чего «...сознание социализированного человека благодаря языку содержит огромное количество информационных единиц, для которых в окружающем мире нет соответствующих объектов, но без которых сам этот мир становится непроницаемым для человеческого разума. Так, в окружающем мире нет объектов, называемых словами вера и неверие, возвышенное и низкое, прекрасное и безобразное, добро и зло, дух, свобода и т. д. и т. п. Ментальные сущности, именуемые приведенными и множеством

подобных слов, устраняют эмпирическую ограниченность мира, являют глубину, ширь и высь образующих его вещей, устанавливают связи, усмотренные «софийным человеком» за тысячелетия намеренного и праздного умствования. Они (эти сущности) преобразуют окружающий мир, сообщая ему трансцендентное измерение. Совершенно ясно, что мир, населенный такими сущностями (наряду с чувственно воспринимаемыми вещами), — это качественно другой мир по сравнению с дочеловеческим (или внечеловеческим) окружающим миром. Именно этот другой мир является единственной реальностью для социализированного человека» (Морковкин, Морковкина, 1997, с. 50—51).

Вторую составляющую всего сущего, т. е. то, что является артефактом коллективного сознания, можно определять как мир субъективных категорий, противопоставляемых миру объективно существующих реалий. В сознании носителей языка имена категорий обоих типов не противопоставляются друг другу, объективные реалии и артефакты сознания тесно переплетены между собой и образуют единый образ мира. Зачем же тогда нужно разграничивать реалии и привнесенное сознание? Прежде всего для того, чтобы прогнозировать области максимальных расхождений при соприкосновении разных культур и при их сопоставлении. Очевидно, что расхождения в языковой интерпретации реалий объективного мира будут не столь велики, как расхождения в области субъективных оценок и в области **категорий мифических**. О последних следует сказать особо, поскольку и о специфике отражения в лексике объективных реалий внешнего мира (вспомним выделение слов типа А1, типа А2 и типа Б), и о результатах работы каждого из компонентов обыденного сознания по интерпретации мира (категоризация фрагментов ПВК, лексикализация эмоциональных и ценностных оценок и суждений) мы уже говорили достаточно подробно.

Общепринятой теории мифа до сих пор нет, хотя существует достаточное число философий мифа, расходящихся в понимании его сущности. При всей разноплановости представлений о мифе, изложенных в работах Дж. Вико, Д. Юма, К.-Г. Юнга, Э. Тейлора, Г. Спенсера, Дж. Фрезера, Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, Б. Малиновского, К. Леви-Строса, можно сформулировать самые общие определения сущности мифов, которые вполне достаточны в контексте данной работы. Мифологические категории каждого языка являются плодом работы логико-понятийного компонента этнического языкового сознания на том историческом этапе развития народа, когда отсутствовало сознание научное. На этом этапе роль научного сознания выполнялась логико-понятийным компонентом обыденного сознания, которое, достигнув возможного на том этапе предела в объяснении окружающего мира,

стремилось компенсировать реальные знания о мире, «достраивая» его с помощью доступных ему наивных представлений. Пытаясь отразить закономерности природы, сознание древнего человека испытывало дефицит абстрактных понятий и вынуждено было персонифицировать силы природы, выражая общее, универсальное через конкретное. Незрелость абстрактного мышления компенсировалась мышлением образно-чувственным, а логический анализ с использованием необходимых для этого отвлеченных понятий заменялся метафорическим отождествлением непонятных природных феноменов с конкретными образами реально существующих или вымышленных существ. Персонификация природных феноменов, лежащая в основе мифологии, каждым этносом осуществлялась в самобытных формах, поэтому любая национальная мифология является не только реликтом донаучных попыток интерпретации многообразия и сложности внешнего мира, но и формой и средством выражения творческих потенций этноса. С появлением научных знаний о мире, мифология перестала выполнять функции объяснения существующего миропорядка и перешла в разряд неотъемлемых компонентов любой национальной культуры как культурно-исторический феномен. Однако существенная часть лексики, обслуживающей построение мифологических образов и сюжетов, осталась в обиходном языке.

Мы считаем, что применительно к понятию НЯКМ к разряду мифических категорий можно относить не только лексические реликты собственно мифологии, но и перекочевавшие в обиходный язык фольклорные, сказочные и литературные образы, которые, строго говоря, не относятся непосредственно к мифологии в узком смысле слова, но по сути имеют тот же онтологический статус в национальном языке: служат персонифицированными символами явлений, качеств, типажей и т. п. Таким образом, под **категориями мифическими** мы будем подразумевать собственно **мифологические концепты** плюс используемые языком **концепты из фольклорных и литературных источников**. Мифические категории составляют неотъемлемую часть когнитивной базы любого народа и, соответственно, являются полноправными «кирпичиками» огромной мозаики, именуемой НЯКМ. Зона имен мифических категорий практически в полном объеме относится к безэквивалентной лексике, которая не подлежит переводу, но может осваиваться исключительно параллельно со знакомством с самими мифологическими, фольклорными или литературными источниками, давшими им «путевку в жизнь» живого языка народа. Далеко не все так называемые прецедентные феномены фольклора или литературы удастаиваются чести войти в повседневный язык; востребованность языком имени какого-либо никогда не существовавшего

го предмета или человека можно считать своеобразным «знаком качества» концепта. Семантизация такого рода концептов дает прекрасную возможность не ограничиться ссылками на конкретный источник, давший жизнь расхожему образу, а проследить глубинные мотивы выбора коллективным сознанием из массы других прецедентных феноменов именно этого. Как правило, поиски причин такого выбора почти неизбежно приводят к одной из доминант национального характера, а это уже не простое знакомство со значением лексической единицы чужого языка, а небольшой шаг в «дом бытия духа народа». Например, иностранец, услышав в русской речи выражения золотая рыбка, скатерть-самобранка, по-щучьему велению, Иванушка-дурачок, обломовщина, маниловщина и т. п., может не ограничиться ссылками на источники их появления и, более того, не удовлетвориться даже раскрытием их истинного смысла, а задаться вопросом: «Не стоит ли за столь милыми русскому сердцу золотыми рыбками и щуками, выполняющими любые желания, скатертями-самобранками, удовлетворяющими взыскательные гастрономические запросы героя, иванушками-дурачками, не отличающимися особым трудолюбием, но тем не менее всегда оказывающимися в выигрыше,— не стоит ли за всем этим какой-либо национальной черты характера? Например, привычки больше полагаться на чудо, чем на собственные силы, желания получить максимум при минимальных усилиях со своей стороны, убежденности в том, «что трудом праведным не наживешь палат каменных», излишней созерцательности и мечтательности?» Если он не только задастся таким вопросом, но и найдет на него ответ, то такую интеллектуальную деятельность иностранца вполне можно считать соответствующей статусу знакомства с русской лексикой как с «кирпичиками» «дома бытия» духа русского народа, как с элементами НЯКМ.

Таким образом, первый этап презентации национальной лексики в качестве НЯКМ предполагает разделение всего лексического массива на две большие области (зоны, сектора) в зависимости от характера соотношенности стоящих за словом понятий с реалиями объективного мира: первую область составят имена реальных объектов окружающего мира, вторую область — имена концептов, являющихся артефактами коллективного языкового сознания. В свою очередь область концептуальных артефактов подразделяется на зону абстрактно-логических понятий, зону субъективных оценочно-ценностных категорий и зону мифических категорий. Нам неизвестны работы, в которых бы содержалась информация о процентном соотношении каждого из типов лексики, равно как и о степени постоянства такого соотношения в разных языках:

286

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАССИВ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

ИМЕНА РЕАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА	ИМЕНА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	
АБСТРАКТНЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ	СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНОЧНО-ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ	МИФИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Дальнейшее структурирование НЯКМ уже непосредственно связано с глобальной проблемой системности лексики, выявления характера этой системности, определения единиц системы и тому подобными вопросами. Практически каждое исследование, посвященное описанию какого бы то ни было фрагмента лексики, содержит констатацию факта ее системности и утверждения о необходимости описывать лексику именно как систему. Часто подобные (совершенно справедливые) утверждения являются общим местом в работе и не сопровождаются дополнительными комментариями, которые, в общем-то, необходимы хотя бы потому, что категорические утверждения о системности лексики встречают со стороны некоторых исследователей определенные возражения. Объясняется это тем, что лексика любого языка состоит из огромного числа элементов, связанных самыми разнообразными отношениями. Многочисленность лексических единиц, их неоднородность и неоднородность существующих между ними связей, наличие нерегулярных, асистемных явлений (значительно большее, чем в других языковых системах) делают труднообозримой всю лексическую систему в целом. Сам факт представления совокупности национальной лексики в виде НЯКМ не означает **автоматического** признания лексики системой, ведь «картинообразующая» функция означает интеграцию отдельных элементов в единое целое, единую «картину», но не гарантирует самого наличия однородных взаимообусловленных элементов и их структурированности, что и является признаком системности. Образно выражаясь, «картина» вполне может оказаться выполненной в духе абстрактной живописи. В действительности ЯКМ всех национальных языков, конечно же, сравнимы не с абстрактной живописью, а с самым что ни на есть классическим реализмом. Вопрос о системности лексики можно считать риторическим, другое дело, что лексическая системность может

считаться противоречивой, непоследовательной и т. п. Вот лишь два примера подобных суждений: «... Язык — весьма сложная система, в которой не только все «системно», но в которой нередко наблюдаются противоположные тенденции, постоянно осложняющие эту же систему» (Будагов, 1976, с. 78). «Наши языки — это системы, которые по существу своему удивительно асистемны. Как можно не понимать этого двойственного характера языка? Человеческий язык одновременно и система и антисистема» (М. Wandruszka, 1970 /цит. по: Будагов, 1976, с. 78/). Мысль об отсутствии в лексике системности как таковой, была высказана, например, В. М. Жирмунским, утверждавшим, что в лексике отсутствует какая-либо системность, кроме той, которая обусловлена отношениями и связями между самими называемыми предметами и явлениями действительности (см. Сб.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков.—М., 1960, с. 70). В обобщенном виде аргументы против признания системного характера лексики можно сформулировать следующим образом:

* Системность лексики — простое отношение системных связей и отношений действительности; в силу своей внелингвистической природы эта системность не может быть предметом лингвистического описания.

* Словарный состав подвижен, практически безграничен и в силу этого не поддается систематизации.

* Многозначность, порождаемая семантическим варьированием слов, создает множественность связей. Эти связи накладываются друг на друга, пересекаются, что создает трудности для элементарной группировки лексических единиц.

* В лексике очень много периферийных, окказиональных явлений, исключений.

Все перечисленные обстоятельства, бесспорно, затрудняют задачу систематизации лексики, но не являются основанием для отрицания ее системности, «... ведь в противном случае мы не смогли бы сравнительно легко выбирать нужные слова и, сопоставляя их друг с другом, употреблять в речи или воспринимать их смысл» (Новиков, 1982, с. 61). Лексика отличается от других языковых систем (фонетической, грамматической) гораздо большей сложностью, гибкостью и подвижностью, но тоже является системой; «логическим следствием противоположного взгляда было бы утверждение, что лексика находится как бы «вне языка» (Шмелев, 1977, с. 183), «ибо трудно себе представить систему, одни части которой были бы системны, а другие — бессистемны» (Кузнецова, 1982, с. 10).

Процесс становления понятия системности лексики в зарубежном языкознании достаточно хорошо описан (например: Кузнецова,

1963; Щур, 1974; Уфимцева, 1961; Гухман, 1961 и др.), поэтому мы ограничимся простым перечислением трактовок данного понятия:

* Совокупность понятийных полей, которым в языке соответствуют языковые поля, где каждое слово покрывает соответствующее понятие (Трир, Вайсгербер и др.). «Фактическим содержанием... работ представителей данного направления являются поиски своеобразного понятийного абсолюта, загадочно проглядывающего в семантических структурах разных языков...» (Звегинцев, 1957, с. 268).

* Совокупность лексико-грамматических групп слов (Ипсен).

* Совокупность лексико-синтаксических групп слов (Иоллес, Ройнинг, Оскар, Духачек и др.).

В отечественном языкознании в соответствии с традициями дореволюционной русистики центральное место в лексико-семантической системе занимает слово. Принципиально важно, что для отечественного языкознания характерно целостное понимание лексической системы, учитывающее и развивающее два аспекта системы: **внутренний** (по отношению к центральной единице системы — слову) и **внешний**. Основы именно такого целостного понимания лексической системы заложены в работах Л. В. Щербы. В ряде его статей и особенно в предисловии к Русско-французскому словарю «...намечен тот «внутренний» аспект системы, который позднее получит название «семантической структуры слова» (Караулов, 1976, с. 10). Им же развиваются и идеи внешних системных свойств слова и отражение их в различных типах словарей (см.: Щерба, 1958). Дальнейшее изучение лексической системы представляло собой углубление исследований по каждому из этих двух направлений. Усилиями В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, Р. А. Будагова «...сформулированы закономерности системной связи значений и их взаимоотношения в слове, разработано понятие лексико-семантического варианта слова, определена роль контекста в разграничении значений и употреблений слова...» (Караулов, 1976, с. 10). Можно сказать, что к концу 50-х гг. складываются контуры целостной модели лексико-семантической системы, включающей как внутренний, так и внешний по отношению к слову аспекты. Книга О. С. Ахмановой (Ахманова, 1957) представляет собой обобщение идей отечественной и мировой лексикологии этого периода и отражает именно такое понимание системы, о котором было сказано выше. В результате дальнейшего углубления и развития обоих направлений понятия лексической системы в работах Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой, П. Н. Денисова и др. сложилось общепринятое для отечественного языкознания понимание лексико-семантической системы: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических

единиц, своеобразия типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) и т. п.

Уже само название «лексико-семантическая» указывает на двустороннюю природу системы: с одной стороны, отграничивается в пределах семантического уровня лексическая семантика от грамматической, с другой стороны, при помощи этой системы происходит дальнейшее членение семантики слова как элемента словаря на самые мелкие двусторонние единицы — лексико-семантические варианты слова» (Общее языкознание. Внутренняя структура языка.— М., 1972, с. 417).

Важной особенностью лексико-семантической системы языка является неоднородность ее компонентов. Слово — основная единица системы, на основе которой идентифицируются все другие единицы. Предельно малой единицей системы, служащей для раскрытия внутрисловной системности, является лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), при анализе же внешних по отношению к слову системных связей в качестве единицы макросистемы используется группа слов. Группа слов является одновременно и самой крупной единицей лексической макросистемы, и микросистемой, состоящей из единиц более низкого уровня (слов или ЛСВ многозначных слов). Именно группы слов, как макроединицы лексической системы языка, представляют наибольшую трудность при попытках выявить единую всеобъемлющую иерархию национального лексикона, заставляя многих ученых отказаться от этой идеи и считать, что «отсутствует единая структура, всеобъемлющая иерархия словарного состава, но универсальным остается принцип взаимодействия, взаимосвязи отдельных частей и элементов словаря» (Сорокин, 1965, с. 35).

Классификация лексического массива языка предполагает установление номенклатуры типов объединений слов, но именно на этом этапе исследователь испытывает определенные затруднения. Выделение групп слов, представляющих микросистему (и одновременно макроединицу всей лексической системы), производится разными авторами на разных основаниях, с использованием различных подходов и методов. Почему так происходит? Можно ли установить единый тип лексической микросистемы, которую можно было бы считать универсальной макроединицей лексической системы? Во-первых, большую сложность и неудобство создает разноразличная в используемой авторами терминологии, обозначающей различные виды микросистем. Одни и те же по характеру объединения группы слов получают у авторов названия групп, рядов, серий, микроструктур, полей. Например, Г. С. Щур

(Щур, 1974) приводит около ста различных терминов, содержащих слово «поле». Такое положение объясняется как различиями в понимании сущности именуемых явлений, так и недостаточной изученностью самого объекта. Во-вторых (и это является основной причиной), унифицировать лексические микросистемы невозможно в силу характера самого объекта классификации: объем и многомерность любого национального лексикона лишают смысла попытки найти некий единый характер связей между словами, который охватывал бы его (лексикон) целиком. Лексика теснейшим образом связана с материальным миром, который буквально пронизан огромным количеством самых разнородных связей и отношений, существующих между его объектами, и уже в силу этого «обречена» на многомерность и разноразличность. Подобно тому, как человека можно рассматривать в качестве гражданина определенной страны, представителя определенной расы или национальности, члена какой-либо организации, представителя профессии и т. п., так и слово может принадлежать разным микросистемам, что говорит, конечно же, не о некорректности выделения той или иной микросистемы в качестве макроединицы, а о многообразии и неоднородности смысловых отношений, пронизывающих весь словарный состав языка. «Например, погоду, в частности атмосферные осадки, можно трактовать и предметно-тематически (снежинка, дождинка, градинка), и ситуативно-коммуникативно (идет дождь, снег, град), и лексико-семантически (дождь идет, моросит, хлещет; дождь, ливень, изморось), и разными другими способами. В этом многообразии подходов видится многослойность классификационных связей лексических единиц друг с другом» (Денисов, 1988, с. 21).

Таким образом, лексико-семантическая система состоит из микросистем, выделяемых по различным критериям и характеризующихся различным характером связей слов внутри микросистем, различной внутренней организацией. Один и тот же массив лексики можно представить как совокупность различных микросистем, что отнюдь не означает, что в одном случае описание проведено более корректно, чем в другом. Выбор макроединицы (т. е. микросистемы) для систематизации определенного фрагмента словаря должен диктоваться двумя факторами: характером связей, реально существующих между лексическими единицами, составляющими данный фрагмент, и практическими целями, которые исследователь ставит перед собой в процессе систематизации определенных групп слов (подготовка разного рода словарей, презентация лексики в учебном процессе для различного контингента учащихся, сугубо теоретические изыскания). Выбор любой микросистемы можно считать корректным, если для данного фрагмента лексики характерны реализуемые в выбранной микросистеме связи

и отношения и если такая группировка словарного материала позволяет решить поставленные практические задачи.

Д. Н. Шмелев справедливо утверждает, что «...нет оснований считать, что все участки лексики в равной степени «системно» организованы. Напротив, при ближайшем рассмотрении различных групп слов нетрудно заметить, что слова внутри этих групп по-разному связаны и взаимодействуют друг с другом» (Шмелев, 1977, с. 183). В качестве подтверждения этой мысли он ссылается на выделяемые В. А. Звегинцевым различные виды объединений слов: 1) слова, связанные родо-видовыми отношениями, где обязательно есть слово с обобщающим значением, и слова, представляющие «частные подразделения» более общих понятий; 2) слова, связанные отношениями синонимии, с подразделением на группы слов с обобщающим словом-доминантой и без такового; 3) слова, связанные «иными принципами определения общего значения» (обозначения родственных отношений, названия частей тела и т.д.) (См.: Звегинцев, 1957, с. 269).

Различная степень системности лексики, различный характер отношений между словами и неодинаковая «связанность» слов с объектами материального мира отмечаются всеми исследователями, но интерпретироваться могут по-разному. Например, часто в системности отказывают объединениям слов на предметно-тематической основе, ссылаясь на «нелингвистичность» принципа выделения таких групп, «...однако вряд ли было бы целесообразно заранее отказаться на этом основании от лингвистического анализа соответствующих объединений слов, от попыток найти в них общие семантические элементы» (Шмелев, 1973, с. 13). Неприятие искусственного противопоставления тематических групп лексики лексико-семантическим группам опирается на представление о лексическом значении как диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания. «На основании наблюдений за некоторыми тематическими группами существительных, в том числе и конкретной лексики, можно утверждать, что эти тематические группы представляют собой лексические микросистемы. Системность их выражается не только в их непосредственной парадигматической связи и взаимообусловленности членов парадигматического ряда (связь эта может быть очень слабо выраженной), но прежде всего и в координированности семантической деривации и одинаковости образования лексико-семантических вариантов слов» (Прохорова, 1979, с. 161—162).

В настоящее время большинство лексикологов согласно с тем, что «...лексико-семантические группы можно считать основным видом микросистемы лексико-семантической системы» (Уфимцева, 1968, с. 263), поскольку «ЛСГ объединяет все существенные аспекты сис-

темных связей между словами с учетом синонимии, антонимии, многозначности не как изолированных явлений, а в их реальной взаимоотношительности» (Слесарева, 1980, с. 53).

Учитывая сказанное ранее о пестроты, перекрещиваемое™ и неунифицированности терминологии в этой области и расхождения в самом понимании принципов вычленения разных микросистем, представляется целесообразным привести определение ЛСГ, исходя из которого мы в дальнейшем будем использовать этот термин. Такое определение должно содержать указание как на формальную, так и на смысловую близость слов, объединяемых в ЛСГ. Приведем два примера определений, кажущихся нам удачными: «ЛСГ понимается как языковая и психологическая реальность, принципиально вычлененное объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений... — отношений синонимии, гипонимии, гиперонимии..., частичного смыслового пересечения» (Слесарева, 1980, с. 49). И другое определение: ЛСГ «...объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема — категориально-лексическая (архисема, классема)» (Кузнецова, 1982, с. 74).

Практика показывает, что тип микросистемы в значительной степени обуславливается самим характером описываемого фрагмента лексического состава языка: ЛСГ обычно выбирается исследователем в качестве микросистемы при описании абстрактной лексики, где внеязыковая предопределенность отношений между словами минимальна, в то время как конкретная лексика группируется, как правило, по тематическим группам, формируемым на экстралингвистической основе, но не лишенным, как было отмечено, собственно языковых системных отношений. Характер отношений между словами, относящимися к разряду конкретной лексики, различен, в связи с чем решающим фактором при выборе типа микросистемы должен являться характер связей между словами, а не факт отнесенности к разряду абстрактной или конкретной лексики. В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения Ю. Н. Караулова о различии тематических (денотативных, «предметных») групп имен и групп слов с десигнативной (понятийной) направленностью (см.: Караулов, 1976, с. 132—134). Существенное различие между этими группами состоит в том, что имена денотативных групп реализуют отношения части и целого, представляя собой перечисление частей целого, обозначаемого суперординатой, а имена групп второго типа находятся по отношению к суперординате в родо-видовой зависимости, т. е. находятся в отношениях гипонимии. С этой точки зрения обширные группы конкретной

лексики, являющиеся по своему характеру таксономиями (названия птиц, животных, насекомых, растений), вполне можно рассматривать именно в качестве ЛСГ.

Тот факт, что описание лексического массива по ЛСГ можно считать наиболее распространенным на современном этапе, отнюдь не означает, что другие типы лексических микросистем не имеют права обладания статусом макроединиц лексико-семантической системы. Они успешно используются при решении теоретических и практических задач, так или иначе связанных со структурированием лексики. Например, практика составления идеографических словарей опирается на более крупные (по сравнению с ЛСГ) микросистемы — понятийные и семантические поля, а создатели учебных пособий для иностранцев и словарей-разговорников используют не только объединения слов по типу ЛСГ, но и тематические группы, синонимические ряды, антонимические пары и словообразовательные гнезда. П. Н. Денисов выделяет десять типов «пучков слов», которые обеспечивают системность лексики: «1) семантическое поле, 2) лексико-семантическая группа, 3) тематическая группа, 4) ситуативная группа, 5) коммуникативная группа, 6) родо-видовая группа (рубрика тезауруса), 7) синонимический ряд, 8) антонимическая пара, 9) словообразовательное гнездо, 10) эпидигматическая группа (совокупность всех значений, или ЛСВ одного многозначного слова)» (Денисов, 1980, с. 119). Возможно использование и других типов структур, организующих семантическое пространство языка, например, Ч. Филлмор для этой цели предлагает использовать в качестве макроединиц лексические парадигмы, циклы, цепочки, партономии, таксономии, семантические сети и фреймы (см.: Филлмор, 1983, с. 23—60). Релевантным признаком любой микросистемы является наличие определенных семантических связей и отношений между ее элементами. В приведенных выше «пучках слов» эти связи и отношения различны и достаточно многообразны. В большинстве же случаев исследователи довольствуются выделением синонимических и (или) антонимических отношений как основных показателей системности, полагая, что эти два типа отношений являются теми основными семантическими координатами, которые организуют в парадигматическом пространстве лексические единицы. Думается, что понятие системности не следует сводить к наиболее продуктивным типам отношений. Более целесообразной представляется такая организация семантического пространства языка, которая бы учитывала даже самые непродуктивные типы отношений в любом из типов микросистем. Многообразие отражаемого в языке объективного мира должно соответствовать никак не меньшее многообразие форм организации «кирпичиков», из которых складывается **языковая** модель мира.

После того, как определен инвентарь «кирпичиков», из которых строится «дом бытия» духа народа, т. е. когда все «portions of space-time» (по терминологии Б. Рассела) («мельчайшие фрагменты пространства-времени»), получившие статус концептов языка, распределены по тем или иным лексическим группам в соответствии с характером существующих между ними отношений, встает вопрос о логической организации выделенных групп слов. Каким образом в действительности группируется лексика в человеческом сознании, науке пока что не известно, и ученые, занимающиеся проблемами мозга человека, этого не скрывают, но тот факт, что она структурирована, сомнений не вызывает, поскольку ничем иным нельзя объяснить то, с какой скоростью человек извлекает из своей памяти нужные в определенной ситуации слова, дифференцируя его в доли секунды от тысяч других именованных информем. Попытки объединить между собой логическими связями все множество «пучков слов» выливаются в конечном итоге в построение той или иной идеографической классификации, национальной лексики, являющейся по своей сути гипотетической экспликацией того, каким образом в «свернутом» виде хранится в сознании вся лексическая семантика. Любая из идеографических классификаций, предлагаемых идеографическими словарями, является своего рода гипотезой, отражающей субъективное видение проблемы составителями этих словарей. Объективных критериев оценки того, насколько удачно то или иное видение глобальной взаимосвязанности лексических микросистем, видимо, нет. Несомненно лишь то, что любое представление лексики как картины мира или как фрагмента такой картины не может не опираться на ту или иную синоптическую схему, идеографическую классификацию, охватывающую весь массив лексики национального языка, в которой самые разнообразные типы объединений слов выполняют общую функцию — функцию **рубрики идеографической классификации** национального лексикона.

Исследователь, поставивший перед собой задачу представить лексический состав языка в качестве НЯКМ, может выбирать любой из двух вариантов: либо самостоятельно выстраивать идеографическую классификацию в соответствии с собственными представлениями о логике и целесообразности, либо, проанализировав уже существующие классификации, выбрать наиболее удачную, с его точки зрения. Все синоптические схемы строятся по принципу родо-видовой организации единиц системы и имеют несколько уровней обобщения, при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Например, Ю. Н. Караулов для анализа степени изученности различных структурированных областей лексики разных языков в качестве эталона использовал синоптическую

схему словаря Халлига-Вартбурга (см.: Караулов, 1976), которая имеет четыре уровня обобщения: на первом уровне — одна рубрика («Univer-sum»), на втором — три рубрики («Вселенная», «Человек», «Человек и Вселенная»), на третьем — десять рубрик, а на четвертом — восемьдесят две. Мы не ставим перед собой задачу сравнительного обзора существующих идеографических классификаций, поэтому остановимся лишь на двух примерах, один из которых, по нашему мнению, является образцом того, какой **не должна** быть идеографическая классификация, а второй — образцом того, какой она **может** быть.

Крайне неудачной нам показалась ЯКМ русского языка, отраженная в синоптической схеме изданного в 1991 году в Пекине словаря под названием «Сокровищница синонимов русского языка». Формально классификация имеет три уровня обобщения, на самом же деле их всего два, поскольку на нижнем уровне располагаются уже не именованные группы лексики, которые можно считать рубриками классификации, а отдельные слова. Получается, что от высшего уровня абстракции, высшего уровня обобщения до низшего уровня обобщения, т.е. до уровня отдельного слова, всего два логических «шага», что, по нашему мнению, никак не соответствует ни сложности организации мира объективного, ни, пожалуй, еще большей сложности мира, отраженного в языке. К высшему уровню обобщения отнесены двенадцать рубрик: «Человек», «Вещество», «Время и пространство», «Отвлеченные предметы», «Признак», «Движение», «Психическая деятельность», «Деятельность», «Явление и положение», «Касательство» (?), «Вспоможение» (?), «Возглас и звукоподражание», «Вежливость». На втором (низшем) уровне обобщения располагаются 94 рубрики, назвать которые лексическими микросистемами можно лишь условно. Чего только стоят сами названия некоторых рубрик второго уровня: «противный человек», «суеверная деятельность», «злодейство», «участь», «вспоможение», «возглас и аханье» — или факт объединения в рамках одной общей рубрики таких более мелких рубрик, как «механическое оборудование» и «выделения (человека)», «профессия» и «противный человек». Кстати, общей идеей «противности» оказались объединенными весьма разнородные по своему характеру обозначения людей: *реакционер, предатель, пособник, прислужник, грешник, спекулянт, преступник, разбойник, вор, хулиган, наглец, обманщик, подстрекатель, соблазнитель, пьяница, проститутка*. Думается, что русская лексика, структурированная **таким** образом, вряд ли может претендовать на роль ЯКМ русского языка.

Положительным примером структурирования лексических микросистем языка, на наш взгляд, может служить идеографическая классификация словаря под редакцией В. В. Морковкина «Лексическая основа

русского языка: Комплексный учебный словарь» (М., 1984). Данная классификация имеет шесть уровней обобщения, содержит 29 именованных классов, 254 именованных разряда и 649 нумерованных групп и вполне может служить логическим каркасом НЯКМ.

«Семантические отношения между словами фактически развертываются в семантическое пространство трех основных измерений: синтагматического, парадигматического и деривационного» (Денисов, 1980, с. 131). Эти три измерения можно считать своеобразными «осями координат» семантического универсума любого национального языка. Практически любое слово может быть представлено в трехмерной модели лексической системы. Располагая на каждой из осей «соседей» анализируемого слова, мы получаем полное представление о потенциальных и реально реализуемых в языке типах отношений этого слова с другими словами этого языка. Таких связей и отношений у одних слов может быть много, у других — меньше, у третьих — совсем мало. Это свидетельствует лишь о разной степени и различном характере системности конкретного слова. Представление отдельно взятого слова в трехмерной системе координат семантического пространства языка является не чем иным, как установлением межсловных системных связей слова как основной единицы лексической системы.

Таким образом, внешняя по отношению к слову системность лексики проявляется на четырех уровнях.

1-й уровень: распределение лексических единиц по трем областям в зависимости от характера соотношенности концептов с объективным миром: области имен реальных объектов, области имен субъективно-оценочных категорий и области мифических категорий (две последние в совокупности образуют область концептуальных артефактов национального языкового сознания).

2-й уровень: структурирование каждой из трех областей посредством распределения лексики по микросистемам («кучкам» по В. В. Виноградову, «пучкам слов» по П. Н. Денисову), основным типом которых можно считать лексико-семантическую группу как тип объединения слов, учитывающий и формальную, и смысловую общность входящих в него единиц. В качестве макроединиц (микросистем) семантического пространства языка могут использоваться и все другие типы объединений слов. Выбор типа объединения слов зависит от характера отношений, связывающих именуемые понятия между собой.

3-й уровень: структурирование всей совокупности лексических микросистем языка, результатом которого должна стать идеографическая классификация всего лексического массива, в которой каждое из объединений слов вне зависимости от принципов своей внутренней организации приобретает статус рубрик общей синоптической

схемы, построенной по принципу родо-видовой организации, где любая рубрика низшего уровня абстракции входит в качестве составной части в рубрику более высокого уровня абстракции. В такой классификации любое именованное понятие, любой концепт посредством нескольких логических «шагов» может быть соотнесен с категориями самого высокого уровня обобщения, каковыми в признаваемой нами за эталон идеографической классификации «Лексической основы русского языка» являются категории «материальный мир» и «абстрактные отношения и формы существования материи». Идеографическая классификация лексики сама по себе не тождественна ЯКМ, а является ее логической основой, своеобразным «скелетом», без которого «плоть» языка рассыпается на бесчисленное множество хаотично разбросанных именованных порций пространственно-временного континуума. **4-й уровень:** установление всех межсловных связей отдельной лексической единицы по трем «осям координат» семантического пространства: парадигматической, синтагматической и деривационной, разделяющейся в свою очередь на словообразовательную (или формально-деривационную) и эпидигматическую (или семантико-деривационную).

§ 2. Описание внутренней по отношению к слову системности лексики

Если развить метафору о лексике языка как живом организме, в котором внешняя по отношению к слову системность (и прежде всего, структурированность всех существующих в языке лексических микросистем, превращающая их в рубрики общей идеографической классификации национальной лексики) подобна скелету, то плотью этого живого организма можно считать все то, что относится к сфере внутренней по отношению к слову системности.

Внутренняя системность лексики проявляется в попытках структурирования значения отдельных лексических единиц, которое также имеет разноуровневый характер. На первом уровне должно происходить определение всех лексико-семантических вариантов многозначного слова (ЛСВ), на втором — экспликация значения каждого из ЛСВ многозначного слова или значения «однозначного» слова. Эта экспликация может производиться разными способами, основными из которых, видимо, следует считать метод компонентного анализа значения слова и более поздний по времени возникновения метод экспликации значений слов посредством описания прототипов именованных объектов или ситуаций, под которыми разумеются наиболее типичные

представители именуемой категории. О прототипах как центральных категориях прототипической семантики мы уже достаточно сказали в предшествующих разделах, равно как и бесперспективности противопоставления обоих методов. Напомним, что наиболее продуктивным видится именно синтез и взаимодополнение двух указанных подходов, высказывание о целесообразности которых Анны Вежбицкой мы уже цитировали. Использование термина «компонентный анализ» по отношению к традиционным толкованиям значений слов не совсем корректно, поскольку сужает суть метода. «В основе компонентного анализа лежат три главных принципа: описание значений словарного состава естественных языков через средство конечного набора элементарных семантических единиц или компонентов, представление этих семантических компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого ума. Часто исследователь использует метод в «усеченной форме», беря за основу один из принципов, ставя перед собой значительно более скромные задачи, нежели те, на которые претендует компонентный анализ во всей целостности своих принципов. Как правило, в такого рода работах используется лишь принцип описания лексических значений посредством ограниченного набора семантических компонентов» (Звегинцев, 1981, с. 8). Сразу же оговоримся, что в данной работе, говоря о компонентном анализе, мы имеем в виду именно такое «усеченное» понимание метода, при котором «значение слова... есть набор семантических компонентов, соединенных логическими операторами» (Бирвиш, 1981, с. 180). При этом сами компоненты трактуются по-разному. Например, Катц и Фодор различают два типа компонентов: «семантические маркеры (признаки), которые и воплощают собой минимальные семантические компоненты, и селекционные ограничения (различители)..., при помощи которых мы можем разложить значение одного из смыслов лексической единицы на составляющие его концептуальные атомы...» (цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, 1981, с. 10), в то время как другие исследователи не делят элементы значения на разные типы, называя их семантическими множителями или дифференциальными семантическими элементами (например, см.: Ломтев, 1976). Критики метода компонентного анализа справедливо указывают на субъективизм выделения минимальных единиц смысла как главный недостаток метода, что, впрочем, не ставит под сомнение «пригодность» самого метода для нужд практического описания значений слов посредством толкований, представляющих собой, по сути дела, линейно развернутое перечисление дифференциальных признаков раскрываемого

понятия. Истоки метода разные исследователи усматривают в работах разных ученых. «По мнению многих лингвистов, для исследования лексического материала данный метод первоначально был широко использован в работах У. Гуденафа и Ф. Лаунсбери» (Кузнецов, 1986, с. 9). В них «...были сформулированы его основные принципы и понятия, и через них он получил широкое распространение в семасиологии... В этих работах компонентный анализ рассматривается скорее как техника описания узкого круга лексических единиц, чем как основание для построения общей теории лексико-семантической структуры языка» (там же). «Другая группа исследователей-семасиологов... видит его истоки в работах по грамматической семантике 30—40-х гг. В этом случае имеется в виду компонентный анализ, представленный в работах Л. Ельмслева, Р. Якобсона и др.» (там же, с. 10).

Компонентный анализ в узком понимании, т. е. как прием, техника описания значений отдельных слов или ЛСВ слов, может дополняться методом так называемого компонентного синтеза, предлагаемого в работе «От компонентного анализа к компонентному синтезу» (Кузнецов, 1986). Процедура компонентного синтеза представляет собой поиск на основе заданных дефиниций соответствующих им слов и предполагает гипотетичность эквивалентности слова и его толкования. Если на основании выявленных компонентов значения оказывается невозможным идентифицировать само слово, это означает, что компонентный анализ проведен неудачно.

Было бы преувеличением считать, что метод описания значений слов посредством субъективно выделяемых минимальных компонентов смысла не встречает возражений со стороны ученых, занимающихся как теоретическими проблемами семантики, так и проблемами лексикографии. Как это обычно бывает в науке, диапазон оценок этого метода очень широк: одни считают, что «для точного описания значения необходимо выделять и каталогизировать атомы смысла достаточно широких слоев лексики в разных конкретных языках» (Сукаленко, 1976, с. 48) (сторонником создания подобного каталога универсальных семантических примитивов, выполняющих функцию семантического метаязыка, является А. Вежбицкая), другие демонстрируют скептическое отношение к данному методу, считая, что применительно к лексикографической практике «описание некоторого слова цепочкой предельно простых в семантическом отношении слов («элементарных смыслов»)»... не является насущной необходимостью, поскольку приводит к длиннотам, тогда как описание словами, которые проще описываемого слова на один-два семантических признака, будет гораздо короче, обозримее и доступнее» (Денисов, 1993, с. 215—216), и что «...из положений конструктивного направления в лингвистике вытекает

неприемлемость универсального семантического языка элементарных смыслов» (там же, с. 242). Мы не считаем, что метаязык элементарных смыслов может стать универсальным средством описания значений слов, но приемлемость его для описания семантической структуры определенных (и довольно обширных) лексических массивов для нас бесспорна, поскольку подтверждена многолетней практикой обучения русской лексике иностранных студентов.

Представление лексики национального языка в виде динамичной, но структурированной на всех перечисленных уровнях совокупности национально-специфических обозначений мельчайших «порций пространства-времени» не вполне тождественно НЯКМ, поскольку понимание лексики как материализации национального видения мира предполагает нечто большее, чем то, что поддается логическому исчислению и кодификации. В рамках установления системных свойств лексики национального языка вряд ли возможно оперирование такими категориями, как колорит, дух, красота языка, эстетическое наслаждение языком и т. п. Подобные категории выходят за рамки формально-логического описания и относятся уже к сфере эмоционального восприятия и эмоциональной интерпретации фактов языка. В этом смысле понятие НЯКМ шире и менее определено, чем понятие лексико-семантической системы языка. Тем не менее без опоры на максимально возможную формально-логическую упорядоченность лексики НЯКМ не может стать объектом эстетической оценки и эстетического наслаждения, ибо нельзя наслаждаться языком (его образностью, точностью, меткостью, парадоксальностью и т. п.), не зная его. В этом отличие языка, например, от музыки: незнание нот не помешает эмоционально и эстетически развитому человеку получать наслаждение от музыкального произведения, а незнание иностранного языка (и прежде всего, его лексики) встает непреодолимым барьером между человеком и сокровищами иноязычной словесности. В этом смысле знание лексики иностранного языка во всей сложности и всем многообразии ее системных связей является необходимым условием, без которого дорога в «дом бытия» духа другого народа заказана. Иноязычная лексика становится воплощением национального менталитета, национального мировоззрения, мироощущения и мирооценки, когда человек начинает ее чувствовать, а **стадии чувствования** неизбежно должна предшествовать **стадия знания**, состоящего именно в четком представлении любого слова в трехмерном семантическом пространстве и в составе определенной рубрики общей идеографической классификации языка.

На занятиях с иностранными студентами, изучающими русский язык, автору неоднократно приходилось использовать такой образ: студент,

шаг за шагом осваивающий отдельные фрагменты лексической системы русского языка, подобен человеку, медленно идущему по длинной лестнице, на вершине которой (если он все-таки сможет преодолеть все ступеньки) его ждет достойная награда — возможность войти в мир другого языка, в «дом духа» другого народа и насладиться всеми красотами, которые доступны его коренным обитателям.

Пройдя **стадию знания** синонимов, антонимов, гиперонимов, ЛСВ многозначного слова, коннотаций, продуктивных моделей семантических переносов русского языка и многого-многого другого, носитель иного языкового сознания имеет шанс достичь **стадии чувствования** красоты пушкинских и есенинских рифм, задушевности народных песен, тонкости подтекста фразы и игры слов, меткости и точности пословиц и поговорок. Иными словами, «достигнув конца того, что следует знать, ты окажешься в начале того, что следует чувствовать» (Д. Джебран). То же самое в полной мере относится к носителю любого языкового сознания, поставившего своей целью овладеть любым иностранным языком на уровне восприятия его как НЯКМ.

Изучение иноязычной лексики как многоуровневой системы — это овладение языком на уровне знания, гарантия потенциальной возможности перехода к уровню чувствования языка и восприятия его в качестве одной из множества картин мира, существующих в этнических сознаниях.

Существуют ли способы лексикографической экспликации лексики, понимаемой как НЯКМ? В какой мере существующие типы словарей решают эту задачу? Возможны ли какие-нибудь новые подходы к решению этой проблемы? Свое видение ответов на поставленные вопросы мы изложим в следующем параграфе.

§ 3. Способы лексикографического оформления лексики языка как национальной языковой картины мира (к вопросу о типологической характеристике словаря НЯКМ)

Отвечая на поставленные в конце предыдущего параграфа вопросы, нам хотелось бы найти золотую середину, избежав, с одной стороны, излишней отвлеченности, обобщенности и неконкретности рассуждений о возможном лексикографическом представлении лексики как НЯКМ и, с другой стороны, неуместной в контексте данной работы детальности описания процедур построения **гипотетического словаря НЯКМ**. У автора нет претензий на детальное изложение принципов и процедур построения такого словаря, поскольку есть реальное

осознание того, что вторжение в лексикографическую практику кого бы то ни было, кроме профессиональных теоретиков и практиков лексикографии, чревато дилетантизмом. Тем не менее мы считаем возможным высказать некоторые соображения самого общего плана относительно того, каким нам видится словарь, который в наибольшей степени отвечал бы статусу сферы фиксации языковой картины мира национального языка.

Вполне очевидно, что создание гипотетического словаря НЯКМ не должно представлять собой «изобретение велосипеда», оно должно опираться на весь богатейший опыт теории и практики составления словарей и представлять собой, видимо, некий синтез принципов построения разных словарей. Вопрос только в том, что именно синтезировать, а решить это можно только с учетом общей типологии словарей и осмыслении функций каждого из типов словарей по отношению к описываемому нами понятию НЯКМ.

Подходить к «образу» словаря НЯКМ следует постепенно, рассматривая ряд последовательных оппозиций, существующих в типологии словарей, которая является основным вопросом теории лексикографии.

Первая оппозиция: «одноязычные словари — двуязычные словари». Впервые вопрос о принципиальном отличии этих типов словарей поставил Л. В. Щерба в работе «Опыт общей теории лексикографии» (Щерба, 1974). Одноязычные и двуязычные словари отличны и по своему назначению, и по принципам описания значений, и, что для нас особенно важно, по отношению к понятию ЯКМ. **Одноязычный словарь фактически является средством идентификации ЯКМ, существующих в сознании отдельных языковых личностей, с всегда превосходящей их по объему и качеству обобщенной ЯКМ национального языка, существующей абстрактно в коллективном языковом сознании.** НЯКМ — это результирующая величина, распределенная своими упрощенными вариантами по индивидуальным языковым сознаниям всех представителей языкового сообщества. Именно НЯКМ (или отдельные ее элементы) в том или ином виде представляется в одноязычном словаре с тем, чтобы носители этого языка имели эталон собственной лексической системы, по которому могли бы сверять собственные личностные лексические системы. Основной тип одноязычного словаря — это толковый словарь, помогающий носителям языка осуществлять верификацию своих личных представлений о семантической структуре однозначных и многозначных слов родного языка с аналогичными семантическими структурами, кодифицированными словарем в качестве эталона. Одноязычные словари синонимов, антонимов, сочетаемости, словообразовательные помогают уточнить характеристики слова по одной из

осей семантического пространства языка: парадигматической, синтагматической и деривационной.

Можно ли говорить об одноязычном словаре НЯКМ? Безусловно. Однако нам представляется более интересным рассмотреть перспективы построения именно **двуязычных словарей ЯКМ иностранных языков**, т. е. таких словарей, в которых бы экспликация ЯКМ адресовалась не носителям этого языка (с целью верификации по ней индивидуальных ЯКМ), а представителям какого-либо другого языкового сознания (с целью знакомства с ЯКМ другой культуры, с целью ее изучения и постижения). Создание двуязычных словарей НЯКМ сопряжено с гораздо большими сложностями, чем создание аналогичных словарей для «внутреннего» одноязычного пользования, хотя бы в силу того, что правая часть такого словаря (то, что сообщается об эксплицированном в левой части) не может опереться на знания и интуитивные представления пользователя словарем. П. Н. Денисов, говоря о том, что словарь комплементарен к знаниям языка своих читателей, имеет в виду, очевидно, именно одноязычные словари: «Человек интуитивно обязан понимать равенство смыслов (эквивалентность, семическое уравнение)... Знание языка (в известных пределах) предполагается. Словарь комплементарен к знаниям языка своих читателей. Он дополняет, уточняет, систематизирует, т. е. эксплицирует его интуитивные представления» (Денисов, 1993, с. 240). О концептах незнакомого языка у человека не может быть ни интуитивного, ни логического знания, поэтому, создавая лексикографическую дефиницию правой части словаря, составители не вправе рассчитывать на априорное знание (в любой степени) описываемого концепта. Это обстоятельство усложняет задачу лексикографа, но и делает ее более интересной. В последующем изложении мы сконцентрируем наше внимание на анализе возможностей создания словарей именно этого типа — двуязычных словарей НЯКМ иностранного (для потенциального пользователя) языка как материального подспорья для постижения иноязычного мировидения. **Левая часть двуязычного словаря НЯКМ должна представлять собой лексическую систему иностранного (по отношению к пользователю) языка, подлежащую истолкованию, являющуюся объектом познания, а правая — описание этой системы средствами родного языка предполагаемого пользователя словарем.** Отнесение гипотетического словаря НЯКМ к категории двуязычных словарей ставит его создателей перед необходимостью определиться по поводу следующей оппозиции.

Вторая оппозиция: «словарь активного типа (словарь синтеза) — словарь пассивного типа (словарь анализа)». Словари синтеза направлены на то, чтобы помочь пользователю словарем правильно продуци-

ровать речь на иностранном языке как в процессе перевода, так и в процессе построения самостоятельных высказываний. Для этого ему предлагаются все возможные формы выражения той или иной идеи и условия применения каждой из них. Левая часть двуязычного словаря синтеза — это слова (или выражения) родного языка, а правая часть — иноязычные эквивалентные формы выражения смысла, задаваемого единицами левой части. По своему назначению и форме подачи языкового материала на уровне грамматики словарям этого типа соответствует так называемая активная или функциональная грамматика, организующая и эксплицирующая весь материал по ономаσιологическому принципу, от смысла к форме его выражения. Именно по этому принципу в настоящее время строится большинство учебников по русскому языку для иностранцев, реализующих более общий дидактический принцип коммуникативности обучения.

Словари анализа решают задачу максимального понимания семантической структуры слова и всех его системных связей с другими словами в плане парадигматики, синтагматики и дериватики. Словари анализа могут быть и одноязычными, и двуязычными. Двуязычный аналитический словарь в качестве левой части имеет единицы лексической системы иностранного языка, а в качестве правой части — истолкования на родном языке. Термин «истолкования» охватывает два возможных варианта: приведение в соответствие иноязычному слову максимально семантически близких эквивалентов родного языка (как это и происходит в традиционных двуязычных словарях) и описание средствами родного языка пользователя семантики иностранного языка, т. е. собственно толкование значения (как это имеет место в одноязычных толковых словарях). Как мы сказали, двуязычные словари используют для «истолкования» иностранного слова не собственно толкования, а именно вариант приблизительных соответствий в родном языке, что ведет к искажению смысла исходного (объясняемого) слова, неизбежному из-за несовпадения объемов значения отдельных ЛСВ, семантических структур многозначных слов, стилистических и коннотативных характеристик.

Двуязычный словарь НЯКМ (иностранного языка), по нашему мнению, должен быть словарем аналитического типа, поскольку не преследует чисто прагматических целей служить «инструментом» для порождения речевых произведений на иностранном языке. Он должен ориентироваться именно на перцепцию, максимально адекватное восприятие иностранной лексики во всей своей совокупности и полноте системных связей. Это должна быть именно «картина» для вдумчивого взгляда и наслаждения ею, а не подручное средство в виде фрагментов мозаики для того, чтобы любой желающий складывал из них удобные

них угодные ему изображения. Однако требованию аналитичности правой части словаря соответствует не распространенный в двуязычной лексикографии принцип подбора соответствий родного языка, а используемый в одноязычной лексикографии принцип толкований значений слов путем построения словарных дефиниций, стремящихся к максимально полному отражению плана содержания слова. Это означает, что словарь НЯКМ иностранного языка должен быть одновременно и двуязычным, и толковым. Почему Л. В. Щерба говорил о необходимости создания четырех типов словарей для каждой пары языков: «Двух толковых иностранных словарей с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем (выделено О. К.) и двух переводных словарей с родного языка на иностранный» (Щерба, 1974, с. 303)? Очевидно, «из-за несовершенства двуязычных словарей, которые годятся для чтения и перевода, но дают фальшивое понятие о словах данного языка» (Сукаленко, 1976, с. 20). Через двадцать лет после Л. В. Щербы Э. Вильямс (Williams, 1960) выдвинул идею о четырех типах переводных словарей: например, англо-испанский и испанско-английский, предназначенные для англичан, и англо-испанский и испанско-английский, предназначенные для испанцев. Правые части таких словарей должны были строиться с учетом национальности пользователя словарем.

Представление лексической системы как НЯКМ вряд ли совместимо с «фальшивыми понятиями» о словах. Толкования иностранных слов на родном языке носителя не смогут устранить ошибки в употреблении данных слов в процессе продуцирования речи (как полагал Л. В. Щерба), но смогут гарантировать максимальное понимание содержательной стороны иноязычной лексики. Тип двуязычного словаря, координированного с толковым словарем, предложил американский лексикограф И. Е. Яннуччи (Iannucci, 1958; Iannucci, 1962). Яннуччи предлагал в левой части словаря располагать переписанные словарные статьи из толкового словаря исходного языка, а в правой части — соответствия на уровне эквивалентов в языке перевода каждому из значений.

На наш взгляд, гораздо привлекательнее выглядит вариант координированности толкового и двуязычного словаря, предложенный Л. В. Щербой. Скептически относясь к двуязычным словарям того времени, он призывал изучающих иностранный язык как можно быстрее переходить от пользования переводными словарями к пользованию толковыми словарями изучаемого языка, а поскольку такое пользование невозможно без достаточного знания этого языка, то облегчить входение в область неискаженных семантических структур иноязычной лексики могли (по замыслу Л. В. Щербы) переведенные на язык 306

пользователя толковые словари иностранных языков. Предлагая подобный способ оформления правой части словаря, мы отдаем себе отчет в том, что словарь такого типа не будет помогать активному овладению иностранным языком, не будет подспорьем в синтезировании иностранной речи, т. е. в рамках ипостасного представления языка — не будет воплощать язык в его «инструментальной» ипостаси, в качестве инструмента активной коммуникации. Что же касается отражения в словаре такого типа системной и «картинообразующей» ипостасей языка, то достижению этой цели он вполне будет соответствовать, поскольку наиболее полно и точно раскроет всю совокупность значений слов исходного языка вне сравнения с какими бы то ни было другими языками и, соответственно, без интерференции с их стороны, без искажения семантической структуры лексических единиц исходного (иностранного) языка, сколь бы отличной она ни была от соответствующей структуры родного языка пользователя словарем.

Левая часть гипотетического словаря НЯКМ, как уже было сказано, представляет собой совокупность лексики того языка, который подлежит описанию в качестве национально-специфического видения мира. Вопрос о том, каким образом слова будут располагаться относительно друг друга, составляет суть третьей оппозиции, в основе которой лежит предпочтении формального или смыслового принципа организации всего лексического массива.

Третья оппозиция: «группировка единиц левой части словаря по формальным признакам — группировка единиц левой части словаря по смыслу». Группировка слов по частям речи или (что наиболее часто встречается в лексикографической практике) расположению их по алфавиту (или по так называемым *ключам* в языках с иероглифической письменностью) является проявлением ориентации на формальные признаки организации лексики и не отражает ее смысловой организации по соответствующим семантическим полям, зонам, группам и т. п., без чего о «картинообразующей», «миропостроенческой» функции лексики говорить бессмысленно. Выбор семантического принципа расположения единиц иностранного языка в левой части словаря для нас очевиден. Слова должны быть распределены по рубрикам идеографической классификации. Рубрики этой многоуровневой классификации должны выполнять роль логического каркаса, не позволяющего еще не знакомой иноязычной лексике рассыпаться на необозримое множество изолированных имен «порций пространства-времени». Доминанты рубрик идеографической классификации и лексемы, образующие их ядра, могут служить прекрасными ориентирами в «безбрежном лексическом море», являясь в своей совокупности практически готовыми лексическими минимумами, подлежащими

усвоению в первую очередь. При этом различия в характере групповых объединений слов предлагается считать нерелевантными, поскольку они выполняют одну и ту же функцию: рубрикации лексикона по смысловому принципу. Для удобства субъективного восприятия левой части словаря, для придания ей большей стройности семантический принцип группировки исходных единиц системы представляется целесообразным дополнить минимальной формальной структурированностью, которая может проявляться, например, в требовании однородности рубрик идеографической классификации с точки зрения принадлежности входящих в нее единиц к одной части речи.

Соединение в одном словаре принципа идеографической группировки лексики описываемого языка и принципа толкования значений слов наталкивается на очень серьезное препятствие, когда мы имеем дело с многозначными словами. Проблема в том, что в определенную рубрику идеографической классификации входит только один из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова, другие же ЛСВ этого слова могут относиться к совершенно другим рубрикам. Например, многозначное русское слово *рукав* состоит из трех • ЛСВ, каждый из которых должен фигурировать в совершенно различных ЛСГ, формирующих соответствующие рубрики идеографической классификации: *рукав* как часть одежды, покрывающая руку или часть руки,— в ЛСГ «Одежда и ее элементы», *рукав* как ответвление, отходящее от главного русла реки,— в ЛСГ «Элементы природной среды, связанные с водой», *рукав* как труба или кишка для отвода жидкостей, газов и сыпучих тел — в ЛСГ «Технические приспособления». Когда слова левой части словаря располагаются по алфавиту, все ЛСВ многозначного слова представлены вместе. Как быть, если за основу взят тематический или идеографический принцип расположения единиц левой части словаря? Нужно ли при описании одного из ЛСВ многозначного слова в рамках соответствующей рубрики указывать на существование ЛСВ с другими значениями? Думается, нужно, но именно указывать, а не описывать в том же объеме, что и основной (для данной рубрики) ЛСВ. Такое указание может осуществляться либо в форме отсылки к классу денотатов (например: «элемент одежды», «водоем», «техническое приспособление»), либо в форме эквивалента языка пользователя словарем. Таким образом, каждый ЛСВ многозначного слова будет детально семантизирован путем толкования на языке перевода в своей идеографической рубрике и указан в «свернутом виде» (перевод или отсылка к классу денотатов) во всех рубриках, содержащих остальные ЛСВ этого слова.

Дальнейшие рассуждения о принципах создания словаря НЯКМ иностранного языка будут связаны с уровнем отдельной словарной статьи.

Четвертую оппозицию мы сформулируем следующим образом: «универсальность лексикографического описания — минимизированность лексикографического описания». Мы противопоставили друг другу эти принципы, имея в виду противоположный вектор их действия, но никак не предпочтительность одного из них перед другим. На самом деле, найти оптимальное соотношение между полнотой описания системных характеристик национального вокабулярия и приемлемыми для конкретного пользователя (среднестатистического носителя языка, а не специалиста в области лингвистики или машинного перевода) формами экспликации этого описания в правой части словаря — задача чрезвычайно трудная. Стремление к универсальности отражения системных свойств лексики в рамках одного словаря очень легко может привести к его практической непригодности по причине «неудобоваримости» для среднестатистического пользователя. Выход один — искать золотую середину: отбирать из потенциально возможной абстрактной универсальной словарной статьи наиболее существенные позиции, т. е. «минимизировать универсальность», и для отобранных характеристик находить оптимальные (с точки зрения экономности средств выражения и удобства восприятия) формы экспликации. В идеале универсальность описаний внешней и внутренней системности значений слов не должна влечь за собой чрезмерного усложнения форм подачи информации.

Чтобы «минимизировать универсальность» словарной статьи, не лишне вспомнить, какой представляется идеальная с точки зрения универсальности словарная статья в теории лексикографии. «Сведя воедино все лингвистические, психологические, социологические, семиотические и стилистические релевантные свойства различных возможных структур словарных статей, можно получить идеальную универсальную структуру словарной статьи как полную «развертку» всех возможных для данного лексического массива формальных и семантических признаков слова... Идеальная универсальная словарная статья должна иметь, по меньшей мере, следующие компоненты: 1) заглавное слово; 2) его формальные характеристики (грамматические, орфоэпические, орфографические и т. д.); 3) его семантизацию; 4) извлечения из текстов, иллюстрирующие ту или иную формальную или семантическую особенность заглавного слова; 5) указания на «соседей» заглавного слова в лексической системе языка по разным осям семантического пространства языка; 6) отсылки и справки разного характера и назначения. Каждый из этих пунктов имеет свой характер развертывания» (Денисов, 1993, с. 217). Какими из перечисленных компонентов можно пожертвовать в словаре НЯКМ? Скорее всего тем, который фигурирует под номером четыре. Противопоставленность

его всем другим компонентам универсальной структуры словарной статьи состоит в том, что он обслуживает потребности словаря активного типа (словаря синтеза речи), в то время как все остальные компоненты уместны в словаре пассивного типа (словаре анализа). «Если условно объединить формальную характеристику и семантическую, включив в последнюю не только синтагматику..., но и парадигматику..., то в совокупности эту часть структуры словарной статьи можно назвать языковой, регулируемой вошедшими в словарь лингвистическими идеями о языке как системе, коде и т. п. Другую часть, содержащую контексты употребления, можно назвать речевой, регулируемой идеями лингвистики текста, теориями речевой деятельности, устремленностью современной методики к показу языка в реальном функционировании, в коммуникации» (Денисов, 1993, с. 238—239). Если же мы вернемся к ипостасной сущности языка и вспомним, что ЯКМ отражает культурно-философский подход к языку, а отнюдь не «инструментальный», то отказ от компонента словарной статьи, обслуживающего именно «инструментальное» понимание языка, покажется вполне обоснованным. Речевая часть в словаре НЯКМ возможна в том случае, если пользователь словаря уже владеет данным иностранным языком в определенной степени, позволяющей ему понимать иллюстративные контексты, если же такого знания нет, то минимизировать словарную статью следует именно за счет опускания иллюстративных контекстов употребления слова.

Хотелось бы высказать некоторые соображения самого общего плана относительно особенностей экспликации каждого из компонентов структуры идеальной словарной статьи применительно к гипотетическому словарю НЯКМ. Наибольшую трудность представляют компоненты под номером три (семантизация слова) и пять (описание синтагматики, парадигматики и дериватики слова), что и неудивительно: это, собственно говоря, и составляет всю семантическую систему языка. При этом акцент в словаре НЯКМ должен быть сделан все-таки на семантизации слов, а не на описании во всей полноте их связей по трем осям семантического пространства, поскольку такой словарь в максимальной степени должен быть обращен именно к материальному пространственно-временному континууму, т. е. к «миру» в самом широком смысле слова, миру реальному, данному носителям конкретного языкового сознания в непосредственном восприятии, и миру, существующему в сознании, миру отраженному, к картине этого отраженного мира, «нарисованной» словами национального языка. При таком подходе к рассмотрению лексикона собственно лингвистическая семантика оказывается (да простят нас апологеты «чистой» лингвистики) менее актуальной, чем семантика, непосредственно связанная

с реалиями объективного мира, семантика, в широком смысле, предметная (даже если эти «предметы» относятся к миру субъективных категорий или категорий мифических).

Семантизация слов не может и не должна стремиться к полноте и точности научных дефиниций. Такая точность невозможна в силу самой природы обиходного значения слова, значения зачастую весьма расплывчатого и ускользающего от точной регламентации, поэтому не стоит подходить с логарифмической линейкой к живописным языковым этюдам и пытаться в миллиметрах описать размашистые «мазки кисти» народного языкотворчества. Привнесение точности, которой в описываемом объекте (т. е. слове) нет,— это прямое искажение сущности этого объекта. В этой связи хочется вспомнить известное высказывание Аристотеля в том духе, что ум умного человека как раз и проявляется в нетребовании от объекта большей точности, чем та, которой он объективно обладает. Невозможность идеально полной семантизации слова следует принимать как данность, которая не зависит от конкретных способов семантизации, будь то описание через идентификаторы ближайшего ранга, когда используемые для раскрытия понятия слова всего на один или два семантических признака проще объясняемого слова; описание посредством разложения толкуемого значения на ряд предельно малых элементов смысла (метод компонентного анализа в усеченном виде) или описание прототипов описываемых концептов с помощью универсальных для любого языка семантических примитивов (направление, разрабатываемое в работах А. Вежбицкой). Можно ли чем-то компенсировать эту неполноту? Можно, но при этом придется выйти за рамки собственно языка как метаязыка описания значения и использовать средства прямой наглядности, т. е. использовать то, что в методике преподавания иностранных языков принято называть методом прямой семантизации через демонстрацию самих именуемых объектов. Использование зрительной наглядности в лексикографической практике имеет определенную традицию (например: Hornby, 1974; Sopena, 1981; Иллюстрированный тематический словарь русского языка. Л. Г. Саяхова, Д. М. Ха-санова, 1989; разного рода энциклопедические словари). Вопрос заключается в том, когда именно следует прибегать к использованию зрительной наглядности и каким требованиям должны отвечать сами иллюстрации. Использование зрительной наглядности при семантизации значений иностранных слов не только уместно, но и необходимо в том случае, когда толкуемое слово относится к лексике типов А1 и А2 (согласно предложенной нами ранее классификации), т. е. когда требуется дать пользователю словарем не только отвлеченную информацию о национально-специфическом концепте, но представление

о нем в виде зрительного образа. Зрительного сопровождения в словаре НЯКМ требуют в первую очередь слова типа А1 — обозначения материальных объектов иноязычной культуры, которые отсутствуют в среде бытования народа, представителем которого является пользователь словарем. Напомним, что к разряду лексики типа А1 относятся имена национально-специфических реалий двух видов: объектов природы (как живой /животные, растения/, так и неживой /элементы ландшафта, рельефа местности, специфические климатические явления и т.п./) и рукотворных объектов национальной культуры. Например, если двуязычный словарь НЯКМ последовательно реализует принцип направленности словаря, т. е. учитывает **характер когнитивной базы** тех, кому словарь адресован, то он должен четко очертить круг материальных объектов культуры исходного языка, которые находятся вне когнитивной базы адресата, и при возможности дополнить вербальную экспликацию значения зрительным образом (иллюстрацией). Зрительную опору должны иметь обозначения специфических (и экзотических для адресата) объектов флоры и фауны, названия национальных музыкальных инструментов, деталей национальных костюмов, предметов быта и т. п. Иллюстрациями можно сопроводить даже некоторые из основных национальных мифологических объектов. Зрительная наглядность в словаре не должна быть **избыточной**, т. е. не следует прибегать к ней в тех случаях, когда у адресата образ толкуемого концепта с большой долей вероятности в сознании имеется, например, вряд ли стоит давать рисунки слона или жирафа даже в словарях, рассчитанных на представителей стран, где эти животные не живут. Образы этих животных вне зависимости от того, из каких источников они почерпнуты (телевидение, кино, книги и т. д.), присутствуют в языковом сознании представителей практически любого народа. С другой стороны, возможности иллюстративности жестко ограничены характером самого объекта: не стоит пытаться создать зрительный образ тропического ливня, лондонского тумана или неба Юго-восточной Азии. Иными словами, к иллюстрированию материальных концептов языка при представлении их иностранному адресату следует прибегать только тогда, когда, во-первых, без нее невозможно создать адекватное представление об объекте и, во-вторых, когда эта задача реальна.

Приведем по одному из примеров тех случаев, когда использование иллюстраций оправдано. Представим, что мы создаем словарь ЯКМ испанского языка, рассчитанный на русскоязычных пользователей. В рубрике идеографической классификации «животные» будут представлены не только присутствующие в русском языковом сознании концепты, но и концепты, которые находятся за пределами когнитивной 312

базы среднего носителя русского языка, такие, например, представители семейства верблюдовых, как *la alpaca, el guanaco, la vicuña, la llama*. В ЯКМ русского языка данное семейство млекопитающих представлено только *верблюдом* и (на периферии рубрики) *ламой*. Иллюстрация этих двух обозначений была бы избыточной, а что касается *аль-паки, гуанако* и *викуны*, то дать их зрительный образ в рамках данного словаря вполне уместно, поскольку лексикографические дефиниции мало способствуют дифференциации этих однородных объектов живого материального мира, данных латиноамериканцам в непосредственном восприятии, а русскому человеку — лишь в виде ничего ему не говорящего набора звуков. В рубрике «музыкальные инструменты», относящейся к категории имен объектов материальной национальной культуры, иллюстрированию подлежат отсутствующие в русской культуре национальные инструменты, такие, например, как упоминавшийся нами *el charango* или большая группа национальных флейтовых инструментов народов, проживающих в зоне Анд. Названия этих инструментов переключались в испанский язык вместе с самими объектами материальной культуры инков и стали неотъемлемыми элементами ЯКМ испаноговорящих народов Латинской Америки. Названия таких инструментов, как *wancara, puiúúu, rondador, palla palla, incásico, tablasico, júa jnia, tarcasalina, pifano, quena, pinquillo* и т. п., можно долго и безуспешно описывать, в то время как гораздо более эффективной в данном случае является именно минимальная словарная дефиниция, отсылающая к классу предметов, в сочетании с наглядным изображением самого объекта, заменяющим собой длинный перечень дифференциальных признаков концепта.

Лексика, использованная нами в приведенных выше примерах, относится к категории обозначений так называемых реалий, чьи прототипы присутствуют лишь в сознании носителей исходного (подлежащего усвоению) языка. Не менее необходимы зрительные образы и для слов типа А2, которые именуют универсальные концепты, чьи прототипические образы существенно отличаются друг от друга в разных культурах и, соответственно, в разных языковых сознаниях. Концепт *чашка* можно считать универсальным. В большинстве языков не наблюдается и расхождений на уровне прототипического образа этого концепта. Если языки не расходятся в образном представлении одного и того же объекта (в данном случае *чашки*), то ни к чему и дополнительные зрительные опоры. Однако если прототипы исходного языка и языка перевода существенно отличаются друг от друга, то иллюстрация описываемого объекта желательна. В китайско-русском словаре НЯКМ иллюстрации прототипических «чайных чашек» и «чашек для вдыхания ароматов» были бы вполне уместны.

Иллюстрациями могут сопровождаться и концепты из области мифических категорий, прежде всего центральные персонажи национальной мифологии или фольклора. К примеру, один из центральных образов китайской мифологии *Дракон* знаком практически всем людям независимо от языковой принадлежности и по этой причине не нуждается в зрительном сопровождении, в то время как другой мифический концепт китайской культуры — *Цилинь*, помимо толкования, содержащего информацию о том, что это мифическое животное с одним рогом и чешуйчатым панцирем является в китайской культуре символом благоденствия и счастья, может иллюстрироваться рисунком.

Второй аспект проблемы зрительной наглядности в лексикографии касается уже самих иллюстраций. Основное требование к ним заключается в том, чтобы они отражали не случайные (периферийные) признаки описываемого объекта, а основные и наиболее типичные. Иными словами, иллюстрация должна изображать наиболее типичного представителя категории, в наибольшей степени отвечающего требованию прототипичности с точки зрения носителей исходного (описываемого) языка.

Если отбор лексики, подлежащей семантизации с опорой на зрительную наглядность, произведен в соответствии с критерием целесообразности (когда без зрительного образа невозможно адекватное усвоение иностранного слова), а изображенные на иллюстрациях объекты в максимальной степени соответствуют прототипам национального языкового сознания носителей исходного языка, можно считать, что сочетание методов словесного толкования и прямой наглядности оправдано и служит цели максимально полного и точного воссоздания иноязычного мировидения в сознании адресата словаря.

Отдельно стоит вопрос об отражении в словаре НЯКМ системных свойств лексики, которые в большей степени обусловлены самим языком как системой, нежели ее связанностью с экстралингвистической действительностью. В какой степени и как именно отражать в каждой словарной статье все присущие слову системные свойства, чтобы словарь НЯКМ не превратился в справочник, пригодный лишь для узких специалистов и машинного перевода? Перцептивные способности среднестатистического пользователя словарем ограничены объемом и формой представления информации, поэтому на первый план выходят проблемы допустимой минимизации словарной статьи и максимально удобной для восприятия формы представления материала.

Из трех осей, организующих семантическое пространство языка и обеспечивающих системность лексики, синтагматика является наиболее сложным аспектом. Вместе с тем без описания в той или иной

форме сочетаемостных потенциалов слова, дополняющего словарную дефиницию, семантизацию этого слова нельзя признать адекватной. Сочетания слов не могут оказаться за пределами гипотетического словаря НЯКМ и по той причине, что они могут быть не только комбинациями имен «кирпичиков» отражаемого мира, но и сами выступать в роли более сложных (формально) имен этих же «порций пространства-времени». «Сочетания слов — расчлененные наименования предметов, явлений, ситуаций, действий, состояний, признаков, отношений и т. д.— всегда выступают в речи как сложные мотивированные знаки» (Денисов, 1993, с. 202/, которые Э. Косериу называл *обозначениями*, противопоставляя их *значениям* отдельных слов (Косериу, 1989). Сочетаемость такого рода, при которой образуются сложные по форме, но целостные по содержанию имена вычленяемых из ПВК самостоятельных концептов, должна отражаться словарем НЯКМ обязательно.

Чтобы не «утонуть» в проблематике описания синтагматических свойств лексики, мы постараемся пройти по узкому «логическому коридору»: показ сочетаемости слова — **непременное дополнение толкования** слова в словаре НЯКМ $\gg$ сочетаемость слова в рамках словаря НЯКМ может быть представлена лишь **частично** —) —) для экспликации сочетаемостных потенциалов слова должны быть разработаны **приемлемые формы представления** $\Rightarrow$ **каковы** эти формы? $\rightarrow$ в каких формах может быть представлена в словаре НЯКМ **национальная фразеология** как особый вид сочетаний слов (связанных и семантически слитных)?

«Аспект сочетаемости слов в изучении и описании языка важен в разнообразных теоретических и практических отношениях: для объективирования семантических оценок и определения соотношений элементов содержания и способов его выражения..., для разработки вопросов... перевода, в аспекте культуры речи и мн. др.» (Котелова, 1975, с. 47). Наиболее актуально описание сочетаемостных свойств слова для словарей синтеза речи. Означает ли это, что словарь НЯКМ, отнесенный нами к аналитическому типу словарей, может игнорировать синтагматику? Нет, не может, поскольку «дефиниция и показ сочетательного потенциала слова взаимно дополняют и уточняют друг друга, являясь комплементарными частями единого истолкования слова... Осознание важности показа сочетаемости приводит к неизбежному выводу. В той или иной приемлемой форме сочетаемость слов должна указываться в словаре *любого типа* (курсив *О. К.*). Без нее семантическая характеристика слова будет неполной, ущербной» (Денисов, 1993, с. 200—201), в том числе и в словарях, ориентированных не на синтез иностранной речи, а на «простое» понимание слов иностранного языка.

Существенным доводом в пользу включения в словарь аналитического типа ограниченного числа валентностей слова является известная относительность выделения слова как единицы номинации. Многие случаи так называемой немотивированной лексической сочетаемости (когда слова не связаны между собой экстралингвистическими отношениями, а в основе их объединения лежат чисто языковые закономерности, традиция) можно рассматривать в качестве единой номинации, единого знака, более сложного по форме, чем слово, но выполняющего в языке те же функции — быть устойчивым обозначением какого-либо фрагмента действительности. Когда устойчивые смысловые единства (информемы) обозначаются устойчивыми сочетаниями слов, то такие сочетания можно считать едиными с точки зрения значения (хотя и сложными по форме) знаками. Например, слова *музыцировать, концерттировать, гастролировать, галопировать* без изменения смысла могут быть заменены сочетаниями слов: *играть на музыкальном инструменте, давать концерты, ездить с гастрольями, ехать на лошади верхом галопом*. О чем это говорит? Об условности с точки зрения семантики границы между отдельным словом и некоторыми видами сочетаний слов. Только традицией можно объяснить наличие в языке, например, обозначений в форме слов типа *музыцировать, концерттировать, галопировать* и отсутствие аналогичных монологических номинаций для *играть на гитаре, показывать спектакли, ехать верхом на лошади аллюром*. Словообразовательная система русского языка в соответствии со словообразовательными моделями указанных выше слов могла бы предложить слова *гитарировать, спектаклировать, аллюрировать*, но этого не происходит и логического объяснения этому не существует. Условность деления речи на слова и сочетания слов в наибольшей степени ощущается в китайском языке, где на письме вообще не существует какого бы то ни было членения информационного континуума. Читательский текст сам членит его на смысловые единицы более общего порядка, чем основная смысловая единица языка — иероглиф. Например, если иероглиф *xue* (учиться, изучать, учеба) считать самостоятельным словом и таковыми же считать иероглифы *da* (большой), *xiao* (маленький), *tóng* (совместный), *hui* (уметь), *sheng* (родиться), *shuó* (говорить, рассказывать), то их всевозможные комбинации, обозначающие самостоятельные концепты, следовало бы считать словосочетаниями: *dàxue* (большой + учеба = университет), *xiǎoxué* (маленький + учеба = начальная школа), *tóngxué* (совместный + учеба = соученик, однокашник), *xuéhui* (учиться + уметь = овладеть, научиться), *xuésheng* (учеба + родиться = студент, ученик, учащийся), *xuéshuó* (учиться + говорить = учение, теория, доктрина). Китайско-русские

словари, изданные в Китае или на Тайване, практически не дифференцируют типы единиц номинации: даются все значения одного иероглифа, а затем к нему присоединяются все новые и новые иероглифы, комбинации которых в совокупности дают определенный смысл. Заканчивается словарная статья целыми предложениями. Словосочетания типа *играть на гитаре* можно сравнить с китайским полииероглифическим словом, в котором каждый из иероглифов сам может выступать в качестве самостоятельной единицы номинации, но которое само по себе характеризуется смысловой слитностью. При такой трактовке устойчивых словосочетаний отдельные слова, их составляющие, можно рассматривать в качестве элементов внутренней формы сложного мотивированного знака. Выделить словосочетания этого типа из множества других реализуемых в языке валентностей слова можно, обратившись к системам других языков: если план содержания такого словосочетания обнаруживается в других языках в качестве устойчивой смысловой единицы с соответствующей ему постоянной формой выражения, то это значит, что данное сочетание слов можно рассматривать в качестве самостоятельной номинативной единицы. Внутренняя форма сложных мотивированных знаков — неотъемлемая часть национальной языковой специфики, и тщательно продуманное выборочное описание лексической сочетаемости — прекрасная возможность ее продемонстрировать. Например, универсальная информема «получать музыкальные звуки с помощью музыкального инструмента» является смысловым единством, для обозначения которого разные языки используют номинации с различной внутренней формой: воздействие на конкретный музыкальный инструмент обозначается глаголами, имеющими в изолированном виде отличную друг от друга семантику: русск. *играть*, англ. *to play* (играть), испанск. *tocar* (трогать, касаться), итал. *zionare* (заставлять звучать), румынск. *a cînta* (петь), франц. *jouer* (играть).

Безоговорочное признание важности лексикографической экспликации лексической сочетаемости и желание отразить ее в словаре в максимальной степени наталкиваются на трудности объективного характера: «Лексической сочетаемости в большей степени свойственна неустойчивость системы, неотчетливость проявления узуса и уязвимость норм, что затрудняет выявление системных, постоянных характеристик этих свойств слова» (Котелова, 1975, с. 48). «...Даже в идеальном словаре сочетаемости слов, не имеющем ограничений места (объема), времени и материала (картотеки), невозможно исчислить ряды сочетаний слов с заглавным словом, поскольку сочетаемость слов является потенциальным языковым свойством слова. Она может быть принципиально неисчислимой. Это обстоятельство не должно обескураживать

лексикографов-практиков, так как всегда можно наложить некоторые... ограничения, которые могут резко снизить количественные уровни лексических рядов» (Денисов, 1993, с. 202). Для словаря НЯКМ возможным ограничением может являться именно критерий целостности выражаемого словосочетанием смысла, что сближает такие словосочетания по своей сути с монолексемной номинацией.

Присутствие в словарной статье полилексемных обозначений некоторых концептов можно интерпретировать как сочетание экспликаций **значений** слов и **обозначений**, имея в виду, что «*значение* — это содержание, создающееся в конкретном языке... на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе. Напротив, *обозначение* — это внеязыковая «референция», соотнесение с именуемой в каждом конкретном случае внеязыковой действительностью — с «предметами» (или фактами, положениями дел) или с самой внеязыковой действительностью... Значения используются в речевых актах для обозначения. И с этой точки зрения значение — это зафиксированная в конкретном языке возможность для определенных обозначений» (Косериу, 1989, с. 65—66). Например, **обозначение** информемы «осуществлять воинское приветствие» использует в русском и испанском языках совокупность разных значений, носителями которых являются отдельные слова, объединенные в устойчивые словосочетания для осуществления номинации информемы (т. е. для реализации обозначения): в русском языке *отдавать честь*, а в испанском — *hacer el saludo militar* («производить воинское приветствие»); *rendir homenaje* («отдавать, возвращать почтение»).

После минимизации эксплицируемой в словаре сочетаемости слова, предстоит решить следующую задачу, а именно — выбрать максимально удобную для адресата словаря форму ее представления. Традиционной формой подачи сочетаемости является простое перечисление наиболее значимых, устойчивых и регулярных комбинаций заглавного слова с другими словами. Перечисление таких комбинаций являет собой указание на формы реализации основных валентностей заглавного слова. Однако возможен и другой подход к оформлению лексической сочетаемости в словаре. А. К. Жолковский и И. А. Мельчук (Жолковский, Мельчук, 1966) предложили для описания сочетаемости слов использовать понятие **семантической функции**. Согласно этой концепции многообразию лексического наполнения словосочетаний можно рассматривать в качестве комбинаторно обусловленных вариантов ограниченного числа универсальных значений (или семантических функций), а смысл определения ограниченного числа семантических функций состоит в сведении индивидуальной в каждом языке фразеологии к универсальным логическим понятиям. Данные

авторы выявили и описали около пятидесяти семантических функций, таких, например, как *Inser* (начало действия), *Finale* (окончание), *Liqu* (ликвидация, исчезновение), *Magn* (высокая степень проявления признака), *Mult* (совокупность), *Caus* (каузировать, сделать так, чтобы...) и т. д. Исследователи, считающие данный метод эффективным, призывают продолжать описание все новых функций более частного характера по отношению к функциям универсальным. Побуждает их к этому «... тот факт, что при отражении лексической сочетаемости даже словари, подробно описывающие ее, проявляют явную непоследовательность. Теория лексических функций, несомненно, дает возможность привести подачу лексической сочетаемости в словарях в определенную систему. Полный список функций позволяет описать слово с исчерпывающей полнотой. Однако первоначальный список функций, который насчитывал около пятидесяти семантических параметров, далек от полноты, в литературе указывают возможные кандидаты в новые функции» (Сукаленко, 1976, с. 81). Не только возможным, но и обязательным считает применение теории функций в одноязычной лексикографии и Ю. Д. Апресян: «Совершенное владение словом предполагает знание идиоматических способов выражения семантических функций от данного слова и, разумеется, знание того, какие вообще семантические функции могут быть от него взяты» (Апресян, 1967, с. 191). Ставя перед собой задачу исчерпывающего (насколько это возможно) описания лексической синтагматики, ограничиться только исчислением и описанием лексических функций совершенно невозможно, поскольку они не в состоянии охватить практически неограниченное число возникающих в речи реализаций лексических валентностей. Но словарь НЯКМ и не ставит перед собой такой цели, поэтому использование понятия лексических функций как достаточно унифицированной и компактной формы описания сочетаемости в нем теоретически вполне возможно. При этом указываться должны не все потенциально возможные от заглавного слова семантические функции, а лишь основные, что вытекает из требования минимизации словарной статьи. В практике преподавания русского языка иностранцам автору приходилось использовать данный метод, и этот опыт можно считать положительным, с той лишь оговоркой, что использовалось очень ограниченное число функций, относящихся к ядру семантических универсалий.

Для одного слова должно, как нам кажется, предлагаться от одной до трех-четырёх функций (это зависит от валентностного потенциала конкретного слова). Например, для слова *ошибка* можно предложить реализации функций *Caus*, *Liqu*, *Magn*: **совершить ошибку** (*Caus*); **исправить ошибку** (*Liqu*); **грубая, серьезная, непростительная**

ошибка (Magn). Для иллюстрации сочетаемости концептов, обозначающих процессы или состояния, логично использовать функции начала и конца действия, процесса или состояния, а также функции полноты или неполноты этого действия, процесса или состояния. Например: *свет зажегся, вспыхнул* (Incer), *свет погас, померк* (Finale), *ослепительный, яркий свет* (Magn); *ветер поднялся, налетел* (Incer), *ветер утих* (Finale), *сильный ветер* (Magn); *дождь пошел* (Incer), *дождь кончился* (Finale), *дождь проливной, как из ведра* (Magn); *морозы ударили* (Incer), *морозы ослабели* (Finale), *лютые, трескучие морозы* (Magn) и т. п.

Число эксплицируемых функций должно определяться для каждого слова индивидуально. Для многих «предметных» концептов достаточно одной функции, чаще всего — это функция Magn (высокая степень проявления /интенсивность/ признака, качества, действия): *писаная красавица, дряхлый старик, вечный неудачник, круглый отличник, отъявленный злодей, палящий зной, закадычный друг, заклятый враг, ослепительная белизна, крошечная тьма, оглушительный шум, полная ерунда, чистая правда, наглая ложь, настоящий мужчина, полное фиаско, головокружительный взлет, стремительное падение, блестящая победа, сокрушительное поражение, беспробудный пьяница, веские аргументы, убедительные доводы, бешеная ярость, тонкий юмор, горький упрек, крутой кипяток, крепкий чай, острая шутка* и т. д. Иногда в качестве единственной функции, иллюстрирующей сочетаемостные характеристики слова, может выступать другая функция — функция, лексическое наполнение которой обозначает действие, направленное на объект, называемый заглавным словом, функция Caus («осуществление, создание»): *сделать предложение, выдвинуть гипотезу, посеять сомнения, создать видимость, привести аргументы, составить список, поставить диагноз, вынести приговор, принять решение, провести эксперимент, осуществить посадку (о самолете), совершить экскурсию, провести расследование, совершить подвиг, преподнести сюрприз* и т. д.

Однако при необходимости сочетаемость «предметных» концептов может описываться и большим числом функций, в том числе и «процессуальными»: *слезы появились, выступили, брызнули* (Incer), *слезы высохли* (Finale), *горькие слезы* (Magn); *чувства нахлынули, возникли* (Incer), *чувства остыли* (Finale), *сильные чувства* (Magn).

Мы привели примеры различного лексического наполнения некоторых основных семантических функций в русском языке. Подобным же образом может экспонироваться сочетаемость лексических единиц любого другого языка, который будет выбран в качестве объекта

описания в словаре НЯКМ. Немотивированность и многообразие реализаций одной и той же функции применительно к разным словам родного языка оказываются незамеченными, поскольку «впитаны с молоком матери», однако аналогичная пестрота лексической валентности слов иностранного языка может оказаться почти непреодолимой преградой для изучающего этот язык. Параллели с родным языком здесь не помогут, а, скорее, наоборот — будут способствовать интерференции, следствием которой будут бесконечные ошибки словоупотребления типа (для англоговорящих) *тяжелый дождь* вместо *сильный дождь* (из-за *heavy rain*), *сильный чай* вместо *крепкий чай* (из-за *strong tea*), *трудно работать* вместо *упорно работать* (из-за *work hard*) и т. п. Для любой пары языков конкретные реализации (мотивировки лексических наполнений) одних и тех же семантических функций по отношению к лексическим коррелятам этих языков будут не совпадать в большинстве случаев.

Компактное представление реализаций основных семантических функций применительно к каждому отдельному слову в словаре НЯКМ может помочь его пользователю получить отнюдь не исчерпывающее, но вполне адекватное представление о наиболее значимых валентностях любого иностранного слова, представленного в качестве элемента рубрики общей идеографической классификации.

Особую проблему представляет собой экспликация в словаре НЯКМ пословичного фонда описываемого языка. Предикативные фразеологические единицы в контексте данной проблематики мы склонны рассматривать не как крайний случай синтагматики (на другом полюсе располагаются свободные сочетания слов), а как самостоятельные единицы языковой системы. По своей сути они являются именами информативных единиц, информем особого рода, фиксирующих оценочные и нравственно-ценностные ориентиры и приоритеты народа. Содержательную сторону предикативных фразеологических единиц составляют достаточно простые и в очень большой степени универсальные для всех культур суждения оценочно-ценностного или констатирующего характера. Инвариант смысла этих суждений может формулироваться достаточно просто: «надо много работать» или, наоборот, «много работать не нужно», «дети похожи на своих родителей», «нельзя провоцировать опасную ситуацию», «нельзя преодолеть превосходящую силу», «надо различать слова человека и его дела», «спешка не ускоряет дело» и т. п. Формы же выражения подобных инвариантов ценностного смысла в каждом языке уникальны и самоценны. «Словесное украшение» крупниц народной мудрости — предмет обоснованной гордости любого народа, поэтому вопрос о представленности в словаре НЯКМ национальных пословиц решается

однозначно положительно, без них невозможно почувствовать то, что называется духом языка, нельзя получить представления об особенностях национальной образности.

Пословицы могут быть представлены двумя способами: либо пословицы привязываются к какому-либо ключевому слову и приводятся в словарной статье, описывающей это слово, либо они группируются в соответствии с общим смыслом, т. е. по идеографическому принципу. В двуязычных словарях фразеология распределена по словарным статьям отдельных слов, которые условно принимаются за ключевые для данного фразеологизма. Нам представляется более предпочтительным отнесение фразеологии в отдельную часть словаря НЯКМ. Причем располагаться в этой самостоятельной части пословицы должны не в алфавитном порядке, а именно так, как мы сказали чуть выше, — по тематическим группам. Фразеология языка должна «разделить судьбу» отдельных слов и распределиться по рубрикам собственной идеографической или тематической классификации, каковая может быть заимствована из существующих сборников пословиц и поговорок соответствующего языка, содержащих указатель не по алфавиту, а по смыслу и содержанию (для русского языка таковым является сборник В. И. Даля и множество частично воспроизводящих его изданий), или создана составителями словаря НЯКМ самостоятельно. Рубрики пословичного фонда могут быть сформулированы в самом общем виде, например: «Об отношении к труду», «Об отношениях старших и младших», «О природе», «О Родине и чужбине», «О богатстве и бедности», «О чертах характера человека», «О взаимоотношениях людей» и т. п. Принцип минимизации и приемлемости презентации материала должен быть соблюден и в этой части словаря: в словаре должны быть представлены не все существующие пословицы (и тем более их многочисленные варианты), а лишь те, которые находятся в активном речевом обиходе среднестатистического носителя языка, узнаваемы практически всеми членами языкового сообщества и являются элементами их личностной когнитивной базы. Другими словами, в словаре НЯКМ, по нашему мнению, обязательно должны быть представлены пословицы типа русских *Без труда не вытащишь рыбку из пруда; Любишь кататься — люби и саночки возить; Яблоко от яблони не далеко падает; Береженого бог бережет; Утро вечера мудренее* и т. п., а множество вышедших из употребления пословиц и поговорок, используемых в отдельных социальных группах или местностях, может быть опущено.

Попробуем обобщить наши рассуждения о типе словаря, в максимальной степени соответствующего статусу сферы фиксации лексики языка, понимаемой как НЯКМ:

1. Наиболее интересным представляется создание **двуязычных словарей НЯКМ**, дающих пользователю возможность знакомиться с лексикой иностранного языка. Если одноязычный словарь НЯКМ — это эталон и средство для верификации индивидуальных ЯКМ с НЯКМ, то двуязычный словарь НЯКМ — это окно в чужую культуру, чужое мировидение, мостик, соединяющий разные языковые сознания.

2. Левая часть словаря НЯКМ (совокупность лексики описываемого иностранного языка) должна быть сгруппирована по **рубрикам идеографической классификации**. Синописис идеографической классификации обеспечивает логическую структурированность всего семантического пространства описываемого языка и является экспликацией внешней (по отношению к слову) системности лексики.

3. Правая часть словаря НЯКМ должна представлять собой словарные **дефиниции (толкования) на языке адресата словаря**. Эти толкования могут быть заимствованы из одноязычных толковых словарей иностранного языка и переведены на язык пользователя словаря. Переводы толкований могут корректироваться, уточняться или дополняться с учетом близости или, наоборот, непохожести культур исходного языка и языка перевода. При построении словарных дефиниций могут быть реализованы разные принципы: либо принцип перечисления всех минимальных смыслов (сем, семантических множителей), лежащий в основе «рабочего» понимания метода компонентного анализа, либо принцип описания через идентификаторы ближайшего ранга, когда для семантизации используются слова, которые лишь на одну-две семы проще самого описываемого слова.

4. Двуязычный словарь НЯКМ должен быть словарем **аналитического типа**, поскольку ориентирован не на синтез речи на иностранном языке, не на инструментальную функцию языка, а на максимально полное восприятие иностранного лексикона в качестве картины мира. Словарь должен «рисовать» иностранный язык как «дом бытия» духа народа, разговаривающего на нем.

5. **Универсальность** словаря НЯКМ должна **сочетаться с минимизированностью** экспликации языкового материала с тем, чтобы реальное пользование словарем не было затруднительным для среднестатистического адресата (не лингвиста).

6. Из трех осей организации семантического пространства языка (парадигматики, синтагматики, дериватики) в наибольшей степени в словаре должны быть представлены именно **сочетаемостьные валентности слова**. Для оптимизации и унификации экспонирования этих валентностей может быть использовано понятие семантических функций. Для каждого разряда слов должны отбираться только те функции, реализация (лексическое наполнение) которых наиболее типична и частотна.

7. Словарь НЯКМ при семантизации слов должен опираться не только на вербальное толкование, но и на **зрительную наглядность**, т. е. он должен содержать иллюстрации. Иллюстрироваться должна только лексика типа А1 и А2 (национально-специфические материальные объекты и универсальные объекты, имеющие в иноязычной культуре специфический прототип, существенно отличающийся от прототипа, который существует в представлении среднего пользователя словарем).

8. В словаре НЯКМ должны быть представлены **предикативные фразеологические единицы** описываемого языка как самостоятельные единицы, фиксирующие средствами национальной образности суждения нравственно-ценностного характера. Пословицы языка должны быть представлены в отдельном разделе, а не привязываться к каким-либо ключевым словам. Целесообразно сгруппировать пословицы по тематическим разделам и тем самым создать их тематическую классификацию. Включать в словарь следует лишь наиболее распространенные пословицы, которые входят в социально наследуемую когнитивную базу практически каждого члена данного языкового сообщества. Для пользователя словарем должен быть очевиден не только смысловой инвариант фразеологизма, но его внутренняя форма, поэтому представляется нецелесообразным (и даже вредным) давать в словаре эквиваленты из родного языка. Такие эквиваленты чаще всего не симметричны в смысловом отношении и не дают представления об образности мышления носителей иностранного языка. Раскрытие внутренней формы иноязычного фразеологизма путем его дословного перевода снимает обе проблемы.

Каждый народ видит ИНВАРИАНТ БЫТИЯ в своей особой, неповторимой ПРОЕКЦИИ. Специфика этой проекции запечатлевается в языке, образуя ЯКМ национального языка, и передается вместе с ней от поколения к поколению. В процессе этой передачи «...человеку в языковой форме вводится программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира» (Иванов, 1962, с. 108). Национальный язык — важнейший этногенный фактор, только через овладение им возможно приобщение к этническому самосознанию. «...Язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка — когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении ее к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» (Морковкин, Морковкина, 1977, с. 47—48). Г. Д. Гачев называет национальные образы мира, отражаемые в языковых картинах мира, «снами народов о Едином» и задает вопрос, на который сам же и отвечает: «Зачем же нужно заниматься снами? — А чтоб не принимать их за действительность, отдавать себе отчет в ограниченности и локальности наших даже самых общих представлений. В то же время через сопоставление и взаимную критику разных «снов» есть надежда и до образа истинной реальности докопаться...» (Гачев, 1988, с. 430). А вот здесь мы позволим себе не согласиться с известным культурологом. Сопоставление разноязычных образов мира? — Да! Но стоит ли говорить об их взаимной критике? Критика предполагает обнаружение недостатков, а применительно к национальной специфике (любой, не только языковой) рассуждать в терминах достоинств и недостатков, по нашему глубокому убеждению, не совсем корректно. ЯКМ разных языков не могут быть хуже или лучше друг друга, они уникальны и неповторимы вместе со всеми своими лакунами и противоречиями. Национальные образы мира следует изучать и сравнивать, а не критиковать. Да и на каком основании возможна критика? На основании отличия иноязычного образа мира от индивидуального образа мира гипотетического критика или от обобщенного образа мира его родного языка? Любой образ мира — это всегда всего лишь одна из возможных точек зрения на мир, поэтому критика в данном случае неуместна. Что же касается

стремления «до образа истинной реальности докопаться», то пусть этим занимаются ученые-естествоиспытатели, постоянно уточняя, достраивая и перестраивая научную картину мира. Истинная реальность — поле приложения именно их усилий. Те же, кто связал свои интересы с языком, должны «смириться» с субъективностью любой из языковых реальностей, с тем, что (как сказано в эпитафии к данной работе) «todo depende del segundo lado del cristal, por donde se mira» (все зависит от граней стекла, через которое смотрят). Национальный язык — это как раз то «стекло», через которое этнос видит единый инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия.

Китайская пословица гласит: «Shénme shan shàng shénme ge». Толковать ее можно двояко. Первый вариант — «На какую гору поднялся — такую песню и пой». В этом смысле ее можно применить в качестве совета всем, кто исследует язык как базовую категорию национальной культуры, как вместилище духа народа: поднявшись на «гору» субъективного отражения мира национальным языковым сознанием, следует петь соответствующие месту «песни» и не пытаться искать так называемую истинную реальность. Эту «песню» пусть «поют» ученые на «горе» естественных наук. Эту же китайскую пословицу можно перевести и несколько иначе: «На каждой горе свои песни». В таком варианте ее можно использовать для метафорического обозначения народа и его языка: *горы* — фрагменты пространственно-временного континуума, в рамках которых протекает бытование народов; *песни* — языки, на которых эти народы чувствуют, думают и говорят.

Корнилов Олег Александрович

родился в Москве в 1957 году. В 1974—75 годах изучал китайский язык в Военном институте Иностранных языков. В 1982 году с отличием окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (отделение «Русский язык как иностранный»). Преподавал русский язык как иностранный на филологическом факультете, факультете журналистики и факультете иностранных языков МГУ, а также в Университетском центре «Камило Сьенфуэгос»

г. Матансас (Куба), Государственном университете «Сан Андре» г. Ла-Пас (Боливия) и Тамканском университете г. Тайбей (Тайвань). В 1993 году защитил в МГУ им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию по специальности «Русский язык», а в 2000 году там же — докторскую диссертацию по культурологии.

В настоящее время работает в качестве full-time Associate Professor факультета русского языка Тамканского университета (Tamkang University) на Тайване. Монография посвящена проблеме отражения в языке национального менталитета. Автор предлагает способы сопоставления национальных «точек зрения на мир» с инвариантом научного знания, описывает характер зависимости национальных картин мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания. В книге используется языковой материал русского, китайского, испанского и других языков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	
Глава 1. Национальные языковые картины мира и научные картины мира.....	
§ 1. О соотношении понятий «научная картина мира», «национальная научная картина мира» и «языковая картина мира национального языка».....	3
§2. Установление корреляций между фрагментами научной картины мира и языковой картины мира как способ выявления национальной специфики общелитературного языка на фоне инварианта научного знания.....	22
§ 3. О национальной специфике научной картины мира, оформленной средствами национального языка.....	43
§ 4. О характере взаимовлияния языковой картины мира национального языка и национальной научной картины мира	68
Глава 2. Языковые картины мира национальных языков и национальные менталитеты	76
§ 1. О двух императивах введения в научный обиход понятия «языковая картина мира».....	76
1.1. Культурологический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира»	76
1.2. Лингвистический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира» ....., ...	90
§2. Национальная языковая картина мира в свете философского осмысления сущности языка.....	131
Глава 3. Факторы, формирующие национальную языковую картину мира.....	140
§ 1. Взаимопроницаемость языков и культур или их взаимопостигаемость?	140

§ 2. Пространственно-временной континуум —> национальное обыденное сознание —> национальная языковая картина мира.....	144
2.1. Три вида национально-специфической лексики: обозначения специфических реалий; обозначения универсальных концептов, имеющих специфические прототипы; обозначения специфических абстрактных концептов	147
2.2. Структура человеческого сознания как фактора, формирующего национальную языковую картину мира	164
2.2.1. Роль логико-понятийного компонента обыденного сознания в формировании национальной языковой картины мира.....	179
2.2.2. Роль эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного компонентов обыденного сознания в формировании национальной языковой картины мира.....	231
Глава 4. Структура национальной языковой картины мира как лексической системы.....	283
§ 1. Четыре уровня внешней по отношению к слову системности лексики	283
§ 2. Описание внутренней по отношению к слову системности лексики	298
§ 3. Способы лексикографического оформления лексики как национальной языковой картины мира (к вопросу о типологической характеристике словаря НЯКМ).....	302
Вместо заключения	325
Литература.....	327

Корнилов Олег Александрович

**Языковые картины мира
как производные
национальных менталитетов**

Редактор *М. П. Федорова*

Корректор *О. И. Кизленко*

Компьютерная верстка: *Т. Г. Усачева*

ИД № 01165 от 13 марта 2000 г.

Подписано в печать 20.08.2002 г.

Формат 60X90/16. Печать офсетная.

Объем 22,0 п. л. Тираж 1500 экз.

Заказ № 722

ООО «ЧеРо»

Редакционно-издательский отдел:

115230, Москва, Электролитный проезд, П>

тел./факс: (095)317-94-54

Отдел реализации: 119899,

Москва, ул. Академика Хохлова, д. 11

тел./факс: (095)939-34-93,

тел. (095)939-41-70, 939-41-90

ГУП «Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации Псковской области,

182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс: (811-53) 3-62-95

E-mail: VTL@MART.RU